

С.В. Мироненко

САМОДЕРЖАВИЕ И РЕФОРМЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА В РОССИИ
В НАЧАЛЕ XIX в.

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

С.В. Мироненко

САМОДЕРЖАВИЕ И РЕФОРМЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX в.

Ответственный редактор

профессор

С. С. ДМИТРИЕВ



Москва

«НАУКА»

1989

Рецензент:
доктор исторических наук
В. Я. ГРОСУЛ

Мироненко С. В.

М64 Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.— М.: Наука, 1989.— 240 с.: ил.

ISBN 5-02-009540-0

В монографии на новом архивном материале рассмотрены попытки самодержавия реформировать свои коренные основы (приступить к освобождению крепостных крестьян и ограничить самодержавие конституционными учреждениями), борьба вокруг подготовленных проектов и их крах. Автор показал, что, действуя бюрократическим путем, самодержавие не сумело провести жизненно необходимые для страны преобразования. Ответом на это стало усиление революционного движения в стране. В книге показаны объективные корни декабристского движения, созданы яркие исторические портреты Александра I и крупных государственных деятелей эпохи.

Для историков и широкого круга читателей.

The focus of this research is the political struggle in Russia — from the end of the war of 1812 to the Decembrist uprising. At that time an extraordinarily important alternative for the fate of the nation was decided: would Russia move towards a progressive transformation or would she remain a feudal state? The monograph illustrates in detail the efforts of the autocracy to reform its political and social foundations: to introduce a constitution and emancipate the serfs. The question of reforms was decided in a sharp and uncompromising struggle. However, as it turned out the autocracy was unable to realize these transformations, which were vitally important for the nation's development. The strong opposition of the higher echelons of the bureaucracy, based on the support of the reactionary majority of the landowners, forced the government to give up its already prepared constitution and plans for emancipating the serfs. In this monograph there are included (for the first time) many archival materials.— e. g. the correspondence and diaries of contemporaries. For the creation of this social portrait of the higher bureaucracy of that time, the author uses personal records worked out by data base. The monograph provides portraits of Aleksander I, N. N. Novosil'tsev and A. A. Arakcheev.

М 0505010000—315 КБ—13—9—1989
042(02)—89

ББК 63.3(2)47

ISBN 5-02-009540-0

© Издательство «Наука», 1989

Введение

Политическая история России. Пути развития страны, борьба социальных сил, судьбы простых людей и исторических деятелей — все заключено в ней. Каждая новая эпоха обращается к прошлому, ища и находя в нем корни волнующих ее проблем. В переломные моменты, подобные переживаемому нами сейчас, особое внимание привлекают времена острых столкновений политических сил, на долгий срок определявшие будущее страны.

В истории политического строя России XIX век занимает особое место. Предшествующие века развития и укрепления самодержавного государства сменяются временем, когда самый ход исторического процесса подвергал его существование суровым испытаниям и делал неизбежным его крушение. В исходе первой четверти XIX в. страна ощутила верные признаки того, что самодержавие в прежнем своем виде уже не соответствует требованиям времени и без изменений вряд ли сможет долго существовать. Зарождение декабризма, десятилетняя история тайных обществ, а вслед за тем восстание 14 декабря 1825 г. были серьезными симптомами явного неблагополучия в политическом строе России. В это же время внутри самой верховной власти стали раздаваться голоса, настаивавшие на необходимости коренных преобразований.

О конституции и освобождении крестьян заговорил и сам император. Возможно ли в самодержавном государстве более убедительное свидетельство начала кризиса всей системы, чем признание самим самодержцем несоответствия «духу времени» коренных основ социально-политического строя страны — абсолютной монархии и крепостного права? Очевидно, нет. Поэтому именно с первой четверти XIX в. идет отсчет длительных и мучительных попыток самодержавия приспособиться к меняющимся историческим условиям. Иными словами, именно в это время началось так и не получившее полного завершения превращение монархии феодальной в монархию буржуазную. Без малого столетие спустя Февральская революция 1917 г. положила конец этому процессу, навсегда похоронив монархию как форму политической власти в России.

На протяжении всего XIX в. не затихала острая политическая борьба, большей частью протекавшая подспудно и лишь временами вырывавшаяся на поверхность — то восстанием декабристов, то событиями «эпохи великих реформ», то убийством революционерами императора Александра II. И лишь в начале нашего века она окончательно вышла наружу. Конечно, в течение столь долгого времени ее содержание и формы претерпевали значительные изменения. Страна трудно, но неуклонно становилась на путь буржуазного развития, и одновременно углублялась политическая борьба. Мощный толчок этому процессу дали буржуазные реформы 1860-х годов. Сильно возросла роль прессы, которая постепенно стала одним из главных выразителей различных политических направлений. Наступление в конце XIX — начале XX в. нового этапа революционного движения, а в связи с этим возникновение самостоятельных политических партий, думские прения — все это определило качественно новый уровень политических столкновений.

Однако и в начале прошлого века острая политическая борьба была налицо. Под ней мы понимаем столкновения вокруг главной проблемы: станет ли Россия на путь глубоких политических и социально-экономических преобразований? Особенностью политической борьбы того времени было то, что она протекала между сторонниками и противниками перемен внутри самого дворянства.

Правда, почти полное отсутствие в реальной жизни открытых дебатов, сколько-нибудь широкой публичной полемики о путях развития страны рождало иллюзию отсутствия политической борьбы вообще. Вплоть до 14 декабря 1825 г. множеству современников могло казаться, что внутри страны нет никакой серьезной оппозиции правительственной политике. Сейчас мы хорошо знаем, что это было далеко не так. Просто, не имея возможности в условиях жестких самодержавных ограничений проявиться так же отчетливо, как, скажем, в соседних европейских странах, она принимала тогда своеобразные латентные формы, впрочем не делавшие ее менее острой.

Сущность политической борьбы в первой четверти XIX в. определялась противостоянием самодержавия и передовой части русского общества. Особого накала оно достигло с возникновением декабризма. Правительство вырабатывало и отстаивало свое понимание жизненных интересов страны и в соответствии с ним определяло государственную политику. Декабристы противопоставляли правительственному курсу свою программу коренных революционных преобразований. Взаимодействие и столкновение этих двух точек зрения и составляло живую ткань политической жизни того времени. До поры до времени она оставалась скрытой.

Однако это противостояние не исчерпывало всех ее сторон. Одновременно борьба между сторонниками и противниками реформ шла в самой верховной власти, порой принимая острый характер. Достаточно напомнить падение в 1812 г. крупнейшего

государственного деятеля М. М. Сперанского, высланного из Петербурга и надолго лишенного влияния на ход государственных дел — конечно, не за мнимые связи с Наполеоном, а в угоду консервативному большинству дворянства, и прежде всего реакционно настроенной части — аристократической бюрократии, недовольной его реформаторской деятельностью.

Политические разногласия внутри верховной власти никогда не становились предметом официального обсуждения даже в среде высшей бюрократии. Так, скажем, ни в Государственном совете, ни в Комитете министров, ни в ином высшем государственном органе никогда вплоть до начала 1860-х годов реформа крепостных отношений прямо не обсуждалась, хотя правительство постоянно и настойчиво этим занималось. Никогда открыто не обсуждалась и проблема конституционного ограничения самодержавия. Тем не менее именно вокруг этих стержневых вопросов русской жизни шла острейшая политическая борьба, победу в которой в изучаемый период одержали реакционные силы. В таких условиях позиции сторон проявлялись только при обсуждении каких-либо на первый взгляд частных вопросов. Примером может служить острота споров, возникших в Государственном совете по вопросу о запрещении продажи крестьян без земли в 1820—1821 гг. Хотя об освобождении крестьян в ходе обсуждения вообще не было сказано ни слова, но все его участники прекрасно понимали, что именно решение этого вопроса лежит в основе всех противоречий.

Подобная ситуация серьезно затрудняет для исследователя изучение всех реалий политической борьбы, но в то же время делает этот процесс чрезвычайно увлекательным. Проникновение в тайны политической истории, где порой одно откровенное слово, высказанная сокровенная мысль стоят десятков и сотен официальных бумаг, проектов, записок, способствует углубленному пониманию исторического процесса.

В центре предлагаемой вниманию читателя книги находятся события политической истории России от окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов до восстания декабристов. Не вся политическая борьба начала XIX в. стала предметом нашего исследования. Это объясняется тем, что первое десятилетие века изучено гораздо полнее, а главное, тем, что 1815—1825 гг. в контексте общей проблемы «Самодержавие и реформы» имели исключительное значение. Именно тогда решался вопрос, пойдет ли страна в ногу со временем или самодержавие и крепостничество и далее будут сковывать ее развитие. Возникла реальная альтернатива иного пути развития, и от результата столкновения политических сил зависело будущее России.

Этот период истории нашей страны весьма своеобразен. В эти годы не было осуществлено никаких крупных преобразований. Все замыслы так и остались замыслами, а проекты — проектами. Видимо, поэтому внимание историков было привлечено к изучению времени, более богатого крупными преобразованиями и со-

бытиями, — второй половины XIX — начала XX в. Но для истории не менее важны и неосуществленные реформы. Исторические обстоятельства, вызвавшие к жизни буржуазные преобразования 1860-х годов, уходят корнями в александровское время. Именно тогда завязался тот клубок противоречий, который так явственно обнаружился в конце 1850-х — начале 1860-х годов. Важно поэтому выяснить, как случилось, что разрешение назревших проблем затянулось на столь долгий срок, какие силы способствовали этому и какова была роль верховной власти в этой непростой ситуации. Надо понять, в какой степени сама верховная власть сознавала противоречие между русской действительностью и ходом мирового исторического развития и, если сознавала, то были ли ее намерения преодолеть его глубоки и серьезны.

Изучение этих проблем, особенно взятых в контексте политической борьбы, которая шла вокруг предполагавшихся преобразований, ставит все новые и новые вопросы. Существовала ли в эти годы реальная альтернатива тому пути, по которому пошло историческое развитие России? Или, иными словами, была ли неизбежна наступившая в 1820-х годах реакция? Насколько реальны были в России начала XIX в. введение конституции и освобождение крестьян? Разрешение этих и других вопросов не менее важно для проникновения в ход исторического процесса, чем изучение осуществленных замыслов и реальных преобразований.

Политическая история России, интенсивно изучавшаяся дореволюционной историографией, в советское время долго оставалась в тени. Новым обращением к ней историческая наука обязана усилиям Н. М. Дружинина, П. А. Зайончковского, А. В. Предтеченского, П. Г. Рындинского и других ученых¹. Но недостаток в исследованиях подобного рода ощущается и сейчас. Это со всей очевидностью проявилось уже в ходе дискуссии 1968—1972 гг., посвященной генезису, социальной природе и эволюции абсолютизма². И сегодня потребность в исследовании особенностей самодержавия в разных фазах его развития, в раскрытии причин устойчивого консерватизма русского политического строя стала, пожалуй, еще острее.

Исследователю, обратившемуся к теме «Самодержавие и реформы», важно прежде всего понять, что конкретно представляло собой тогда самодержавие как политическая система, насколько проявлялись в ней кризисные явления, искала ли верховная власть выход из противоречий, и если искала, то на каких путях. Наконец, была ли она способна осуществить кардинальные реформы — иными словами, имела ли она историческую перспективу? Этим определяется основной комплекс исследуемых в книге проблем.

Первая из них — это состояние государственного организма в изучаемый период: структура, организация, функции государственных учреждений, степень их соответствия потребностям времени и нуждам страны. Важной составной частью этой проблемы является всестороннее изучение того слоя, в руках которого нахо-

дилась реальная государственная власть, т. е. правящей бюрократии.

Центральной проблемой, исследуемой в книге, является отношение верховной власти — самого монарха и всего правящего слоя — к двум основным политическим проблемам времени — освобождению крестьян и ограничению самодержавия конституционными институтами. Была ли позиция Александра I, неоднократно заявлявшего о необходимости уничтожения рабства и в марте 1818 г. даже публично обещавшего со временем «даровать» России конституцию, «заигрыванием с либерализмом», как считает большинство исследователей, или в ее основе лежали объективные условия и осознание самодержавием серьезности происходящих процессов? Только скрупулезный анализ всех проектов решения крестьянского вопроса, выработанных в этот период в недрах правительственных лабиринтов, и всех сложностей, возникших при подготовке проекта русской конституции, может дать ясный ответ на этот вопрос.

Наконец, необходимо рассмотреть поворот к реакции, который произошел в правительственной политике в самом начале 1820-х годов, и попытаться понять его причины. Этот поворот выразился в решительном отказе от каких бы то ни было реформ и в одних случаях обернулся невиданным до тех пор усилением крепостнической реакции, а в других — вялой симуляцией административных реформ. Наиболее явным проявлением наступления реакции стало доминирующее положение в политической жизни А. А. Аракчеева.

* * *

Источники, положенные в основу настоящего исследования, многочисленны и разнообразны. Документов, характеризующих самодержавие даже в тот сравнительно небольшой хронологический период, который здесь изучается, чрезвычайно много. По существу, любой документ тех лет, опубликованный или еще хранящийся в архивах, в той или иной степени может быть привлечен к изучению самодержавия в интересующее нас время. Оно настолько определяло собой всю российскую жизнь, что и документ, на первый взгляд не имеющий прямого отношения к предмету исследования, например, частное письмо или стихотворение, может оказаться важным для понимания существенных черт самодержавной власти.

Понятно, что перед исследователем, приступающим к изучению подобных широких и многоаспектных тем, прежде всего встает задача отобрать ту часть сохранившихся материалов, которая обеспечивает решение поставленных вопросов. Из великого множества источников нужно выбрать те, которые, говоря языком точных наук, необходимы и достаточны.

Из сформулированных выше основных задач настоящего исследования вытекает, что его источниками в первую очередь являются материалы официально-документального характера. Не-

обходимо было использовать всю сумму документов, которые, с одной стороны, раскрывают реальное состояние самодержавной власти в изучаемое десятилетие, а с другой — позволяют судить о ее отношении к своим основным устоям, которые были и наиболее острыми проблемами современности, — крепостному праву и неограниченному самодержавию.

Проще всего обстояло дело с выявлением и использованием источников, освещающих первый вопрос. Документы, определяющие лицо самодержавной власти того времени и дающие представление о ее политических институтах, т. е. соответствующие государственные, историко-юридические акты, давно опубликованы. Они входят в состав «Полного собрания законов Российской империи»³. Его составители (среди них первое место занимал один из самых значительных государственных деятелей России первой половины XIX в. — М. М. Сперанский) толковали понятие закона очень расширительно — они относили к нему все, что было скреплено росчерком высочайшего пера: и важнейшие законодательные акты, вносившие существенные изменения в социально-политический строй страны, и благодарственные рескрипты приближенным, и манифесты с определенными программными заявлениями верховной власти, и указы, посвященные мелочным изменениям в обмундировании войск. Но именно такое расширительное толкование обеспечило практически исчерпывающую полноту издания: оно включило в себя все, даже самые незначительные и маловажные, акты, характеризующие структуру, а в какой-то степени и практику самодержавия. Издание снабжено справочными томами, содержащими хронологическую и предметную роспись документов, что значительно облегчает работу по выявлению необходимых источников и гарантирует исследователя от возможных пропусков⁴.

Однако, являясь незаменимым источником для изучения самодержавия, опубликованные законодательные акты не в состоянии все же дать о нем полное представление. За их пределами остается еще огромное поле государственной деятельности, заключавшейся в готовившихся, но нереализованных преобразованиях. В определенном смысле эта сторона деятельности верховной власти, хотя и не нашедшая выхода в законодательстве, еще более важна для понимания сущности происходивших процессов.

По понятным причинам выявление и поиск источников подобного рода чрезвычайно затруднительны. Как правило, готовившиеся преобразования разрабатывались в обстановке глубочайшей секретности, принадлежали к числу наиболее охраняемых государственных тайн. Русские императоры, боясь дать повод к народным выступлениям, прекрасно понимая взрывоопасность жизненно важных для страны проблем (напомним хотя бы широко известные слова шефа III отделения А. Х. Бенкендорфа о том, что «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством»⁵), стремились избежать огласки при обсуждении планов конституционного ограничения самодержавия или проектов осво-

бождения крепостных крестьян. Да и вообще самодержавию было глубоко чуждо гласное обсуждение сколько-нибудь серьезных вопросов. Поэтому следы подобной деятельности и ее практические результаты в документальной форме приходится разыскивать в архивах.

В ряду неосуществленных, но принципиально важных замыслов самодержавия в этот период первое место занимает, несомненно, «Уставная грамота Российской империи» — проект конституции, подготовленный в 1819—1820 гг. в канцелярии Н. Н. Новосильцова в Варшаве. Отказавшись от ее проведения в жизнь, самодержавие, казалось, надежно скрыло ее в своих архивах. Однако один из экземпляров «Уставной грамоты» был обнаружен во время польского восстания 1830—1831 гг.

19 ноября 1830 г. повстанцы овладели Варшавой и в их руках оказался архив «императорского комиссара» Н. Н. Новосильцова, который выполнял роль доверенного лица Александра I и осуществлял контроль за всем, что происходило в Царстве Польском. Там-то они с удивлением обнаружили проект русской конституции, который поспешили опубликовать, выразив тем самым братскую солидарность с русским народом. «Поляки горячо желают,— писал в предисловии к публикации министр иностранных дел революционной Польши А. Гродецкий,— чтобы это случайное открытие напомнило русскому правительству, что пора бы было наконец народу, повинующемуся ему и столь давно ожидающему улучшения своего политического существования, народу, состоящему из стольких миллионов угнетенных людей, начать наконец наслаждаться плодами конституционной монархии. Поляки сочли бы себя счастливыми, если бы, делая этот проект общеизвестным, они могли оказать тем услугу этому великому народу»⁶.

После подавления восстания одной из первых забот Николая I было отыскание подлинника «Уставной грамоты» и уничтожение экземпляров издания. 26 сентября 1831 г. он писал И. Ф. Паскевичу: «Вели гр. Витту стараться достать елико возможно экземпляры всей книжки и уничтожить, а рукопись отыскать и прислать ко мне, равно как и оригинальный акт конституции польской, который искать должно в архиве Сената».

Задание императора было выполнено частично. В начале ноября он благодарил Паскевича лишь за присылку польской конституции: «Я получил ковчег с *покойницей* конституцией, за которую благодарю весьма, она изволит покоиться здесь в Оружейной палате». Тогда же Николай I получил и оригинал «Уставной грамоты» на французском и русском языках, который отправил на хранение в Государственный архив⁷.

Важный материал, который пролил бы свет на историю подготовки «Уставной грамоты», находился, без сомнения, и в архиве самого Н. Н. Новосильцова, и в делах его варшавской канцелярии. Однако в ходе восстания 1830—1831 гг. эти документы были безвозвратно утрачены. Когда после смерти Новосильцова,

бывшего в конце жизни председателем Государственного совета и Комитета министров, встал вопрос о передаче его преемнику находившихся у него важнейших государственных документов, в том числе и писем Александра I, М. А. Корф, которому было поручено это дело, вынужден был констатировать почти полное отсутствие материалов варшавского периода деятельности Новосильцова⁸.

Все же некоторые документы, относящиеся к работе над «Уставной грамотой» и представляющие первостепенный интерес, каким-то образом сохранились. В фонде Государственного архива Российской империи (в настоящее время он хранится в ЦГАДА) находятся проекты двух манифестов. Первый из них должен был служить уведомлением о введении в действие «Уставной грамоты», второй провозглашал об уничтожении польской конституционной хартии 1815 г., которая становилась ненужной после введения в действие общероссийской конституции⁹. Эти документы — важное доказательство того, что работа над конституционным проектом не была теоретическими упражнениями, а носила вполне практический характер.

Существенную группу источников официально-документального происхождения составляют различные проекты государственных преобразований, составленные по прямому поручению верховной власти или привлекшие ее внимание. Так, для освещения позиции Александра I в крестьянском вопросе исключительно важен проект постепенного освобождения крепостных крестьян, подготовленный в 1818 г. А. А. Аракчеевым. К сожалению, архив Аракчеева практически не сохранился¹⁰ и полный текст самого проекта отыскать не удалось. Но основные его положения, подкрепленные обширными цитатами, отражены, во-первых, в анонимной записке «Участие графа Аракчеева в освобождении крепостных крестьян», копия которой сохранилась в архиве историка Н. К. Шильдера¹¹, а во-вторых, в опубликованной в 1872 г. П. И. Бартеневым «Записке о разных предположениях по предмету освобождения крестьян», видимо принадлежащей перу известного деятеля крестьянской реформы 1861 г. Н. А. Милютина¹².

Вся преамбула проекта Аракчеева посвящена изложению мыслей Александра I о способах решения крестьянского вопроса. Основываясь на них, Аракчеев и предлагал провести ряд мер. Пожалуй, здесь подробнее и глубже, чем где бы то ни было, раскрыта позиция императора в данном вопросе. Кроме того, текст Аракчеева не оставляет сомнений в том, что проект готовился им по поручению императора.

Архива Александра I в том виде, как он сложился при его жизни, в настоящее время не существует¹³. Он был разрознен сразу после смерти царя. Понятно, насколько это затрудняет исследование. Очевидна поэтому необходимость его научной реконструкции. Однако это должно составить предмет особой работы. Здесь же укажем лишь, что многие важные проекты, записки,

мнения и т. п., хранившиеся в кабинетах Александра I в Зимнем, Каменноостровском и Екатерининском (Царскосельском) дворцах, по распоряжению Николая I были переданы в так называемый Комитет 6 декабря 1826 г., созданный после окончания следствия над декабристами для обсуждения самых насущных проблем государственной жизни. Архив этого Комитета поглотил, таким образом, часть архива Александра. На всех этих документах имеются пометы, точно указывающие, откуда они поступили в Комитет.

Большая часть этих бумаг опубликована в одном из сборников Русского исторического общества¹⁴, остальные хранятся в материалах Комитета 6 декабря 1826 г. в ЦГИА СССР¹⁵. В 1895 г. Н. Ф. Дубровиным были опубликованы материалы по истории крестьянского вопроса, извлеченные им из архива собственной е. и. в. канцелярии¹⁶. Однако большая часть материалов ее архива, касающихся освобождения крепостных крестьян и обсуждения этой проблемы в первой четверти XIX в., остается неопубликованной¹⁷.

Понятно, что одной из первейших задач при изучении отношения самодержавия к коренным проблемам российской действительности того времени было выяснение позиции самого императора. Необходимо было отыскать и проанализировать источники, позволяющие убедительно осветить эту проблему. Неудивительно, что задача эта оказалась одной из наиболее сложных. Гласные заявления Александра, касающиеся таких вопросов, были крайне редки. Среди них, конечно, первое место занимает речь, произнесенная им в Варшаве в марте 1818 г. при открытии первого польского сейма. Речь эта получила широкое распространение, и текст ее дошел до нас благодаря небывалому до тех пор в России факту: она была напечатана в русских газетах¹⁸.

Появилась в прессе и речь, произнесенная Александром I спустя месяц при закрытии сейма¹⁹, хотя, как правило, выступления императора, в конце 1810-х — начале 1820-х годов довольно частые, нигде не фиксировались. Бывало, впрочем, что речи царя записывались по просьбе близких к нему лиц. Так произошло, скажем, во время его выступления перед московским дворянством в 1816 г., которое было записано А. Ф. Малиновским для вдовствующей императрицы Марии Федоровны²⁰. Весьма часто отдельные высказывания Александра I заносил в свой путевой журнал его флигель-адъютант А. И. Михайловский-Данилевский. Вообще предшествующая историография достаточно полно выяснила характерную особенность ведения Александром I наиболее важных и сложных, с его точки зрения, дел. Хорошо известно, что он избегал давать какие-либо письменные указания, ограничиваясь устными наставлениями. Нет необходимости объяснять, насколько это сужает круг дошедших до нас документов, освещающих позицию самодержца.

Характерным примером является история генерал-губернаторства А. Д. Балашева²¹ (см. третью главу). Назначенный гене-

рал-губернатором пяти центральных губерний России, Балашев не получил никаких письменных инструкций, проясняющих цель его назначения. Он имел лишь несколько продолжительных бесед с императором²². Однако Александр I не был полностью откровенен с Балашевым. И только благодаря анализу ряда официальных и неофициальных документов («Уставной грамоты», расписания губерний по наместническим округам, воспоминаний И. И. Дибича и др.) оказалось возможным вскрыть несомненную связь генерал-губернаторства Балашева с конституционными планами Александра I.

Важным источником, позволяющим приоткрыть завесу тайны над самыми секретными действиями верховной власти, являются судебно-следственные материалы процесса декабристов. В ходе следствия вопреки желаниям верховной власти выявилось много такого, что ей хотелось бы скрыть. Примером этого может служить следственное дело С. М. Кочубея, бывшего в 1810-х годах полтавским губернским предводителем дворянства.

Арестованный по подозрению в участии в Малороссийском тайном обществе, Кочубей в феврале 1826 г. был допрошен в заседании Следственного комитета. Благодаря его откровенным показаниям выяснился факт, имеющий принципиальное значение для понимания позиции верховной власти в крестьянском вопросе в 1817 г. Оказалось, что Александр I предпринимал тогда активные попытки сдвинуть решение крестьянского вопроса с мертвой точки, и в частности поручил Кочубею подготовить проект освобождения крепостных крестьян²³. Рассказанное Кочубеем в ходе следствия позволило совершенно по-новому оценить все действия Александра I в те годы в Малороссии, показать, что он через только что назначенного малороссийским военным губернатором кн. Н. Г. Репнина пытался добиться инициативы украинских помещиков в деле освобождения крепостных крестьян.

Специфическую группу источников официально-документального характера составляют дипломатические донесения. Иностранные дипломаты, как правило, живо интересовались событиями русской жизни. Пользуясь связями в высшем свете, некоторые из них получали порой возможность ознакомиться с важными государственными документами и даже отправить их копии своим правительствам. В ряде случаев именно таким образом дошли до нас уникальные документы. Так, лишь благодаря активности прусского консула в Варшаве Шмидта, сумевшего добыть и отправить в Берлин копию «Краткого изложения основ конституционной хартии Российской империи», этот документ сохранился и доступен²⁴. В конце XIX в. немецкие историки Шиман и Штерн опубликовали донесения прусского и австрийского посланников при русском дворе, проливающих свет на принципиально важные этапы работы над проектом российской конституции²⁵.

И наконец, необходимо остановиться на особом виде официально-документальных источников — формулярных списках. Их следует охарактеризовать подробнее, так как в настоящей работе

данные формулярных списков были обработаны с использованием компьютера²⁶.

Возникновение формулярных списков относится ко второй половине XVIII в. Утверждение российского абсолютизма шло рука об руку с формированием бюрократии. Нормальное функционирование росшей и все более усложнявшейся государственной машины требовало создания системы учета чиновников и контроля за их деятельностью. С этой целью были созданы специальные учреждения, которые несколько раз проводили перепись чиновников. В ходе переписи 1754—1756 гг. правительство впервые потребовало от всех чиновников обязательного представления подробных «сказок» и составления на их основе послужных списков, содержащих биографические сведения (фамилия, имя, отчество, титул, чин, образование, прохождение службы, наличие крестьян и т. д.)²⁷.

31 января 1764 г. был издан указ «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода». В нем говорилось: «<...> Как в Сенате и в Герольдии о многих находящихся в статской службе, кто какими чинами происходил и каким образом службу свою продолжал, известий нет: того для всем присутственным местам каждому о состоящих в ведомстве своем чинах немедленно прислать и впредь присылать в Правительствующий Сенат чрез каждые полгода списки, описывая в оных именно, кто какими чинами происходил и добропорядочно ли поступал, также не были ли в каких штрафах, во всем по примеру тому, как о воинских такие списки делаются».

При указе был помещен образец послужного списка, имевшего девять граф: 1) фамилия, имя, отчество, чин; 2) возраст (количество полных лет к моменту составления списка); 3) «из каких чинов и сколько имеет за собою мужеска пола душ людей и крестьян и в которых уездах»; 4) время вступления в службу и должность; 5) перемещения по службе и получение чинов; 6) участие в сражениях и боевых действиях; 7) штрафы и пребывание под судом. 8-я графа заполнялась, если чиновник признавался способным к дальнейшей службе; в последней, 9-й графе указывалось, достоин ли чиновник к «повышению чинами»²⁸.

Два месяца спустя новый указ предписал иметь аналогичные послужные списки в каждом учреждении. С этого времени послужной список стал основным документом, фиксирующим сведения о чиновничестве дореволюционной России. Видоизменяясь, послужные, или формулярные, списки просуществовали до 1917 г.

В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде хранится огромная коллекция формулярных списков гражданских чиновников, насчитывающая несколько миллионов документов и охватывающая конец XVIII — начало XX в. (ф. 1349)²⁹. На протяжении десятилетий материалы этого фонда использовались историками выборочно, исключительно для

уточнения биографических сведений об отдельных лицах. Лишь С. М. Троицкий для XVIII в. и П. А. Зайончковский для XIX в. начали изучать формулярные списки в комплексе.

В монографии Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» впервые в советской историографии были изучены формулярные списки высшей бюрократии (членов Государственного совета, министров, сенаторов, товарищей министров и директоров департаментов) и губернской администрации (губернаторов, вице-губернаторов, председателей палат, губернских прокуроров) за два года, отделенные друг от друга полустолетием (1853 и 1903 гг.). Это позволило ученому дать характеристику каждой из указанных групп на данный момент времени по ряду признаков: социальному происхождению, возрасту, национальному составу, образованию и имущественному положению. Исследование Зайончковского наглядно продемонстрировало широкие возможности, открываемые привлечением этого вида источников³⁰.

Следует, однако, сказать, что опыт использования формулярных списков (в том числе и С. М. Троицким, изучившим более 5 тыс. послужных списков чиновников середины XVIII в.) выявил и некоторые особенности работы с ними. Он показал, что традиционные методы обработки этого вида источников резко ограничивают возможности извлечения из них информации, так как при ручной обработке невозможно пользоваться всем богатством содержащихся в формулярных списках фактических сведений. Поэтому углубленное использование этого вида источников невозможно без применения ЭВМ.

Опыт работы С. М. Троицкого и П. А. Зайончковского показал, что, идя традиционным путем при использовании столь обширного массива источников, исследователь не в состоянии оперировать более чем пятью—семью признаками и оставляет вне своего анализа еще десятки. Надо ли говорить, какие широкие возможности открывает компьютерная техника для использования всех заложенных в машину данных в любых возможных сочетаниях.

Исходя из задач настоящего исследования, в качестве опыта компьютерной обработки данных формулярных списков были выбраны формуляры чиновников, составлявших правящую бюрократию России кануна восстания декабристов. При выделении этого слоя из общей массы российского чиновничества был применен комбинированный подход: принимались во внимание занимаемая должность и чин по табели о рангах³¹.

К правящей бюрократии отнесены члены Государственного совета, сенаторы, министры, главноуправляющие, директора департаментов, а также чиновники высших и центральных государственных учреждений, имевшие чин не ниже 5-го класса (статский советник); из губернской администрации к числу правящей бюрократии отнесены губернаторы, вице-губернаторы, председатели палат, губернские прокуроры и губернские предводители

дворянства (несмотря на то что последняя должность была выборной, занявший ее автоматически включался в губернскую администрацию, получая сразу чин статского советника).

Общая численность правящей бюрократии, подсчитанная на основании указанных критериев, составила на 1825 г. 684 человека. Из числа государственных учреждений, формулярные списки чиновников которых нами использовались, исключены Военное и Морское министерства, а также Синод вследствие особого рода их деятельности. Персональный перечень представителей правящей бюрократии на 1825 г. составлялся на основании данных «Адресов-календарей» на 1825 и 1826 гг.

Когда впервые возникла необходимость изучения правящей бюрократии России, казалось, что проще всего будет найти формулярные списки членов Государственного совета, сенаторов, министров и т. д., а сложности могут возникнуть с чиновниками более низких рангов. В действительности же дело обстоит как раз наоборот. Именно формуляры представителей высшей бюрократии оказалось разыскать труднее всего.

В соответствии с организацией делопроизводства формулярные списки членов Государственного совета должны были концентрироваться в архиве государственной канцелярии, а оттуда поступать в Герольдию, т. е. Сенат. Однако просмотр хранящихся в ней личных дел членов Государственного совета показал, что, за редким исключением, там имеются формулярные списки только с 1842 г. Это обстоятельство разъяснилось, когда в отделении дел государственного секретаря удалось отыскать специальное дело «О доставлении в Герольдию ежегодно к 1 октября формулярных списков о службе членов Государственного совета, в гражданских чинах состоящих, и чиновников государственной канцелярии», начатое в 1834 г.

В деле хранятся копии всех отношений государственного секретаря в Герольдию, сопровождавшие посылаемые туда из Совета формулярные списки. Они с полной очевидностью показали, что до 1842 г. формулярные списки членов Государственного совета в Сенат не отправлялись. На копии отношения от 26 сентября 1842 г. имеется карандашное примечание: «Доставление формулярных списков членов Государственного совета началось вследствие высочайшего повеления 21 января 1842 г.»³² До этого времени Герольдия получала только формуляры чиновников самой канцелярии, а отнюдь не членов Совета. Подобная же ситуация сложилась с формулярными списками сенаторов. Никакого специального подразделения, ведающего составлением формуляров сенаторов, в то время в Сенате не было. Те формулярные списки, которые имелись, хранились, видимо, в общем погодном делопроизводстве.

Отсутствие практики регулярного составления формулярных списков представителей бюрократической элиты приводило к возникновению курьезных случаев. Когда в 1826 г. потребовался формулярный список одного из крупнейших сановников первой

трети XIX в., ближайшего друга Александра I, впоследствии председателя Государственного совета и Комитета министров гр. В. П. Кочубея, то оказалось, что в официальном делопроизводстве имеется единственный список, составленный в 1802 г., когда Кочубей управлял Коллегией иностранных дел. Никаких более поздних списков чиновникам Государственного совета отыскать не удалось. Аналогичная ситуация возникла в 1830 г. и с Н. С. Мордвиновым, но в отличие от предыдущего случая его формуляр найти вообще не смогли и восстановили по другим документам³³.

С чиновниками более низких рангов картина оказалась гораздо благоприятнее. Формулярные списки директоров департаментов, вообще губернской администрации, а также чиновников 5-го класса сохранились в целом неплохо.

Подавляющее число формуляров было извлечено из коллекции формулярных списков ЦГИА СССР (ф. 1349, оп. 3, 4). Недостающие списки чиновников высших учреждений (членов Государственного совета, сенаторов, генерал-губернаторов) выявлялись в других фондах ЦГИА СССР, а также в ЦГВИА СССР³⁴. Когда же не удавалось разыскать формулярные списки на 1825 г., использовались либо более ранние списки, либо более поздние.

Из 684 чиновников, отнесенных нами к правящей бюрократии, формулярные списки были обнаружены для 442, что составляет 64,8%. Сохранившаяся выборка достаточно представительна, что дало возможность привлечь данные формулярных списков к изучению того слоя, в руках которого находилась реальная власть в стране³⁵.

Нет необходимости доказывать, что, опираясь лишь на источники официально-документального характера, невозможно воссоздать подлинную картину событий, выявить обстоятельства, вызвавшие появление тех или иных официальных документов. Зачастую только благодаря источникам личного происхождения историк может верно и глубоко интерпретировать события. Поэтому не менее важную составную часть источниковой базы настоящего исследования образуют воспоминания, дневники, письма и другие материалы непосредственных участников событий.

Среди них на первое место по значению сообщаемых сведений следует поставить материалы П. А. Вяземского. В изучаемое нами время он оказался в центре работы над проектом российской конституции. Затем он принял участие в одном из крупных начинаний в деле освобождения крепостных крестьян. Вступив в 1817 г. на государственную службу, Вяземский попал в канцелярию Н. Н. Новосильцова в Варшаве, где разрабатывался конституционный проект, получивший наименование «Уставная грамота Российской империи». В 1820 г. во время двухмесячного пребывания в Петербурге Вяземский активно действовал, пытаясь создать общество для гласного обсуждения способов освобождения крепостных крестьян, и был свидетелем неудачных попыток получить на это согласие императора и краха этого замысла,

поддержанного такими крупными фигурами, как И. В. Васильчиков, М. С. Ворошцов, А. С. Меншиков и др. Ценнейшими источниками, освещающими эти события, являются переписка Вяземского за 1815—1820 гг. и его мемуарные произведения.

О работе над «Уставной грамотой» Вяземский рассказал впервые сравнительно скоро. В 1829 г., тяжело переживая разлад с правительством, опалу, в которую он попал, Вяземский решил обратиться к Николаю I и, откровенно изложив свои политические взгляды, доказать, что он никогда не был решительным противником верховной власти. Так возникла «Моя исповедь», где он, признавая себя сторонником конституционной монархии, объяснял это в значительной степени влиянием на него Александра I и своим участием в составлении конституции для России. «Вступление мое, так сказать, в новую сферу,— писал Вяземский, обращаясь к Николаю I,— новые надежды, которые открывались для России в речи государевой, характер Новосильцова, льстивые успехи, ознаменовавшие мои первые шаги, все вместе дало еще живейшее направление моему образу мыслей, преданных началам законной свободы, началам конституционного монархического правления, которое я всегда почитал надежнейшим залогом благоденствия общего и частного, надежнейшим кормилом царей и народов»³⁶.

Еще раз к этому предмету Вяземский вернулся почти полстолетия спустя в «Автобиографическом введении» к собранию своих сочинений, которое начало издаваться в конце 1870-х годов³⁷. Оба эти мемуарные произведения, по существу, единственный источник, проливающий свет на обстоятельства возникновения первого в истории России конституционного проекта, создававшегося по непосредственному заданию верховной власти. Благодаря воспоминаниям Вяземского мы знаем, кто непосредственно работал над проектом русской конституции, можем восстановить последовательность действий, а привлекая другие источники, уточнить хронологию. Лишь из «Моей исповеди» и «Автобиографического введения» Вяземского выясняется, как относился Александр I к возможности реализации «Уставной грамоты», какое значение придавал перспективам введения ее в жизнь в России.

В 1871 г. в «Русской старине» было опубликовано письмо В. Н. Каразина Николаю I, где Каразин касался вопроса об организации в 1820 г. общества для определения способов освобождения крепостных крестьян. Вяземский счел пужным написать воспоминания об этом и опровергнуть некоторые из утверждений Каразина. Так появилась «Заметка о записке Каразина, представленной в 1820 году императору Александру I касательно освобождения крестьян»³⁸. В ней Вяземский подробно рассказал об истории попытки создания этого общества, полемизируя с Каразиным, стремившимся представить себя единоличным инициатором и двигателем всего дела.

Воспоминания являются важнейшим и почти единственным источником, позволяющим исследователю проникнуть в мировоз-

зрение Александра I, правильно оценить соотношение его планов и реальной политики. В этом смысле наиболее ценны мемуары людей, которые тесно общались с ним на протяжении длительного времени. Среди них нужно в первую очередь назвать записки флигель-адъютанта Александра I, полковника, а впоследствии генерала и известного военного историка А. И. Михайловского-Данилевского. Он долгое время был постоянным спутником императора в его многочисленных путешествиях и имел возможность близко узнать того, кого П. А. Вяземский, а вслед за ним и проницательный Герцен называли «сфинксом, не разгаданным до гроба».

Действительно, судя по запискам Михайловского-Данилевского, и ему не удалось проникнуть во внутренний мир императора. Александр никогда не делился с ним своими сокровенными мыслями, не обсуждал никаких проектов, но все же постоянное общение с царем позволило ему сохранить для истории необыкновенно существенные высказывания его державного собеседника, сделать яркие зарисовки отдельных исторических событий.

Записки А. И. Михайловского-Данилевского до сих пор, к сожалению, опубликованы не полностью³⁹. Однако благодаря Н. К. Шильдеру, использовавшему его неопубликованные путевые журналы в биографии Александра I, они введены в широкий научный оборот⁴⁰. Обращение к неопубликованным дневникам Михайловского-Данилевского, записавшего в конце 1820-х годов ряд интереснейших воспоминаний И. И. Дибича, позволило яснее представить истинное значение учреждения генерал-губернаторства А. Д. Балашева (см. третью главу).

Ценный материал для характеристики личности Александра I содержат воспоминания гр. И. Каподистрии, статс-секретаря по иностранным делам. Для темы нашего исследования особое значение имеет опубликованный Н. К. Шильдером их неизданный отрывок. Автор подробно описывает в нем, как готовилась варшавская речь Александра I, какое упорство проявил император, не посчитавшись с пастойчивыми советами Каподистрии не затрагивать в ней проблем конституции для России и вопросов, связанных с судьбой западных русских губерний⁴¹.

Уточнить позиции верховной власти, понять настроение «верхов» в те или иные отрезки времени помогают также мемуары, посвященные в целом совсем иным проблемам. Таковы, например, воспоминания М. Огинского, крупного литовского помещика, поляка по национальности, активно участвовавшего в общественно-политической жизни западных окраин России⁴². Память Огинского сохранила крайне интересные беседы с Александром I, содержание которых недвусмысленно свидетельствует о том, что Александр с самого начала рассматривал конституционный опыт в Польше как прелюдию к общероссийской конституции. К такому же типу источников относятся и записки государственного секретаря, а впоследствии министра народного просвещения А. С. Шишкова⁴³. В целом они не представляют большого ин-

тереса в контексте исследуемых нами проблем. Однако Шишков зафиксировал одно из самых первых после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов проявлений отношения Александра I к крестьянскому вопросу и тем самым дал позднейшим исследователям точку отсчета для анализа его дальнейших действий.

Существенный комплекс привлеченных к данному исследованию мемуарных источников составляют воспоминания декабристов. Чутко прислушивавшиеся к политическим событиям, жадно ловившие любые известия о либеральных шагах правительства и в то же время непримиримые к проявлениям деспотизма и произвола, они глубоко понимали органические пороки, присущие самодержавной системе. Подводя на склоне лет итоги своей жизни, декабристы оставили содержательную и правдивую картину александровских времен. Среди их мемуаров трудно выделить более или менее ценные — все они важны не только как показания мыслящих, передовых современников, но и как свидетельства о революционной борьбе против самодержавия и крепостничества.

Для нашей темы наибольшее значение имеют воспоминания С. П. Трубецкого⁴⁴. Благодаря своему положению в высшем обществе, происхождению, связям Трубецкой располагал обширной и подробной информацией обо всем, что происходило в правительственных сферах. Поэтому в его воспоминаниях так ценны сообщения о решительных настроениях царя в 1818 г., о его твердом убеждении в необходимости и возможности скорого решения крестьянского вопроса. Правдивость мемуаров Трубецкого подтверждается рядом других источников (подробнее об этом см. вторую главу), в том числе записями рассказов сына декабриста И. Д. Якушкина, Е. И. Якушкина, сделанными в конце XIX в. Н. К. Шильдером и до настоящего времени остающимися, к сожалению, неопубликованными⁴⁵. В сущности это не что иное, как воспоминания самих декабристов, многие из которых, как хорошо известно, были близки с Е. И. Якушкиным, справедливо считали его историографом своего движения и старались его информировать предельно откровенно и подробно. Е. И. Якушкин, а за ним и Шильдер выступают в данном случае лишь в качестве передаточного звена между декабристами и современными исследователями.

Мемуарные произведения, авторам которых подчас изменяла память, а иногда мешали собственные пристрастия, существенно дополняют и корректируют документы, лишенные недостатков официальных источников, но по времени своего возникновения совпадающие с ними. Такими документами, возникающими в гуще событий и несущими в себе непосредственное восприятие их, являются дневники и письма.

К сожалению, сохранилось не так уж много дневников тех лиц, кто был достаточно близок к верховной власти и наблюдал протекавшие в «высших сферах» события изучаемого десятилетия. Из дневников современников, содержащих важный материал

по интересующим нас вопросам, отметим прежде всего принадлежащий Н. И. Тургеневу⁴⁶. Склонный к самоанализу, весьма осведомленный, ненавидящий крепостное рабство, Н. И. Тургенев заносил в дневник все хоть сколько-нибудь важные сведения о политике правительства в крестьянском вопросе. Конституционные проблемы занимали его гораздо меньше, и поэтому в его дневнике нет ничего принципиально важного в этой области. Но зато его дневниковые записи — незаменимый источник для изучения всего, что относится к попыткам приступить к освобождению крестьян в годы движения декабристов.

В иные сферы и в иные проблемы вводят нас воспоминания жены будущего императора Николая I — Александры Федоровны⁴⁷ (они основаны на ее дневниковых записях). Не сохранились они, историки ничего бы не знали о том, что уже в 1819 г. Александр сообщил своему брату Николаю о перспективе получения им престола, минуя наследника Константина Павловича. Записи Александры Федоровны — ценнейший источник, вводящий читателя в курс секретнейших сюжетов того времени.

Не менее, чем дневники, важна и необходима для нашего исследования переписка современников, сохранившаяся в значительном объеме. Именно письма позволили осветить целый ряд до сих пор не ясных вопросов. Например, сохранившиеся в архиве с.е.и.в. канцелярии подлинники писем, полученных В. Н. Каразиным от М. С. Воронцова и А. С. Меншикова⁴⁸, неопровержимо доказывают причастность Каразина к организации упоминавшегося выше общества для изыскания способов освобождения крепостных крестьян и реальную роль его в этом деле. Не знавший этих писем Н. К. Кульман, посвятивший истории общества специальную работу, ошибочно утверждал, что Каразин никакого отношения к нему не имел. Поэтому историку не удалось в полной мере понять все перипетии исследуемого им вопроса⁴⁹.

Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым⁵⁰ служит ценнейшим дополнением к его воспоминаниям, и комплексное их использование в настоящем исследовании позволило довольно подробно изложить ход подготовки «Уставной грамоты» и прийти к важному выводу, что работа над ней началась не сразу после выступления Александра I при открытии польского сейма в 1818 г., а позже, не ранее начала 1819 г. Много важных моментов могли бы прояснить в этом вопросе письма Вяземского Н. М. Карамзину, но они, к сожалению, не сохранились, и мы можем судить об их содержании лишь по ответам историко-графа⁵¹.

Использованы в настоящей работе и поэтические произведения. Работа П. А. Вяземского над его известным стихотворением «Петербург», те изменения, которые он вносил в его текст, послужили дополнительными аргументами в восстановлении хронологии подготовки проекта русской конституции⁵² (подробнее см. в третьей главе).

Почти не использована в данном исследовании публицистика.

Это объясняется специфическими особенностями изучаемых в нем проблем. Самодержавие решительным образом пресекало обсуждение в обществе животрепещущих вопросов действительности. Обсуждение в печати крестьянского вопроса в 1818 г. было официально запрещено. Столь же неодобрительно правительство встречало любые выступления, так или иначе касающиеся государственного устройства, будь это даже вполне отвлеченные статьи о политическом строе европейских стран. Публицистика, затрагивающая такие темы, развивалась преимущественно в форме рукописных сочинений. Из них нами использована записка Н. М. Карамзина «О древней и новой России»⁵³, а также «Послание российского дворянина к князю Репнину» кн. Н. Г. Вяземского, выступившего в 1818 г. в защиту крепостного права⁵⁴.

* * *

Число исследований, так или иначе затрагивающих события русской истории от завершения войн с Наполеоном до восстания декабристов, велико. В дореволюционное время эпоха Александра I, как, впрочем, и личность самого императора, привлекала внимание различных историков. Многотомные труды об Александре I и его времени принадлежат перу известных историков генералов М. И. Богдановича и Н. К. Шильдера, считавшихся официальными историографами и вследствие этого имевших доступ ко многим секретным в то время архивам⁵⁵. Эти сочинения не потеряли своего значения и по сей день — настолько богат и разнообразен использованный их авторами фактический материал.

Н. К. Шильдер наиболее последовательно проводил мысль о том, что царствование Александра I можно условно разделить на два периода — реформаторский и реакционный. До 1812 г., считал историк, Александру удалось провести преобразования, совокупность которых позволяет оценить его деятельность того времени как либеральную. Позднее же в Александре I произошел перелом, и вторую половину его царствования, вернее, последнее десятилетие, с 1816 по 1825 гг., следует называть «периодом реакции»⁵⁶. Несмотря на резко негативную оценку работ Шильдера в советской историографии, эта концепция, а вместе с ней и общая оценка личности и политики Александра I как лицемерной и двуличной получили, как ни странно, широкое распространение на страницах учебников и многотомных изданий по истории СССР.

Более значительными в историографическом плане являются биографические исследования вел. кн. Николая Михайловича, попытавшегося создать психологический портрет Александра I и введенного в научный оборот большое количество малоизвестных, а подчас и вовсе не известных источников⁵⁷, и А. Е. Преснякова, объединившего в небольшой по объему книге биографию императора с общим очерком истории его времени⁵⁸. Среди крупнейших русских историков второй половины XIX — начала XX в.

не найдешь, пожалуй, ни одного, кто бы не писал об этом времени. В. О. Ключевский и Н. Ф. Дубровин, А. А. Кизеветтер и А. А. Корнилов каждый по-своему, но всегда интересно и оригинально оценивали личность Александра I, результаты его государственной деятельности. Среди трудов названных историков особенностью замысла и широчайшей источниковой базой выделяется исследование Н. Ф. Дубровина «Русская жизнь в начале XIX века»⁵⁹.

Среди известных историков, посвятивших свои исследования изучению отдельных конкретных проблем эпохи, следует назвать имена В. И. Семевского, А. Н. Пыпина, С. М. Середонина, Н. К. Кульмана и многих других⁶⁰. А. Н. Пыпин до сих пор остается единственным исследователем, сумевшим в своей работе органически соединить изучение общественных и литературных явлений первой четверти XIX в., показать их взаимосвязи.

До сих пор наибольшее значение для изучаемой нами темы сохраняет известное исследование В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Семевский не только ввел в науку необыкновенно широкий круг архивных источников, отражающих действительное положение русского крестьянства и политику правительства в крестьянском вопросе, но и поставил перед собой задачу дать сводку всех проектов решения проблемы крепостного права на протяжении полутора веков, и в частности в интересующий нас период. К богатому фактическому и документальному материалу, сосредоточенному в исследовании Семевского, и сейчас постоянно обращаются историки. Однако вне поля зрения ученого остались социально-экономические противоречия периода разложения и кризиса феодальной формации и острая классовая борьба вокруг вопроса о крепостном праве. Он и не пытался вскрыть исторические корни рассмотренных им проектов. Поэтому исследование крестьянского вопроса в работе Семевского в определенной степени подменялось описанием фактов. Об этом писал еще В. О. Ключевский, замечая, что «книга вышла не столько историей крестьянского вопроса, сколько хронологическим перечнем мнений и проектов по крестьянскому вопросу»⁶¹.

Из общих работ по кардинальным проблемам истории России первой половины XIX в., появившихся в советское время, необходимо назвать в первую очередь фундаментальные монографии М. В. Нечкиной⁶² и Н. М. Дружинина⁶³. М. В. Нечкина посвятила особую главу своего исследования характеристике кризиса феодальной формации в изучаемое ею время («Объективные задачи декабристского движения»). Важное значение для нашей работы имеет сформулированное М. В. Нечкиной положение, что «самодержавие давно чувствовало колебания почвы под ногами», а в годы декабристского движения оно вступило «в ту раннюю пору кризиса, когда ему еще представлялось возможным справиться с новыми процессами и повернуть их себе на пользу»⁶⁴.

Н. М. Дружинин, занимавшийся в соответствии со своей за-

дачей только одной стороной истории крестьянского вопроса — судьбами государственной деревни, дал в своей монографии глубокий анализ всего социально-экономического положения России в первой половине XIX в. Он доказал и проследил органическую связь всех попыток решения крестьянского вопроса «сверху» с процессами, происходившими в крепостническом хозяйстве, и с крестьянским движением. Особый интерес для нашей темы представляют в его книге основанные на обширном, зачастую архивном материале характеристики ведущих государственных деятелей эпохи, анализ их политической и социальной программы.

Единственным в советской историографии исследованием, в котором автор, хотя и в несколько ином аспекте, освещает многие проблемы, ставшие предметом данной монографии, является книга А. В. Предтеченского «Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.». По словам самого автора, «книга рассматривает преимущественно вопросы внутренней политики русского правительства в конце XVIII и первой четверти XIX в., т. е. вопросы истории русского феодально-крепостнического государства»⁶⁵. А. В. Предтеченский обобщил значительный фактический материал и впервые в едином исследовании представил внутреннюю политику правительства и развитие общественно-политической мысли в это время. Это позволило ему дать общую и довольно широкую картину общественно-политической истории этого сложного периода. Понятно, что в книге нашли свое место и те действия самодержавия в 1816—1825 гг., которые связаны были с поисками выхода из назревавшего кризиса системы. Им посвящены преимущественно две последние главы книги. Существенным недостатком этой части исследования является, на наш взгляд, стремление А. В. Предтеченского объяснить каждое из рассматриваемых явлений в духе традиционной концепции: то преуменьшая их прогрессивный характер (так, «Уставную грамоту» 1820 г. он не признавал проектом конституции⁶⁶), то сводя объективное значение происходящих процессов к неустойчивости характера Александра I, его «лицемерию» и т. п. (так, все, связанное с подготовкой конституции для России, и заявления царя о намерении ввести представительное правление он считал «минутным отклонением в настроении Александра»⁶⁷). Таким образом, все попытки самодержавия выйти из нарастающих противоречий путем того или иного решения коренных проблем русской жизни выводятся автором за рамки закономерных объективных процессов и рассматриваются как исторические случайности.

Политическому устройству самодержавного государства в первой половине XIX в. посвящена монография Н. П. Ерошкина «Крепостническое самодержавие и его политические институты»⁶⁸. Автор выявляет основные тенденции развития русской государственности в изучаемый период, представляет читателям эволюцию политических институтов самодержавия на протяжении полувека. Специальная глава исследования посвящена об-

щей характеристике русской бюрократии в то время. В ней автор уделит внимание подробному обзору правительственного законодательства в этой области, не ставя перед собой задачи всестороннего анализа самого правящего слоя.

Монография Н. В. Минаевой «Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века» (Саратов, 1982), как видно из ее заглавия, затрагивает часть проблем, изучаемых и в нашей работе. В этом исследовании убедительно доказана принципиальная разница между конституционными намерениями верховной власти и стремлениями к переустройству политической системы передовой, и особенно революционной, части общества. Анализируя правительственный конституционализм, Н. В. Минаева пошла дальше А. В. Предтеченского, признав объективную закономерность действий верховной власти. Она не отвергает серьезности правительственных конституционных планов, нашедших свое документальное выражение в «Уставной грамоте» 1820 г., но аспект ее исследования не требовал от автора углубления в историю и анализа конституционных поисков верховной власти. Поэтому Н. В. Минаева ограничилась рассмотрением и критикой готового конституционного проекта и сравнением его с тем, что противопоставляла ему передовая Россия.

В последнее десятилетие в изучении русской истории XVIII—XIX вв. выделилась особая проблема — русская бюрократия. Появление книги С. М. Троицкого «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.» (М., 1974) положило начало монографическому изучению ее формирования. В исследовании П. А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» (М., 1978) впервые была сделана попытка дать общую характеристику русского чиновничества на протяжении всего XIX в., а также проанализировать состав отдельных групп высшей и губернской администрации в двух хронологических срезах — для середины XIX и начала XX в. О дворянской бюрократии первой половины XIX в. писал и Н. П. Ершкин в упомянутой уже монографии. Изучается история русской бюрократии в последнее время и в зарубежной историографии.

Постепенно благодаря усилиям историков образ российского чиновничества начал приобретать зримые очертания. В первую очередь изучалось законодательство, определявшее правовой статус бюрократии в XVIII и XIX вв. Наряду с юридическими нормами активно изучалась история государственных учреждений и правительственная политика в этой области. В научный оборот введены значительные комплексы документов, извлеченных из архивов тех учреждений, задачей которых была организация деятельности государственного аппарата. Это позволило вскрыть подспудные процессы, влиявшие на издание законодательных актов, показать борьбу различных группировок внутри правящего класса. Использование богатой мемуарной литературы дало возможность раскрыть закулисную сторону событий, взглянуть изнутри

на правительственную политику, охарактеризовать реальные условия жизни и деятельности чиновничества. В монографии П. А. Зайончковского подобный анализ был дополнен галереей выразительных портретов некоторых представителей высшей бюрократии России XIX в.

Даже этот по необходимости беглый историографический очерк показывает, как постоянно привлекала внимание историков первая четверть XIX в.— время, ознаменовавшееся крупнейшими событиями политической истории России. Очевидно тем не менее, что многие из происходивших в это время процессов либо вовсе не рассматривались в историографии, либо освещены явно недостаточно, что и побудило автора настоящего исследования попытаться разрешить некоторые из этих проблем.

-
- ¹ *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1.; М., 1958. Т. 2; *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. 1-е изд. М., 1954; 2-е изд. 1960; 3-е изд. 1968, а также другие, более поздние его работы; *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957; *Рынозюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
- ² *Рахматуллин М. А.* К дискуссии об абсолютизме в России // *История СССР.* 1972. № 4. С. 65–88.
- ³ Полное собрание законов Российской империи: (Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.). СПб., 1830. Т. 1–45. (Далее: ПСЗ-1).
- ⁴ Там же. Т. 41: Указатель хронологический; Т. 42: Указатель алфавитный.
- ⁵ Крестьянское движение, 1827–1869. М., 1931. Вып. 1. С. 31.
- ⁶ Государственная уставная грамота Российской империи. Варшава, 1831. С. 3.
- ⁷ *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 190–191. В настоящее время «Уставная грамота» хранится в ЦГАДА: Ф. 3 (Разряд III). Оп. 1. Д. 25.
- ⁸ ЦГИА СССР. Ф. 1250. Оп. т. 16. Бумаги, оставшиеся после умерших председателей и членов Государственного совета. Д. 1. Л. 3, 15–19 об.
- ⁹ ЦГАДА. Ф. 12 (Разряд XII). Оп. 1. Д. 269. Л. 73–77 об.
- ¹⁰ Разрозненные остатки архива А. А. Аракчеева хранятся ныне в различных местах: ЦГВИА. Ф. 154; ГБЛ. Ф. 471; Архив ЛОИИ. Ф. 238; ГПБ. Ф. 29; ГИМ. Ф. 190.
- ¹¹ ГПБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдера). Картон 31. № 16. В биографии Александра I Шильдер подробно изложил ее содержание. См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 42–46, 453. Примеч. 43.
- ¹² Деятельный век: Ист. сб./Изд. П. Бартевым. М., 1872. Кн. 1. Стб. 145–208.
- ¹³ В ЦГАОР СССР (ф. 679) хранятся лишь его остатки.
- ¹⁴ РИО. СПб., 1894. Т. 90.
- ¹⁵ ЦГИА СССР. Ф. 1167 (Комитета 6 декабря 1826 г.). Оп. т. 16.
- ¹⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1895. Вып. 7.
- ¹⁷ ЦГИА СССР. Ф. 1409 (1-е отд. собственной е. и. в. канцелярии). Оп. 1. Д. 2624. «Проект уничтожения крепостного права Крюкова»; Д. 4560. «Бумаги надворного советника Извольского об уничтожении рабства в России»; Д. 1849 а, б. «Об улучшении состояния курляндских крестьян»; Д. 1856. «Бумаги о новом положении для эстляндских крестьян»; Д. 2077.

- «Рапорт председателя Комитета по введению нового положения об эстляндских крестьянах барона Иксуля с отчетом»; Д. 2165. «Представление курляндского дворянства о даровании курляндским крестьянам свободы, составленное по примеру эстляндских крестьян, и переписка относительно их положения»; Д. 2462. «Учреждение нового положения об эстляндских крестьянах» и др.
- ¹⁸ Московские ведомости. 1818. № 29; Северная почта. 1818. № 26.
- ¹⁹ Московские ведомости. 1818. № 38. С. 1114–1116; Северная почта. 1818. № 35.
- ²⁰ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 4. С. 49–50, 454. Примеч. 48.
- ²¹ В некоторых авторитетных справочниках и энциклопедиях фамилия А. Д. Балашева пишется через «о» — Балашов. Сам он, однако же, всегда подписывался Балашев. Здесь и далее принимаем его собственное написание своей фамилии.
- ²² В неизданных записках Балашев подробно описал беседу, состоявшуюся 1 ноября 1819 г., и отметил, что потом «несколько раз был у государя за наставлениями» (Архив ЛОИИ. Ф. 16 (А. Д. Балашева). Оп. 1. Д. 15. Л. 98 об. — 100, 101).
- ²³ ЦГАОР СССР. Ф. 48 (Верховного уголовного суда и Следственного комитета по делу декабристов). Оп. 1. Д. 193. Л. 1.
- ²⁴ Schiemann Th. Eine Konstitution für Rußland vom Jahre 1819 // Historische Zeitschrift. München und Leipzig, 1894. Bd. 72.
- ²⁵ Stern A. Ergänzung zu der Mittheilung «Eine Konstitution für Rußland vom Jahre 1819» // Historische Zeitschrift. München und Leipzig, 1894. Bd. 73.
- ²⁶ На протяжении ряда лет автором совместно с сотрудником Института истории СССР АН СССР канд. ист. наук И. Н. Киселевым ведется работа по сбору, обработке и анализу с помощью компьютера формулярных списков чиновничества России XIX в. См.: Киселев И. Н., Мироненко С. В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. М., 1986. Вып. 9. С. 6–31.
- ²⁷ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 158–162.
- ²⁸ РСЗ-1. Т. 16. № 12030. С. 510.
- ²⁹ Формулярные списки, относящиеся к XVIII в., хранятся главным образом в ЦГАДА, списки военных — в ЦГВИА СССР, моряков — в ЦГА ВМФ.
- ³⁰ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- ³¹ См. об этом: Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 62.
- ³² ЦГИА СССР. Ф. 1162 (Гос. канцелярия). Оп. т. 16. 1834 г. Отделение дел гос. секретаря. Д. 9. С. 20.
- ³³ Там же. Ф. 1167. Оп. 6. Д. 256, 337.
- ³⁴ По техническим причинам не удалось, к сожалению, использовать формулярные списки ряда адмиралов, хранящиеся в ЦГА ВМФ.
- ³⁵ Проблема репрезентативности сохранившейся выборки рассмотрена в упоминавшейся выше статье. См.: Киселев И. Н., Мироненко С. В. Указ. соч. С. 16–17.
- ³⁶ Вяземский П. А. Моя исповедь // Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2. С. 86.
- ³⁷ Вяземский П. А. Автобиографическое введение // Там же. СПб., 1878. Т. 1.
- ³⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1888. Т. 7.
- ³⁹ Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний // Русский вестник. 1889. № 2; 1890. № 9, 10; Исторический вестник. 1890. № 10; 1892. № 5–8; Русская старина. 1890. № 11; 1893. № 7, 8; 1897. № 6–8, 11; 1898. № 1; 1899. № 6, 12; 1900. № 6, 9, 12.
- ⁴⁰ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 3, 4. Вряд ли можно согласиться с вел. кн. Николаем Михайловичем, который упрекал Шильдера за слишком большое доверие к дневникам А. И. Михайловского-Данилевского и, в сущности, вообще отрицал возможность их использования для характеристики Александра I. См.: Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 210–211.

- ⁴¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 4. С. 495, 496.
- ⁴² Oginski M. Mémoires sur la Pologne et les Polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Paris, 1827.
- ⁴³ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1, 2.
- ⁴⁴ Трубецкой С. П. Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки.
- ⁴⁵ ГПБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдера). Картон 38. № 15.
- ⁴⁶ Тургенев Н. И. Дневники 1816–1824 гг. // Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5.
- ⁴⁷ Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях // Русская старина. 1896. № 10. С. 5–60.
- ⁴⁸ ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4686. Ч. 4. Л. 47–50.
- ⁴⁹ Кульман Н. К. Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I // Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1908. Т. 13, кн. 1. С. 99–147.
- ⁵⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1, 2.
- ⁵¹ Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна. СПб., 1897. Кн. 1. Отдел второй. С. 1–204.
- ⁵² Вяземский П. А. Стихотворения: Библиотека поэта: Большая серия. Л., 1958. С. 114; Он же. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 104.
- ⁵³ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914.
- ⁵⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1895. Вып. 7. С. 153–164.
- ⁵⁵ Богданович М. И. История царствования Александра I и России в его время. СПб., 1869–1871. Т. 1–6; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1–3; 1898. Т. 4.
- ⁵⁶ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 2.
- ⁵⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч.
- ⁵⁸ Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924.
- ⁵⁹ Русская старина. 1898. № 12; 1899. № 1–4, 6, 8; 1900. № 9–11; 1901. № 9–12; 1902. № 1, 2, 7, 8, 10–12; 1903. № 1.
- ⁶⁰ Семеvский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1, 2; Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I: Ист. очерки. СПб., 1871; Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра I; Он же. Граф М. М. Сперанский: Очерк государственной деятельности. СПб., 1909; Кульман Н. К. Указ. соч.
- ⁶¹ Ключевский В. О. Собр. соч. М., 1959. Т. 7. С. 426.
- ⁶² Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, 2.
- ⁶³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1.
- ⁶⁴ Нечкина М. В. Указ. соч. Т. 1. С. 76.
- ⁶⁵ Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 3.
- ⁶⁶ Там же. С. 387.
- ⁶⁷ Там же. С. 378.
- ⁶⁸ Ерошкин Н. П. Указ. соч. М., 1981.

Глава 1. Самодержавная власть: структура, организация, исполнители

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу.*

А. С. ПУШКИН. *Друзьям. 1828*

Россия вступила в XIX в. не только с сохранившимся в неприкосновенности самодержавным строем, но и с такой организацией власти, которая уже не отвечала требованиям времени. В структуре государственных органов царили смешение и неопределенность функций. Возникавшие в течение длительного времени и без определенного плана государственные учреждения не имели ясно очерченной сферы деятельности и четких пределов своей компетенции. Их внутренняя структура не была единообразна и, более того, была, как правило, хаотична. Уже к концу царствования Павла I людям, причастным к управлению страной, было ясно, что в таком виде государственная машина дальше существовать не может¹.

Первое десятилетие XIX в. характеризуется попытками изменить существовавшую организацию государственной власти. Сановная аристократия попыталась прежде всего создать орган, который, хотя бы в минимальной степени, ограничивал произвол самодержца. Таким органом должен был стать Непременный совет, возникший сразу после вступления Александра I на престол. Формально действовавший до 1810 г., он, однако, не сыграл предназначенной ему роли и существовал не столько на практике, сколько на бумаге.

Затем в 1802 г. была проведена министерская реформа, по которой коллегии были заменены министерствами. Однако неопытность молодых советников Александра I, желание найти компромиссные пути, поспешность в проведении реформы предопределили ее неудачу. Выработанные принципы организации министерств несколько лет спустя пришлось существенным образом корректировать.

Вслед за тем на политическую арену решительно выдвинулась фигура М. М. Сперанского. Выходец из среды духовенства, Сперанский благодаря исключительным способностям сделал головокружительную карьеру и к исходу 1807 г. стал одним из ближайших советников Александра I. Именно ему император поручил разработать реформу, которая должна была в значительной степени изменить внутривластное устройство страны. Уже после своего внезапного падения Сперанский из пермской ссылки

писал об этом замысле Александру I: «В конце 1808 года, после разных частных дел ваше величество начали занимать меня постоянное предментами высшего управления, теснее знакомить с образом ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к вам вошедшие, и нередко удостоивая провождать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений вашего величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного образования»². Таким образом, широко известное «Введение к Уложению государственных законов» является в какой-то степени произведением двух авторов — Сперанского и Александра I. Очевидно, что самостоятельно, без санкции царя и его одобрения, Сперанский никогда не решился бы на предложение мер, чрезвычайно радикальных в условиях тогдашней России. Осуществление их означало бы, без сомнения, решительный шаг на пути превращения русского крепостнического абсолютизма в буржуазную монархию.

Отрывки из проекта Сперанского были обнародованы Н. И. Тургеневым еще в 1847 г., черновые редакции проекта увидели свет в конце XIX — начале XX в. Окончательный же вариант «Введения к Уложению государственных законов» был обнаружен только в советское время. В 1961 г. он опубликован под редакцией С. Н. Валка в сборнике проектов и записок М. М. Сперанского³.

Все реформы, проведенные в 1810—1811 гг. и существенно изменившие систему государственных учреждений страны, нельзя понять вне общего замысла преобразований. Необходимо поэтому, хотя бы кратко, изложить существо идей Сперанского. Доказательству необходимости коренных реформ Сперанский посвятил специальную главу «Введения», озаглавленную «О разуме государственного уложения». Изложение причин, побудивших верховную власть встать на путь реформ, убедительно показывает, насколько глубоко уже в то время осознавалась в верхах неизбежность перемен. Рассматривая всемирную историю, особенно историю европейскую, пытаясь отыскать в ней закономерности, приводящие к смене одного образа правления другим, Сперанский приходил к выводу, что «время есть первое начало и источник всех политических обновлений». «Никакое правительство, с духом времени не сообразное,— писал он,— против всемогущего его действия устоять не может»⁴. Все развитие политической жизни Европы представляло собой, по словам Сперанского, «переход от феодального правления к республиканскому», и никто не смог противостоять этому неумолимому процессу. «Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ее воспалило только страсти, произвело волнение, но не остановило перелома», — справедливо утверждал он.

«Тот же самый ряд происшествий,— продолжал Сперанский,— представляет нам история нашего отечества»⁵. Россия шла,

по его мнению, одним путем с Западной Европой. Удивительно, как глубоко и верно оценивал Сперанский сложившуюся ситуацию, как безошибочно улавливал общность исторических судеб России и Европы, понимая, что для России нет иного пути развития. Для него не было сомнений в необходимости и своевременности буржуазных реформ. Анализируя современное состояние государства, указывая на изменение отношения народа к самодержавной власти, явный упадок ее авторитета, очевидную невозможность справиться с положением «частными исправлениями», прямо заявляя о «всеобщем неудовольствии», «сильном желании другого порядка вещей», Сперанский делал однозначный вывод: «...настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа, и настало время переменить ее и основать новый вещей порядок»⁶. Этот новый порядок дел был, по существу, не чем иным, как ограничением самодержавия и созданием в России монархии буржуазного типа.

В основу реформы Сперанский предлагал положить традиционный буржуазный принцип разделения властей. «Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его», — писал он. Поэтому следовало прежде всего отделить друг от друга законодательную, исполнительную и судебную части, сосредоточив их в разных, независимых одно от другого государственных учреждениях. Во «Введении» говорилось: «1) Законодательное сословие должно быть так устроено, чтоб оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтоб мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное. 2) Сословие судебное должно быть так образовано, чтоб в бытии своем оно зависело от свободного выбора и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству. 3) Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно ее поставить в соответствии власти законодательной»⁷. Для этого предлагалось законодательную власть сконцентрировать в новом органе — Государственной думе, исполнительную передать министерствам, а судебную поручить Сенату.

Намечаемые Сперанским преобразования касались, таким образом, всех сторон государственного устройства. В государственную жизнь смело вводились гражданские и политические права, выборное начало и, главное, очевидное ограничение самодержавной власти. Все население Российской империи делилось на три категории: дворянство, люди среднего состояния и народ рабочий. К последнему относились «поместные крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги».

Определенными гражданскими правами, по мнению Сперанского, должны были обладать все жители страны, включая и крепостных крестьян. Не останавливаясь на этом подробно, ука-

жем, например, что в соответствии с ними ни одно лицо не могло быть наказано без суда. Политическими правами, т. е. возможностью принимать участие в управлении государством, наделялись только первые две категории⁸. Право участия в судопроизводстве, принятия законов, наблюдения за верностью действий исполнительной власти получали только лица, имевшие в своем владении недвижимую собственность. Осуществление политических прав на практике предусматривалось путем создания стройной системы выборных дум: волостных, окружных, губернских и Государственной.

Государственная дума должна была стать органом, ограничивающим власть монарха: ни один закон не мог быть издан без предварительного одобрения Думы («никакой закон не может иметь силы, если не будет он составлен в законодательном состоянии») *⁹. Дума получала право широкого контроля над высшими органами исполнительной власти: министры должны были быть в своей деятельности полностью ответственны перед ней, кроме того, она была вправе самостоятельно делать представления верховной власти о нарушении коренного государственного закона или «когда правительство в установленное время не представит узаконенных отчетов»¹⁰. Минуя Думу, император мог принимать решения только о войне и мире или в случае чрезвычайных обстоятельств, когда дело шло «о спасении отечества». Помимо этого, за ним оставалось право издания частных указов, разясняющих и уточняющих прежнее законодательство¹¹.

Предполагалось, что Дума будет собираться ежегодно в сентябре. Срок ее деятельности определялся количеством поступивших в нее дел. Верховная власть могла лишь отсрочить созыв Думы на год, а также уволить всех ее членов, назначив новые выборы.

Сенат становился высшей судебной инстанцией. Его члены выбирались бы губернскими думами, а приговор Сената признавался окончательным. За верховной властью оставалось только право надзора за соблюдением одинаковых форм суда по всей территории страны¹².

Исполнительная власть предоставлялась министерствам, а также губернским и окружным правительственным органам. Вводился буржуазный принцип ответственности исполнительной власти перед законодательной. Именно «недостаток ответственности» наряду с неточностью в определении сфер деятельности и отсутствием точных инструкций о порядке организации самих

* Еще определеннее сказано об этом в другой записке Сперанского — «Кратком начертании государственного образования»: «Никакой новый закон не может быть издан без уважения (т. е. обсуждения.— С. М.) Думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважается в Думе. Закон, уваженный в Думе, вносится на высочайшее утверждение. Закон, призванный большинством голосов неудобным, остается без действия» (Там же, с. 227).

министерств Сперанский объявлял главным «несовершенством» министерской реформы 1802 г.¹³

Вершиной новой государственной системы, по мысли Сперанского, должен был стать Государственный совет. Он служил бы своеобразным связующим звеном между императором и новой организацией законодательной, исполнительной и судебной власти: «В порядке государственных установлений Совет представляет сословие, в коем все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются и чрез него восходят к державной власти и от нее изливаются»¹⁴.

Члены Совета не избирались бы, а назначались императором. Он становился, таким образом, своеобразной палатой лордов, где происходит первоначальное обсуждение важнейших государственных дел.

Определялись в проекте Сперанского и пределы самодержавной власти. В руках императора сохранялась вся полнота управления страной («в России вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной»), он же обладал исключительным правом законодательной инициативы («предложение закона должно предоставить исключительно правительству»), а также утверждал все новые законы. Однако власть его существенно ограничивалась новыми выборными органами: предлагаемый закон не мог миновать Государственную думу, а кроме того, самодержец решительно отделялся от судопроизводства, сохранялось только право контроля за верным исполнением судом существующих законов («действие власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти, надзирающей и охраняющей судебные обряды»¹⁵).

Таков был общий замысел преобразований, представлявший собой, как не раз настойчиво подчеркивал Сперанский, реализацию общих представлений самого Александра I («<...> Они не были предложены мною, — писал он царю сразу после высылки в Нижний Новгород в 1812 г., — я нашел их вполне образовавшимися в вашем уме <...> принцип их останется навсегда неприкосновенным»¹⁶). Замысел, изложенный Сперанским, никогда не был осуществлен. Причины этого недостаточно выяснены в исторической науке. Ясно одно: верховная власть оказалась не в состоянии провести коренные реформы, которые явно назрели и необходимость которых была вполне очевидна наиболее дальновидным политикам.

У самого Сперанского, как ни велика была его уверенность в неизбежности будущего развития России по буржуазному пути, также оставались сомнения в возможности скорой и полной реализации своих планов. Определяя в записке «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» конкретные меры по проведению в жизнь задуманных преобразований, он писал: «Переход от настоящих установлений к новым учредить так, чтобы он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб

ничего не отваживать и иметь всегда способы *остановиться и удержать прежний порядок во всей силе* (курсив мой.— С. М.), если бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия»¹⁷. В соответствии с этим первые преобразования не должны были полностью раскрывать замысел верховной власти. Начинать с декларации о введении конституции казалось невозможным.

Сперанский предполагал приступить к делу с учреждения Государственного совета, воспользовавшись в качестве предлога («два предлога, весьма естественные, можно взять к сему преобразованию») необходимостью рассмотреть гражданское законодательство и состояние финансов. «Время открытия Совета,— писал Сперанский,— можно назначить 1-е генваря нового года». К 15 декабря 1809 г. должны были быть готовы «органические законы сего установления в том самом порядке, как они в свое время войдут в состав Государственного уложения (т. е. конституции.— С. М.)». К тому же сроку следовало составить «обряды сего места и образ его открытия». Начав работу, Совет должен был в первую очередь обсудить «гражданское уложение» и «план финансов», который к концу января был бы принят и «окончен манифестом».

Затем, продолжая обсуждать «гражданское уложение», Совет, по мысли Сперанского, занялся бы «устройством исполнительной части» и забершил его разработку к 1 мая. В мае—сентябре Совет обсудил бы реформу «судной части» и принял «гражданское уложение». «Государственное уложение в течение четырех месяцев не только будет составлено,— писал далее Сперанский,— но и во всех частях как здесь, так и вне России, если будет признано сие нужным, успеет быть рассмотрено. Следовательно,— заключал он,— с 1-го мая можно положить первые начала его введения». Для этого он предлагал издать манифест о выборе к 15 августа депутатов «из всех состояний», объявив, что делается это с целью обсуждения и введения «гражданского уложения».

Собрание депутатов он предлагал назвать Государственной думой и открыть ее деятельность 1 сентября. «Между тем,— продолжал Сперанский,— расположения депутатов будут надлежащим образом испытываемы и приуготовляемы. Если не встретится каких-либо непреодолимых препятствий, то, с божью помощью, предложится Государственное уложение». Вслед за принятием конституции Дума должна была утвердить реформу судопроизводства и новое положение Сената. «Если бог благословит сии начинания,— заканчивал Сперанский,— то к 1811-му году, к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразуется»¹⁸.

Последовавшие вскоре события, как кажется, подтверждают, что предложения Сперанского не только были представлены Александру I, но и одобрены им. 1 января 1810 г., как и предполагалось, было объявлено о создании нового высшего государственного органа — Государственного совета и состоялось первое

его заседание. Манифест об учреждении Государственного совета и специальный документ, регламентирующий его деятельность, — «Образование Государственного совета» — были написаны Сперанским. Он же подготовил речь, с которой Александр I выступил при открытии первого заседания. В качестве вопросов, вынесенных на обсуждение членов Государственного совета, в манифесте назывались проект гражданского уложения, предстоящее преобразование министерств и рассмотрение состояния государственных доходов и расходов. В 1811 г. в Совете обсуждалась разработанная Сперанским судебная реформа.

Однако еще С. М. Середонин в начале XX в. отметил, что учреждение, объявленное манифестом 1 января 1810 г., коренным образом расходилось с принципиальными основами реформ, изложенными Сперанским во «Введении к Уложению государственных законов»¹⁹. Действительно, в структуре государственного управления, предлагавшейся Сперанским, Государственный совет, как мы видели, играл роль особого органа при монархе, через который последнему представлялись решения всех трех принципиально новых форм государственной власти — Государственной думы (законодательство), Сената (суд) и министерств (власть исполнительная).

В документах же, оглашенных 1 января 1810 г., Государственному совету предназначалась совсем иная функция — исключительно законосовещательного органа. В них говорилось: «В порядке государственных установлений Совет составляет сословие, в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соотнобразуются и чрез него восходят к верховной императорской власти»²⁰. Главы II и III «Образования» устанавливали, что «все законы, уставы и учреждения» рассматриваются в Государственном совете, но вводятся в действие верховной властью, что «никакой новый закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь совершения без утверждения верховной власти». Он, следовательно, занимал место, прежде отводившееся Государственной думе, но был устроен на принципиально иных началах. От Государственного совета в том виде, как он был задуман в проекте Сперанского, осталось только название.

Вместо ограничения самодержавия представительным органом — Государственной думой, вместо переустройства всего государственного порядка на буржуазный лад законосовещательные функции были присвоены Государственному совету, назначаемому императором из высших представителей одного сословия — дворянства. При этом основы самодержавного политического строя остались непоколебленными.

Конституируя внешние формы функций этого нового Государственного совета, Сперанский попытался все же придать ему некоторые черты органа, ограничивающего самодержавную власть. В соответствии с «Образованием Государственного совета» мнение Совета принималось большинством голосов. Пара-

граф 53 «Образования» содержал дополнение и разъяснение упоминавшихся выше пунктов I и II коренных законов: «Когда все статьи рассуждения таким образом будут пройдены и предмет довольно уважен, председатель закрывает рассуждение, вопрошает о мнениях и объявляет то, которое большинством голосов будет принято. Сие мнение вносится в журнал». Он и представлялся царю. Члены Совета, не согласные с общим решением, могли подать особое мнение, которое приобщалось к журналу заседания, но никакого правового значения не имело. Все законы, уставы и учреждения должны были издаваться хотя и царским манифестом, но обязательно содержать формулу *«Вняв мнению Государственного совета»*²¹.

Понятно, насколько ничтожными были эти ограничения, да и они вскоре были отброшены. Оценивая предпринятые верховной властью шаги, Н. М. Дружинин писал, что «в 1801—1820 гг. российское самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя»²².

Буквально первые же годы деятельности Государственного совета показали, что самодержавие не в состоянии следовать даже тому порядку, который оно само санкционировало. Принятая общая идея о введении в России законного правопорядка на практике приходила в противоречие с укоренившимся гораздо глубже традиционным произволом русского абсолютизма. Любой шаг к введению законного порядка вскоре сопровождался нарушением законов самим самодержцем.

Прежде всего выяснилось, что Александр I вовсе не намерен рассматривать мнение большинства Совета как обязательное для себя решение. Уже в 1811 г. при обсуждении подготовленной Сперанским реформы Сената царь дважды утвердил мнение меньшинства членов Государственного совета, сперва поддержав 9 членов, высказавшихся за немедленное осуществление реформы (12 членов полагали «отложить до удобнейшего времени»), а затем утвердив решение, запрещающее подавать жалобы на постановления Сената (за — 9, против — 13)²³. По подсчетам П. Н. Даневского, из 242 дел, по которым в 1810—1825 гг. в Государственном совете произошли разногласия, Александр I в 159 случаях утвердил мнение большинства, в 83 случаях — меньшинства (причем в 4 случаях согласился с мнением одного члена)²⁴. Довольно быстро исчезла из употребления и формула *«Вняв мнению Государственного совета»*. Последний раз она была применена в манифесте 17 июня 1812 г., следующий манифест — 1 июля того же года о наборе рекрутов — ее уже не содержал²⁵. Так легко и почти незаметно самодержавие избавилось даже от внешней видимости зависимости от Государственного совета.

Однако даже столь робкие перемены произвели настоящий переполох среди правящего класса. Д. П. Рунич, известный своими реакционными взглядами, видел в реформах начала XIX в.

«введение конституционных порядков» в русскую администрацию. «Самодержавие царя сочеталось с мнением Государственного совета», — с возмущением восклицал он. «Самый недалёковидный человек понимал, — продолжал Рунич, — что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут верх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имеющие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебеям. Недовольство высшего сословия было всеобщее»²⁶.

В дальнейшем верховная власть под давлением оппозиции справа стала последовательно уменьшать значение Государственного совета в жизни страны. Постепенно перестало соблюдаться положение, требующее обязательного предварительного обсуждения закона в Государственном совете. Многие важные законопроекты стали утверждаться царем, минуя его, по докладам председателя Комитета министров, председателей различных советов и комитетов. Таким образом, Государственный совет потерял даже статус единственного законосовещательного органа. Это сразу бросалось в глаза осведомленным современникам. Министр финансов Е. Ф. Канкрин как-то не без сарказма заметил, что Государственный совет был «совещательным местом, куда государь посылает только то, что самому ему рассудится»²⁷.

С течением времени сфера компетенции Государственного совета вообще стала терять сколько-нибудь четкие очертания. Шел процесс ослабления его законосовещательных функций и наделения его финансовыми, судебными и административными полномочиями, вовсе не свойственными его первоначальному назначению.

Уже в 1810 г. на него была возложена обязанность предварительного рассмотрения представлений о военных и гражданских расходах²⁸. В 1821 г. Александр I утвердил мнение Государственного совета о необходимости рассмотрения в нем смет о доходах и расходах Петербурга²⁹.

С 1812 г. Государственный совет стал окончательной судебной инстанцией для разбора преступлений, совершенных коренными жителями Грузии³⁰. А с 1813 г. судебные дела хлынули в Совет нескончаемым потоком, так как Александр I повелел представлять в Департамент гражданских дел все доклады министров и рапорты Сената, поступавшие в Комитет министров. Иные из этих дел вынуждено было рассматривать даже общее собрание Совета³¹.

Возвышение Аракчеева привело к еще большему снижению практического значения этого высшего государственного органа. С 1816 г. право всех докладов Александру I по делам Государственного совета принадлежало всесильному временщику. С мнением, высказываемым Аракчеевым, царь чаще всего и соглашался³².

Тем не менее юридически Государственный совет продолжал оставаться высшим законосовещательным органом империи.

Совет делился на четыре департамента: законов, государственной экономии, гражданских и военных дел. Кроме того, существовало общее собрание, куда дела поступали после их обсуждения в департаментах. Для организации деятельности Совета была создана Государственная канцелярия. Первым государственным секретарем стал М. М. Сперанский. При Государственном совете находились комиссия составления законов и комиссия прошений. Председателем Государственного совета «Образование» объявляло императора. В его отсутствие председателем становился один из его членов по назначению. Назначение председателя возобновлялось ежегодно. Часть членов Государственного совета назначались императором пожизненно, часть — входили в его состав по занимаемой должности: членами Совета были все министры.

Из кого же реально состоял Государственный совет? В 1825 г. в него входили 42 члена. Из них двое, Александр I и вел. кн. Михаил Павлович, были представители императорской фамилии, и данные о них в дальнейшем не анализируются. Сохранилось 22 формулярных списка членов Совета. На основании их рассмотрим его состав.

Члены Совета действительно были верхушкой правящей бюрократии России. Среди них не было ни одного, имевшего чин ниже третьего класса. Чин действительного тайного советника первого класса имел только один человек — председатель Совета кн. П. В. Лопухин (формулярный список не сохранился). Из сохранившихся списков видно, что 77,3% членов принадлежали ко 2-му классу (действительные тайные советники), 22,7% — к 3-му классу (тайные советники). Таким образом, очевидно, что членом Государственного совета мог стать лишь человек, прошедший сложную бюрократическую лестницу почти до самой вершины, хотя формально такого ограничения не существовало.

По своему социальному происхождению все члены Совета были потомственные дворяне. Единственное исключение составлял только сын скромного сельского священника М. М. Сперанский. Высок был среди членов Совета процент титулованной аристократии. 36,4% членов имели графские и княжеские титулы. Довольно тесно члены Государственного совета были связаны с двором — 31,8% из них имели придворные звания. Характерно, что с течением времени эта связь заметно усиливалась. Так, по подсчетам П. А. Зайончковского, в 1853 г. уже 54% членов Государственного совета значились в придворном штате³³.

Значительный интерес представляют сведения об участии членов Государственного совета в военных действиях. Оказывается, что 68,2% из них — профессиональные военные, принимавшие непосредственное участие в войнах, которые вела Россия в конце XVIII — начале XIX в. Достаточно сказать, что членами Совета были такие крупные военачальники, как фельдмаршал

П. Х. Витгенштейн, Ф. В. Остен-Сакен, П. В. Чичагов, герой Отечественной войны 1812 г. М. А. Милорадович, многие боевые генералы, отличившиеся в 1812—1814 гг. Приведенные данные наглядно показывают, откуда самодержавие черпало высшие кадры администрации. Армия служила источником формирования бюрократии начиная со времени Петра I.

Анализ состава Сената, губернских учреждений, как мы покажем ниже, позволяет опровергнуть установившийся в нашей историографии тезис о том, что российский государственный строй приобретает военно-бюрократический характер только со второй четверти XIX в. Еще во времена декабристов доля военных в правительственных учреждениях была значительной. Ясно, что, не пройдя серьезной школы гражданского управления, они имели самое смутное представление о государственных потребностях. Недаром наиболее крупные государственные деятели первой четверти XIX в., выступавшие с планами преобразований, были невоенными. Достаточно назвать хотя бы М. М. Сперанского, Д. А. Гурьева или Е. Ф. Канкрин (хотя последний формально и был генералом, но всю свою службу в армии занимался исключительно интендантством и очень много сделал для обеспечения русских войск во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов).

Данные формулярных списков членов Государственного совета опровергают еще одно широко распространенное представление — о том, что большинство членов Совета находились в преклонном возрасте. Средний возраст членов Государственного совета в 1825 г. составлял 56,3 года. По возрастным группам члены Совета распределялись следующим образом:

Число %			Число %		
35—40 лет	1	4,5	61—65 лет	4	18,2
41—45 »	1	4,5	66—70 »	1	4,5
46—50 »	3	13,6	71—75 »	1	4,5
51—55 »	7	31,8	76—80 »	1	4,5
56—60 »	3	13,6			

86,2% членов Государственного совета были моложе 65 лет, а 45% имели возраст между 45 и 55 годами. Полученные нами данные совпадают с подсчетами В. М. Голикова, который, проанализировав возрастной состав членов Государственного совета за первую половину XIX в., пришел к выводу, что 67% из них были моложе 60 лет³⁴ (на 1825 г. моложе 60 лет было 68%). К середине XIX в. Совет заметно состарился: 67,2% были уже старше 60 лет³⁵. Это понятно, если учесть, что назначение в Государственный совет было пожизненным, а приток молодых сил в николаевское царствование был крайне незначительным. Самыми молодыми членами Государственного совета в 1825 г. были

начальник Главного штаба 40-летний И. И. Дибич и 44-летний министр иностранных дел К. В. Нессельроде, а самым престарелым — 80-летний гр. Ламсдорф, бывший воспитателем Николая I.

подавляющее большинство членов Совета (81,8%) получили домашнее образование. Сохранившиеся формулярные списки показывают, что только Аракчеев и Дибич имели специальное военное образование (закончили кадетские корпуса), а М. М. Сперанский закончил Александро-Невскую главную духовную семинарию в Петербурге.

Домашнее образование, обычное для дворянских детей в XVIII — начале XIX в., — понятие неоднозначное. Так, домашнее образование получил Н. С. Мордвинов, ставший впоследствии одним из самых видных экономистов своего времени, известным не только в России, но и в Европе, обладавший самыми разнообразными знаниями. Ясно, что полученное им «домашнее образование» ничуть не уступало университетскому. По большей же части домашнее образование, особенно в XVIII в., было кратковременным, завершалось, как правило, к 15 годам и сводилось в основном к овладению русской грамматикой, арифметикой, изучению одного или двух иностранных языков, самым общим сведениям о литературе, истории, географии. По мнению специалистов, оно «значительно уступало систематическому курсу гимназии»³⁶.

К сожалению, формулярные списки не содержат графы, которая помогла бы установлению национального состава высшей бюрократии. В какой-то степени на этот вопрос проливают свет сведения о вероисповедании. Однако типичный для многих иностранцев, вступавших в русскую службу, переход в православие не позволяет достаточно точно и убедительно представить связь между данными о вероисповедании и национальной принадлежности того или иного лица.

По вероисповеданию 68,2% членов Государственного совета были православные, в 18,2% случаев церковная принадлежность не указана, 9,1% были католики, наконец, один член Совета принадлежал к евангелическому вероисповеданию.

Рассмотрим вопрос об имущественном положении членов Совета. В сохранившихся формулярных списках такие данные имеются только у 11 членов. Ясно, что столь неполные сведения не дают оснований для надежных выводов. Ограничимся поэтому тем, что приведем имеющиеся в нашем распоряжении факты. Четыре члена Совета имели от 500 до 1 тыс. душ, три члена — от 2 до 4 тыс., три члена Совета были владельцами более чем 5 тыс. крепостных. Лишь один из указанных 11 членов имел менее 500 душ. Это был М. М. Сперанский, которому принадлежало 379 душ.

Приведенные данные о составе Государственного совета к исходу 1825 г. дают возможность охарактеризовать его точнее и яснее, чем это делалось до сих пор. Прежде всего бросается в глаза,

что его члены были большей частью в расцвете сил, а старцы составляли лишь редкое исключение. Своим выдвижением на один из высших государственных постов значительная часть членов Совета были обязаны своей репутации, составившейся в только что завершившейся Отечественной войне 1812 г. 66% из них были не статскими чиновниками, а генералами, что подтверждает мысль о военно-бюрократическом характере этого высшего органа государственной власти России того времени.

Анализ сведений об образовании неопровержимо свидетельствует о том, что члены Государственного совета, как правило, не получали того систематического специального образования, которое необходимо крупному администратору. Наиболее систематическое образование, хотя только в одной области — военной, получил А. А. Аракчеев, закончивший два кадетских корпуса — Шляхетский сухопутный и Артиллерийский.

Даже весьма неполные данные об имущественном положении членов Государственного совета позволяют думать о преобладании среди них крупных помещиков.

Высшим административным органом страны в первой четверти XIX в. был Комитет министров, возникший в 1802 г. Тогда его функции не были точно определены, и М. М. Сперанский справедливо указывал потом, что «сей комитет был ни место, ни особое установление», он был только «образом доклада»³⁷. Значение Комитета министров как высшего административного органа, а также его организационные основы были окончательно определены только «Учреждением Комитета министров», оглашенным 20 марта 1812 г.³⁸

В состав Комитета вошли председатели департаментов Государственного совета, а председатель Государственного совета стал одновременно председателем Комитета министров. По верному замечанию Н. П. Ерошкина, это положило конец планам Сперанского и «четко определило феодальный принцип подчинения законодательного механизма высшей администрации»³⁹.

Согласно «Учреждению» 1812 г., в компетенцию Комитета министров входило рассмотрение дел, по которым «необходимо общее соображение и содействие» и в разрешении которых министр «встретил сомнение», включая и дела, превышающие пределы его власти. В «Учреждении» особо подчеркивалось, что в Комитете должны обсуждаться все дела высшей полиции, вопросы обеспечения населения продовольствием и др. Однако, по существу, Комитет так и не стал органом, объединяющим и направляющим деятельность различных министерств. Он был местом совещаний императора с наиболее доверенными высшими чиновниками. Таким образом, сохранялось смешение функций различных государственных учреждений. Нередко в противоречии с задачами Комитета министров, определенными «Учреждением» 1812 г., в нем рассматривались законопроекты. Затем они утверждались Александром I и становились законами, минуя Государственный совет.

Наряду с этим Комитет министров постоянно был занят разбором судебных дел. Причем поступление их сюда не регламентировалось никакими установлениями, а полностью зависело от желания отдельных министров. В 1820 г. Комитет министров рассматривал, например, дело об ограблении крестьянами некоего Шутихина, которому, кроме всего прочего, были подрезаны жилы одной ноги. Министры огромной державы серьезно занимались этим вопросом, постановив, что преступники должны быть наказаны кнутом и сосланы на каторгу, а Шутихину выплачено 50 руб. компенсации. Дело таким решением, однако, не ограничилось и было отправлено на окончательное утверждение Александру I⁴⁰.

Комитет министров в своей деятельности зачастую попросту подменял министерства. Так, через него проходили все дела по личному составу правительственных учреждений (назначения, увольнения, наградные, пенсионные и др.). Комитет министров мог отменять решения Сената и в определенной степени контролировал его деятельность (сюда поступали, скажем, материалы всех сенаторских ревизий). Полная неразбериха, царившая в этом высшем органе, была совершенно очевидна современникам. В 1826 г. один из чиновников Комиссии составления законов — крупный юрист М. А. Балугьянский в записке «Рассуждение о средствах исправления учреждений и законодательства в России», подводя итог деятельности Комитета министров в прошедшее царствование, вполне обоснованно утверждал: «В настоящем положении Комитет министров занимается как законодательною властью, так и делами, по законам принадлежащими Сенату. Таким образом, достоинство Государственного совета и Сената унизилось. Он занимается мелочами, что отнимает у министров время для занятия важными делами»⁴¹.

В 1825 г. Комитет состоял из 15 членов: 8 из них — министры, 4 — председатели департаментов Государственного совета, М. А. Милорадович — член по должности главнокомандующего в Петербурге, И. И. Дибич — начальник Главного штаба, А. В. Моллер — начальник Морского штаба⁴². Председателем Комитета министров был вначале кн. Н. И. Салтыков. 24 декабря 1815 г. «для доклада и надзора по делам Комитета всякий раз, как здоровье князя Н. И. Салтыкова не позволит ему лично являться в Комитет и к нему, государю», Александр I назначил А. А. Аракчеева. Через три месяца Н. И. Салтыков скончался, председателем Комитета был назначен кн. П. В. Лопухин, но прежний порядок доклада дел Комитета был сохранен. Аракчеев, таким образом, получил и все дела по Комитету министров.

Такое положение не могло не вызывать раздражение министров, лишенных Аракчевым возможности личных докладов императору. Однако члены Комитета только один раз осмелились публично восстать против такого порядка. Сделал это на заседании 26 декабря 1818 г. министр финансов гр. Д. А. Гурьев, заживший: «Правительство, установив общего докладчика и унич-

тожая оным звание министра, пусть уже обяжет его и всю ответственностью по делам, в Комитет представляемым». Аракчеев тут же заявил о своем оскорблении и намерении выйти в отставку. Это, естественно, не было принято Александром I, и позиции Аракчеева в результате только усилились ⁴³.

Одно из центральных мест в системе высших государственных учреждений занимал Сенат. Созданный в 1722 г. Петром I как высший административно-судебный орган, Сенат с течением времени значительно изменил свою структуру и функции. В годы движения декабристов это был громоздкий, плохо действующий государственный механизм, лишенный, подобно уже рассмотренным нами высшим учреждениям, строго очерченной сферы деятельности. По указу 27 января 1805 г. ⁴⁴ Сенат делился на девять департаментов. Второй—восьмой департаменты формально были высшими апелляционными инстанциями для гражданских и уголовных дел. На деле же они таковыми не являлись: принятые ими решения не были окончательными. В случае разногласий между членами (а для вынесения решения требовалось не менее двух третей голосов) дело поступало на рассмотрение общего собрания членов всех департаментов, а затем передавалось на утверждение императора.

С 1813 г. высшей инстанцией по отношению к общим собраниям Сената, отдельно собиравшимся в Петербурге и Москве, стал Государственный совет ⁴⁵. Еще М. М. Сперанский специально обращал на это внимание правительства. В записке «О единогласии и разногласии в судебных решениях», поданной им 20 апреля 1827 г. в Комитет 6 декабря 1826 г., указывая на то, что в Сенате редко удастся собрать две трети голосов, он писал: «Важные и маловажные тяжёбые дела все почти ныне восходят к высочайшему разрешению» ⁴⁶. Кроме того, даже если дело решалось в департаменте, у любого из подсудимых оставалась возможность апеллировать к самодержцу. Предлагавшееся в 1811 г. Сперанским признание решений Сената окончательными (тогда же утвержденное Государственным советом и царем) никогда не было введено в реальную практику судопроизводства.

Судебные департаменты Сената обладали одинаковыми правами, и распределение дел между ними происходило по территориальному признаку: Второй департамент рассматривал апелляции по гражданским делам 8 северо-западных и северных губерний; Третий был высшим гражданским судом для 12 губерний Прибалтики, Украины и Белоруссии; Четвертый — для 9 губерний Поволжья, Урала и Сибири; Пятый департамент был апелляционной инстанцией по уголовным делам для 23 губерний Европейской России. Перечисленные департаменты вместе с Первым и Межевым находились в Петербурге, в Москве располагались остальные три. Из московских департаментов Шестой был высшей апелляционной инстанцией по уголовным делам для остальных 27 губерний Европейской России и Кавказа, Седьмой и Восьмой занимались гражданскими делами.

Ведущее место занимал в Сенате Первый департамент. С одной стороны, он являлся как бы высшей инстанцией, призванной наблюдать за точным исполнением законов, с другой — был наделен массой административных функций. Обер-прокурор Первого департамента Н. Н. Муравьев, составивший для Комитета 6 декабря 1826 г. специальную записку о компетенции этого департамента, насчитывал 62 категории дел, находившихся в его ведении.

Прежде всего надо отметить, что Первый департамент ведал обнародованием законов. Однако наиболее важной его задачей было проведение сенаторских ревизий, в ходе которых проверялось, как правило, состояние отдельных учреждений или целых губерний. Сенаторские ревизии были важной составной частью внутренней политики самодержавия. Сенат, таким образом, не только следил за исполнением общих государственных законов, но и всесторонне контролировал деятельность всей государственной машины. Зачастую ревизии кончались преданием суду многих чиновников и даже губернаторов и других представителей бюрократической верхушки.

Через Первый департамент Сената проходили дела об определении чиновников к должности, о наградах, пожаловании разных прав и преимуществ (возведение в княжеское, графское и баронское достоинство, утверждение в правах дворянства). Первый департамент руководил рекрутскими наборами и проводил ревизии крепостных душ, он контролировал деятельность по винным откупам и утверждал контракты военного ведомства, если они превышали 10 тыс. руб. Функции его представляли причудливое смешение административных принципов и далеко выходили за рамки основного предназначения Сената.

Особое положение занимал Межевой департамент. Он соединял в себе функции высшей административной и судебной инстанции по делам межевания. Тем самым он одновременно и управлял важнейшей для сельскохозяйственной страны отраслью экономики, и являлся высшим судьей в возникавших спорах.

Во главе Сената стоял генерал-прокурор. С учреждением в 1802 г. министерств должность эту стал занимать министр юстиции. Высшее судебное учреждение империи оказалось подчиненным одному из министерств. Всю первую четверть XIX в. и длительное время впоследствии такое положение оставалось неизменным. Совмещение должности генерал-прокурора и министра юстиции приводило к полному господству последнего в Сенате. В то время, как писал сенатор И. В. Лопухин, «укоренился несчастный обычай большинством голосов соглашаться с предложениями Министерства юстиции или какого-нибудь модного обер-прокурора, что все равно, как если бы они одни решали дела, а сенатские рассуждения и труды совсем становятся лишние»⁴⁷.

Отрицательно сказывался на деятельности Сената крайне невысокий профессиональный уровень как самих сенаторов, так и членов подчиненного им аппарата. По меткому определению

И. И. Дмитриева, занявшего в 1810 г. пост министра юстиции, обер-прокуроры и обер-секретари определялись в Сенат «с беспечностью». «Первые,— вспоминал он,— большею частью молодые люди из придворной или военной службы, благовоспитанные, но неопытные и поваженные к изощрению себя более в снискании выгодных связей и покровительства для получения знаков отличий. Последние поступали также отовсюду; испещрены были второстепенными орденами, но некоторые из них не умели порядочно составить даже и неважного определения»⁴⁸.

Главную причину жалкого состояния Сената Дмитриев видел в самих сенаторах, по его мнению явно не соответствовавших требованиям времени. Многие из них «для скорейшего получения ленты или аренды добровольно подчиняют себя министрам и к унижению достоинства своего звания заступают места почти экспедиторов». Для исправления «всех неблагонамеренных или безголосых, тупых сенаторов» Дмитриев предлагал дать министру юстиции право в конце каждого года представлять императору характеристики всех членов Сената и ходатайствовать о награждении трех наиболее отличившихся знаком отличия, арендой или столовыми деньгами. Сенаторы, обойденные несколько раз сряду, должны были, по его мысли, либо исправиться, либо немедленно выйти в отставку⁴⁹.

Сенаторы, как вспоминал один из современников, не «вникали в дела, как бы следовало, поэтому все зависело от доклада, который читали и на словах объясняли обер-секретари согласно тому, как были задобрены той или другой из сторон; они-то и были *de facto* судьи, хотя и не облеченные в это звание, а потому не несущие даже моральной ответственности за решения. Они, не краснея, торговались с заинтересованными; более дающему обещали несомненный выигрыш и в какой-нибудь десяток лет наживали громадные состояния»⁵⁰.

Взятки были настоящим бичом Сената, как и всей судебной системы страны. Ни одно дело не могло быть решено в Сенате без предварительного «смазывания» чиновников всех уровней. Показательна в этом смысле переписка К. Ф. Рылеева, вынужденного в 1820-х годах по делам своей семьи вплотную столкнуться с сенатским механизмом. 25 ноября 1820 г. Рылеев писал жене из Петербурга: «Уведомляю, что просьба матушкина получена в Сенате, но, как полагают, возвращена будет с надписью, ибо таковых в общем собрании не рассматривают. Так говорил мне один секретарь сенатский; но я думаю, что это в переводе значит — *дай!* <...> Обер-прокурор Маврин (будущий сенатор, член Верховного уголовного суда над декабристами.— С. М.) знаком нам весьма хорошо, *но все без денег ничего нельзя будет сделать*. Деньги — лучшие стряпчие, а потому и скажи матушке и Ивану Михайловичу, чтоб поспешили выслать к январю рублей тысячу. <...> Из прилагаемой записки из Сената от секретаря в ответ на мою выправку чрез Крестьяна Ивановича увидите, что уже *пора подмазывать*». О «холоде», который обдаёт его при мысли о

возвращении в Петербург, где его ожидали «мучительные крючкотворства неугомонного и ненасытного *рода приказных*», писал Рылеев Булгарину в августе 1821 г.⁵¹

Неэффективность судебной системы порождала царящий по всей России неприкрытый чиновничий грабеж. Характерно, что в признании его одной из глубочайших язв тогдашней России сходились представители самых различных общественных направлений. Достаточно напомнить исполненные глубокой горечи слова, брошенные декабристом А. А. Бестужевым членам Следственного комитета: «В казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов — везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал»⁵².

И эхом на них звучат строки одного из самых консервативных документов эпохи — «Записки о древней и новой России» Н. М. Карамзина. «Везде грабят, — писал он, — и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты — честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяточбратель и взяточдатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей — и дают им чины, ленты в ожидании, чтобы кто-нибудь на них подал просьбу. А сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, какого они условно лишились. В два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни!»⁵³

Из кого же состояла высшая судебная инстанция империи? В 1825 г. в Сенате заседали 102 сенатора⁵⁴. Сохранились формулярные списки 58 из них. Охарактеризуем сенаторов по тем же показателям, что и членов Государственного совета.

Сенаторы также принадлежали к самой верхушке бюрократической элиты. Лишь один из 58 членов Сената, сведениями о которых мы располагаем, был чиновником четвертого класса. Остальные же имели чины второго и третьего класса. Правда, соотношение чинов было иным, чем у членов Государственного совета: сенаторы почти все (86,2%) были тайными советниками (третий класс) и лишь 12,1% — действительными тайными советниками (второй класс).

По социальному происхождению сенаторы распределялись следующим образом:

	Число	%		Число	%
Титулованное дворянство	12	20,7	Крестьяне	—	—
Дворянство	40	69	Купечество	—	—
Духовенство	1	1,7	Обер-офицерские дети	3	5,2
Мещане	—	—	Прочие	2	3,4

Происхождение сенаторов было менее однородно, чем членов Государственного совета. 10,3% членов Сената составляли выходцы из непривилегированных сословий: духовенства, офицеров, выслужившихся из солдат, и т. п. Чуть ли не вдвое меньше среди сенаторов было представителей титулованной аристократии (20,7% по сравнению с 36,4% в Государственном совете). Связь Сената с двором находилась примерно на том же уровне, что и у членов Государственного совета: придворные звания в 1825 г. имели 29,3% сенаторов. Достаточно велик и процент сенаторов, участвовавших в сражениях, — 60,3%, 36,3% из них — генералы. Хотя доля военных в Сенате уступала доле их в Государственном совете, но была все же немалой. Это вновь наглядно свидетельствует о значительном влиянии армии на гражданское управление. К концу николаевского царствования в Сенате было 30,5% военных ⁵⁵.

Данные о возрасте сенаторов убедительно опровергают бытующее в литературе мнение о том, что Сенат был местом почетной ссылки для состарившихся сановников. Даже современники-мемуаристы, как оказывается, плохо представляли себе истинное положение дел, и их свидетельства не раз вводили историков в заблуждение. Вот что, например, писал О. А. Пржецлавский о 1820-х годах: «Кто довольно стар для того, чтобы помнить описываемое время, тот помнит, что такое был тогда Сенат. Это были разделенные на департаменты группы лиц заслуженных, из разных ведомств, — лиц большею частью очень почтенных, но утомленных службой до полной апатии и с весьма немногими исключениями дряхлых старцев. Притом же очень немногие имели если не теоретическую, то хотя практическую подготовку к занимаемому ими судейскому званию. Почти половина сенаторов были заслуженные военные генералы, которым по каким-либо причинам не предстояла дальнейшая военная карьера; другую половину составляли личности знатного рода: состарившиеся гражданские губернаторы и т. п. <...> В таком составе, — заключает мемуарист, — нельзя было и требовать, чтобы они вникали в дела, как бы следовало» ⁵⁶.

Приведем данные о возрасте сенаторов:

	Число	%		Число	%
40—45 лет	2	3,4	61—65 лет	11	19
46—50 »	6	10,3	66—70 »	6	10,3
51—55 »	12	20,7	Свыше 71	6	10,3
56—60 »	15	25,9			

Средний возраст сенаторов был 58,6 года, что несколько превышает средний возраст членов Государственного совета. Однако преобладающая часть их была не в столь преклонных годах: 60,3% сенаторов были моложе 60 лет, а 31% имели возраст меж-

ду 46 и 55 годами. К 1853 г., по данным П. А. Зайончковского, среди сенаторов уже преобладали лица старше 60 лет — их было 62,8%. И здесь картина сходна с положением в Государственном совете. Ясно, что в николаевское царствование шел процесс одряхления правящей верхушки. В 1825 г. самым молодым сенатором был 43-летний гр. П. И. Кутайсов, выдвинувшийся еще при Павле I благодаря придворным связям, а самыми старыми — 75-летние кн. К. А. Багратион и И. А. Соколов.

Следующие данные характеризуют образовательный уровень сенаторов:

	Число	%
Начальное (низшие народные училища, приходские училища, уездные училища)	—	—
Среднее (главные народные училища, гимназии, учительские семинарии и т. п.), благородный пансион при Московском университете	—	—
Высшее (университеты, лицеи)	3	5,2
Духовное среднее (семинарии, училища)	—	—
Духовное высшее (академии)	—	—
Военное (кадетские корпуса и училища)	9	15,5
Специальное (Горный кадетский корпус и др.)	1	1,7
Частное (различные пансионы)	—	—
Домашнее	44	75,9
Не указано	1	1,7

Как и члены Государственного совета, сенаторы в основном получили домашнее образование. Однако среди них встречаются и люди с высшим образованием, хотя их чрезвычайно мало — всего 5,2%. Однако при полном отсутствии таковых в Государственном совете это выгодно отличает Сенат. Почти четверть сенаторов имели в 1825 г. то или иное специальное образование (из членов Государственного совета его имели единицы).

По вероисповеданию 87,9% сенаторов были православные, 6,9% — лютеране, 3,4% — католики, в одном формулярном списке (Е. Ф. Канкрин) вероисповедание не указано.

Более полно, чем у членов Государственного совета, представлены в формулярных списках сенаторов данные об их имущественном положении (количество душ муж. пола):

	Число	%		Число	%
Нет сведений	3	5,2	1001–2000	1	1,7
Не имеют	13	22,4	2001–3000	4	6,9
До 50	3	5,2	3001–4000	1	1,7
51–100	4	6,9	4001–5000	2	3,4
101–200	11	19	Свыше 5000	3	5,2
201–500	5	8,6			
501–1000	8	13,8			

Таким образом, 77,6% сенаторов были помещики. Из них только третья часть (32,7%) может быть отнесена к крупным землевладельцам (они владели населенными имениями в 500 и более душ). 12,1% сенаторов были мелкопоместные.

Объективные данные о членах Сената: менее элитарный состав, более низкий имущественный уровень, меньшая доля генералитета показывают, что орган этот, формально равный Государственному совету, на деле таким не являлся и отступал на второе место в иерархии государственных учреждений.

Центральными органами исполнительной власти являлись в первой четверти XIX в. министерства. Организация министерского управления после неудачной реформы 1802 г. была окончательно завершена в 1810—1811 гг. Создателем системы министерств, действовавшей в период движения декабристов и просуществовавшей практически в неизменном виде вплоть до 1917 г., был М. М. Сперанский. Еще во «Введении к Уложению государственных законов» Сперанский четко сформулировал основные изъязны реформы 1802 г.: 1) отсутствие четко определенной ответственности министра; 2) недостаточно точное разделение дел между министерствами; 3) неудовлетворительное устройство внутренней их организации. Исходя из этого и был составлен план преобразования министерств.

Новое разделение исполнительной власти по министерствам было определено сперва манифестом 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления»⁵⁷, а затем оглашенным 25 июня 1811 г. «Общим учреждением министерств»⁵⁸. Оно окончательно установило новые принципы организации министерского управления. «Общее учреждение министерств» было обширным законодательным актом (401 параграф) и состояло из двух частей: 1) «Образование министерств» и 2) «Общий наказ». В первой части, согласно мысли Сперанского, что исполнительный порядок есть приведение в действие закона и поэтому разделение управления должно вытекать из разделения законов, определялись сферы деятельности министерств. Главных частей управления было пять: 1) внешние сношения; 2) внешняя безопасность; 3) публичная экономия, включавшая в себя наблюдение за промышленностью, доходами и расходами; 4) внутренняя безопасность; 5) суды.

Соответственно этому было создано восемь министерств (иностраннх дел, военное, морское, внутренних дел, финансов, полиции, юстиции и народного просвещения), два главных управления на правах министерств (Главное управление духовных дел иностранных исповеданий и Главное управление почт) и три отдельные части (Государственное казначейство, Государственный контроль и Главное управление путей сообщения). Основное преимущество такой организации заключалось в том, что управление больше не было подчинено исключительно фискальным и полицейским интересам, а все крупные отрасли управления были выделены в самостоятельные министерства.

Каждое министерство получило единообразное устройство. По «Общему наказу», во главе министерства стояли министр и его товарищ. Аппарат министерства состоял из нескольких департаментов (во главе департамента стоял директор), которые делились на отделения (во главе — начальник отделения), а они, в свою очередь, — на столы (во главе — столоначальник). Вся организация деятельности министерств строилась на принципе единоначалия. Директора департаментов подчинялись министру, начальники отделений — директорам департаментов, столоначальники — начальникам отделений. Через канцелярию министр поддерживал связи со структурными подразделениями, она же ведала вопросами, разрешение которых принадлежало непосредственно компетенции министра.

Министры назначались императором и фактически были ответственны только перед ним. В «Общем наказе» специально оговаривалось, что министрам принадлежит только исполнительная власть и в их компетенцию не входит «никакое новое учреждение или отмена прежнего». Однако, как это не раз случалось, практика внесла существенные поправки в законодательные нормы. И уже в царствование Александра I министры не раз добивались по личным докладом издания новых законов в обход Государственного совета и других органов⁵⁹. В ведении министерств находилось определение и увольнение чиновников, им поручался надзор за действиями подчиненных министерству учреждений, для которых они становились высшей инстанцией в случае возникновения различных затруднений и споров.

Как видим, по манифесту 1811 г. министры получали, по существу, ничем не ограниченную власть в своей отрасли управления. Если по мысли «Введения к Уложению государственных законов» Государственная дума должна была контролировать их деятельность, требовать их отчеты, могла привлечь любого из министров к ответственности, то проведенная реформа сохраняла принцип прямой личной ответственности министра перед монархом. Порочность этого принципа была ясна даже реакционно настроенным современникам. «Перед кем в России будут министры отвечать? — задавался вопросом Ф. Ф. Вигель. — Перед государем, который должен уважать в них свой выбор, которого делают они соучастником своих ошибок и который, не признавшись в оных, не может их удалить? Перед народом, который ничто? Перед потомством, о котором они не думают? Разве только перед своей совестью, когда невзначай есть она в каком-нибудь из них»⁶⁰.

Реформа 1810—1811 гг. завершила перестройку управления огромной страны на ведомственный лад. «Центральный аппарат министерства с его местными органами и учреждениями, — отмечает историк государственных учреждений дореволюционной России Н. П. Ерошкин, — составил отныне единое ведомство со своими ведомственными административными порядками, составом чиновников, бюджетом, даже ведомственным территориаль-

ным делением, не совпадавшим часто с общим делением России на губернии и уезды (ведомственные округа: учебные, горные, путей сообщения и т. п.)»⁶¹.

В 1825 г. министрами были: К. В. Нессельроде — иностранных дел, А. И. Татищев — военным, маркиз И. И. де Траверсе — морским (в 1825 г. находился в отпуске и делами Морского министерства управлял начальник морского штаба А. В. Моллер), В. С. Ланской — внутренних дел, Е. Ф. Канкрин — финансов, Д. И. Лобанов-Ростовский — юстиции, А. С. Шишков — народного просвещения, А. Н. Голицын — главноуправляющим Почтовым департаментом. Крупных государственных деятелей, обладавших четко продуманной программой деятельности, глубоко понимавших насущные потребности страны, среди них, по существу, не было, за исключением Е. Ф. Канкрина да, пожалуй, К. В. Нессельроде. Недаром столь острой критике подвергнуты были почти все отрасли государственного управления страны декабристами⁶². Критика эта была столь убедительна, что Николай I счел нужным не только получить в свое распоряжение свод показаний декабристов, но и постоянно иметь его под рукой (по свидетельству В. П. Кочубея, он лежал у него на столе).

Полнота реальной власти на местах принадлежала в первой четверти XIX в. губернаторам. Они, как и подведомственные им губернские учреждения, были непосредственными представителями самодержавной власти в глазах населения Российской империи.

Министерская реформа 1810—1811 гг. поставила губернаторов в двойственное положение. С одной стороны, они назначались непосредственно императором, ежегодно представляли на «высочайшее имя» отчеты о состоянии дел в губернии и, таким образом, подчинялись непосредственно императору. С другой — являлись чиновниками Министерства внутренних дел и полностью зависели от министра. Губернское же правление — исполнительный орган при губернаторе — осталось подчиненным Сенату. Все это приводило к необычным осложнениям. «По учреждении министерств министры, не имея права предписывать губернским правлениям, — пишет И. А. Блинов в специальном историко-юридическом исследовании института губернаторов, — стали обращаться к губернаторам непосредственно, тогда как губернские правления — по-прежнему относиться лишь к Сенату, отсюда происходило то, что Сенат часто не знал распоряжений министров, а министры — распоряжений Сената. Создалась невообразимая путаница, и развилась необычайная переписка»⁶³. В то же время остальные губернские учреждения были подчинены соответствующим министерствам. Казенные палаты были органом Министерства финансов, палаты гражданского и уголовного суда — Министерства юстиции, полиция была подчинена Министерству полиции (когда же оно было упразднено, перешла в ведение Министерства внутренних дел) и т. д.

Что же представляли собой тогдашние губернаторы, бывшие по своему «званию», как отмечали современники, «важнее министра, ими повелевающего»? «До последнего,— писал П. Сумароков,— можно не иметь дела, никогда с ним не встречаться; напротив того, от губернатора зависит спокойствие населения, удовольствие или неудовольствие его. Губернатор — доверенное лицо венценосца, и миллион народа движется по его мановению»⁶⁴.

Сохранилось 37 формулярных списков губернаторов из 50.

При анализе имеющихся данных прежде всего бросается в глаза относительная молодость этой категории правящей бюрократии. Средний возраст гражданских и военных губернаторов составляет всего 46,3 года. Приводимые данные показывают, что 75,6% из них были моложе 50 лет:

	Число	%		Число	%
До 35 лет	3	8,1	56—60 лет	3	8,1
36—40 »	5	13,5	61—65 »	—	—
41—45 »	10	27	66—70 »	—	—
46—50 »	10	27	71—75 »	1	2,7
51—55 »	5	13,5			

Самыми молодыми среди губернаторов были 32-летний курляндский губернатор бар. П. В. Ган, 34-летний оренбургский губернатор Г. В. Нелидов и 35-летний Н. И. Кривцов, брат декабриста С. И. Кривцова, бывший губернатором в Воронеже. 72-летний литовско-виленский военный губернатор А. М. Римский-Корсаков по возрасту составлял редчайшее исключение.

В отличие от членов Государственного совета и сенаторов губернаторами были чиновники не только второго — третьего, но и четвертого — пятого класса:

Класс	Число	%
Второй	3	8,1
Третий	2	5,4
Четвертый	23	62,2
Пятый	9	24,3

Распределение губернаторов по чинам показывает, что обычно для того времени статус губернского начальства составлял чин действительного статского советника (62,2%), лишь три губернатора достигли чина действительного тайного советника.

Только 8,1% губернаторов были выходцы из непривилегированных сословий, что убедительно свидетельствует об их высокой социальной однородности. По этому показателю губернаторы оказываются впереди сенаторов и почти достигают уровня членов

Государственного совета. Правда, следует отметить, что титулованной аристократии было среди них ничтожно мало — всего 2,7%.

Две трети (67,6%) губернаторов участвовали в сражениях. Это было характерно и для рассмотренных выше групп правящей бюрократии.

Приведем данные об их образовании:

	Число	%		Число	%
Низшее	—	—	Духовное	—	—
Среднее	2	5,4	высшее		
Высшее	3	8,1	Военное	3	8,1
Духовное	—	—	Специальное	1	2,7
среднее			Частное	—	—
			Домашнее	28	75,5

Они свидетельствуют о том, что по этому признаку губернаторы были ближе к сенаторам, чем к членам Государственного совета. Так же как и среди сенаторов, четверть губернаторов имели то или иное специальное образование, чуть более 5% и тех и других получили образование в университетах или лицеях. Среди губернаторов не было только лиц с духовным образованием.

По вероисповеданию губернаторы разделялись следующим образом: 78,4% из них были православные, 8,1% — католики, 10,8% — лютеране. Несколько меньший процент православных в этой категории высшей бюрократии первой четверти XIX в. легко объяснить: самодержавие старалось ставить во главе западных губерний выходцев из местного дворянства, которые, как правило, были либо поляки (католики), либо немцы (лютеране). Данные об имущественном положении губернаторов (количество душ муж. пола) показывают, что почти три четверти (73%) из них были помещики:

	Число	%		Число	%
Не имеют	10	27	501—1000	7	18,9
До 50	1	2,7	1001—2000	5	13,5
50—100	1	2,7	2001—3000	1	2,7
101—200	2	5,4	3001—4000	2	5,4
201—500	8	21,6			

Однако крупных латифундистов среди них было не так уж много — только 21,6% владели имениями свыше 1000 душ. Основная же масса губернаторов (53%) — владельцы имений от 200 до 2000 крестьян. В целом им было далеко до земельных магнатов из Государственного совета (никто из губернаторов не

владел более чем 4000 душ). Показательно, что мелкопоместных помещиков среди губернаторов практически не было.

Приведенные данные показывают, что из представителей высшей бюрократии накануне восстания декабристов наиболее функциональными были все же губернаторы. Они были молоды и в то же время достаточно опытные, успев к 40 годам пройти значительную часть бюрократической лестницы. По тогдашним российским масштабам они были достаточно хорошо образованы. Имущественная однородность этой группы бюрократии делает очевидным, что она представляла наиболее типичное ядро помещичьего класса.

Следующей частью правящей бюрократии являлись председатели губернских палат. Для данного исследования мы располагаем 98 формулярными списками, что составляет чуть менее 80% общего их количества. Вместе с губернскими предводителями дворянства и губернскими прокурорами в исследуемое время они составляли, если так можно выразиться, низшую ступень высшего чиновничества.

По чинам это главным образом коллежские советники — 71,4% (шестой класс), чиновников пятого класса среди них только 23,5%. Объясняется это оттоком чиновников из провинции в центр после министерской реформы 1810—1811 гг. Канцелярская служба в столице, хорошо оплачиваемая и открывающая перспективы быстрого продвижения, отвлекала оттуда лучшие губернские кадры⁶⁵. Именно поэтому должности председателей палат, предназначенные по положению статским советникам, занимались в основном чиновниками, имевшими более низкий классный чин.

По социальному происхождению председатели палат были в основном потомственные дворяне (86,7%), аристократия подобные должности, как и губернаторские, практически не занимала (1%). Но выходцы из непривилегированных сословий составляли и тут всего 12,3%.

Только 35,7% лиц, принадлежавших к этой группе, участвовали в военных действиях и соответственно до вступления на гражданскую службу были военными.

Средний возраст председателей палат — 50,3 года:

	Число		%		Число		%
До 35 лет	6	6,1		56—60 лет	9	9,2	
36—40 »	13	13,3		61—65 »	9	9,2	
41—45 »	12	12,2		66—70 »	5	5,1	
46—50 »	19	19,4		71—75 »	2	2,0	
51—55 »	22	22,4		Свыше 80 »	1	1,0	

Распределение их по возрастным категориям в основных чертах совпадает с данными, полученными о губернаторах, с неко-

торым увеличением представительства в возрастной группе от 50 до 55 лет.

Данные об образовании председателей палат не выбиваются из общего ряда:

	Число	%		Число	%
Начальное	1	1,0	Духовное	—	—
Среднее	2	2,0	высшее	—	—
Высшее	13	13,3	Военное	7	7,1
Духовное	1	1,0	Специальное	—	—
среднее			Частное	—	—
			Домашнее	74	75,5

Они практически совпадают с картиной состояния образования всех проанализированных групп правящей бюрократии, исключая членов Государственного совета, где число лиц, получивших домашнее образование, напомним, было больше 80%.

Имущественное положение (количество душ муж. пола) этого слоя правящей бюрократии решительно отличается от рассмотренного нами ранее имущественного положения членов Государственного совета, сенаторов и губернаторов:

	Число	%		Число	%
Не имеют	36	36,7	201—500	10	10,2
До 50	30	30,6	501—1000	1	1,0
51—100	13	13,3	1001—2000	1	1,0
101—200	6	6,1	2001—3000	1	1,0

Большинство председателей палат вообще не имели собственности (36,7%) или владели мелкими имениями, насчитывавшими менее 100 душ (43,9%). Среднепоместные владельцы составляли среди председателей палат всего 16,3%, а к крупным могут быть отнесены только единицы.

Мы рассмотрели последовательно и систему государственных органов империи, и руководящую каждым из них высшую бюрократию — реальный правящий аппарат самодержавия.

Было бы неверно ограничиться только этим дробным анализом, не попытавшись взглянуть более обобщенно на правящую бюрократию в целом. В заключительном анализе тем же путем обобщим данные доступных нам формулярных списков.

В соответствии с чинами представители правящей бюрократии распределялись следующим образом:

Класс	Число	%	Класс	Число	%
Не указан	13	2,9	Пятый	126	28,5
Первый	—	—	Шестой	98	22,2
Второй	25	5,7	Седьмой	22	5,0
Третий	70	15,8	Восьмой	7	1,6
Четвертый	79	17,9	Девятый	2	0,5

Анализ данных говорит о том, что правящая бюрократия распадается на две основные группы. Ее руководящее ядро составляют лица, достигшие генеральских чинов (действительные статские советники, тайные и действительные тайные советники). В общей сложности их 39,4%. Другую группу, лишь немного превосходящую первую по объему (50,7%), составляют чиновники пятого и шестого класса (статские и коллежские советники). Это они занимали большинство постов в губернской администрации, составляли влиятельную часть аппарата центральных ведомств.

Приведем данные о социальном происхождении чиновников:

	Число	%		Число	%
Титулованное дворянство	26	5,9	Купечество	2	0,5
Дворянство	350	79,2	Обер-офицерские дети	25	5,7
Духовенство	14	3,2	Прочие	18	4,1
Мещане	6	1,4	Не указано	1	0,2
Крестьяне	—	—			

Они убедительно свидетельствуют, что в интересующее нас время в правящей бюрократии явно преобладало потомственное дворянство (85,1%).

Это положение сохранилось и к середине века. По подсчетам американского историка В. Пинтнера, из чиновников 1—5-го класса в 1850-х годах потомственными дворянами были 76,7% ⁸⁶.

Любопытную картину представляют собой данные о возрасте чиновников:

	Число	%		Число	%
До 35 лет	29	6,6	61—65 лет	36	8,1
36—40 »	55	12,4	66—70 »	23	5,2
41—45 »	57	12,9	71—75 »	12	2,7
46—50 »	89	20,1	76—80 »	1	0,2
51—55 »	79	17,9	Неизвестен	7	1,6
56—60 »	54	12,2			

Заметна прежде всего сравнительная молодость людей, управлявших в то время страной. 83,2% представителей высшей бюрократии были моложе 60 лет.

Чиновники же старше 70 лет (2,9%) настолько редки в это время, что их можно не принимать во внимание. Основную массу составляли лица, находившиеся в возрасте от 35 до 50 лет (52%). Нет сомнения, что это омоложение правящего слоя явилось непосредственным результатом недавно закончившихся войн с наполеоновской Францией. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что все возрастные группы представлены в чиновничестве относительно равномерно.

Данные о вероисповедании чиновников демонстрируют преобладание русских (православных) в правящей бюрократии:

	Число	%
Православное	393	88,9
Католическое	14	3,2
Лютеранское	26	5,9
Англиканское	—	—
Иное	1	0,2

Однако необходимо напомнить, что, пользуясь этими данными, следует учитывать значительную долю условности при определении национальности по вероисповеданию. Так, полученные результаты не позволяют подтвердить тезис о засилии иностранцев среди высших чиновников того времени, что часто утверждали современники. Дело в том, что, вступая в русскую службу и принимая чаще всего православие, иностранцы формально превращались в русских. В глазах же современников они оставались иностранцами.

Сведения об имущественном положении (количество душ муж. пола) чиновников следующие:

	Число	%		Число	%
Не имеют	176	39,8	1001—2000	17	3,8
До 50	67	15,2	2001—3000	12	2,7
51—100	30	6,8	3001—4000	5	1,1
101—200	32	7,2	4001—5000	4	0,9
201—500	48	10,9	Свыше 5000	10	2,3
501—1000	37	8,4	Нет сведений	4	0,9

На первый взгляд эти данные противоречат привычным и вполне обоснованным понятиям о правящей бюрократии того времени как о представительной части господствующего класса дворян-землевладельцев. Верно ли такое представление, если почти

40% рассматриваемой нами верхушки чиновничества не имели вообще земельной собственности и крепостных, а еще 22% принадлежали к мелкопоместному дворянству (от 50 до 100 душ) и менее чем пятую часть чиновников можно отнести к крупным помещикам (более 500 душ)?

Вопрос об имущественном положении, едва ли не важнейший для социальной характеристики изучаемой нами бюрократии, может быть правильно разрешен, как оказывается, только при дифференцированном анализе данных по двум резко отличающимся в этом отношении друг от друга группам чиновников.

Первая из них характеризует имущественное положение (количество душ муж. пола) правящей элиты — членов Государственного совета, сенаторов, директоров департаментов в министерствах, генерал-губернаторов, гражданских и военных губернаторов (сведения примерно по трети всех исследуемых формулярных списков):

	Число		%		Число		%
Не имеет	33	28,2		1001—2000	6	5,1	
До 50	5	4,3		2001—3000	6	5,1	
51—100	6	5,1		3001—4000	4	3,4	
101—200	8	6,8		4001—5000	2	1,7	
201—500	21	17,9		Свыше 5000	6	5,1	
501—1000	17	14,5		Нет сведений	3	2,6	

Очевидно, что картина резко меняется: почти 35% этих высших представителей власти — крупные землевладельцы, обладавшие тысячами крепостных крестьян, и лишь 9% из них владели мелкими имениями с населением до 100 душ. Крупные и средние помещики вместе составляют 60% этой категории чиновников.

Совершенно иначе выглядят данные об имущественном положении (количество душ муж. пола) по остальному входящему в рамки нашего исследования чиновничеству — центральному и местному (оставшиеся две трети формулярных списков):

	Число		%		Число		%
Не имеют	143	44		1001—2000	11	3,3	
До 50	62	19		2001—3000	6	1,8	
50—100	24	7,3		3001—4000	1	0,3	
101—200	24	7,3		4001—5000	2	0,6	
201—500	27	8,3		Свыше 5000	4	1,2	
501—1000	20	6,1					

Хотя это сведения о достаточно крупном чиновничестве, имущественное положение его радикально отличается от рассмотрен-

ной прежде верхушки бюрократии. 70% чиновников здесь или вообще не имеют земельной собственности (44%), или принадлежат к мелкопоместному дворянству (26,3%) и, более того, в преобладающей части (19 из 26%) имеют менее 50 душ. Лишь 13,3% можно отнести к крупным помещикам, а крупные и средние вместе составляют лишь 28,9%. Таким образом, для этого самого многочисленного слоя правящей бюрократии служба была основным источником дохода. Именно данные об этом слое ввиду его относительной многочисленности столь значительно повлияли на общую картину имущественного положения всей руководящей части государственного аппарата.

Сравнительно однородная по происхождению, возрасту, вероисповеданию и образованию, правящая бюрократия первой четверти XIX в. заметно дифференцировалась по двум показателям — чинам и собственности. Не совсем совпадая в точных цифрах, именно эти два фактора делили ее на высшее звено и остальную подчиненную ему часть управляющего Россией чиновничества. У кормила высшей власти стояли достигшие высших чинов империи крупные помещики, в ведомствах и губерниях эту власть приводил в действие слой средних по рангу чиновников, значительная часть которых принадлежала к типичнейшему для России того времени классу средних и мелких помещиков.

Общий очерк устройства самодержавной власти, представленный выше, анализ того социального слоя, который эту власть осуществлял, приводят к вполне определенным выводам.

Структура и организация государственной власти в империи в том виде, в каком они существовали в годы движения декабристов, несмотря на отдельные реформы 1810-х годов накануне Отечественной войны 1812 г., не отвечали потребностям времени и не обеспечивали действенного руководства страной. Смещение функций различных частей государственного аппарата, отсутствие контроля за выполнением правительственных решений, дублирование ответственности правительственных чиновников, очевидный разрыв между издаваемыми законами и их исполнением, произвол и повсеместная коррупция — вот отличительные черты самодержавной власти этого времени.

Дальновидные проекты Сперанского не получили практического воплощения в жизнь. Ни одна из реформ государственного аппарата, проведенных в этот период, ни в какой степени не задевала основ феодально-абсолютистского строя. Даже ничтожные ограничения произвола самодержавной власти, которые иные из этих реформ юридически предоставляли высшим государственным органам империи, фактически немедленно попирались самодержцем, отбрасывая реформированные учреждения к прежнему состоянию.

Поэтому основной коллизией политической ситуации первой четверти XIX в. было глубокое противоречие между реальным состоянием самодержавия и его политических институтов и назревавшими требованиями времени, ставшее совершенно очевидным

самой верховной власти. Неспособность выйти из порочного круга, созданного этим противоречием, была свойственна не только одному Александру I. Социальный портрет высшей бюрократии убедительно свидетельствует о том, что именно она, которая должна была намечать пути выхода из этого противоречия, не имела к тому никаких стимулов.

Социально однородный круг высших сановников империи не мог поэтому стремиться к радикальной перестройке и, как весь правящий класс, был уверен в достаточной еще прочности существующего порядка. Однако время все настойчивее расшатывало эту уверенность. Уже само появление внутри правящей бюрократии фигуры Сперанского показывало, что глубинные процессы ищут выхода наружу. Могло ли самодержавие полностью игнорировать события, происходившие вокруг, и совершенно отказать от мысли о серьезных преобразованиях русской жизни? Найти ответы на эти вопросы — задача следующих глав.

¹ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

² Цит. по: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1, ч. 2. С. 191.

³ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 143–221.

⁴ Там же. С. 153–154. ¹⁰ Там же. С. 170, 172.

⁵ Там же. С. 155–156. ¹¹ Там же. С. 177.

⁶ Там же. С. 160–164. ¹² Там же. С. 197–201.

⁷ Там же. С. 166. ¹³ Там же. С. 201–216.

⁸ Там же. С. 186–188. ¹⁴ Там же. С. 216.

⁹ Там же. С. 176.

¹⁵ Там же. Гл. 2 «О разуме законов в державной власти». С. 168–174.

¹⁶ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 45.

¹⁷ Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 233.

¹⁸ Там же. С. 231–237.

¹⁹ Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский: Очерк государственной деятельности. СПб., 1909. С. 33.

²⁰ ПСЗ-I. Т. 31. № 24064. С. 4.

²¹ Там же. § 73.

²² Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 457.

²³ Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. С. 48–49.

²⁴ Даневский П. Н. История образования Государственного совета в России. СПб., 1859. С. 82.

²⁵ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1905. Т. 2. С. 73.

²⁶ Рунич Д. П. Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 352, 355, 356.

²⁷ Полиевктов М. Николай I. М., 1918. С. 221.

²⁸ ПСЗ-I. Т. 31. № 24116. С. 53–60.

²⁹ Там же. Т. 40. № 30378. С. 320.

³⁰ Там же. Т. 33. № 24965. С. 19–20.

³¹ Там же. Т. 32. № 25371. С. 556.

³² Голиков В. М. Государственный совет в России в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 17.

³³ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 130.

³⁴ Голиков В. М. Указ. соч. С. 10.

³⁵ Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 130.

- ³⁶ Там же. С. 131.
- ³⁷ *Сперанский М. М.* План государственного преобразования. М., 1905. С. 293–294.
- ³⁸ ПСЗ-I. Т. 32. № 25044. С. 234–236.
- ³⁹ *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 98.
- ⁴⁰ *Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб., 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра I. С. 34.
- ⁴¹ РИО. СПб., Т. 90. С. 30.
- ⁴² *Середонин С. М.* Исторический обзор... Прил. А. С. 599–604.
- ⁴³ Там же. С. 43–44.
- ⁴⁴ ПСЗ-I. Т. 36. № 22645.
- ⁴⁵ *Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 108.
- ⁴⁶ *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России.* СПб., 1859. Кн. 3. Прил. Отд. 1. С. 1–7. Об авторстве М. М. Сперанского см.: РИО. СПб., 1891. Т. 74. С. 121.
- ⁴⁷ *Русский архив.* 1914. Кн. 1. С. 348.
- ⁴⁸ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 184.
- ⁴⁹ Там же. С. 185.
- ⁵⁰ *Пржецлавский О. А.* Записки // *Русская старина.* 1874. № 11. С. 458.
- ⁵¹ *Вылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1934. С. 455, 458.
- ⁵² *Бестужев А. А.* Об историческом ходе свободомыслия в России (письмо Николаю I) // *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.* М., 1951. Т. 1. С. 496.
- ⁵³ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 121.
- ⁵⁴ *Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1825.* СПб., 1825.
- ⁵⁵ *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 138.
- ⁵⁶ *Русская старина.* 1874. № 11. С. 458–459.
- ⁵⁷ ПСЗ-I. Т. 31. № 24307. С. 278–280.
- ⁵⁸ Там же. № 24686. С. 686–719.
- ⁵⁹ *Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 214.
- ⁶⁰ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 107.
- ⁶¹ *Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 215.
- ⁶² *Свод показаний декабристов, составленный А. Д. Боровковым* // *Русская старина.* 1898. № 11. С. 353–362.
- ⁶³ *Блинов И. А.* Губернаторы: Ист.-юрид. очерк. СПб., 1905. С. 158.
- ⁶⁴ *Записка П. Сумарокова* // *Дуброзин Н. Ф.* *Русская жизнь в начале XIX в.* // *Русская старина.* 1899. № 6. С. 493.
- ⁶⁵ *Середонин С. М.* *Граф М. М. Сперанский.* С. 68–69.
- ⁶⁶ *Pintner W.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy // *Slavic Review.* 1976. Vol. 29, N 3. Sept. P. 437.

Глава 2. Самодержавие и крестьянский вопрос

*Увижу ль, о друзья! Народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя?*

А. С. ПУШКИН. Деревня. 1819

*По первому взгляду на рабство в России говорю: оно
уродливо. Это нарост на теле государства. Теперь дело
лекарей решить: как истребить его? Свести ли медлен-
ными, но беспрестанно действующими средствами? Сре-
зать ли его разом? (...) Теперь что вы делаете? Вы созна-
етесь, что это нарост, пальцем указываете на него и
только что дразните больного, когда должно и можно его
лечить.*

Из записной книжки П. А. ВЯЗЕМСКОГО. 1820

Победоносное завершение Отечественной войны 1812 г., освобождение Европы от наполеоновского ига, приобретение Россией лидирующего положения в международных отношениях — словом, все те достижения, которыми была ознаменована для страны середина 1810-х годов, не могли заслонить остроту внутренних противоречий и нерешенных вопросов.

Страна была разорена войной, потребовавшей почти непосильного напряжения всей экономики и принесшей огромные материальные и людские потери. Серьезный урон, нанесенный экономике страны, усугубился почти полным расстройством финансов. Россия переживала тяжелый кризис. И хотя, как показали дальнейшие события, крепостной строй был еще достаточно силен и мог справиться с испытаниями без коренной ломки своей основы, объективные потребности в новом пути развития заявляли о себе все с большей и большей силой.

Все передовое в стране ожидало неминуемых, казалось, перемен. И. Д. Якушкин, рассказав в своих «Записках» о действиях Александра I в освобожденной союзными войсками Франции, которым «мог только радоваться республиканец Лагарп», писал затем: «В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решавшие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо (...) слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед»¹.

Необходимость вплотную заняться насущными проблемами, и прежде всего крестьянским вопросом, сознавала и сама верховная власть. Одним из факторов, заставлявших ее задумываться о реформах, оставалось крестьянское движение. Конечно, оно было в эти годы крайне слабым. Достаточно сказать, что на всем огромном пространстве России в 1806—1810 гг. отмечено

всего 89 активных крестьянских выступлений. Да и в следующие пять лет (1811—1815), хотя число их и возросло до 153 (из них 60 — в 1812 г.), размах крестьянского движения был невелик. За 10 лет правительство лишь 23 раза было вынуждено вводить в охваченные волнениями имения воинские команды². Однако дело было не только и даже не столько в масштабах движения. Самодержавие хорошо понимало, что под слабостью внешних проявлений кроется глубокое и широкое недовольство крестьянства. Недаром призрак «пугачевщины» так долго преследовал правящее сословие. Сама мысль о повторении грозных событий крестьянской войны прошлого века (хотя решительно никаких условий для этого в начале XIX в. не было) действовала сильнее, чем само крестьянское движение.

Отечественная война 1812 г. внесла в постоянную борьбу крестьян с помещиками еще один важный момент. Пытаясь понять причины, толкавшие самодержавие в то время к реформированию крепостных отношений, нельзя упускать его из виду.

Война 1812 г. ставшая поистине народной, не только всколыхнула национальное самосознание народа, одушевив и объединив его высокой патриотической целью, но и дала сильный толчок к его социальному пробуждению. «Еще война длилась, — вспоминал в 1826 г., находясь в заточении в Петропавловской крепости, декабрист А. А. Бестужев, — когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. „Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа“»³.

Если к этому добавить, что во время заграничных походов русская армия (солдаты и офицеры, дворяне и крестьяне) своими глазами увидела иной образ жизни, иной политический строй, иной образ ведения хозяйства, то становится ясно, как сложны были проблемы, с которыми пришлось столкнуться самодержавию. Перед властью возникла вполне реальная опасность, что крестьяне в солдатских мундирах — победители Наполеона и освободители Европы — могут и не захотеть сносить по-прежнему все тяготы крепостного права.

В то время становилось заметнее политическое размежевание, начавшееся и в среде самого дворянства. Все громче заявляло о себе течение, пусть очень незначительное по численности в сравнении с основной массой помещиков-крепостников, но вполне определенное по своей политической направленности. Формировалось убеждение, что без уничтожения крепостничества во всех его проявлениях невозможно развитие страны. Отечественная война 1812 г. оказалась мощным катализатором, ускорившим политическую дифференциацию российского дворянства. Наивысшим проявлением ее было возникновение декабризма, на знамени которого слились воедино лозунги конституции и освобождения крестьян.

Люди, возвращавшиеся в Петербург после нескольких лет отсутствия, не узнавали столичного общества. Передовая молодежь, особенно гвардейские офицеры, как бы пробудилась «к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере» ⁴.

Декабрист М. А. Фонвизин вспоминал: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнее впечатление, что они могли сравнивать все виденное ими за границей с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине: рабство бесправного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство». «Возвратясь в Петербург, могли ли наши либералы удовольствоваться пошлою полковою жизнью и скучными мелочными занятиями и подробностями строевой службы, которые от них требовали строго начальники, угождая тем врожденной склонности Александра и братьев его к фрунтomanии?» ⁵ — с иронией и горестью спрашивал своих будущих читателей декабрист. Конечно, верховная власть, чутко следившая за каждым новым явлением в обществе, вынуждена была считаться и с этим обстоятельством.

Словом, сама жизнь вновь выдвигала на первый план «вечный» вопрос русской действительности.

* * *

Все эти сложные, противоречивые процессы как в капле воды отразились в истории подготовки манифеста, призванного возвестить России о победе над Наполеоном. Проект манифеста написал государственный секретарь адмирал А. С. Шишков — человек, известный консервативными убеждениями и, конечно, противник каких-либо изменений в отношениях помещиков с крестьянами. Отражая позицию большинства помещиков, Шишков внес в манифест слова, восхваляющие крепостное право и патриархальные отношения помещиков с крестьянами. «Мы уверены,— говорилось в проекте о крестьянах,— что забота наша о их благосостоянии предупредится попечением о них господ их. Существующая между ними на обоюдной пользе основанная, русским нравам и добродетелям свойственная связь, прежде и ныне многими опытами взаимного их друг к другу усердия и общей любви к отечеству ознаменованная, не оставляет в нас нисколько сомнения, что, с одной стороны, помещики отеческою о них, яко о чадах своих, заботою, а с другой — они, яко усердные домочадцы, исполнением сыновних обязанностей и долга приведут себя в то счастливое состояние, в коем процветают добронравные и благополучные семейства». О том, какую реакцию императора вызвал этот крепостнический пассаж, рассказал сам Шишков.

Прочитав проект, Александр оттолкнул от себя бумаги и, весь вспыхнув, сказал: «Я не могу подписывать того, что противно моей совести и с чем я нимало не согласен». Затем решительным движением пера он вычеркнул слова «на обоюдной пользе основанная»⁶. При этом император был настолько взволнован, а действия его были столь решительны, что, как верно заметил впоследствии историк Н. К. Шильдер, Шишков «при всем своем упрямстве и при всей своей смелости не решился разжать губ»⁷. Интересно, как сам Шишков оценил происшедшее столкновение с царем. Оно окончательно убедило его, что у Александра сложилось «несчастное предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка». Характерно, что подобное умонастроение императора мемуарист приписал прежде всего вредному влиянию идеологии французского Просвещения. Шишков писал, что это «предубеждение» «внушено в него было находившимся при нем французом Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов и, словом, от всего русского»⁸.

История подготовки манифеста о победе над Наполеоном, столь подробно и ярко описанная Шишковым, не оставляет сомнений в отношении Александра I к крепостному праву.

В предложенном проекте манифеста императора прежде всего возмутили слова об «обоюдной пользе» крепостных отношений. Вычеркнув их, он тем самым недвусмысленно дал понять, что не только не разделяет эту мысль, но и не считает возможным публично заявлять о «пользе» крепостного права как для помещиков, так и для крестьян. Однако остальной текст остался без изменений. Были сохранены и, таким образом, вновь получили одобрение верховной власти традиционные для самодержавия положения об извечности крепостных отношений, о том, что они органически присущи русской жизни и составляют неотъемлемый ее компонент («существующая издавна <...> русским нравам и добродетелям свойственная связь»). Отношения помещиков к крестьянам снова идиллически изображались как «отеческая забота» о «чадах своих». Словом, была повторена обычная крепостническая риторика.

Но как же это сочетается с тем, что, по недвусмысленному свидетельству Шишкова, Александр I остался недоволен не только заявлением об «обоюдной пользе», но и вообще всем крепостническим духом манифеста? Ответ на этот вопрос достаточно прост. Внутренне Александр I уже давно был убежден в необходимости реформирования крепостных отношений. Заявить же об этом публично император не был готов. Более того, в непростой политической ситуации, о которой речь шла выше, он, видимо, считал необходимым для поддержания спокойствия в стране повторить традиционные слова о незыблемости крепостного права. Внешне, таким образом, позиция самодержавия выглядела



Александр I
1820-е годы



Александр I
1820 е годы



М. М. Сперанский.
1820 е годы



Цесаревич
Константин Павлович.
1820-е годы



Сенатская (Петровская) площадь. Начало XIX в.

неизменной. На самом же деле, не для всеобщего разглашения, но для сведения довольно многих, император осудил крепостное право.

Важно подчеркнуть, что это было сделано хотя и не публично, но вполне официально. Разговор Александра I с Шишковым не был частной беседой. Свои суждения император высказал не просто адмиралу А. С. Шишкову, а государственному секретарю во время подготовки важного государственного акта. При обсуждении проекта манифеста присутствовал Аракчеев, не проронивший ни слова и не реагируя на все попытки Шишкова, когда они вместе вышли из кабинета императора, склонить его к одобрению своей позиции. Кому, как не Аракчееву, одному из немногих, кто пользовался безграничным доверием Александра I, было знать самые сокровенные мысли императора?

* * *

В реальность антикрепостнических убеждений Александра I можно легко поверить, если вернуться к началу его жизненного пути и, хоть бегло, очертить круг идей, воспринятых им в ранней молодости. В общую систему взглядов, привитых вел. кн. Александру Павловичу его воспитателем-республиканцем Ф. Лагарпом, органически входило представление о свободе человеческой личности как основе любого справедливого общественного устройства. Естественно, что речь шла о всеобщей свободе, не стесненной никакими социальными, сословными или иными рамками. В своем историческом курсе Лагарп внушал юноше представления о том, что крестьяне — самая неиспорченная и самая полезная часть общества. Из крестьян, утверждал Лагарп, вышло много великих людей, и главная беда современного положения крестьян заключается в том, что никто не заботится об их просвещении. Поэтому во многих странах (в их числе подразумевалась и Россия) крестьяне находятся в состоянии полного невежества. Обозревая историю крестьянских восстаний, Лагарп всегда оказывался на стороне протестующих и объяснял их выступления неразумной политикой правительств.

Приводимый отрывок дает возможность зримо представить характер лекций Лагарпа: «<...> Инстинкт, общий всем животным, — говорил он об одном из восстаний гладиаторов, — заставляет защищаться от нападений. Пчела впускает свое жало в угрожающую ей руку, и муравей язвит попирающую его пята. По какому же праву человек может безнаказанно угнетать себе подобных и требовать от них безропотного перенесения жесточайших страданий? Жестоко было бы зажимать рот страдальцам, чтобы не слышать их криков и рыданий, и в высшей степени неблагоприятно доводить людей до отчаяния с его гибельными последствиями»⁹.

Конечно, подобные рассуждения могли внушить будущему императору только самые общие представления, не оставляющие, однако, сомнений в безнравственности и противоестественности

крепостного права. Но нет ничего более прочного, чем идеи, усвоенные в ранней молодости. «Не было бы Лагарпа, — говаривал впоследствии император, — не было бы Александра»¹⁰. Весной 1796 г., когда Лагарп был уже далеко, Александр Павлович признавался своему ближайшему другу Адаму Чарторыскому, что он «ненавидит деспотизм везде, в какой бы форме он ни проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, равно должна принадлежать всем людям». Уже тогда Александр ощущал полное одиночество и понимал, что почти ни с кем не может поделиться своими чувствами¹¹.

Возможность реализовать усвоенные в молодости принципы открылась Александру I в марте 1801 г. Последний в русской истории дворцовый переворот, закончившийся убийством его отца Павла I и сделавший его русским императором, дал ему в руки поистине неограниченную власть. Оценивая всю далеко не однозначную деятельность Александра I в первое десятилетие его царствования, вплоть до начала Отечественной войны 1812 г., можно с уверенностью сказать, что в это время он не оставлял мысли о необходимости и неизбежности освобождения крестьян. Став императором, Александр сразу прекратил раздачу государственных крестьян в частную собственность. Это не требовало каких-то особенных приготовлений и резко пресекало распространение рабства вширь. Шаг этот одновременно продемонстрировал неодобрение, с которым император относился к крепостным отношениям. Правда, накануне войны правительство, испытывая серьезные затруднения, вынуждено было на некоторое время вернуться к практике продажи казенных имений. Однако широкого распространения это не получило¹².

Но пойти дальше, претворить общие представления в конкретные проекты, не говоря уже о проведении задуманных преобразований в жизнь, оказалось делом далеко не простым. Кроме объективных причин, это во многом определялось чертами личности самого императора. Как показало время, Александр I оказался не в состоянии выработать свои собственные более или менее определенные представления не только о способах осуществления социальных и политических реформ, но и о самих их принципах. В частности, убежденный, что крепостное право есть зло, что отношения помещиков и крестьян не могут более существовать в прежнем виде, он так и не смог даже для самого себя определить принципы переустройства крепостной деревни. Архивы не сохранили для нас ни одного проекта, ни одного наброска, ни одного, пусть самого общего, рассуждения императора, написанного его рукой, где он изложил бы свои взгляды на пути решения крестьянского вопроса. Известно, что Александр I был человек скрытный, но тут дело в другом. Похоже, что императору попросту нечего было скрывать. До поры до времени он, видимо, опасался открыто осуждать казавшиеся незыблемыми основы русской жизни. Но, когда, став императором, он наконец осмелился это сделать, выяснилось, что сколько-нибудь осмыслен-

ной программы преобразований у него нет, что не могло не сказаться на всей политике правительства в столь важной области.

Эта неопределенность воззрений Александра I отчетливо проявилась в первые же месяцы его царствования. В июне 1801 г. начал заседания так называемый Негласный комитет — полуофициальный правительственный орган, созданный Александром I из его ближайших друзей-единомышленников А. Чарторыского, П. А. Строганова, Н. Н. Повосильцова и В. П. Кочубея с целью подготовить «реформу бесформенного здания государственного управления». Заседания Негласного комитета проходили тайно, под председательством самого императора, как теперь установлено, по крайней мере в течение четырех с лишним лет (вплоть до сентября 1805 г., а может быть, и несколько дольше)¹³. Однако о том, что происходило на заседаниях Негласного комитета, особенно в первый год его деятельности, достаточно хорошо известно благодаря дневниковым записям П. А. Строганова, опубликованным в начале нынешнего века вел. кн. Николаем Михайловичем и называемым обычно протоколами Негласного комитета.

Еще до начала регулярных заседаний, после одного из первых разговоров с императором, П. А. Строганов с огорчением отметил для себя, что мнения Александра I о будущих преобразованиях были высказаны далеко не ясно. «Необходимо, — прибавлял Строганов, — чтобы он их повторил и чтобы в них внесено было больше деталей и порядка»¹⁴. В дальнейшем одной из характерных черт работы Негласного комитета, как отмечал А. В. Предтеченский, внимательно изучавший его историю, была полная бессистемность занятий. Александр I с завидным упорством отвергал все предложения сколько-нибудь определенно сформулировать круг вопросов, которые предполагалось рассмотреть и разрешить в Комитете¹⁵. «Молодым друзьям» так ни разу и не удалось услышать от императора изложение его собственных взглядов.

Действовать в таких условиях было нелегко, и все тот же Строганов попытался привести в систему разрозненные высказывания императора. Он постоянно оговаривался при этом, что так ему «показалось» или «кажется», что, «по-видимому», император имел в виду именно это, а не что-то иное и т. п. Суть позиции Александра I сводилась к следующему. Основой реформ должно стать определение прав граждан, основным среди которых является право на свободу и собственность. Александр предполагал издать законы, «не дающие возможности менять по произволу существующие установления». Он стремился к тому, чтобы только заслуги человека перед отечеством были основанием для его возвышения. Он полагал, что инициатором реформ должен выступать только он сам¹⁶. Нужно ли говорить, что эти общие политические декларации императора были явно далеки от конкретной программы реформ? А без нее никакие реальные действия были невозможны.

Следует впрочем, разъяснить, в каком смысле употреблено здесь Строгановым понятие инициативы. В записи о разговоре с Александром 23 апреля 1801 г. читаем: «Его величество высказался о двух существеннейших принципах» в деле реформы. Первый из них, по собственным словам императора, был таков: «Реформа должна быть исключительно его делом, никто не должен подозревать о подобном труде и никто, не удостоенный специального доверия его величества по этому поводу, не должен даже вообразить, что е. в. замышляет подобное предприятие»¹⁷. Речь шла, таким образом, не только о том, что он и только он должен предстать перед обществом как инициатор реформ, но и о том, что это его замысел и он в глубокой тайне будет над ним работать. В дальнейшем, когда в обществе не было уже сомнений в том, что Александр настроен в пользу освобождения крестьян, он придавал большее значение не своей инициативе, а попыткам вызвать инициативу со стороны дворянства.

В условиях, когда собственные представления могущественного самодержца еще столь не развиты, резко возрастает влияние его ближайших советников. Им поручается развитие и конкретизация общих реформаторских идей. Оказавшись несостоятельным самостоятельно сформулировать принципы преобразований, Александр I доверил это кружку своих «интимных друзей».

В августе 1801 г. в Россию к коронованному ученику приехал Лагарп. Осенью того же года он обратился к Александру с обширным письмом, где, в частности, касался и вопроса об освобождении крестьян, ибо крепостное право было, по его глубокому убеждению, главным препятствием в распространении столь необходимого России просвещения. «Какое образование возможно для людей, прикрепленных к земле,— восклицал Лагарп,— которыми владельцы их могут распоряжаться произвольно, чтобы не сказать — безнаказанно». К этому времени Лагарп имел уже практический опыт решения крестьянского вопроса. В 1798—1800 гг., когда он стоял во главе швейцарской Гельветической республики, там было окончательно отменено крепостное право и сельское хозяйство полностью освободилось от остатков феодальной системы.

Столкнувшись с реальной жизнью, Лагарп мог с полным основанием предупреждать Александра, что вопрос о крепостном праве «очень легко решают в кабинете, но с величайшим трудом в действительной жизни». Он советовал императору действовать «постепенно, без шума и тревоги, а главное — без малейшего посягательства на права собственности», призывал его быть чрезвычайно осторожным, касаясь крепостного права, просил избегать даже слов «свобода», «воля», «освобождение» и, стремясь к его уничтожению, все меры называть не иначе как только «улучшением или упрощением экономического быта»¹⁸. Как видим, никаких реальных мер не предлагал и Лагарп. Но все же в письме говорилось о его готовности в случае одобрения императором общих идей взяться за их конкретную разработку.

Однако никаких практических шагов в этом направлении не последовало. Дело в том, что хотя отношения Лагарпа с Александром I не были омрачены никакими явными столкновениями (их откровенная, доверительная переписка продолжалась в течение всей жизни), но сам факт присутствия воспитателя в столице стал все больше и больше приходить в противоречие с возмраставшей самостоятельностью Александра. Коллизия учитель—ученик, в которой Лагарп претендовал на роль политического наставника императора, уже не вписывалась в формирующийся у Александра образ самостоятельного и независимого повелителя великой державы. Лагарп вынужден был удалиться и в мае 1802 г. уехал навсегда на родину. Дело подготовки реформ полностью перешло в руки «молодых друзей». Но советы Лагарпа не пропали даром. Александр I воспринял его мысль не говорить открыто о целях правительственной политики. Ведь это вполне гармонизовало с привычным для самодержавного образа мышления негласным способом решения важнейших дел. Вот так уже в первые годы «дней Александровых прекрасного начала» утверждался принцип устранения общества от участия в решении судебных страны. И не парадоксально ли, что к этому Александра I толкал не кто иной, как просвещенный европеец Лагарп?

В Негласном комитете проблема крепостного права обсуждалась неоднократно. Но характерно, что ни разу не заходила речь о цельной программе действий в крестьянском вопросе. Члены Комитета спорили, порой очень бурно, об отдельных частных и незначительных мерах, которые как-то неловко назвать даже приступом к реформе. Впрочем, нельзя упускать из виду, что любая попытка хоть сколько-нибудь ограничить или регламентировать право помещика своевольно распоряжаться принадлежащими ему крепостными рассматривалась тогда как посягательство на незыблемые устои.

За время существования Негласного комитета предметом серьезного обсуждения были все же три вопроса: 1) можно ли разрешить недворянам приобретать ненаселенные земли? 2) можно ли запретить продавать крестьян без земли? 3) как быть с дворовыми? Последний вопрос был разрешен довольно быстро: поскольку казна не располагала средствами для выкупа дворовых, то он отпадал сам собой. Два же других обсуждались очень горячо. Представленные Н. Н. Новосильцовым на заседании 11 ноября 1801 г. проекты указов нашли как своих сторонников, так и противников. В итоге Александр I пришел к заключению о необходимости издать указы, запрещающие продажу крестьян без земли и разрешающие купцам, мещанам и казенным крестьянам приобретать ненаселенные земли. Последний указ был утвержден довольно скоро — 12 декабря 1801 г., первый же не появился никогда.

Немаловажную роль в том, что бесчеловечный торг людьми так и не был прекращен, сыграло двукратное обсуждение этого указа в Непременном совете — законосовещательном органе,

составленном из высших сановников империи и бывшем предшественником Государственного совета. 6 мая 1801 г. члены Непременного совета решительно отвергли внесенную по поручению Александра генерал-прокурором А. А. Беклешовым записку о запрещении продавать крепостных без земли. Подобная неосторожная мера могла, по их мнению, вывести из повиновения «простой народ, всегда жаждущий свободы», поскольку не исключено, что крестьяне приняли бы ее «за уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих». Сломить сопротивление членов Совета не удалось даже самому императору, приехавшему на следующее заседание отстаивать исходившее от него предложение. Как писал В. И. Семевский, «в этом деле впервые обнаружился недостаток решительности в молодом императоре по отношению к крестьянскому вопросу».

Александр не стал настаивать и ограничился тем, что 28 мая дал именной указ президенту Академии наук не принимать ни от кого для публикации в ведомостях объявлений о продаже людей. После этого прежние объявления заменились сообщениями об отпуске крепостных в услужение, что ничего не меняло по существу — продажа крепостных без земли продолжалась¹⁹.

Указ 12 декабря 1801 г. оказался единственным практическим результатом деятельности Негласного комитета в крестьянском вопросе. Последствия его были более чем скромными. По подсчетам, произведенным в середине прошлого века В. Вешняковым, в 24 губерниях (по 10 губерниям сведения отсутствовали, в 4 — крестьян-собственников не было) по 8-й ревизии числилось только 130 607 крестьян-собственников. К 1858 г. число их возросло, но не достигло и 300 тыс. Как верно отметил А. В. Предтеченский, «эти данные говорят о неудаче попытки насаждения крестьянского землевладения»²⁰. Но, пожалуй, не только об этом. Не является ли столь слабый рост собственно крестьянского землевладения очевидным свидетельством чрезвычайно слабого еще развития капиталистических отношений в русской деревне первой половины XIX в.? В социальной и политической области это выразилось в том, что в России в отличие от Западной Европы вплоть до реформы 1861 г. так и не возник сколько-нибудь значительный слой свободных крестьян-собственников, которые были бы кровно заинтересованы в ломке отживших отношений не только в сфере производства, но и в политическом устройстве.

Однако, хотя практический итог обсуждения крестьянского вопроса в Негласном комитете оказался ничтожным, нельзя сказать, что его заседания не принесли вообще никакой пользы. Общий план преобразования крепостной деревни выработан не был, но зато, пусть в узком кругу самых близких к Александру I государственных деятелей, был обсужден и стал более или менее ясным ряд принципиальных вопросов. Прежде всего ни у кого из членов Негласного комитета не было сомнений, что любая попытка прикоснуться к крепостному праву вызовет резкое

недовольство помещиков. Трезвое понимание неизбежности столкновения с подавляющей частью господствующего класса накладывало неизгладимый отпечаток и на ход обсуждений внутри самого Комитета, и на всю правительственную политику в крестьянском вопросе. Так, Н. Н. Новосильцов, возражая на заседании 18 ноября 1801 г. против издания указа, запрещающего продавать крестьян без земли, говорил, что его появление может вызвать недовольство помещиков, а Александр I и так слышет человеком, «слишком преданным свободе»²¹. Он же категорически возражал против выкупа дворовых в казну, поскольку помещики могут принять эту меру за начало немедленного освобождения крестьян, а в последних она возбудит «преувеличенные надежды»²².

Правда, в Негласном комитете звучали и более радикальные речи. Так, А. Чарторыйский на том же заседании 18 ноября находил право помещиков на крестьян «столь ужасным», что не считал возможным «останавливаться перед чем бы то ни было для его искоренения», называя все «страхи» по этому предмету неосновательными²³. Решительно отрицал возможность сопротивления дворянства планам правительства П. А. Строганов. Ссылаясь на якобы прочитанное где-то мнение, он утверждал, что «в стране с деспотическим режимом <...> изменения значительно более легки и менее опасны, так как они зависят только от воли одного лица. Остальные следуют за ним, как бараны»²⁴. Однако, несмотря на подобные высказывания, надо признать, что именно опасения, вызванные предельно ясной позицией большинства помещиков в крестьянском вопросе, заставляли отодвигать в неопределенное будущее разработку даже самых общих принципов крестьянской реформы и вызывали поразительную робость первых практических шагов, направленных на ограничение наиболее постыдных его проявлений и на расширение прав крестьян.

Несмотря на все это, на заседаниях Комитета не раз возвращались к вопросу о том, почему необходимо действовать в пользу освобождения крепостных крестьян. Главную побудительную причину очень четко выразил П. А. Строганов. «Во все времена,—говорил он на том же заседании 18 ноября 1801 г.—у нас принимали участие в волнениях крестьяне, дворянство же — никогда, и если правительству нужно чего-либо бояться и за чем-нибудь бдительно следить, то именно за рабами и никем другим». «В отношениях между этими двумя классами,—продолжал Строганов,—царит ненависть, о которой можно сказать, что она очень велика»²⁵. И сам Александр I прекрасно понимал, что «надо, чтобы массы были довольны». «Если они когда-нибудь начнут кричать и чувствовать свою силу,—говорил император на заседании 9 ноября 1803 г.,—это будет опасно»²⁶.

Александр I и его «молодые друзья» были в тревоге, что если не принять срочных мер к ограничению и постепенному уничтожению права помещика на личность и труды крестьянина, то

может вспыхнуть восстание. В этой тревоге они были далеко не одиноки. Подобные представления были распространены и среди других наиболее дальновидных государственных деятелей того времени. Так, Н. С. Мордвинов в одной из своих «Записок для памяти», которую А. В. Предтеченский относит к началу XIX в., папоминал, что Россия уже не раз видела крестьянские восстания против «рабства». Правительство пока имело достаточно сил для их подавления, но теперь «приближается время всеобщего возмущения»²⁷.

Однако было бы неверным считать, что только угроза крестьянского восстания, новой «пугачевщины» заставляла правительство искать способы разрешения крестьянского вопроса. В Негласном комитете ясно проявилось понимание экономической необходимости ликвидации крепостных отношений. Оглашая на заседаниях 11 ноября проекты указов о разрешении недворянам приобретать ненаселенные земли, о запрещении продажи крестьян без земли и о выкупе дворовых, Н. Н. Новосильцов говорил, что их появление продиктовано «стремлением к поднятию сельского хозяйства»²⁸. Александр I и его «молодые друзья», конечно, хорошо помнили, что еще в 1770-е годы Екатерина II наградила большой золотой медалью автора сочинения, доказывавшего экономические преимущества вольного труда перед крепостным. В начале XIX в. в России стали распространяться труды А. Смита — одного из основоположников буржуазной политической экономии.

И наконец, последнее. Хотя члены Негласного комитета и сам император были единодушны в отрицательном отношении к крепостному праву, в известной степени понимали его тормозящее воздействие на развитие страны, осознавали его как постоянный источник социальной напряженности, ощущали, каким нравственным позором является оно для России, тем не менее пойти на немедленные и радикальные преобразования они не решились. В Комитете утвердился принцип постепенности. Принцип этот, на первый взгляд разумный, на деле, как показала история освобождения крестьян, означал в русских условиях длительный отказ от реальных шагов к уничтожению крепостного права. Не случайно даже крепостники соглашались с идеей постепенности в крестьянском вопросе, понимая, что именно она дает им шанс затянуть преобразования.

Отсутствие же программы освобождения крестьян не оставляло иного пути, кроме бессистемного обсуждения отдельных частных мер в этом направлении. В таких условиях каждое предложение о тех или иных, пусть самых незначительных, изменениях в положении крепостных крестьян приобретало в глазах царя значение важного шага, отвечавшего его общим представлениям. Особенно, если инициатива исходила из среды помещиков.

В ноябре 1802 г. гр. С. П. Румянцев, сын знаменитого екатерининского фельдмаршала и брат государственного канцлера Н. П. Румянцева, один из крупнейших в стране землевладельцев,

обратился к Александру I с предложением разрешить помещикам освобождать крестьян за выкуп, но не поодиночке, как это было принято ранее, а целыми общинами с наделением их достаточным количеством земли. Подобная мера, чрезвычайно, по мнению Румянцева, выгодная помещикам²⁹, могла бы привести к постепенному уничтожению рабства, «которое иное ли что, как положительное и ужаснейшее бедствие»³⁰. Предложение Румянцева, получившее полное одобрение и поддержку Александра I, было по его указанию обсуждено в Непременном совете. Совет на этот раз признал предложение заслуживающим одобрения, но, поскольку «издание общего закона об освобождении крестьян по условиям может произвести превратные толки и <...> многие помещики, пораженные слухами, усмотрят в нем первое потрясение их собственности, а крестьяне возмечтают о неограниченной свободе», предложил издать не общее положение, а частный указ на имя С. П. Румянцева, разрешив помещикам следовать его примеру³¹. После непродолжительных обсуждений все необходимые документы были разработаны, и 20 февраля 1803 г. Александр I издал указ о свободных хлебопашцах. Так должны были отныне именоваться освобождаемые на изложенных в нем условиях крестьяне.

Как считают практически все исследователи, главное значение этого указа (помимо того, что он явно давал понять направление правительственной политики в крестьянском вопросе) заключалось в утверждении самой идеи освобождения крестьян с землей за выкуп. Именно в 1803 г. был впервые публично оглашен принцип, положенный затем, конечно в сильно измененной форме, в основу крестьянской реформы 1861 г.

Немаловажное значение для верховной власти и, без сомнения, для самого Александра I вызов С. П. Румянцева имел еще и потому, что в какой-то степени породил иллюзию возможности добиться добровольного освобождения крестьян основной массой дворян-помещиков. Казалось, что остановка только за тем, чтобы определить выгодные для помещиков условия освобождения, а там дело пойдет само собой. Это, как показало время, было глубоким заблуждением. Никакие самые выгодные условия были не в состоянии преодолеть глубинные социально-экономические процессы. Оказалось, что помещики экономически вовсе не были заинтересованы в освобождении принадлежащих им крепостных и ведении хозяйства на капиталистический лад с применением волюнтаризма труда. Иначе нельзя объяснить, почему за все царствование Александра I на основе указа от 20 февраля 1803 г. было освобождено ничтожно малое число крестьян — всего 47 153 души муж. пола³². Верховная власть с напряженным вниманием следила за ходом реализации указа. Ежегодно Александру I через собственную его императорского величества канцелярию представлялись специальные подробные ведомости о крестьянах, переведенных в вольные хлебопашцы³³. Но число их вопреки ожиданиям оказалось мизерным.

В последующие годы внимание Александра I все более занимали иные проблемы, а крестьянское дело постепенно, но неуклонно отходило на второй план. Надвигалась эпоха войн с Францией, и внешнеполитические вопросы оттесняли проблемы внутренние. Постепенно распался кружок «интимных друзей» императора и прекратил заседания Негласный комитет.

После Тильзита главное внимание Александра I было сосредоточено на реформе государственного устройства. Автор «Плана государственного образования» М. М. Сперанский, ставший в это время ближайшим советником императора, был сторонником освобождения крестьян и ни минуты не сомневался в неизбежности падения крепостного права. Но произойти это, по мысли Сперанского, должно было в результате общих политических реформ. И поскольку реформы эти должны были предшествовать освобождению крестьян, речь о каких-либо конкретных шагах к ликвидации крепостничества в проектах Сперанского не шла.

В эти годы Александр I, видимо, почти вовсе не занимался крестьянским вопросом. Однако взгляды его оставались прежними. Судить об этом позволяет переписка императора с В. С. Поповым, видным государственным деятелем екатерининской эпохи, не потерявшим влияния и в годы правления Александра. В 1811 г. на русский язык была переведена книга польского сенатора гр. В. Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами». Описав тяжелое положение крепостных, напомнив, что «пугачевщина» была первым предупреждением о необходимости изменения крепостных отношений, которое, правда, не было понято помещиками, автор доказывал, что иного пути, кроме освобождения крестьян, для России не существует. Сторонник личного безземельного освобождения крепостных, Стройновский описал в своей книге наиболее выгодное, с его точки зрения, устройство сельского хозяйства в условиях ликвидации личной зависимости крестьян от помещиков.

Появление такой книги вызвало единодушный взрыв возмущения в лагере крепостников³⁴. Один из них, В. С. Попов, решил обратиться с письмом непосредственно к Александру I. Мысли Стройновского произвели на него «ужасное» впечатление. «Подобные внушения,— утверждал Попов,— были всегда в устах известных в России мятежников». Консервативное мышление крупного бюрократа не было обременено поисками серьезных аргументов в защиту своей позиции. «В России,— писал он, повторяя расхожие формулы крепостников,— не созрели еще умы к восприятию лестного, но и опасного дара вольности: умствования о ней воспалительны, а следствия злоупотребления ею могут быть ужасны». Попов традиционно пугал императора примером революционной Франции. Да и Россию, считал он, пока в ней не установилось крепостное право, терзали смуты и она страдала от всевозможнейших бед. Кончал Попов письмо знакомым нам по манифесту, составленному тремя годами позже А. С. Шишковым, утверждением, что крепостное право является незыблемым

устоем русской жизни: «Государь! Благосостояние и сила империи основываются на твердости связей, все части соединяющих. Внушения о расторжении их весьма опасны».

Письмо Попова разъярило Александра. В ответ на него он отправил автору 17 сентября 1811 г. короткое, но составленное в очень сильных выражениях послание. «Писание ваше нахожу я совершенно излишним,— резко начинал император,— позвольте мне думать, что я столько же умею понимать вещи, как и вы». Александр писал, что не нашел в книге «ничего похожего» на все опасения Попова и что не может «признать верными» его соображения о прежних временах. К 1811 г. Александр успел уже вполне вкушать сладость самодержавной власти и мог позволить себе царственный окрик, указывающий, кто есть кто: «Вообще не вижу я иного в подвиге вашем, как охоту прослыть советодателем. Я, конечно, столько же искренно привязан к своему отечеству, как и вы. Благосостояние оного составляло и будет составлять всегда первейшую мою заботу». Заканчивалось письмо напоминанием, что в 1768 г. Екатерина II наградила золотой медалью и сотней червонцев доктора прав Беарде Делабея из Аахена за статью «Ответ на вопрос, что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны», где автор прямо писал о «славе царей», которая заключена «в даровании вольности»³⁵.

Послание Попову имело необычный характер. Хотя это было частное письмо, но император не мог не понимать, что его мнение станет достаточно широко известно. В этом видно проявление вполне определенной политической позиции — позиции, которая не изменилась за годы Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Вся история подготовки манифеста 30 августа 1814 г. была почти прямым продолжением полемики Александра I с В. С. Поповым и стоявшими за его спиной помещиками-крепостниками.

О чем свидетельствует этот, по необходимости беглый, обзор взглядов Александра I по крестьянскому вопросу, а также анализ некоторых конкретных итогов его реформаторской деятельности в период, предшествующий изучаемому нами времени? Вернувшись в середине 1810-х годов после долгого перерыва вновь к проблеме крепостного права, Александр по-прежнему не имел определенной и четкой программы. В обозреваемый период она так и не была выработана. Опыт обсуждения крестьянского вопроса, накопленный в годы существования Негласного комитета, результаты первых попыток прикосновения к крепостному праву на практике имели скорее отрицательное, чем положительное, значение. За эти годы Александр лишился своих ближайших единомышленников, так же, как и он, считавших уничтожение крепостничества одной из главных проблем, стоявших перед страной. Александру практически нужно было все начинать заново. Однако в каком-то отношении новая попытка имела преимущества:

Александр теперь обладал огромным опытом и за ним стояла слава освободителя Европы и победителя Наполеона.

* * *

Манифест 30 августа 1814 г. вызвал вполне определенный общественный резонанс. Авторитет Александра I был в то время необыкновенно высок. Крепло убеждение, что, победоносно завершив борьбу с Наполеоном, император примется за реформы внутри страны. И в манифесте многие увидели обещание заняться решением стоявших перед страной насущных проблем. Слова «ныне, хотя постановление и устроение дел в Европе для общего всех народов успокоения и требует отбытия нашего из России, но сие отбытие, уповаем на милость божескую, будет уже недолговременное и с полным окончанием внешних дел возвратит нас к беспрепятственному попечению о внутреннем государства нашего благе»³⁶ многими толковались как обещание реформ.

С. П. Трубецкой вспоминал впоследствии: «По окончании Отечественной войны имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире <...> Россия гордилась им и *ожидала от него новой для себя судьбы* (курсив мой.— С. М.). <...> Эпоха самостоятельности настала. Оставалось вкусить плодов этого положения. Император изъявил манифестом благодарность свою войску и всем сословиям народа русского, вознесшего его на высочайшую степень славы, обещал, утвердив спокойствие общим миром в Европе, заняться устройством внутреннего благоденствия вверенного Провидением державе его пространного государства»³⁷.

Передовая часть общества настолько жаждала перемен, что, пропуская примелькавшиеся слова, жадно улавливала каждое свежее выражение, пытаясь истолковать его на свой лад. Так и Трубецкой, отбрасывая все старое, крепостническое, что было в манифесте 30 августа 1814 г., извлек из него столь близкий ему мотив возможных перемен.

На протяжении второй половины 1814 г. и всего 1815 г. Александр I большей частью находился за границей. В это время в центре его внимания были вопросы послевоенного переустройства Европы. 1815 год озаглаивался в истории Венским конгрессом и установлением печально знаменитого режима Священного союза. Правда, он не приобрел еще столь явного позднее реакционного облика, но все же его возникновение не могло не сказаться и на внутриполитической жизни страны.

С начала 1816 г. шла интенсивная подготовка к организации первых военных поселений. В августе 1816 г. А. Н. Голицын был назначен министром народного просвещения, а вслед за тем было создано новое Министерство духовных дел и народного просвещения, справедливо впоследствии названное современниками министерством «народного затмения».

Отсутствие ясных для общества признаков готовности верховной власти к преобразованиям, ничтожность большинства вопросов, привлекавших внимание Александра I и решавшихся его

именными указами, вызывали горькую иронию и разочарование передовых русских людей. Н. И. Тургенев, сообщая 17(29) июля 1816 г. из Франкфурта брату Сергею о помещенном в «Северной почте» извещении о повелении императора, чтобы «трактир *трех рук* на Царскосельской дороге назывался у 4-х рук и чтобы вместо *трех рук* у столба было сделано 4 с надписями, куда ведут дороги», разочарованно восклицал: «Вот перемены, коих изумленная Европа ожидала от великой России»³⁸.

Однако в действительности планы реформ вовсе не были отставлены и забыты верховной властью. Наоборот, с 1816 г. Александр I вновь начал чрезвычайно активно заниматься вопросами решения крестьянского вопроса. Непосредственным толчком к практическим действиям в этом направлении послужила, видимо, инициатива эстляндского дворянства, заявившего в начале 1816 г. о своей готовности освободить крепостных крестьян.

Прибалтийские губернии (Лифляндская, Курляндская и Эстляндская) коренным образом отличались от всей остальной России. Здесь не существовало крепостного права в его крайних проявлениях. Уровень развития товарно-денежных отношений был значительно выше, чем в центральной России. Главное же, помещики уже осознали экономическую невыгодность сохранения крепостного права. В предшествовавшее десятилетие самодержавие шло в Прибалтике по пути постепенного предоставления крестьянам определенных прав. Рядом законодательных актов за эстляндскими крестьянами было закреплено право на движимую собственность и передачу по наследству хозяйства, а по закону 1804 г. были четко определены повинности крестьян в зависимости от количества и качества земли. Теперь формально было уничтожено и само крепостное право. 23 мая 1816 г. Александр I утвердил новое положение об эстляндских крестьянах. В соответствии с ним крестьяне получали личную свободу, но лишались права на землю, переходившую в полную собственность помещиков. Запрещение свободно передвигаться и выбирать род занятий фактически превратило крестьян в бесправных арендаторов или батраков. Положение их оставалось крайне тяжелым.

Однако при всех очевидных издержках уничтожение крепостного права в Эстляндии открыло собой принципиально новый этап в истории крестьянского вопроса в России, что еще недостаточно оценено историографией. В существующей литературе внимание исследователей сосредоточилось главным образом на феодальных пережитках, тех путях, которые и после освобождения эстляндских крестьян продолжали сковывать капиталистическое развитие сельского хозяйства. За справедливой критикой условий освобождения в тени остался тот факт, что положение 1816 г. было первым за несколько столетий русской истории актом, которым самодержавие не углубляло или не расширяло крепостное право, а, напротив, уничтожало его действие хотя бы на части территории огромной Российской империи. В 1816 г. самодержавие публично, не на словах, а на деле продемонстрировало

свою готовность при определенных условиях пойти на конкретные меры для освобождения крепостных крестьян.

Качественным отличием положения об эстляндских крестьянах от всего предшествовавшего законодательства стало немедленное личное освобождение крестьян с момента введения его в действие. Напомним, что самая радикальная из всех предшествовавших мер самодержавия в крестьянском вопросе — закон о вольных хлебопашцах 1803 г., как известно, вовсе не отменял крепостного права, а только определял те условия, на которых отдельные помещики по своему желанию могли освобождать своих крестьян. В 1803 г. верховная власть не сочла возможным хотя бы в нескольких словах осудить сам институт крепостного права. В 1816 г. дело обстояло по-иному. «Несчастное,— по словам А. С. Шишкова,— предубеждение против крепостного в России права» Александра I получило в глазах дворянства новое практическое подтверждение. Освободив эстонских крестьян, царь тем самым уже открыто осудил крепостное право. В обществе поползли слухи о близящейся общей реформе крепостных отношений. С. П. Трубецкой свидетельствует: «Был составлен проект для освобождения крестьян Эстляндской губернии, и явно начали говорить, что он намерен дать свободу всем крестьянам помещичьим»³⁹.

Инициатива дворян Эстляндской губернии сыграла важную роль в активизации занятий верховной власти крестьянским вопросом. Предшествовавшая деятельность самодержавия в этой области была ориентирована именно на попытки вызвать такую инициативу. Но дворянство великорусских губерний упорно не желало каких бы то ни было перемен. Закон о вольных хлебопашцах 1803 г., открывавший помещикам широкие возможности для добровольного освобождения крепостных, как уже говорилось, не дал, по существу, никаких результатов. С точки зрения верховной власти неудача могла объясняться по крайней мере двумя обстоятельствами: либо был плох сам закон и закрепленные в нем условия освобождения крестьян не соответствовали интересам помещиков, либо помещики вообще не желали прерывать крепостные отношения. Инициатива прибалтийского дворянства, казалось, сводила дело к первой причине. Поэтому прежде всего нужно было выяснить те условия, на которых дворянство могло бы согласиться на изменение положения крепостных крестьян, а при случае подтолкнуть его к инициативе в этом вопросе.

Благоприятная возможность действовать в избранном направлении представилась летом 1816 г., когда малороссийским генерал-губернатором был назначен Н. Г. Репнин-Волконский, кстати сказать, сводный брат декабриста С. Г. Волконского (вот один из возможных каналов информации декабристов о намерениях верховной власти). Осведомленные современники связывали с этим назначением начало обширных реформ на Украине. Малороссия, видимо, давно уже привлекала внимание Александра I;

начиная же с 1816 г. она стала занимать особое место в его планах. Генерал-адъютант гр. П. П. Сухтелен записал в своем дневнике: «На Петергофском празднике объявлено назначение князя Репнина малороссийским военным губернатором, т. е. двух губерний — Полтавской и Черниговской. Эти губернии будут состоять на старинном казацком положении. Они недовольны были предположением образовать из них две уланских дивизии наподобие чугуевской <...> Их управление вроде донских казаков. Войсковая канцелярия, войсковой суд, упраздненные Екатериною, теперь восстановлены; но гетмана не будет. Вот новое правительство в государстве» ⁴⁰.

Последние слова Сухтелена свидетельствуют о тонком понимании значения готовящихся преобразований. Действительно, возвращение к традициям участия казацкой верхушки в делах управления резко противоречило самодержавному принципу. Реставрация екатерининских порядков расценивалась современниками как ограничение самодержавной власти и давала основание говорить о «новом правительстве в государстве». Напомним, что и крепостное право в Малороссии не имело глубоких и прочных корней. На Левобережной Украине оно получило окончательное оформление только в 1783 г. Александр I имел, таким образом, основание возлагать определенные надежды на большую сговорчивость здешнего дворянства.

Свои реформаторские замыслы, в том числе и касающиеся судьбы крепостных крестьян, Александр I держал в строгой тайне. Именно поэтому так трудно сейчас восстановить действительную картину событий. Но, несмотря на то что царь предпочитал в таких вопросах не давать письменных инструкций и предписаний, а ограничивался устными указаниями, все же удастся, хотя бы в общих чертах, представить себе его позицию. Многие из тайных замыслов Александра I выяснилось во время следствия над декабристами. Поэтому как сейчас, так и в дальнейшем нам придется прерывать хронологическую последовательность изложения и касаться событий, происшедших десятилетие спустя.

В феврале 1826 г., в самый разгар следствия над декабристами, был арестован и доставлен в Следственный комитет полтавский помещик, бывший предводитель дворянства Полтавской губернии С. М. Кочубей. Его подозревали в связях с декабристами и в принадлежности к тайному малороссийскому обществу. Однако довольно быстро выяснилось, что Кочубей никакого отношения к движению декабристов не имел, и он вскоре был освобожден с оправдательным аттестатом. Но именно показания С. М. Кочубея на следствии позволили обнаружить факт секретного поручения, данного ему в свое время Александром I через Н. Г. Репнина. Отвечая на вопросы Следственного комитета, С. М. Кочубей показал: «В 1817 году по высочайшему повелению, объявленному мне секретно генерал-губернатором, имел я поручение составить правила для свободного состояния помещи-

чьих крестьян. Сим занимался я более году, после чего правила сии были представлены покойному государю»⁴¹.

Показания С. М. Кочубея, сравнительно недавно введенные в научный оборот⁴², позволяют совершенно по-новому взглянуть на факт, принципиально важный для нашего исследования. О проекте Кочубея, в конце 1817 г. представленном царю, было известно еще с 1895 г., когда Н. Ф. Дубровин опубликовал связанную с этим проектом переписку Н. Н. Новосильцова, Репнина и Кочубея, хранившуюся в архиве императорской канцелярии⁴³. Однако в то время не было известно, что проект Кочубея составлен по специальному заданию Александра I. Поэтому во всех исследованиях он рассматривался и рассматривается до сих пор как один из проектов решения крестьянского вопроса, которые представлялись тогда верховной власти по инициативе их авторов.

Свидетельство Кочубея не оставляет сомнений в том, что Александр I перед отъездом Н. Г. Репнина в Полтаву специально ввел нового генерал-губернатора в курс своих планов по крестьянскому вопросу, определив при этом, какое место в них занимает Малороссия. Когда же состоялась их беседа? 10 августа 1816 г. Александр I выехал из Царского села в большое путешествие по России и возвратился только 13 октября⁴⁴. В то время Н. Г. Репнин был уже на пути в Полтаву⁴⁵. Следовательно, разговор Александра с ним мог произойти только летом 1816 г., скорее всего, в июле — начале августа, после официального назначения Репнина генерал-губернатором. Уточнение хронологии в данном случае не простая формальность. Вспомним, что указ об освобождении эстляндских крестьян был подписан Александром в конце мая. Затем, как выясняется теперь, он поручил Кочубею «составить правила для свободного состояния крестьян». Связь этих событий благодаря уточнению времени беседы Александра I с Репниным становится более очевидной.

В числе фактов, свидетельствующих о возраставшем внимании Александра I к проблеме крепостного права, находится также, без сомнения, упомянутая поездка по России осенью 1816 г. Обычно к постоянным путешествиям Александра относятся со значительной долей иронии («всю жизнь провел в дороге...»). Образ бесцельно «кочующего деспота» прочно вошел в наше сознание. Но вряд ли столь однозначная оценка правильна во всех случаях. Дневниковые записи флигель-адъютанта Александра I А. И. Михайловского-Данилевского, сопровождавшего царя во всех поездках, показывают среди прочего и пристальный интерес его к различным сторонам жизни подвластной ему огромной страны, в частности к положению крестьян и организации крепостного труда. В Малороссии Александр I заходил в крестьянские избы и «нашел их в неописанной нечистоте». Здесь же он встретил помещика, ехавшего в сопровождении двух казаков с пиками. «Употребляя людей таким образом на пустые затеи,— заметил Александр I,— их отвлекают от работы».



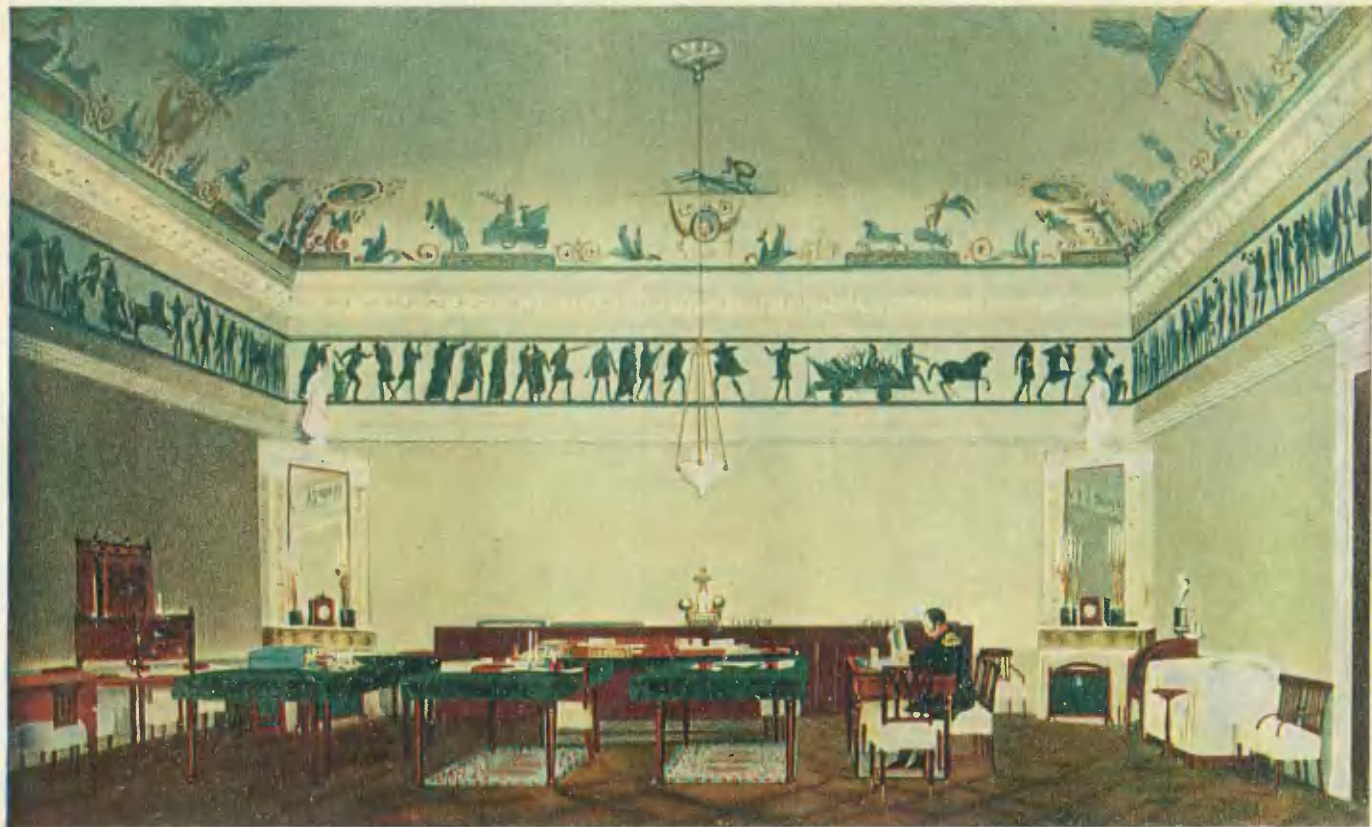
А. А. Аракчеев.
1820-е годы



Н. М. Муравьев.
1824 г.



П. И. Пестель.
Начало
1820 х годов



Кабинет Александра I в Зимнем дворце

Особый интерес императора привлекла организация помещичьего хозяйства Полторацкого в Калужской губернии. Описывая свои впечатления, он говорил Михайловскому-Данилевскому: «Я нашел крестьян в бедном положении, но господскую запашку очень хорошо обрабатывают. Это образец иностранного хозяйства, а не нашего: в России добрый помещик и хороший хозяин должен смотреть, чтобы крестьяне были богаты; собственная же запашка не составляет единственной цели домоводства». По словам Михайловского-Данилевского, Александр говорил об этом с жаром и было видно, что «он чувствует тягостное положение крестьян»⁴⁶. Зная о планах Александра I в отношении Малороссии, вряд ли можно предположить, что эти области попали в его маршрут 1816 г. случайно. Скорее всего, он сознательно стремился лучше узнать особенности того края, на который было обращено его пристальное внимание.

Таким образом, 1816 год не только принес крестьянскую реформу в Эстляндии, но и показал серьезную заинтересованность верховной власти в более широком подходе к проблеме.

* * *

Историографическая традиция относит к 1816 г. еще один эпизод, как будто иначе характеризующий позицию Александра I в крестьянском вопросе. Традиция эта восходит к биографии Александра I, составленной М. И. Богдановичем и опубликованной еще в 1869 г.

Как пишет М. И. Богданович, в 1816 г. «многие из богатейших помещиков Петербургской губернии» решили освободить своих крестьян, обратив их «в обязанных поселян на основании существовавших тогда на сей предмет постановлений». Составленный проект был подписан 65 помещиками и через И. В. Васильчикова представлен на высочайшее утверждение. «Как Васильчиков, так и прочие участники в подписании помянутого акта, — продолжает Богданович, — полагали, что государь не знал ничего о происходивших по сему поводу собраниях, но были убеждены, что он примет благосклонно предложение, согласное с его образом мыслей». Оказалось не так. Императору уже было известно о замысле дворян, и едва Васильчиков стал говорить об этом деле, как «Александр, прервав его речь, спросил у него: „Кому, по его мнению, принадлежит законодательная власть в России?“ Васильчиков отвечал: „Без сомнения, вашему императорскому величеству как самодержцу империи“. Тогда государь, возвысив голос, сказал: „Так предоставьте же мне издавать те законы, которые я считаю наиболее полезными для моих подданных“. В приложениях к своему исследованию М. И. Богданович открыл источник этих сведений: «Слышано от Илар. Вас. Васильчикова Ф. Л.—им *»⁴⁷.

* Лубяновским.

Достоверность обнародованной Богдановичем истории никогда не вызывала сомнений у исследователей, и она приводится в большинстве работ, затрагивающих историю крестьянского вопроса в первой четверти XIX в.⁴⁸ Один лишь В. И. Семевский высказал по этому поводу некоторое недоумение. Освобождение крепостных крестьян и перевод их в обязанные поселяне, если речь шла об освобождении на основании «существовавших тогда по этому предмету постановлений», а не о каких-то новых условиях, были возможны в 1816 г. только по закону о вольных хлебопашцах 1803 г. Он же вовсе не предусматривал утверждения договоров помещиков и крестьян верховной властью. Семевский попытался разрешить свое недоумение предположением, что петербургские дворяне просили о разрешении воспользоваться для освобождения принадлежащих им крестьян лифляндским законодательством 1804 г., по которому крестьяне прикреплялись к земле и получали наименование «обязанных». Однако ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу было невозможно, так как рассказ Лубяновского совершенно не разъясняет существо предложений петербургского дворянства.

Однако недоумения, возникающие при внимательном знакомстве со свидетельством Лубяновского, не ограничиваются противоречием, отмеченным Семевским. Прежде всего настораживает, что никто из осведомленных современников, живо интересовавшихся ходом крестьянского дела, не упоминал о чем-либо, даже отдаленно напоминающем рассказ Лубяновского. Трудно поверить, что о намерении «многих из богатейших помещиков Петербургской губернии» ничего не было известно в обществе и что впоследствии только один И. В. Васильчиков вспомнил о столь важном событии. Но главное даже не в этом. Более всего в этой истории удивляет реакция Александра I. Она противоречит всему, что известно о его позиции в крестьянском вопросе в то время.

А. В. Предтеченский попытался объяснить поведение Александра I в этом эпизоде следующим образом: Александр «хотел сохранить за собой инициативу в деле проведения каких бы то ни было реформ, ревниво наблюдая за тем, чтобы никто из его ближайшего или отдаленного окружения не оказался впереди»⁴⁹. С этим вряд ли можно согласиться. Прежде всего подобному утверждению противоречит освобождение крестьян в Эстляндии, которое как раз и было вызвано инициативой тамошнего дворянства. Кроме того, Александр I уже предпринял конкретные шаги в Малороссии, и вся его дальнейшая деятельность была, как мы увидим далее, направлена именно к тому, чтобы дворянство Полтавской и Черниговской губерний само подняло вопрос о разрешении непосредственно приступить к осуществлению освобождения крепостных крестьян или хотя бы обсудить эту проблему. Правдоподобна ли такая непоследовательность императора: подталкивая малороссийское дворянство, он в то же время отвергает столь желанную инициативу петербургского? Для реше-

ния этого вопроса следует прежде всего понять, верно ли передал Лубяновский воспоминания Васильчикова, относятся ли они к 1816 г. или, может быть, рисуют события более позднего времени.

Напрашивается предположение, что рассказ И. В. Васильчикова, переданный Ф. П. Лубяновским, не что иное, как сильно искаженный отзыв более позднего события — попытки группы петербургских дворян в 1820 г. создать специальное общество для «изыскания способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежавших помещикам, в сие общество вступающим»⁵⁰. Проект создания такой организации подписали видные представители петербургского дворянства, был в их числе сперва и И. В. Васильчиков. Предприятие это получило широкий общественный резонанс и на первых порах встретило благосклонное отношение императора. Вскоре, однако, он круто изменил свою точку зрения и резко его отверг. Немаловажную роль в этом сыграл именно И. В. Васильчиков. Ниже мы подробно разъясним мотивы столь противоречивого поведения царя. Здесь же укажем только на невероятность повторения подобной ситуации дважды — в 1816 и в 1820 гг. Поэтому можно утверждать, что слова Александра I, столь необъяснимые в контексте событий 1816 г., были на самом деле произнесены четырьмя годами позднее.

* * *

Реформаторские намерения Александра I приобретали все большую известность. Циркулировавшие в столицах и провинции слухи о том или ином высказывании императора с жадностью ловились напряженными слушателями и быстро разносились по всей стране — от великосветских салонов и гостиных до самых глухих уголков. Неясные и противоречивые сведения о грядущих преобразованиях стали одним из существенных факторов, постепенно, но неуклонно обостривших политическую ситуацию. Молва о «несчастном предубеждении» императора против крепостного права, все новые и новые подтверждения которой получали возбужденные умы, приводила в тревогу крепостническое большинство дворянства. Она побуждала его еще теснее спланировать вокруг идеи незыблемости крепостного права, твердить с утроенной, удесятенной силой о его органической и нерасторжимой связи с «устоями русской жизни», искать все новые аргументы в его защиту.

Передовая же часть общества, страстно желавшая перемен, воодушевлялась малейшим проявлением либерализма императора, страдала от его слабости и непоследовательности, решительно восставала против любого проявления не только самодержавного произвола, но и продолжавшегося общего следования прежнему порядку вещей.

Вряд ли нужно объяснять, что между замыслами, планами, действиями верховной власти и политическими процессами, происходившими в обществе, существовала тесная связь. Как, впро-

чем, не требует доказательств и наличие обратного процесса — влияния общества на политику правительства. Однако нельзя не заметить, что в условиях самодержавной политической системы, являющейся одной из разновидностей авторитарной формы правления, эта связь была отнюдь не прямой. Сама суть самодержавного политического строя определяла ее опосредованный и в большинстве случаев уродливый характер. Общество, лишенное достоверной информации, могло только строить догадки об истинных намерениях власти, а власть, чтобы составить представление об общественных настроениях, главным образом совершенствовала и расширяла сеть тайных осведомителей. Свободное, гласное обсуждение коренных проблем, решения которых настоятельно требовала жизнь, было чуждо природе самодержавия.

Как показывает история, лишь реальная угроза существованию самой системы, надвигающаяся катастрофа могли заставить самодержавную власть отойти от привычных стереотипов. Так произошло, например, во время подготовки крестьянской реформы 1861 г. В годы же, о которых идет речь, самодержавие вовсе не испытывало еще того огромного давления самых различных общественных сил, которое было характерно для рубежа 1850—1860-х годов. Поэтому ни о каком публичном обсуждении насущных проблем не могло быть и речи. Чуть позже мы покажем, как быстро и решительно было пресечено властью едва начавшееся в нескольких журналах обсуждение крестьянского вопроса. Все планы Александра I, касались ли они политических преобразований или были связаны с реформированием крепостных отношений, оставались скрытыми за плотной завесой. В тиши правительственных кабинетов по инициативе царя создавались обширные проекты постепенной ликвидации крепостных отношений, но ни один из них не стал достоянием общества.

Тайна вокруг проектов преобразований оказалась столь глубокой, что рассеять ее чрезвычайно сложно. Несмотря на более чем столетнюю традицию изучения внутренней политики александровского царствования и на доступность материалов самых секретных государственных архивов, общую картину правительственных замыслов приходится восстанавливать из разрозненных кусочков.

В русском обществе того времени кипела острая политическая борьба, ясно осознававшаяся современниками, бывшими непосредственными ее участниками. Но восстановить события этой борьбы сложно — таким плотным покровом было скрыто от общества все, что касалось освобождения крестьян и введения конституции.

Первым всплеском этой невидимой простому глазу политической борьбы, сразу обострившейся до крайних пределов, стали события осени 1817 — самого начала 1818 г., связанные с так называемым «московским заговором» декабристов.

Речь идет о совещании членов первого тайного декабристского общества «Союз спасения», происходившем осенью 1817 г. в Моск-

ве, и о событиях, послуживших непосредственным поводом к нему. Этот сюжет как один из ключевых моментов истории раннего декабризма не раз был предметом обстоятельного изучения⁵¹. Это и неудивительно. Ведь именно в ходе совещаний на квартире А. Н. Муравьева, а затем М. А. Фонвизина впервые был затронут вопрос о практических путях преобразования России, была высказана мысль о царевубийстве как неизбежном условии свержения самодержавия и уничтожения крепостного права. Естественно, что в науке самым тщательным образом была восстановлена фактическая сторона событий, выяснены обстоятельства, послужившие поводом к предложению убить Александра I.

Впрочем, не конкретные причины «московского заговора» привлекали основное внимание исследователей — они казались совершенно очевидными. Изучались главным образом царевубийственные замыслы и их значение в общем развитии декабристской идеологии. Между тем вопрос о том, что именно вызвало оживленное обсуждение участников тайного общества осенью 1817 г., еще недостаточно прояснен. Его углубленное исследование может внести уточнения как в понимание процесса формирования декабристской идеологии, так и в представление о позиции верховной власти в крестьянском вопросе в это время.

Чтобы яснее представить существо дела, необходимо в общих чертах напомнить предысторию «московского заговора» — так, как она утвердилась в литературе. Начало событиям положил разговор Александра I со своим флигель-адъютантом, членом Союза спасения кн. П. П. Лопухиным, сыном первого сановника империи, председателя Государственного совета и Комитета министров кн. П. В. Лопухина. Мысли, высказанные императором, оказались настолько примечательными, что Лопухин немедленно сообщил о них С. П. Трубецкому, который, в свою очередь, счел необходимым письменно известить о намерениях Александра I своих товарищей, находившихся с гвардейским корпусом в Москве. Полученные от Трубецкого известия и стали толчком к возникновению «заговора». Письмо Трубецкого, к сожалению, не сохранилось, и судить о его содержании можно лишь на основании показаний декабристов на следствии и по их воспоминаниям.

О чем же говорили Александр I и Лопухин? Согласно общепринятой версии, император сказал Лопухину о своем намерении присоединить к Польше часть украинских и белорусских земель, восстановив ее в границах 1772 г. Подобные планы оскорбляли патриотические чувства декабристов и приводили их к убеждению, что император полностью пренебрегает интересами страны.

Такое изложение содержания разговора и соответственно письма Трубецкого было наиболее четко сформулировано И. Д. Якушкиным, одним из самых активных участников «московского заговора». При первом же после ареста допросе он сказал генералу В. В. Левашову: «В 1817 году многие члены получили известие, что польские губернии будут присоединены к

Царству Польскому. Сие обстоятельство и, сверх сего, уверение, что государство не может быть в худшем положении, как под управлением государя Александра Павловича, решили меня на жизнь его покуситься»⁵². Более подробно свои воспоминания о содержании письма Трубецкого Якушкин изложил в ответах на вопросные пункты, отправленных им в Следственный комитет 13 февраля 1826 г. Предупредив, что при всем своем старании он точно не смог припомнить содержание письма, Якушкин писал: «Вообще, если не ошибаюсь, то оно заключало в себе извещения, что будго бы покойный государь император, дав конституцию Польше, учредив Отдельный литовский корпус, присоединяя польско-русские губернии к Царству Польскому, старается сим привлечь к себе привязанность поляков, дабы иметь в них верную опору в случае сопротивления в России угнетениям, угрожающим ей при учреждении военных поселений и прочее». «Излагая содержание упомянутого письма,— заключал Якушкин.— я, может быть, и ошибаюсь»⁵³.

Видимо, именно такая интерпретация письма Трубецкого глубоко запала в память Якушкина, ибо, дополнив ее лишь некоторыми деталями, он повторил это и 30 лет спустя в своих воспоминаниях: «Александр Муравьев прочел нам только что полученное письмо от Трубецкого, в котором он извещал всех нас о петербургских слухах: во-первых, что царь влюблен в Польшу, и это было всем известно <...>; во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15-го года; в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно, наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву»⁵⁴. Аналогичную версию причин «московского заговора» излагали на следствии и другие его участники⁵⁵. В частности, М. А. Фонвизин на прямой вопрос: «Какие причины родили в вас сие ужасное намерение» — отвечал, что такой причиной было известие от Трубецкого «об уступке будто бы Царству Польскому наших польских губерний»⁵⁶.

Таковы источники, обычно привлекаемые в историографии для освещения начала и непосредственных причин «московского заговора». Однако ими свидетельства участников событий не исчерпываются. Начнем с того, что вне поля зрения исследователей, как ни странно, оказались воспоминания одного из главных действующих лиц — самого С. П. Трубецкого. В своих записках, написанных много лет спустя, он специально остановился на этом эпизоде и довольно подробно передал содержание разговора Александра I с П. П. Лопухиным в том виде, как оно стало ему тогда известно.

«Пред самым отъездом своим из Петербурга,— вспоминал Трубецкой,— государь объявил ему (Лопухину.— С. М.), что он непременно желает освободить и освободит крестьян от зависимости помещиков, и на представление князя о трудностях исполнения и сопротивления, которое будет оказано дворянством, ска-

зал: „Если дворяне будут противиться, я уеду со всей своей фамилией в Варшаву и оттуда пришлю указ“. Когда эти слова были переданы некоторым членам общества, бывшим в Москве,— продолжает Трубецкой,— то в первую минуту мысль о том, каким ужасам безначалия могла подвергнуться Россия от такого поступка, так сильно поразила одного из членов, что он выразил готовность, если бы государь оказал себя таким врагом отечества, то он чувствует довольно духа, чтобы принести его в жертву, не падая собственной жизни»⁵⁷.

Свидетельство Трубецкого нельзя не признать авторитетнейшим: ведь именно от него декабристы узнали о планах Александра I. Однако само письмо Трубецкого не сохранилось, а некоторые декабристы иначе передавали его содержание. Поэтому достоверность воспоминаний Трубецкого требует дополнительного рассмотрения.

Внимательное изучение материалов следствия показывает, что точно такая же, как в воспоминаниях Трубецкого, трактовка содержания беседы царя с Лопухиным была высказана еще во время работы Следственного комитета. Разберемся в этом несколько подробнее. 8 января 1826 г. Н. М. Муравьев представил следователям «Историческое обозрение хода общества». Именно из него следствие впервые получило подробные сведения о событиях, происшедших в Союзе спасения осенью 1817 г. «В это время,— писал Н. М. Муравьев,— пришло к Якушкину письмо от князя Трубецкого из П<етер>б<урга>, в котором он извещал его, что государь император решился отделить польские губернии от России и, зная, что таковое предприятие не может исполниться без сопротивления, едет со всею царствующею фамилиею в Варшаву, из коей издаст манифест о вольности крепостных людей и крестьян. Что тогда народ примется за оружие противу дворян и во время сего всеобщего смятения польские губернии будут присоединены к новому Царству»⁵⁸.

Для следствия возникла крайне деликатная ситуация. Показание Муравьева прямо свидетельствовало, что в числе главных причин решения декабристов убить Александра I было не только оскорбление патриотических чувств, но и стремление предотвратить кровавое междоусобие, которое могло возникнуть, если император, сопротивлением дворянства вынужденный к отъезду в Варшаву, издал бы оттуда манифест об освобождении крестьян. Развитие дальнейших событий в Следственном комитете показывает, что Муравьев, упомянув о подобных намерениях Александра I, затронул весьма болезненный для верховной власти вопрос.

«Историческое обозрение» было оглашено на заседании комитета 9 января⁵⁹, а уже 10 января Трубецкой был специально допрошен о «московском заговоре». «На вас есть прямое показание,— говорилось в посланных ему после допроса письменных вопросных пунктах, составленных на основании „Исторического обозрения“,— что в 1817-м году, во время пребывания высочайшего двора в Москве, вы писали из Петербурга в Москву слу-

жившему л^{ейб}-г^{вардии} в Семеновском полку Якушкину, что блаженной памяти государь император положил тогда присоединить российско-польские провинции к Царству Польскому». Трубецкому предлагалось дать «определятельное показание», от кого он узнал о подобных планах, зачем сообщил об этом в Москву, что было решено делать, кто присутствовал на совещаниях тайного общества и т. п.

Сразу бросается в глаза, что в отличие от обычного порядка, когда показание, послужившее основанием к допросу, воспроизводилось в вопросных пунктах целиком, здесь оно было намеренно сокращено. Трубецкому явно не хотели сообщить о том, каким способом, по утверждению Муравьева, Александр I собирался добиться осуществления своих стремлений. Напротив, именно это свидетельство Муравьева следствие пыталось проверить у Трубецкого, крайне осторожно сформулировав вопрос: «Не упоминали ли в том письме еще о других мнимых намерениях государя императора и о мерах, предположенных к исполнению означенного присоединения?». Характерно, что слово «мнимые» было вписано в текст вопросов позднее. Авторы вопросных пунктов, видимо, поняли, что в первоначальной формулировке, без этого уточнения, содержалось косвенное признание истинности намерений покойного императора, и поспешили исправить свою оплошность.

Трубецкой признал, что в письме действительно шла речь о планах Александра I присоединить западные области России к Царству Польскому, сообщил, что слышал «писанное» от П. П. Лопухина, и подтвердил ряд других обстоятельств. Но в отношении вопроса, наиболее интересовавшего следствие, воспользовавшись эвфемизмами в заданных вопросах, отвечал уклончиво: «Поистине не могу упомянуть, упоминал ли я о каких других мнимых намерениях государя императора»⁶⁰. Двусмысленный ответ Трубецкого не мог удовлетворить следствие, а может быть, самого Николая I, который, как известно, не только пристально следил за показаниями декабристов, но и направлял деятельность Следственного комитета.

В новых вопросных пунктах, посланных ему 11 января, ссылаясь на «неопределенность» ответов 10 января, от декабриста потребовали «дополнительно пояснить», «о каком еще намерении покойного государя императора упоминается в письме вашем, писанном в сентябре или октябре 1817-го года к Якушкину (а по словам вашим, к Сергею Муравьеву-Апостолу)». Понимая, что на этот раз уже бесполезно просто требовать «дополнительных пояснений», следователи вынуждены были изложить ту версию, подтверждение или отрицание которой они хотели получить от Трубецкого. «Комитету же известно,— сказано в вопросных пунктах,— что вы писали: что государь, зная неудовольствие, которое произведет на дворян присоединение к Царству Польскому российско-польских провинций, решился уехать со всею императорскою фамилиею в Варшаву и оттуда обнародовать сказанное присоединение, дабы в случае сопротивления дворян мнимо принуж-

денным выездом своим из России возмутить крестьян против помещиков и тем принудить их к согласию на отделение от России польских провинций»⁶¹.

На первый взгляд кажется, что, так формулируя вопрос, следователи просто пересказали показания Н. М. Муравьева. И тут и там речь идет о намерении Александра I расширить границы Царства Польского, и тут и там в качестве последнего, самого крайнего средства осуществления этого замысла фигурирует крестьянское восстание, которое может вспыхнуть по инициативе царя. Но внимательное чтение этих двух текстов обнаруживает разительное противоречие между ними. Муравьев утверждал, что взрыв вооруженной борьбы против дворян Александр I будто бы хотел вызвать манифестом «о вольности крепостных людей и крестьян», следствие — что из-за сопротивления дворянства его полонофильским планам царь вынужден будет покинуть страну и именно это спровоцирует крестьянское выступление.

Поразительнее всего, что ничего подобного Следственному комитету известно не было. Во всяком случае, тщательное изучение следственных дел декабристов и других материалов с целью определить источник этих сведений не дало положительного результата. В распоряжении следствия не было никаких письменных показаний, позволяющих утверждать, что в несохранившемся письме Трубецкого сообщалось о намерении Александра I достичь своих целей, вызвав крестьянское восстание «мнимо принужденным» отъездом в Варшаву. В это время оно располагало только «Историческим обозрением» Муравьева.

Остается только гадать, кто и с какой целью мог выдвинуть столь необычную версию. Возможно, кто-то из декабристов высказал ее во время устного допроса в комитете, но не повторил сказанного в письменных ответах. Возможно, подобная трактовка принадлежит одному из членов Следственного комитета или даже самому Николаю I — ведь о замыслах Александра в отношении западных губерний и его намерениях приступить к решению крестьянского вопроса он мог знать больше, чем декабристы.

Как бы то ни было, получив вопрос, где содержалось столь далекое от истины утверждение, Трубецкой ответил на него решительным и развернутым возражением: «Нет, я никогда не писал ни в означенном здесь письме, ни в другом каком-либо и когда-либо писанном, что государь император хочет со всею императорскою фамилиею уехать в Варшаву, дабы в случае сопротивления дворян мнимо принужденным выездом своим из России возмутить крестьян против помещиков и тем принудить их к согласию на отделение от России польских провинций»⁶².

А теперь обратимся к свидетельству самого князя П. П. Лопухина. Он не оставил воспоминаний, но сохранилась запись его показаний в январе 1826 г., после того как следствию стали известны показания Трубецкого. Она сделана генералом В. В. Левашовым, допрашивавшим князя по распоряжению Николая I. Приведем полностью то, что непосредственно касается рассмат-

риваемого вопроса. «В собрании сочленов я никогда не упоминал о разнесшихся слухах о отделении польских губерний от России,—показывал декабрист,—но говорил однажды Трубецкому, что удивляюсь отделению литовских войск от русских и употреблению в должности тех губерний единственно тамошних уроженцев, что еще в публике мало было известно, и в числе угадываемых причин полагали возможным присоединение польских губерний к Царству Польскому. Какие он из сего вывел заключения и что он предпринял, мне неизвестно»⁶³.

Беглого взгляда на эти показания достаточно, чтобы понять, насколько неискренен и осторожен был Лопухин. Ведь если не знать обстоятельств дела, то прочитавшему эти строки и в голову не придет, что Лопухин, говоря с Трубецким, не просто удивлялся некоторым распоряжениям правительства и пытался объяснить их «возможным присоединением польских губерний к Царству Польскому», а передавал свой разговор с царем. Совершенно очевидно, что Лопухин старался сказать Левашову как можно меньше и повернуть дело таким образом, чтобы его нельзя было упрекнуть в разглашении явно конфиденциального разговора с императором. Впрочем, это и неудивительно: ведь такую линию поведения Лопухин избрал с самого начала следствия. Сперва он просто отрицал даже свою принадлежность к тайному обществу. Об этом Лопухин заявил самому императору, ответив решительным отрицанием на прямо заданный вопрос⁶⁴.

Потом, когда отпираться стало бессмысленно и нельзя было не признать очевидные факты, Лопухин писал, что его участие в обществе ограничивалось лишь знакомством с Никитой Муравьевым и обменом с ним «чересчур либеральными мыслями». Наконец, когда в руках следствия оказались подробные показания о его деятельности в тайном обществе на протяжении пяти лет, он вынужден был во многом признаться Левашову. Во многом, но, конечно, далеко не во всем. Тактика его в этом случае мало чем отличалась от тактики подавляющего большинства декабристов: рассказывать, стараясь не выходить за пределы задаваемых вопросов. А так как Левашов спрашивал только об отделении западных губерний от России, то Лопухин ничего не сказал о намерениях Александра I в крестьянском деле⁶⁵.

В дальнейшем, ведя детальное и тщательное изучение мельчайших подробностей «московского заговора», допрашивая его участников, прибегая к множеству очных ставок, следствие не возвращалось к выяснению его причин и главное внимание сосредоточило на выявлении всех участников, особенно стараясь выяснить имена тех, кто предлагал себя в цареубийцы.

Только значительно позже следователи вернулись к этому вопросу. В апреле 1826 г. он был задан Пестелю, который, как хорошо было известно, не присутствовал на совещаниях тайного общества осенью 1817 г. В посланных ему вопросных пунктах говорилось, что «князь Трубецкой, письмо коего служило предлогом к помянутому заговору, и другие показывают, что московским

членам сообщено было ложное известие об отделении польских губерний от России и свободе крестьян от крепости». Нельзя не заметить, что и в этом случае формулировка не была точной, ибо в показаниях Трубецкого, как мы видели, о свободе крестьян ничего не говорилось⁶⁶.

Пестель отвечал, что об отделении польских губерний от России никогда и ни от кого не слышал, отверг предположение, что причиной заговора мог быть слух об отмене крепостного права, так как «освобождение крестьян от крепости входило в цель общества», и объяснил, что слышал от членов, бывших в то время в Москве, в том числе и от Н. Муравьева, что причиной были известия, полученные «о происходившем в новгородских поселениях». «Не быв сам в Москве,— подчеркнул в заключение Пестель,— говорю то, что слышал»⁶⁷. Так в показаниях Пестеля появился новый мотив предполагавшегося царубийства, совершенно не связанный с Польшей. Вполне возможно, что источником этих сведений был для Пестеля участник московских совещаний Матвей Муравьев-Апостол. Он показывал на следствии, что «Александр Муравьев сделал предложение воспользоваться сопротивлениями, которые делали в Новгородской губернии военным поселениям»⁶⁸. Не вдаваясь в причины того, почему Матвеем Муравьеву-Апостолу запомнился именно этот мотив, отметим, что, вернувшись к этому вопросу, следствие вновь не вполне точно передало имевшиеся в его распоряжении сведения.

Таким образом, хотя Трубецкой уклонился в своих показаниях от того, что так откровенно осветил впоследствии в воспоминаниях, в материалах следствия содержится убедительнейшее подтверждение изложенной им впоследствии версии — «Историческое обозрение» Н. М. Муравьева. Независимо от Трубецкого и за долгие годы до появления его воспоминаний Никита Муравьев утверждал, что осенью 1817 г. у Александра I было намерение издать «манифест о вольности крепостных людей и крестьян». Муравьев придавал этому намерению значение тактического хода императора в осуществлении его полонофильских планов. Трубецкой же в своих воспоминаниях, напротив, пишет об этом как о вполне самостоятельном плане Александра I, а о польских делах вовсе не упоминает. Это умолчание кажется на первый взгляд странным. Однако недоумение легко разрешается обращением к тексту записок Трубецкого. Рассказ о разговоре императора с Лопухиным помещен им в контекст общего обзора всей известной Трубецкому деятельности Александра в крестьянском вопросе. Поэтому, считая, видимо, что освобождение крестьян вовсе не связывалось царем с присоединением западных губерний к Польше, Трубецкой, рассказав о первом, вовсе не коснулся второго.

В заключение добавим, что сохранилось еще одно веское подтверждение достоверности воспоминаний Трубецкого. В архиве Н. К. Шильдера хранятся несколько листов с записями рассказов Е. И. Якушкина, сделанными историком в Ярославле в 1897 г. Е. И. Якушкин, сын декабриста И. Д. Якушкина, как из-

вестно, настойчиво занимался историей тайных обществ в России. Его инициативе мы обязаны появлением многих декабристских мемуаров, в том числе и его отца. Сам он очень многое знал. Хотя на склоне лет память на даты стала изменять Е. И. Якушкину, но суть событий он продолжал помнить прекрасно. В его рассказах, записанных Шильдером, суммировались и обобщались сведения, почерпнутые у многих декабристов. Вот что он рассказал об интересующих нас событиях: «Якушкин вызвался на царевубийство в 1819 г. Тогда были слухи, что Александр I удалится в Варшаву, оттуда издаст манифест о „реформах“. Декабристы были убеждены, что „вслед за этим последует общая резня помещиков“. Чтобы избежать сего, решили убить А<лександра> I. „Находясь в России, он (Александр I) никогда не посмел бы издать такой манифест“»⁶⁹.

Как развивались события дальше? Решение убить императора, предающего, как казалось, интересы страны, единодушно принятое членами тайного общества, собравшимися на квартире А. Н. Муравьева, было столь же быстро оставлено, сколь быстро и неожиданно возникло. Уже на следующий день съехавшиеся к М. А. Фонвизину декабристы вели разговоры «совершенно в противном смысле вчерашним толкам»⁷⁰. Все в один голос уговаривали И. Д. Якушкина оставить намерение убить Александра I. Заболевший С. И. Муравьев-Апостол прислал с братом Матвеем письмо, «коим,— как он признался на следствии,— останавливал предпринятое действие, доказывая скудность средств к достижению цели»⁷¹.

В жизни тайного общества «московский заговор» стал важным рубежом. Вихрем налетевшая мысль о царевубийстве, отказ от нее, осознание «скудности средств», которыми располагала малочисленная и замкнутая тайная организация,— все толкало к пониманию необходимости перестройки основ Союза спасения, расширения его базы, постепенного завоевания общественного мнения, новой, более развернутой программы.

Вызванный к жизни неосторожными словами Александра I «московский заговор» стал важным моментом общественной борьбы еще и потому, что, в свою очередь, не остался тайной для Александра. Высказанная в самом узком товарищеском кругу и тут же оставленная мысль о царевубийстве стала известна ему уже в самом начале следующего, 1818 г. Доказательством этому служит авторитетное свидетельство его брата, будущего императора Николая I. Прочтя в конце 1840-х годов рукопись книги М. А. Корфа о событиях ноября—декабря 1825 г., Николай сделал на ее полях несколько замечаний, уточняющих отдельные эпизоды, в том числе и вопрос о том, когда Александру I стало известно о существовании тайных обществ. «По некоторым доводам я должен полагать,— писал Николай I,— что государю еще в 1818-м году в Москве после Богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на царевубийство <...>»⁷².

Насколько полно Александр I был осведомлен о перипетиях «московского заговора», судить трудно. Знал ли он, насколько русское дворянство, включая его самую передовую, революционную часть, было против политики, проводившейся правительством в Царстве Польском? Знал ли, как знаем теперь мы, что одной из причин, толкнувших декабристов к мысли о цареубийстве, было искаженное представление о его планах в крестьянском вопросе? Возможно, что ответа на эти вопросы никогда не удастся найти. Но важно другое: Александр знал, что недовольство в среде дворян велико, что в 1817 г. вновь, как в 1801 г., возникла мысль о насильственном устранении монарха.

* * *

История, как хорошо известно, обладает способностью десятилетия спустя в совершенно иных условиях вновь рождать схожие ситуации. Отвлечемся на некоторое время от событий 1817—1818 гг. и перенесемся на сорок лет вперед, в то время, когда грядущая отмена крепостного права постепенно становилась реальностью.

20 декабря 1857 г. очень близкий Александру II человек, глава военно-учебного ведомства и член Государственного совета Яков Иванович Ростовцев, сыгравший впоследствии одну из решающих ролей в подготовке крестьянской реформы 1861 г., получил по городской почте стихотворение, иронически озаглавленное «Поздравительная ода». «Ода» была откликом на только что обнародованный высочайший рескрипт виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову. В нем излагались одобренные царем основные принципы освобождения крепостных крестьян и разрешалось учредить губернский комитет для их обсуждения. «Ода» состояла из двух частей. В первой автор втолковывал крестьянину, своему «давно страдавшему брату», что за «свобода» ждет его, если освобождение произойдет на основании изложенных в рескрипте условий. «Свобода странная», — восклицал он. Ждать ее, оказывается, надо 12 лет, в течение которых крестьянин, продолжая безвозмездно работать над «барской полосой», должен будет выкупить у хозяина построенный им дом, зауту, сеновал, «плетень из ивняка». После этого он обретет свободу, которая есть не что иное, как право «покинуть все свое, постранствовать с сумою и умереть потом среди нужд и нищеты», поскольку ни земли, ни иных средств к существованию крестьянин не получит. И хотя его больше не будет сечь помещик, но «будет больно драть чиновник в виц-мундире».

Вторая часть «Поздравительной оды», озаглавленная «Ответ мужика», ясно давала понять, что крестьянам такая «свобода» совсем ни к чему и что если освобождение от крепостной неволи произойдет на описанных условиях, то помещикам не сносить голов:

*Спасибо, батюшко, благодарим покорно!
Оно хочь хорошо, да только то беспорно,*

*Что коли так пойдет — так вам не одобрять
С свободой этою, ... мать.*

*У нас топорик есть, за пояском таскаем:
Сослужит службишку и он — не ровен час!
Мы, батюшко, давно над пашней работаем —
Так вы теперича уж не замайте нас!
Сызмальства, батюшко, топориком владеем,
А все не ссоримся — **противиться не смеем.**
А значит коли так — так знаем мы уловку,
Примерно, — раскрыть дворянскую голову.*

Под «ответом мужика» была поставлена весьма символичная дата — 14 декабря 1857 г., перекидывавшая мостик ко дню восстания на Сенатской площади и недвусмысленно намекавшая на возможность повторения революционного выступления, инициатором и главным участником которого мог уже стать народ⁷³.

Имя автора «Оды» остается до сих пор неизвестным. Но кто бы он ни был, выбрав адресатом Я. И. Ростовцева, аноним показал себя человеком, прекрасно осведомленным в политических тайнах самодержавия. В то время мало кому было известно, что в декабре 1825 г. 22-летний подпоручик лейб-гвардии Егерского полка Яков Ростовцев, недавно принятый в члены Северного общества декабристов, сообщил Николаю I о готовящемся восстании, не назвав, правда, ни одного имени⁷⁴. Не было широко оглашено и участие Ростовцева в Секретном комитете, созданном в 1857 г. для обсуждения вопроса о крепостном праве.

Получив «Поздравительную оду», Ростовцев без объяснений отправил ее Александру II, вызвав чрезвычайно болезненную реакцию царя. В записке, немедленно посланной императору, Ростовцев так объяснял свой поступок: «Я счел долгом не скрывать ничего от Вашего величества, особенно по важному этому вопросу: смею полагать, что Вам, государь, надобно знать все. <...> Молю Бога, государь, чтоб Вам и другие все сообщали; если же я поступил неловко, то простите меня; это мне будет уроком». Александр ответил Ростовцеву пространной резолюцией, отразившей всю тяжесть его душевного состояния и поражающей уже вполне сформировавшейся внутренней готовностью к мученическому концу. «Я вовсе не в претензии, что вы мне их прислали, ибо желаю знать все, — писал Александр II, — но надобно было вам объяснить, откуда вы их получили. <...> К сожалению, подобных пакостей довольно доходит до меня, и я требую от всех, меня окружающих, чтобы ничего не было от меня скрываемо, в особенности по сему делу. Между прочим, и мне уже грозят смертью в отищение за отнятие будто бы прав дворянских. Совесть у меня потому чиста, и я готов предстать на суд Божий, если такова Его воля»⁷⁵.

Новые времена, новые условия, новые проблемы. Верховная власть осознала невозможность келейного решения крестьянского вопроса, и он становится предметом гласного обсуждения. Вскоре

страна будет покрыта сетью губернских комитетов, где закипят дебаты вокруг условий освобождения крестьян. Спустя 40 лет острота коллизии оказалась во много крат сильнее, чем в начале века. Однако сходность социально-политической ситуации, определявшейся как тогда, так и теперь неразрешенностью одного из основных противоречий эпохи — сохранения в неприкосновенности крепостного права, рождала для верховной власти одну и ту же опасность. Теперь, правда, угроза царевубийства все явственнее слышалась как слева, так и справа. Словом, Александр I и Александр II, разделенные мрачной пропастью николаевского царствования и принадлежавшие, по сути, к разным историческим эпохам, одинаково вынуждены были принимать в расчет возможность трагического для себя исхода, реальность которого определялась избранным ими политическим курсом. Впрочем, условия 1810—1820-х годов предопределили большую податливость Александра I давлению справа. Хорошо сознавая неизбежность и необходимость отмены крепостного права, он как политик не мог осознать, что для осуществления коренных преобразований необходимо не считаться с интересами крепостников-помещиков. Вместо решительных действий его политика была длинной цепью поисков компромисса между диаметрально противоположными позициями, и он быстро отступал от своих замыслов, чуть только ощущал сопротивление консерваторов.

* * *

Рассмотренные перипетии политической борьбы, нарастание которой столь явственно ощущалось в русском обществе после окончания Отечественной войны 1812 г., весьма поучительны. Свидетельства Н. М. Муравьева и С. П. Трубецкого, подтвержденные впоследствии в воспоминаниях Е. И. Якушкина, не оставляют сомнений, что в конце лета 1817 г. Александр I наряду с идеей расширения государственных границ Царства Польского за счет части западных губерний России вновь серьезно задумывался над крестьянским вопросом. Не исключено, что в разговоре с П. П. Лопухиным царь мог упомянуть даже о намерении издать манифест, освобождающий крестьян от крепостной зависимости. Конечно, значение этого не следует преувеличивать. Верховная власть, сам Александр I не имели в то время никакой подробно разработанной программы решения крестьянского вопроса. Речь могла идти только о стремлении издать такой манифест в будущем. Но высказанное намерение, как оказалось, очень хорошо вписывается в общий контекст правительственных действий, направленных к решению назревшей проблемы.

Анализ происшедшего в ходе «московского заговора» дает возможность выделить еще один принципиально важный узел противоречий. Стремление верховной власти решать кардинальнейшие проблемы в обстановке строгой секретности приводило к искаженному представлению общества об истинной позиции правительства. Самодержавие, боявшееся открыто вести разговор о на-

сущных потребностях страны, одновременно оказалось не в состоянии скрыть, что в «верхах» обсуждение реформ все же идет. Испытывая катастрофический дефицит правдивой информации, общество вынуждено было питаться подчас самыми нелепыми слухами и домыслами. Ведь трудно представить себе что-нибудь более далекое от истины, чем ненависть Александра I к русскому дворянству и готовность добиться осуществления своих замыслов провокацией крестьянского восстания.

Однако суть ситуации как раз в том и заключалась, что в условиях самодержавной системы смещались все реальные представления и уже никакая фантазия не выглядела нелепой. Впрочем, все это могло быть лишь тогда, когда самодержавие действительно помышляло о реформах. Стоило ему решительно повернуть вправо, оставив планы преобразований, как общество сразу уловило перемены и, как мы увидим далее, откликнулось на это углублением и расширением революционной борьбы.

* * *

Александр I тем временем с нетерпением ждал результатов работы С. М. Кочубея. Однако «Правила», доставленные царю в конце 1817 г., не оправдали его ожиданий. Вместо предложений о способе освобождения крепостных крестьян Кочубей представил, как он сам писал, «описание порядка, уже существующего» в его деревнях еще с 1811 г.⁷⁶ По сути дела, Кочубей вообще не ставил вопроса об отмене крепостного права, а лишь предлагал регламентировать взаимные отношения помещиков и крестьян в условиях его сохранения.

О разочаровании Александра I можно судить по отправленному 16 апреля 1818 г. Н. Г. Репнину «Отзыву» Н. Н. Новосильцова на записку Кочубея. Новосильцов писал Репнину, что император обратил особое внимание на проект Кочубея, «но при рассмотрении одного не могло сокрыться от его императорского величества <...> что многие правила, содержащиеся в представленном предначертании, не токмо не доставят крестьянам выгод, но, может быть, послужат еще к стеснению нынешнего их состояния» и что поэтому император поручил ему, Новосильцову, составить прилагаемый отзыв⁷⁷. Можно, таким образом, утверждать, что в нем отразились и взгляды самого царя. Понимание этого тем более важно, что содержащиеся в отзыве критические замечания позволяют уловить и некоторую позитивную программу, противопоставляемую предложениям Кочубея.

В чем же, с точки зрения Новосильцова—Александра I, состояли главные недостатки проекта? Прежде всего в том, что в нем не было сказано ни слова об освобождении крестьян, о той «законообразной свободе, без коей не можно утвердить прочного для крестьян счастья». «Но таковая свобода,— писал Новосильцов,— не будет ли одним только умственным призраком, если крестьянин не получит личной вольности, не обеспечится в полном распоряжении своей собственности и если взаимные обязан-

ности его с помещиком не определяются явственною, точною и на справедливости основанною чертою?» Именно с этих позиций и развивалась дальше критика проекта Кочубея.

Первое возражение касалось двух предусмотренных в проекте мер — запрещения крестьянского перехода и права помещика продавать имение вместе с крестьянами. Новосильцов доказывал, что ни о какой личной свободе крестьян при сохранении таких прав помещика не может быть и речи. Вторая группа замечаний касалась ряда параграфов, ограничивающих право крестьянской собственности на землю. Отмечая особые условия Малороссии, где вследствие сравнительно недавнего введения крепостного права и неопределенности регламентирующего законодательства крестьяне сохранили земли, которыми владели ранее, Новосильцов указывал, что проект Кочубея объявляет и эти земли помещичьими. Более того, он лишает крестьян даже права распоряжаться движимой собственностью. «В самой даже Великороссии,— писал Новосильцов,— где крепостное право освящено существующими с древнейших времен обычаями, никто из помещиков не осмелится столь самопроизвольно распоряжаться движимую собственностью крестьян без того, чтобы не произвесть между ними общего ропота и даже не подвергнуть жизни своей опасности». В заключение Новосильцов приводил такие цитаты из предложений Кочубея о крестьянских повинностях, которые демонстрировали крепостнический характер его проекта⁷⁸.

Конечно, из этих критических замечаний нельзя составить полное представление о правительственной программе решения крестьянского вопроса, если даже принять, что она вообще уже сложилась у Александра и Новосильцова. (Как покажут дальнейшие события, скорее всего, ее и не было.) Однако некоторые наметки ее в «Отзыве» все же заметны. Это идеи о необходимости общей реформы крепостных отношений, о личной свободе крестьянина, основным компонентом которой является гарантия свободного перехода, об обеспечении права крестьян на движимую и недвижимую собственность и, наконец, неясно сформулированный тезис о «справедливом» урегулировании взаимных обязанностей помещиков и крестьян.

Тем временем малороссийский военный губернатор Н. Г. Репнин, воспользовавшись очередными дворянскими выборами в Полтавской и Черниговской губерниях в январе 1818 г., произнес речь, привлекающую к себе широкое внимание. Н. Г. Репнин говорил, что «всяк <...> жертвующий собственным спокойствием и личными выгодами для пользы общей, может гордиться сею мыслью». Маловероятно, чтобы подобная речь была произнесена Репниным по собственной инициативе. Конечно, она, как и проект Кочубея, была инспирирована Александром I, желавшим получить и программу преобразований, и вызов украинского дворянства на ее осуществление. Но, намекая на необходимость «жертв», Репнин был чрезвычайно осторожен. За столь многообе-

жающим началом вовсе не следовали предложения, направленные к отмене крепостного права.

Наоборот (и это было в полном соответствии с запиской Кочубея), Репнин призывал помещиков только к регламентации своих отношений с крестьянами. «Оснуйте и на будущие времена благоденствия чад и внучат ваших. По местным познаниям вашим изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обеспечить их благосостояние и на грядущие времена, определив обязанности их»⁷⁹. Только в условиях напряженного ожидания от верховной власти решительных преобразований в крестьянском вопросе можно было истолковать эти крайне осторожные предложения как шаг к реформе. Но обстановка была такова, что любое прикосновение к крепостному праву вызывало взрыв негодования у крепостников.

Так случилось и с речью Репнина. Она в списках разошлась по стране и затем была опубликована в журнале «Дух законов». Тогда на нее с резкими нападками обрушился калужский предводитель дворянства, сенатор кн. Н. Г. Вяземский. Стали распространяться списки его «Послания российского дворянина к князю Репнину», датированного 4 апреля 1818 г.⁸⁰ В более чем умеренных речах Репнина Вяземский увидел посягательство на исконные права русского дворянства. Он считал крепостное право гарантией незыблемости самодержавного строя, а крепостные отношения помещиков с крестьянами толковал как отношения семейные. Помещик, по его убеждению, поставлен государством «в виде отца обширного семейства домохозяев своих». «Тесная и неразрывная связь соединяет его с детьми своими», — уверял он читателей. Нарушение же этой связи, по его мнению, могло привести к неисчислимым бедствиям. «Для благоденствия крестьян наших не нужно мыслить о химерическом новом положении, но токмо стараться поддержать во всей силе истинно доброе старое, приложить попечение о повсеместном его наблюдении и утверждении в пользу крестьян».

«Послание» Вяземского было с восторгом встречено в реакционных кругах. Не остались в стороне от полемики и декабристы. Ответом на развернутый манифест крепостничества стала записка основателя Союза спасения А. Н. Муравьева, высмеявшего «древнего российского дворянина» и защиту им патриархальной старины⁸¹. Через П. М. Волконского Муравьев отправил записку царю. По рассказу С. П. Трубецкого, последний, прочтя ее, сказал: «Дурак! Не в свое дело вмешался»⁸². Столь резкую реакцию Александра I можно было бы, конечно, объяснить просто радикальным характером выражений Муравьева. Но причины, скорее всего, были более сложными. Царь был недоволен и самим фактом появления в печати речи Репнина, и возникшей вокруг нее полемикой. Основным условием проведения крестьянской реформы он считал добровольное согласие дворянства. Этому, с его точки зрения, менее всего могли способствовать разжигание стра-

стей и публичные схватки крепостников со сторонниками реформы. Его замыслам полюбовного соглашения власти с помещиками не могло соответствовать распространение ни крепостнических сочинений Н. Г. Вяземского или «Мнения одного украинского помещика» В. Н. Каразина, утверждавшего, что «народ <...> привязан душою к образу своего существования и находит в нем свое счастье»⁸³, ни возражений на них слева.

Александр был глубоко разочарован и запиской Кочубея, и солидарной с ней по существу речью Репнина, и, главное, тем, что, несмотря на уверения обоих о наличии в Малороссии помещиков, готовых следовать стремлениям монарха⁸⁴, дворянство Полтавской и Черниговской губерний не пожелало проявить ожидаемую царем инициативу. Малороссийский вариант не дал желаемых результатов. Надо было искать иные пути. Но без четкого понимания, чего же все-таки хочет добиться правительство, т. е. без более или менее определенной программы решения крестьянского вопроса, это вряд ли было возможно. Осознание этого верховной властью четко определилось на исходе 1817 г.

* * *

В 1818—1819 гг. стремление решить крестьянский вопрос достигает кульминации. В это время самодержавие вступило в качественно новый для себя этап, определявшийся попытками выработать цельную и всеобъемлющую программу реформы крепостных отношений. С этой целью в конце 1817 — начале 1818 г. император поручил сразу нескольким видным государственным деятелям представить предложения о путях, которыми могло бы следовать правительство, решив положить конец крепостному праву. В предшествующей историографии это обстоятельство не было замечено.

О серьезности и фундаментальности намерений Александра I убедительно свидетельствует тот факт, что одним из исполнителей своего замысла он избрал Алексея Андреевича Аракчеева. Аракчеев в роли автора проекта освобождения крестьян — явление неординарное. Это как-то не вяжется с устоявшимися представлениями о роли и месте этого человека в отечественной истории. Ситуация, когда реализация прогрессивного замысла вверяется деятелю, имя которого для современников являлось символом реакции, поистине парадоксальна. Но именно она доказывает, что стремление приступить на практике к ликвидации крепостного права было не «заигрыванием с либерализмом», не желанием Александра I понравиться Европе или прослыть там просвещенным монархом, а вполне определенной и целенаправленной политикой. Ведь хорошо известно, что именно Аракчееву Александр I доверял разрабатывать и осуществлять свои самые сокровенные замыслы. Достаточно напомнить хотя бы историю военных поселений.

Если же ко всему сказанному добавить, что позиция Аракчеева в крестьянском вопросе до сих пор практически не изучалась, то необычность ситуации возрастает. А позиция эта была

далеко не однозначна. С одной стороны, Аракчеев известен как жестокий и самовластный помещик. С другой — он старался воздерживаться от гласной защиты крепостного права (хотя реакционность его убеждений не вызывала сомнений), и в частности никогда не выступал в Государственном совете в поддержку крепостнической оппозиции. Когда в 1818 г. вышла в свет книга декабриста Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов», где недвусмысленно говорилось о необходимости освобождения крестьян, Аракчеев вопреки распространенному в науке мнению⁸⁵ не принял никакого участия в шумном поношении автора крепостниками. По воспоминаниям самого Тургенева, Аракчеев, будучи «ловким придворным, довольствовался тем, что восхищался эпохой, когда можно было писать и печатать подобные вещи». Хотя «принципам и характеру» Аракчеева, замечал Тургенев, «ничего не могло быть антипатичнее этого сочинения»⁸⁶.

Легче всего было бы объяснить это твердо занятой им жизненной позицией: неуклонно следовать любым предначертаниям императора. Но, возможно, дело тут не только в безграничной преданности Аракчеева Александру I. На размышления в этом направлении наталкивают некоторые факты. Так, последние исследования, посвященные изучению Грузинской вотчины всеильного министра, показали, что Аракчеев при ведении хозяйства стремился использовать наиболее передовые методы. Он устроил для своих крестьян некое подобие кредитного банка, где каждый при определенных условиях мог получить ссуду для приобретения сельскохозяйственного инвентаря или улучшения своего хозяйства.

В Грузии довольно широко использовался вольнонаемный труд. Даже собственным крепостным, находившимся на оброке, Аракчеев платил за выполнение различных работ по имению, хотя мог бы рассматривать это как барщину. Старался Аракчеев вводить и другие прогрессивные новшества⁸⁷. Все это не что иное, как проявление процесса неуклонного изживания традиционных крепостнических методов ведения хозяйства.

Как долго продолжалась работа над проектом, неизвестно, но в феврале 1818 г., незадолго до отъезда Александра I в Варшаву на открытие первого конституционного сейма, он лежал на столе императора. К сожалению, полный текст проекта отыскать не удалось, судить о нем можно лишь по подробному изложению, содержащемуся в анонимной записке о деятельности Аракчеева в крестьянском вопросе в 1818 г., копия которой сохранилась в архиве историка Н. К. Шильдера, а также по краткому упоминанию в «Записке о разных предположениях по предмету освобождения крестьян», составленной в правительственных кругах при подготовке реформы 1861 г.

Оба эти источника свидетельствуют о том, что проект предвлялся кратким вступлением, где Аракчеев излагал принципы, какие, по мнению Александра I, следовало положить в основу будущего документа. Главное место среди них занимала тради-

ционная со времен закона о вольных хлебопашцах мысль, чтобы «проект сей не заключал в себе никаких мер, стеснительных для помещиков, и особенно чтобы меры сии не представляли ничего насильственного в исполнении со стороны правительства». Предложения должны были отвечать «выгодам помещиков» и возбуждать в них самих «желание содействовать правительству в уничтожении крепостного состояния людей в России».

По приказу Аракчеева проект готовился в «величайшей тайне», и о нем знали только «находящийся при графе статский советник Самбурский и чиновник, излагавший проект большею частью со слов графа Аракчеева и под руководством Самбурского».

Отметим, что в отличие от «Отзыва» Н. Н. Новосильцова на проект С. М. Кочубея в рекомендациях, данных Аракчееву, нет ни слова о конкретных условиях освобождения крепостных. Эта сторона дела была полностью отдана в распоряжение автора. Но зато твердо и недвусмысленно был сформулирован основной принцип, от которого Александр I не собирался отступать, — никакого насилия государства по отношению к помещикам. Как хотелось императору, чтобы крестьянская реформа выглядела откликом правительства на стремления и чаяния помещиков! Как велика была вера, что можно выработать такие условия, при которых помещики добровольно откажутся от своих прав на личность и труд крестьянина.

Самодержавие продолжало оставаться в плену иллюзий, коренившихся в непонимании истинных причин, которые заставляли прибалтийское дворянство добиваться освобождения крепостных крестьян и в то же время толкали их российских собратьев на пассивное, но непоколебимое сопротивление любым эмансипационным шагам правительства; причин, обусловленных разным уровнем социально-экономического развития собственно русских губерний и Прибалтики. В рекомендациях Александра I обращает на себя внимание полное отсутствие такого важного аргумента в пользу крестьянской реформы, как пагубное воздействие крепостного права на экономическое развитие страны. Во всяком случае, предстоящие преобразования характеризовались только как «сообразные духу времени и успехам образованности» и «необходимые для будущего спокойствия самих владельцев крепостных людей».

Для освобождения крестьян от крепостной зависимости Аракчеев предлагал начать широкую покупку помещичьих имений в казну или «по добровольно условленным ценам с помещиками», или на некоторых «особенных правилах». Продавать государству крестьян и дворовых, как казалось Аракчееву, помещиков должно было заставить естественное стремление избавиться от долгов и вести хозяйство на рациональной основе, либо обрабатывая наемными рабочими оставшуюся у них после продажи крестьян часть земли, либо сдавая ее в аренду крестьянам.

На покупку имений предлагалось выделять по 5 млн руб. ассигнациями в год. Если бы правительство не смогло ассигновать требуемую сумму, то намечалось ежегодно выпускать 10 тыс. кредитных билетов по 500 руб. каждый с обязательством выплачивать по ним 5% годовых. Для осуществления выкупной операции планировалось создать специальную комиссию, которая бы от имени правительства совершала подобные сделки. Помещики могли продавать имение целиком или же требовать, чтобы правительство приобрело крестьян только с частью земли. В последнем случае минимальный размер крестьянского надела определялся в 2 дес. на ревизскую душу.

Оценка имений должна была производиться уездным предводителем дворянства, тремя соседними помещиками и двумя представителями правительства и соответствовать местным условиям. Цены оброчных имений устанавливались в зависимости от суммы оброка. Леса, реки и другие угодья оценивались в оброчных имениях особо.

Совершенно необычным образом был рассмотрен в проекте вопрос о том, выдержит ли государственный бюджет предлагаемую выкупную операцию. Видимо, еще в ходе подготовительной работы Аракчеев получил записку, где утверждалось, что выкуп не по силам государству и со временем компенсация помещикам превратится в неоплатный государственный долг. Поэтому возражения против подобных опасений были внесены непосредственно в представленный Александру I проект, а на его полях (как указано в изложении, которым мы располагаем) Аракчеев собственноручно приписал: «Кажется неосновательно, потому что казна ничего не теряет: она будет отдавать помещикам только то, что сама получит с приобретенных от них имений».

Вместе с обнародованием проекта Аракчеев предлагал издать манифест, который, маскируя истинные намерения правительства, объяснял бы предлагаемые меры стремлением государства помочь помещикам («представить средства тем, кои могли бы находиться в жестокой необходимости продавать имения свои за несоответственную достоинству их цену или входить в разорительные обязательства с капиталистами-ростовщиками, выйти из затруднительного положения и сохранить по крайней мере часть достояния своего в наследие своему потомству».) Словом, Аракчеев считал нужным действовать в точном соответствии с тем, что когда-то советовал Александру Лагарп. Слова «свобода», «освобождение крестьян» и т. п. публично произносить не следовало⁸⁸.

Как же оценить предложенный Аракчеевым способ освобождения крестьян? Не был ли он уловкой опытного царедворца, старавшегося и угодить царю, и сохранить фактически крепостное право? В историографии четкого ответа на этот вопрос нет. А. В. Предтеченский, опиравшийся только на изложение проекта, появившееся в печати, и посвятивший ему буквально несколько строк, уклонился от оценки, указав только, что он «вполне обес-

печивал помещичьи интересы»⁸⁹. Аналогичным образом поступил задолго до него В. И. Семевский, заметивший, что в проекте «зарождалась уже мысль о возможности выкупа крестьян посредством кредитной операции»⁹⁰. Это совершенно справедливо. Аракчеев (или его помощники) был одним из первых, кто попытался предложить принцип, заложенный впоследствии в реформу 1861 г. Конечно, полвека спустя крестьянская реформа была проведена на совершенно иных условиях, но принцип — освобождение с землей за выкуп при непосредственном участии государства — остался неизменным.

Все же что за освобождение предлагалось в проекте? С точки зрения Аракчеева и вообще правящей элиты, ликвидация помещичьей крепостной деревни означала, несомненно, решение крестьянского вопроса в целом. Если бы все помещичьи крестьяне оказались в конце концов собственностью казны, то принимавшая все более угрожающий характер проблема «помещик и крепостной» перестала бы существовать. Взгляд современной науки на эту проблему иной: государственные крестьяне в России представляли собой одну из категорий крепостного населения страны, являясь составной частью системы государственного феодализма. Недаром после реформы 1861 г. была проведена соответствующая реформа государственных крестьян. Таким образом, будь даже осуществлен, проект Аракчеева вовсе не ликвидировал бы крепостное право в масштабах всей страны, хотя и привел бы к радикальному изменению положения крепостных крестьян.

Насколько реален был этот проект? Приходится признать, что однозначного ответа дать нельзя. Проект был реален, потому что экономический кризис, поразивший страну после Отечественной войны 1812 г., привел к резкому упадку помещичьего хозяйства. Росла задолженность, все большее число помещиков вынуждены были закладывать свои имения, проживая и проматывая проценты по закладным и вновь закладывая имения. Ежегодно за неплату государственных и частных долгов объявлялись к продаже с публичных торгов десятки тысяч крепостных крестьян. Кстати сказать, с большой долей вероятности можно предположить, что, предлагая выделять на покупку крепостных 5 млн руб. в год, Аракчеев как раз исходил из количества крепостных, ежегодно объявляемых к продаже за долги. Так что вряд ли в первые годы могли бы возникнуть затруднения в покупке крепостных.

Но в дальнейшем поток неминуемо должен был иссякнуть, а никаких мер, которые заставили бы помещиков продавать крестьян, проект не предусматривал. Что бы стало делать правительство в этом случае — неизвестно. Но главное даже не в этом. Ведь и в том фантастическом случае, когда все помещики добровольно решились бы расстаться с крепостными, процесс освобождения растянулся бы не менее чем на две сотни лет. Это неопровержимо доказывает элементарный расчет. Если оценить в среднем по России стоимость одной души в 100 руб. ас-

сигнациями (что на самом деле не такая уж большая цена), то на 5 млн руб. в год можно выкупить не более 50 тыс. крепостных. Двигаясь такими темпами, правительство не освободило бы всех крепостных и к 2018 г. Решение крестьянского вопроса в России не могло ожидать такого срока. Наверняка это было ясно и Аракчееву. На что же он рассчитывал, выдвигая свои предложения? На желанные для Александра I постепенность и добровольность реформы крепостной деревни и, скорее всего, на то, что, начавшись, реформа обнаружит выгодные для помещиков стороны. А тогда первоначальные черепашные темпы могли бы смениться иными. Да и вообще время само внесло бы свои изменения.

Откажемся поэтому от привычного соблазна объявлять любое действие Аракчеева реакционным или, по крайней мере, лицемерным. Намерения Александра I и его поручения, как мы уже убедились, были серьезными, и столь же серьезно пытался Аракчеев реализовать стремления царя.

Мысли о подобном решении крестьянского вопроса высказывались в обществе не только в 1818 г., но и много позднее — и далеко не консервативными его представителями.

В конце 1830-х годов один из видных декабристов, бывший генерал М. А. Фонвизин, находившийся на поселении в Тобольске, написал записку «О крепостном состоянии земледельцев в России». В работе над запиской принимал участие и другой декабрист — И. И. Пущин. Записка предназначалась правительству и содержала подробный проект освобождения крестьян. Конечно, в таком проекте не могло быть и речи об изложении декабристского взгляда на проблему. Цель его была иной: подсказать верховной власти такой способ освобождения крестьян, который для нее был приемлем. Именно поэтому большие усилия были приложены, чтобы скрыть, что проект составлен ссыльными декабристами⁹¹. Самое интересное, что предложения их в основных чертах совпадали с давним и неизвестным им проектом Аракчеева. Можно представить себе, как были бы поражены Фонвизин и Пущин, обнаружив это сходство.

Фонвизин считал, что освободить крестьян можно, «если правительство решится в продолжение известного времени скупать по вольной цене всех находящихся в дворянском владении крестьян и дворовых людей с землями, на которых они поселены». При продаже имения, как отмечал Фонвизин, помещики вправе были оставить себе «половину или треть земель, им принадлежащих». Правительство могло даже приобретать крестьян вовсе без земли, водворяя их на жительство в ближайšie казенные имения. По сделанному расчету на выкуп 10 млн помещичьих крестьян необходима была огромная сумма — 1 млрд руб. серебром. Провести эту выкупную операцию правительство могло за 14 лет, ассигновывая из государственных доходов по 30 млн руб. серебром в год и выпуская дополнительно ежегодно на 30 млн облигаций. Выкупаемые крестьяне должны были облагаться об-

роком в 5 руб. серебром в год с души, что облегчило бы задачу правительства. Кроме того, при покупке учитывалась бы задолженность помещиков и требуемая сумма сокращалась сразу на треть. На выкуп пошли бы и те доходы, которые государство получало бы с уже приобретенных имений.

Сходство принципов двух проектов бросается в глаза. Правда, Фонвизин останавливался перед основным вопросом: как быть с теми помещиками, которые не захотят добровольно расстаться со своими крестьянами? Аракчеев как бы не замечает этой коренной проблемы. Фонвизин хотя и хорошо ее видит, но не предлагает реальных путей к ее разрешению. Он, как и Аракчеев, считал, что вначале «правительство может приступить к покупке имений как частное лицо на всем пространстве империи, где найдутся продавцы», и даже может «ограничиться приобретением продающихся за казенные и частные долги имений». Но что же делать дальше? Выдвинутое им в конце записки предложение подавить сопротивление помещиков изданием постановлений, «ограничивающих злоупотребления власти помещиков», которые устранят будто бы все затруднения, вряд ли можно принять всерьез.

Предлагаемые меры Фонвизин прямо называл «уничтожением крепостного строя». Очевидно, насколько прочно понятие крепостного права сливалось в сознании общества именно с помещичьей крепостной деревней. Коренное же отличие проекта Фонвизина — Пущина от предложений Аракчеева — сроки. По их подсчетам, «вся операция совершится в продолжение 14 лет».

Как видим, декабрист остается декабристом, а Аракчеев — Аракчеевым. Даже пытаясь взглянуть на проблему с позиции, возможной для верховной власти, Фонвизин настаивает на быстром и радикальном «уничтожении крепостного строя», Аракчеев же склонен медлить и не предопределять окончательное решение вопроса.

Судя по известным нам весьма немногочисленным источникам, предложения Аракчеева были одобрены Александром I. Предложение, писал автор упоминавшейся анонимной записки, «удостоилось, сколько известно, высочайшего одобрения государя и, конечно, восприняло бы со временем свое действие, если бы не воспрепятствовали тому многие политические обстоятельства и особенно возникшие тогда смуты в некоторых государствах Южной Европы, увлеченных идеями неумеренного либерализма, и особенно если бы несчастная история Семеновского полка в отсутствие государя не произвела, наконец, конечного изменения в мыслях его и намерениях»⁹².

Прав ли автор, приведя подобные объяснения тому, что одобренный царем проект так и остался тайной между Александром I и Аракчеевым? Нам совершенно неизвестны конкретные обстоятельства отклонения проекта. Ясно только одно: не было сделано никаких попыток не только к его реализации, но даже к представлению его на рассмотрение Государственного совета или Комиссии составления законов.

Прежде чем предложить читателю свое понимание тех общих причин, которые заставили правительство в начале 1820-х годов вообще отказаться от своих намерений, посмотрим, как развивались события дальше.

* * *

Тайна, которая окружала попытки правительства разрешить крестьянский вопрос, становилась все более плотной. Александр I оставался непоколебимо верен своему прежнему принципу: никто, не облеченный «специальным доверием», не должен был даже «вообразить», что разрабатываемые верховной властью проекты постепенной ликвидации крепостного права — реальность. Все, что было связано с ними, как и с работой Н. Н. Новосильцова в Варшаве над проектом конституционного переустройства страны (см. об этом в следующей главе), охранялось самодержавием от гласности наравне с самыми важными династическими секретами. О существовании конкретных проектов реформ, как, например, и о решении Александра I передать престол, минуя отказавшегося царствовать цесаревича Константина, следующему брату — Николаю, в огромной империи знали не по слухам, а наверняка только считанные люди.

К числу секретов, о которых знал лишь самый узкий круг, принадлежит проект освобождения помещичьих крестьян, разработанный в 1818—1819 гг. по распоряжению Александра I под руководством министра финансов Д. А. Гурьева.

На факт существования подобного проекта впервые только в 1946 г. обратил внимание Н. М. Дружинин. Даже такой знаток крестьянского дела, как В. И. Семевский, вовсе не знал об этой деятельности Гурьева. В изданной в 1946 г. монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» Н. М. Дружинин писал: «Именно в 1818 году Александр I дал официальное поручение министру финансов гр. Гурьеву подготовить двойной проект — освобождения помещичьих крепостных и всеобщей реформы положения государственных крестьян. О второй части этого поручения рассказывает сам Гурьев в обстоятельной записке к составленному проекту; о первой части задания мы узнаем из дел II отделения соб. его велич. канцелярии, куда в 1866 году были препровождены соответствующие материалы, найденные в бумагах умершего сына гр. Гурьева»⁹³.

Однако ни Н. М. Дружинин, подробно изучивший составленный Гурьевым проект преобразования государственной деревни, ни последующие исследователи внутренней политики самодержавия в XIX в. не сообщили читателям ничего более конкретного о первой части проекта, касавшейся помещичьей деревни. Более того, впоследствии этот вопрос вообще как бы выпал из поля зрения историков. Так, А. В. Предтеченский, на обстоятельную монографию которого мы не раз ссылались, даже не упомянул о нем, несмотря на то что в его книге есть специальная глава

«Аграрно-крестьянский вопрос в правительственной политике 1813—1825 гг.».

Поэтому в историографии оставалось совершенно невыясненным, было ли вообще выполнено Гурьевым поручение Александра I во всем объеме и был ли подготовлен им проект освобождения помещичьих крестьян. Подобная ситуация объясняется тем, что в бумагах Д. А. Гурьева, поступивших после смерти его сына во II отделение, к тому времени, когда ими пользовался Н. М. Дружинин, материалов, относящихся к проекту освобождения крепостных крестьян, уже не было. Там сохранилась только переписка по поводу этих бумаг с кратким изложением их содержания, из которой Н. М. Дружинин и узнал о поручении, данном Александром I Д. А. Гурьеву ⁹⁴.

В 1866 г. все документы, относящиеся к проекту Гурьева, действительно поступили во II отделение и некоторое время там хранились. Об этом свидетельствуют материалы, находящиеся как в фонде II отделения, так и в фонде Государственного совета. В «Ведомости бумагам, оставшимся после смерти А. Д. Гурьева», составленной в 1866 г. государственным секретарем С. Н. Урусовым, среди материалов Д. А. Гурьева под № 110 значится «Исторический обзор законов, относящихся до земледельцев или крестьян как в европейских государствах вообще, так и в России в особенности, с записками по сему делу Дружинина и Балугианского (1818)». Из копии отношения С. Н. Урусова, адресованного главноуправляющему II отделением гр. В. Н. Панину, видно, что 14 июня 1866 г. эти бумаги в соответствии с резолюцией Александра II были отправлены во II отделение ⁹⁵. В деле же II отделения имеются документы, подтверждающие получение посланных бумаг ⁹⁶. Но никаких материалов, объясняющих, куда они затем исчезли, нет.

Все наши усилия разыскать сам проект Гурьева не увенчались успехом. В архиве I отделения собственной е.и.в. канцелярии удалось обнаружить только писарской список исторического обзора «О законах, относящихся до земледельцев в главнейших европейских государствах», составляющего первую часть упомянутого Урусовым исторического труда ⁹⁷. Оставалась только одна возможность обнаружить интересующие нас документы — исследовать архивы государственных деятелей, причастных к правительственным работам в области крепостного права, в надежде, что там сохранились их копии.

Долгое время эти поиски оставались безуспешными. Только спустя много месяцев в архиве М. С. Воронцова отыскалась вторая часть исторического исследования, касающаяся возникновения, развития и современного состояния крепостного права в России. Эта писарская копия имела заглавие «Часть II-я. О состоянии крестьян в России» ⁹⁸. Но и это, несмотря на важность предмета и очень интересный очерк положения крепостных крестьян и правительственного законодательства в этой области, было все-таки не то главное, ради чего предпринимались поиски.

И наконец удача. В архиве кн. А. С. Меншикова удалось обнаружить копии того комплекса материалов, который хранился когда-то в бумагах, оставшихся после смерти А. Д. Гурьева⁹⁹.

Учитывая уникальность обнаруженных материалов, прежде чем обратиться к анализу существа проекта Гурьева, кратко охарактеризуем каждый из документов. Вначале нужно назвать три самостоятельные докладные записки, отражающие разные стадии работы над проектом и позволяющие узнать имена его конкретных авторов. Первая озаглавлена «Замечания о плане, которому можно было бы следовать в деле о крестьянах», вторая — «Замечания на труды совершенные и те, которые остается еще совершить по законодательству о крестьянах», третья — «Замечания для его сиятельства министра финансов на труды относительно уложения о крестьянах». Только одна из них, последняя, подписана М. А. Балугьянским и датирована 25 декабря 1819 г. Две первые — без подписи и даты. Однако их содержание не оставляет сомнений, что они принадлежат тому же автору и тоже адресованы Д. А. Гурьеву.

Время составления первых двух записок можно достаточно точно установить. В третьей записке М. А. Балугьянский писал, что «беспрерывно» в течение 18 месяцев занимался порученной ему работой¹⁰⁰. Это дает основание датировать первую записку приблизительно маем—июнем 1818 г. Видимо, незадолго до этого Александр I и поручил Гурьеву подготовить общий план освобождения крестьян в России. Вторая записка может быть датирована летом 1819 г. В ней сказано, что готовящийся свод всех существующих в русском законодательстве постановлений о крепостном праве практически готов и может быть представлен «в течение августа месяца»¹⁰¹. Из содержания всех трех записок ясно, что речь могла идти только об августе 1819 г.

Все три записки отделены одна от другой довольно значительными временными промежутками, и, проанализированные в совокупности, они могут дать вполне определенное представление о том, как шла работа над проектом в течение полутора лет.

Кроме докладных записок, сохранились первые две части обширной работы, которая, по замыслу ее авторов, должна была всеобъемлюще охватить проблемы крепостного права от его зарождения до предложения способов его постепенного уничтожения. Первая часть содержит обзор законодательства о крестьянах в «главнейших европейских государствах» (Франции, Англии, Австрии, Пруссии и Дании), вторая посвящена анализу закрепощения и современного положения крестьян в России. Этим исчерпываются все известные нам материалы к проекту.

Что же дает их совокупный анализ? Судя по их содержанию, для выработки правительственной программы решения крестьянского вопроса был создан специальный комитет. Так, в первой записке «Замечания о плане, которому можно было бы следовать в деле о крестьянах» говорится, что те «начала» крестьянской реформы, которые «могут быть приняты у нас», должны стать

«предметом зрелого обсуждения Комитета», а в последней, датированной декабрем 1819 г., напоминает, что осуществляемый план работ по крестьянскому вопросу был «утвержден» Гурьевым и «принят Комитетом»¹⁰². Что это был за Комитет, каковы были его функции, кто в него входил, из имеющихся материалов понять нельзя.

Однако само свидетельство о существовании некоего Комитета, которому Александр I поручил руководство подготовкой проекта освобождения крепостных крестьян, трудно переоценить. Оказывается, что дело поднялось на тот уровень, при котором его должен был возглавить специальный секретный Комитет (факт его строжайшей секретности доказан уже тем, что мы впервые узнаем о нем только сейчас). На память сразу приходят многочисленные секретные комитеты по крестьянскому делу, создававшиеся в николаевское царствование из высших сановников империи и безуспешно пытавшиеся решить все тот же вопрос. Выясняется, что у них был предшественник. Попытки келейным способом разрешить коренные проблемы существования страны облекались в одни и те же государственные формы и были одинаково бесплодны.

Но важно отметить и другую сторону. Создание Комитета, успевшего рассмотреть и одобрить программу подготовки проекта, показывает, что замыслы императора начали приобретать уже достаточно определенный организационный статус.

Записки М. А. Балугьянского позволяют утверждать, что практически вся работа велась двумя чиновниками — самим Балугьянским, который в это время служил в Государственном совете, в Комиссии составления законов, и Я. А. Дружининым, директором Департамента государственных имуществ Министерства финансов. Дружинин, типичный бюрократ, видный чиновник александровского и николаевского царствований, в общественной жизни ничем особенным себя не проявил.

Иное дело Балугьянский. Крупнейший ученый-юрист, он в 1819—1821 гг., т. е. когда шла интенсивная работа над принципами крестьянской реформы, был ректором Петербургского университета. В среде петербургских либералов Балугьянский был известен своими прогрессивными взглядами. Позднее его имя как члена тайного общества фигурировало в доносе А. И. Майбороды. Правда, в ходе следствия выяснилось, что членом декабристских обществ он не был, и Николай I повелел оставить донос Майбороды «без внимания». Но репутация «либерала» все же долго держалась за Балугьянским. В царствование Николая I он сделался ближайшим помощником М. М. Сперанского в деле кодификации и сыграл большую роль в подготовке как Свода законов, так и Полного собрания законов Российской империи¹⁰³. Участие Балугьянского, никогда не служившего в Министерстве финансов, в работе над проектом освобождения крестьян свидетельствует, что она не замыкалась рамками одного ведомства.

В дуэте Балугьянский—Дружинин ведущая роль, без сомнения, принадлежала первому. Участие Дружинина ограничилось тем, что он написал очерк «История крепостного состояния в России». М. А. Балугьянский же, кроме обзора положения крестьян в Западной Европе, составил свод действующих в России постановлений по крепостному праву и был тем лицом, которому принадлежали основные идеи программы реформы.

План работ, предложенный Балугьянским Комитету и получивший его одобрение, подкупает своей широтой и основательностью. Прежде чем выработать основы реформы, Балугьянский считал необходимым провести серьезный сравнительный анализ положения крестьян в Западной Европе и в России. С этой целью он предлагал написать обзор законодательства о крестьянах в основных западноевропейских странах от падения Римской империи до начала XIX в., чтобы показать, как изменялось их правовое и хозяйственное положение. Такой же очерк возникновения, развития и современного состояния крепостного права в России должен был стать следующим шагом. Эти два очерка были подготовлены, и первый из них доставлен Александру I. К сожалению, реакция на него императора неизвестна.

Наибольший интерес представляют два следующих пункта намеченной Балугьянским программы: определение «начал» нового крестьянского законодательства и управления, а затем составление на принятой основе нового крестьянского «уложения». В значительной степени эти задачи также были выполнены. Как писал Балугьянский в записке, направленной Д. А. Гурьеву 25 декабря 1819 г., он к этому времени не только «начертил общий план законодательства и управления», но и составил даже «несколько глав уложения»¹⁰⁴. К сожалению, ни тот, ни другой документ обнаружить не удалось. Однако и имеющиеся источники позволяют в общих чертах реконструировать предложения Балугьянского.

Основные черты предлагаемого изменения крепостных отношений М. А. Балугьянский изложил в специальном разделе, названном им «Общее обозрение плана нового законодательства о крестьянах и их управлении», той записки, что была отправлена Гурьеву еще летом 1818 г. Конечно, какие-то детали «плана» в течение полутора лет могли быть развиты и уточнены, но вряд ли он претерпел коренные изменения. О стабильности общих принципов, выработанных Балугьянским, свидетельствует сохранившийся проект реформы государственной деревни, представленный Гурьевым Александру I летом 1824 г., но оставшийся нереализованным. Этот проект в значительной степени основывался на тех же принципах, что и «Общее обозрение», с учетом, конечно, особого положения государственных крестьян¹⁰⁵.

Идеалом устройства деревни для Балугьянского являлись западноевропейские страны, где капиталистические отношения уже вполне утвердились. Судя по вступлению к историческим очеркам, он прекрасно понимал экономические преимущества капита-

листических форм ведения хозяйства. «Но если сии законы недостаточны и вредны,— писал он, характеризуя нормы крепостного права,— если признано, что в них заключается главное и единственное препятствие к распространению промышленности, если успехи просвещения и общего мнения необходимо требуют исправления, то должно ли останавливаться за трудностью исполнения и оставлять оное на произвол времени и случая?»¹⁰⁶ Для Балугьянского ответ на этот вопрос был совершенно очевиден. Долг правительства — реформировать отжившие крепостные отношения. Весь вопрос состоял в том, как это сделать, не нарушая общественного спокойствия.

Балугьянский выступал как против немедленного освобождения крестьян в масштабах всей страны, так и против их постепенного освобождения в отдельных регионах. «Сделать всех крестьян свободными общим законом,— писал он,— или освободить их постепенно по известному числу в течение данного времени, как сделано в Эстонии, Курляндии и Ливонии, значило бы поколебать общественную безопасность». Он предлагал иной путь, при котором хотя и «не будет речи о свободе крестьян», но «она установится сама собою». Весь вопрос заключался, по его мнению, в том, чтобы создать в стране «различные роды собственности». Помещики, считал он, никогда не согласятся на «отчуждение родового наследства». Главную причину неудачи закона 1803 г. о вольных хлебопашцах он и видел как раз в требовании освобождать крестьян с передачей им части земли в полную собственность. Если бы земельная собственность имела в России более разнообразные формы, а правительство в определенный срок (например, десятилетний) обязало «каждое частное лицо <...> распределить таким образом свою землю», то, как полагал Балугьянский, крестьяне сделали бы свободными без всякого специального законодательного акта.

Нетрудно заметить, что подобный план ликвидации крепостных отношений очень напоминает тот долгий путь, который прошли многие страны Западной Европы, прежде чем там утвердились капиталистические отношения. Балугьянский предлагал законодательно установить пять новых видов собственности: 1) потомственное содержание; 2) пользование пожизненное или на определенное число лет; 3) содержание по найму; 4) владение; 5) общественные земли. Порядок заключения условий между помещиками и крестьянами не должен был ничем регламентироваться. Все предоставлялось свободному соглашению сторон. «Собственники могут отдавать крестьянам свои земли тем или другим из этих способов, по произволу,— писал Балугьянский.— Они сами изберут крестьян, которым пожелают оказать это особенное доверие, или же те, которые пользуются землею в настоящее время, приобретут право законного пользования». Естественно, новый порядок подразумевал, что общинное землепользование будет уничтожено, хотя прямо об этом нигде и не было сказано.

Крестьяне, по мнению Балугьянского, получили бы в результате преобразований те же права и то же положение, что и их собратья в Англии или Австрии («останутся в тех отношениях к своим помещикам, в каких они находятся теперь в Англии, в Австрии и в других местностях»). В соответствии с их новым статусом должны измениться и повинности крестьян: «ревизия, рекрутство, поголовная подать, земские повинности» и т. п. Подробности этих и других преобразований Балугьянский считал необходимым разработать в ближайшем будущем и, не откладывая, начать проводить в жизнь ¹⁰⁷.

При всей соблазнительности изображенной автором перспективы почти мгновенной и безболезненной ликвидации крепостничества умозрительность и оторванность от реальных условий русской действительности предлагаемых им преобразований, кажется, не требуют особых доказательств. Балугьянский явно не понимал, что различные формы собственности, распространенные в Западной Европе, были обусловлены высоким уровнем развития производства и что не могло быть и речи о произвольном, «сверху» насаждении их в России и решении тем самым крестьянского вопроса. То, что на Западе явилось результатом длительной эволюции, не могло быть одним росчерком пера осуществлено в России. Для ликвидации крепостного права требовались иные меры, чем законодательное насаждение различных форм собственности.

Объективно оценивая предложения Балугьянского, нельзя не признать, что всем своим существом они были направлены на то, чтобы ликвидировать крепостничество в России и создать условия для развития капитализма. Но та же объективность заставляет признать их полную утопичность.

Чем же завершилась история подготовки проекта Гурьева? В самом конце декабря 1819 г. Балугьянский, видимо уже довольно длительное время не получавший никаких указаний, обратился к Д. А. Гурьеву со специальной запиской, где, подводя итоги сделанному, спрашивал, как ему действовать дальше. Напомнив Гурьеву, что большая часть намеченного уже выполнена, что он «начертал общий план законодательства и управления», который «может быть принят», и «даже несколько глав уложения», Балугьянский писал: «Далее того, на чем я остановился, мне невозможно продолжать этого труда по неизвестности высочайшей воли его величества: могут ли план и начала нового уложения согласовать^{ся} с его мудростью и благотворными видами». В заключение Балугьянский просил министра выяснить у Александра I, должен ли он «продолжать этот труд», и в случае благожелательного ответа изъявлял готовность через месяц представить императору «план и начала нового уложения, которого главные основания уже начертаны» ¹⁰⁸. Никакими сведениями об ответе императора мы не располагаем. Но даже если он был положительным и Балугьянский еще некоторое время продолжал работать над проектом, то реальных последствий это не имело.

Познакомившись с двумя правительственными проектами решения крестьянского вопроса, нельзя не задаться вопросом: как же объединить разрозненные факты, относящиеся к поручениям Александра I Аракчееву и Гурьеву, в единое целое? Связаны ли эти поручения между собой, и если связаны, то как?

Гипотетически можно представить себе дело так. Проект Аракчеева был построен на выкупной операции, для осуществления которой требовались крупные средства. Понятно, что, отнесясь к проекту положительно, Александр I должен был прежде всего выяснить мнение министра финансов Д. А. Гурьева. Тут-то и могла возникнуть мысль о создании особого Комитета для рассмотрения проекта Аракчеева.

Известное нам поручение Гурьеву могло возникнуть в результате отклонения Комитетом предложений Аракчеева (скорее всего, по невозможности для государства принять на себя в тот момент такое финансовое бремя). После этого и было, вероятно, предложено Гурьеву подготовить другой проект. Комитет между тем был сохранен и даже принял программу предстоящих работ. Но этим, по всей вероятности, его роль и была исчерпана. В 1820 г. мы уже не находим ни каких-либо следов существования Комитета по крестьянскому делу, ни свидетельств дальнейшего движения проекта Гурьева.

* * *

Намерения правительства приступить к практическим шагам в крестьянском деле, о чем ясно и недвусмысленно уже не раз публично заявлял Александр I, не могли не волновать основную массу дворянства. Единодушное в своем негативном отношении к любым попыткам хоть как-то затронуть извечное, по его убеждению, право владения крепостными, дворянство великорусских губерний с замиранием сердца следило за деятельностью правительства. Вековая привычка безропотно повиноваться любым действиям верховной власти, составляющая одну из основных черт самодержавного строя, заставляла с особым страхом ожидать, как развернутся события, решится ли верховная власть вступить на этот путь, невзирая на мнение подавляющего большинства помещиков. Этот страх определял настроение провинциального, а также отчасти и столичного дворянства в 1817—1819 гг.— да еще надежда, что грозящее «бедствие» обойдет стоной.

В мае 1818 г. М. М. Сперанский писал своему другу А. А. Столыпину, что мартовская речь Александра I в Варшаве (где он, как известно, говорил о возможности распространить конституционное устройство и на Россию), которую многие помещики поняли как новое свидетельство близящегося освобождения крестьян, произвела в Москве «припадки страха и уныния». «(...) Опасность,— продолжал Сперанский,— состоит именно в сем страхе, который теперь везде разливается». Как только крестьяне почувствуют этот страх, пояснял далее Сперанский, в них

окончательно утвердится уже существующая мысль, что правительство давно даровало им свободу и что «одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение. Что за сим следует — вообразить ужасно, но всякому понятно».

Посылая письмо Столыпину, Сперанский писал, что разрешает показать его министру финансов гр. Д. А. Гурьеву. Знал ли Сперанский о причастности Гурьева к работам по крестьянскому делу? Трудно сказать. Ясно, впрочем, другое: подобными обращениями к влиятельным лицам, как справедливо заметил еще В. И. Семеvский, он хотел «задержать немедленное решение крестьянского вопроса»¹⁰⁹. В этом же письме Сперанский отстаивал необходимость начинать преобразования с политических реформ и предлагал для их разработки учредить комитет из Гурьева, двух-трех губернаторов (включая и себя) и двух-трех предводителей дворянства.

Не было ли связано создание Комитета, которому поручили следить за разработкой Гурьевым проекта решения крестьянского вопроса, с этим предложением опального государственного деятеля? Такое предположение напрашивается само собой. В письме, приложенном к первому полуофициальному посланию и предназначавшемся только самому Столыпину, Сперанский еще более определенно формулировал мысль о том, что с освобождением крестьян нужно повременить. «Очистите часть административную, — писал он, — перейдите затем к установлению основных законов (*les lois constitutionnelles*), т. е. свободы политической, и затем вы постепенно придете к вопросу о свободе гражданской, т. е. к свободе крестьян. Вот истинный порядок вещей. В сем порядке последний вопрос едва ли *в десять или в двадцать лет* *приспееет к разрешению* (курсив мой.—С. М.), ибо предварительные работы столь огромны, а средства наши в людях и в деньгах столь ограничены, что невозможно и думать о поспешности»¹¹⁰.

Справедливости ради нужно отметить, что Сперанский хотя и отодвигал освобождение крестьян на второй план, но считал отмену крепостного права делом неизбежным. Подготовку освобождения «можно затянуть, проволочить, — писал он в том же письме, — но отложить вовсе невозможно <...> исправление необходимо, и начать его нужно <...>»

Вряд ли можно сомневаться, что Александр I был знаком и с позицией Сперанского, и с его оценкой настроений дворянства. И конечно, подобное отношение к попыткам реформировать крепостное право не было для него чем-то новым. Так, чуть ранее, 8 февраля того же 1818 г., еще до варшавской речи, будущий министр финансов Е. Ф. Канкрин (он займет этот пост в 1823 г., после отставки Гурьева) писал, посылая Александру I свой проект решения крестьянского вопроса, что почерпнул «новое побуждение» изложить свои мысли, увидев в Москве, «как вся публика недовольна намерением императора освободить крестьян»¹¹¹. Вторая столица всегда отличалась более патриархаль-

ными нравами, но теперь она служила как бы выразителем мнения всей России.

Недовольство возникло еще после первых известий об освобождении крестьян в Прибалтике. В 1817 г. швейцарец Ф. Кристин писал из Москвы в Петербург княжне В. И. Туркестановой, что обращение курляндского генерал-губернатора маркиза Пауллуччи к местному дворянству с призывом последовать примеру соседней Эстляндии, где в 1816 г. крестьяне были объявлены лично свободными, подняло на ноги все московское общество. «Разговоры по сему предмету заставляют содрогаться,— продолжал Кристин.— Надеюсь, что в Петербурге известно *общее настроение умов* (курсив мой.— С. М.) и что там не отважатся ни на какую окончательную меру без зрелого обсуждения и не приняв в расчет возможных последствий такого шага». В следующих письмах Ф. Кристин сообщал о новых слухах, распространившихся в Москве: в различных губерниях крестьяне, возбужденные «прокламацией» Пауллуччи, будто отказываются повиноваться помещикам и местные власти вынуждены прибегать к суровым мерам для подавления беспорядков¹¹². Конечно, на самом деле никаких крестьянских волнений обращение Пауллуччи не вызвало. Значение этого свидетельства лишь в том, как реагировали дворяне на первые реальные шаги правительства к освобождению крепостных крестьян.

Не меньший, если не больший интерес представляют ответные письма В. И. Туркестановой, рисующие настроения, царящие при дворе и в среде высшей бюрократии. Туркестанова была чрезвычайно осведомленным в этом человеком. В молодости блестящая красавица, вокруг которой собиралась аристократическая молодежь конца екатерининского и павловского царствования, на склоне лет она была привлекательна иными качествами — глубоким и оригинальным умом, умением вести острую и в то же время обаятельную беседу. Туркестанова была близка с вдовствующей императрицей Марией Федоровной (в 1818 г. она совершила с ней поездку по Германии) и пользовалась расположением Александра I, который ценил ее незаурядные качества и даже посещал ее дом¹¹³.

С этой точки зрения особенно существенно ее письмо Ф. Кристину от 26 февраля 1817 г. В нем поражает твердость, с которой Туркестанова отвергала даже саму мысль, что в собственно русских губерниях может произойти нечто похожее на освобождение крестьян в Прибалтике. «Эта прокламация маркиза Пауллуччи,— писала Туркестанова Кристину,— так занимающая вас в Москве, здесь, кажется, не существует; провалиться мне, если я больше одного раза слышала разговор о ней. Я уверена, что есть люди, переливающие из пустого в порожнее по этому поводу, но не в том круге, где я живу. Впрочем, что бы ни говорили, будьте уверены, что касающееся эстонцев или курляндцев не коснется ни Твери, ни Калуги и что в общем очень далеки от того, чтобы принять меры такого рода по отно-

шению к древней России <...> Быть может, будут очень довольны тем, что идут в погу с веком, но прекрасно понимают, что дело еще неосуществимо и что нужно время, и много времени, чтобы оно стало реальным» ¹¹⁴.

Какая уверенность сквозит в каждой из этих строк! Какая мощь чувствуется за безличными оборотами, скрывающими все-силие этого небольшого слоя, в руках которого находилась судьба России и который непоколебимо стоял на крепостнических позициях. Пока вся деятельность в крестьянском вопросе шла тайно, пока Александр I поручал разрабатывать проекты освобождения крестьян отдельным доверенным лицам, открытого столкновения полярных точек зрения не происходило. Но тем не менее, читая письмо Туркестановой, реально представляешь себе, что за сила противостояла реформам.

Общее отрицательное отношение не к реформам вообще (в необходимости совершенствовать разваливавшееся государственное здание были убеждены даже самые крайние консерваторы), а к таким преобразованиям, которые могли бы затронуть основы самодержавного строя, царящее в придворных кругах, в среде высшей бюрократии и в поместном дворянстве, оказывало сильное влияние на Александра I. Он прекрасно понимал, что, как ни велика его власть, никакие реформы нельзя провести, не имея достаточно прочной опоры в своей социальной среде. А такой опоры, в частности в вопросе освобождения крепостных крестьян, практически не было. Александр к тому же никогда не забывал печального конца своего отца. Идти наперекор воле господствующего сословия могли заставить только чрезвычайные обстоятельства. Одних убеждений, почерпнутых из отвлеченных философских идей века Просвещения, для этого было мало.

Александр I был замкнутым человеком. Он не склонен был делиться своими переживаниями даже с самыми близкими людьми. Император оставался загадкой не только для сторонних наблюдателей, но и для тех, кто на протяжении десятилетий находился с ним рядом. «Сфинкс, не разгаданный до гроба», — сказал о нем П. А. Вяземский.

К 1819 г. ход реализации прогрессивных замыслов императора протекал, казалось бы, вполне благополучно: личное освобождение крестьян в Прибалтике (Эстляндия — 1816 г., Курляндия — 1817 г., Лифляндия — 1819 г.), просьба в 1818 г. литовского дворянства о разрешении обсудить в своем собрании условия освобождения крестьян ¹¹⁵, разработка проектов крестьянской реформы для всей России, успешная работа Н. Н. Новосильцова в Варшаве над русской конституцией (о чем см. подробнее в следующей главе). Но именно в это время, впервые после блистательной победы над Наполеоном, Александр возвращается к мысли об отречении от престола, которая так сильно владела им в ранней молодости. Летом 1819 г. состоялся знаменательный разговор Александра с его младшим братом Николаем. Император объявил ему об отказе Константина царствовать и о своем

намерении отказаться в пользу его, Николая. Жена Николая, великая княгиня Александра Федоровна, так передает в своих записках слова Александра I: «<...> Брат Константин, который никогда не заботился о престоле, теперь, более чем когда-либо, решил формально от него отказаться и передать свои права брату своему Николаю и его потомкам. Что же касается меня, то я решил отказаться от своих обязанностей и удалиться от мира». «Европа более чем когда-либо нуждается в государях молодых и обладающих вполне энергией и силой,— продолжал он,— а я уже не тот, что был, и считаю своим долгом вовремя удалиться»¹¹⁶. Во время свидания с Константином в Варшаве осенью 1819 г. Александр вновь сообщил ему о своем намерении: «Я должен сказать тебе, брат, что я хочу абдикировать*; я устал и не в силах сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае»¹¹⁷. Императором постепенно овладевало чувство собственной беспомощности и отсутствия так необходимых ему воли и энергии.

Но, может быть, это ясно выраженное намерение отречься от престола было вызвано еще и иными соображениями. Осенью 1819 г. работа Новосильцова и его сотрудников над проектом конституции для России была в разгаре. Нет ли связи между мыслями императора об отречении от престола и близящимся, как ему казалось, введением конституционного устройства? Ведь вряд ли можно найти более удобный момент для столь радикальных перемен, чем переход престола от одного монарха к другому. Никакими документальными данными, подтверждающими это предположение, мы не располагаем. Но отчего же Александр нашел нужным сообщить братьям о своем намерении отречься от престола именно тогда, когда его социально-политические планы вот-вот могли осуществиться?

Поручение Гурьеву оказалось последней, в сущности, инициативой Александра I в решении крестьянского вопроса. В дальнейшем все попытки вновь вернуться к этому вопросу исходили уже не от него. Однако до поры до времени каждая такая попытка встречала заинтересованный отклик императора. Его публичные заявления по-прежнему были направлены к стимулированию дворянской инициативы в этом вопросе и к одобрению любого ее проявления. В связи с крестьянской реформой в Лифляндии 1819 г., проведенной на тех же основаниях, что и ранее в других прибалтийских губерниях, император заявил: «Радуюсь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожидания. Ваш пример достоин подражания. Вы действовали в духе времени и поняли, что либеральные начала одни могут служить основой счастья народов»¹¹⁸.

Вместе с тем в его высказываниях все определеннее становилось нежелание оказывать какое-либо давление на дворянство.

* От фр. *abdiquer* — отказаться от престола.

Когда динабургские помещики в том же 1819 г. выразили желание последовать примеру прибалтийских губерний и предоставить своим крестьянам личную свободу, Александр I в указе белорусскому военному губернатору Александру Вюртембергскому собственноручно написал: «Я нахожу нужным вам изъяснить, что я непоколебимым правилом себе поставил подобные побуждения не моим влиянием производить, но всегда оставлять собственному стремлению человеколюбивых чувств дворянских сословий, единственно предоставляя себе согласовываться с вызовами о том самого дворянства и руководствоваться оные к благополучному достижению желаемой ими цели»¹¹⁹.

Постоянным источником сведений об отношении различных слоев к правительственной политике были для Александра I донесения тайной полиции. Среди них особый интерес представляет составленный весной 1819 г. обзор «Толков и настроений умов в России» с августа 1818 по 1 мая 1819 г., где один из разделов был прямо озаглавлен «Об уничтожении рабства и о вольности крестьян». По собранным сведениям, обсуждение именно этих вопросов находилось в центре внимания: «О сем предмете много толковали и толкуют». Летом 1818 г. в обществе говорили, что «освобождение крестьян объявлено будет в исходе августа месяца и что их величества для того только отъезжают, чтобы не находиться здесь при обнародовании сей важной новости». Известия преподносились императору в довольно деликатной форме. Но за этими строками легко узнаются сложные перипетии, повлекшие за собой возникновение «московского заговора» декабристов. Следовательно, слухи о будто бы имевшихся у Александра I намерениях издать манифест об освобождении крестьян, уехав из столицы, получили широкое распространение. Проникнув в провинцию, они встревожили помещиков: «Кажется, что помещики внутренних губерний несколько были встревожены сими слухами, ибо в письмах выражали свое опасение».

В дальнейшем, поскольку ничего похожего в действительности не произошло, «страх сей миновал и начали взирать на сию меру как на отложенную до неизвестного времени». Обратим внимание, что даже и в этом осторожном документе при характеристике настроений помещиков не обошлось без слова «страх». Очень уклончиво и неопределенно автор «обзора» писал об общем отношении дворянства к грядущему освобождению крестьян. Стараясь не подчеркивать отрицательное отношение к планам правительства, он тем не менее не мог скрыть это совсем. Вот что было сказано в «обзоре»: «Хотя иные полагают, что не все еще созрело к исполнению, но, однако же, вообще уверены, что она (мера.— С. М.) рано или поздно будет исполнена. Если средний класс вообще благословляет государя, не останавливающегося в благих своих намерениях ни силою предрассуждений, ни застарелыми преимуществами, не соглашающимися с образованностью века, то не все прочие классы одинакового с оным мнения»¹²⁰. Здесь чувствуется даже некоторое стремление как бы

приободрить правительство, подтолкнуть Александра I к продолжению реформаторской деятельности.

* * *

Выяснению общественных настроений, отношения разных слоев к таким замыслам верховной власти, более точному определению позиций противников и защитников крепостничества, вообще поиску путей решения крестьянского вопроса могло бы помочь широкое гласное обсуждение его в печати. Однако полемика вокруг этого жгучего вопроса, чуть начавшись, тут же была решительно пресечена правительством.

В 1815—1816 гг. эта тема лишь мельком, порой намеками проскальзывала в периодических изданиях. В 1815 г. в «Вестнике Европы» появилась переведенная из одного польского журнала статья А. Косинского «Замечания на мысли об устройении счастливейшего быту крестьян польских», где автор осуждал безземельное освобождение крестьян в Польше Наполеоном в 1807 г., что, по его мнению, лишило крестьян помощи со стороны землевладельцев и усилило в них склонность к бродяжничеству и праздности. Впрочем, автор выступал не против освобождения крестьян в принципе, а только возражал против лишения их земельной собственности¹²¹. В 1816 г. здесь же была напечатана статья некоего И. Переславского, который как бы не допускал даже и намека на мысль о возможности освобождения крестьян: «Благоразумный член каждого состояния должен доволен быть своим положением, которое определяют и сохраняют законы»¹²².

В следующем, 1817 г. похвалы крепостному праву усилились. Появились статьи, описывающие тяжелое, прямо-таки бедственное положение свободных крестьян на Западе и противопоставляющие им благоденствие русских крепостных. Статьи носили явно полемический характер и были направлены против тех, кто имел дерзость сомневаться в прелестях и преимуществах крепостного права. В 47-й книге еженедельника «Дух журналов» была опубликована «Выписка из частного письма из рейнских областей», где автор, описывая массовые переселения местных жителей, восклицал с негодованием: «О несчастное слово *вольность!*.. Здешные мужики все *вольны!* — вольны, как птицы небесные, но так же, как сии, бесприютны и беззащитны, погибают от голода и холода. Как бы они были счастливы, если бы закон поставил их в неразрывной связи с землею и помещиками!» По словам автора, прошло то время, когда иностранцы считали крепостное состояние «рабским и самым жалостным». Теперь они, оказывается, «узнали свое заблуждение». Когда он рассказывал им об отношениях помещиков с крестьянами, «то они отвечали: это *деги*, а помещик их *отец!*». Издатель журнала был совершенно согласен со своим корреспондентом и уверял читателей, что таковы отношения большинства помещиков с их крепостными и «нет ничего легче, как сделать их таковыми для

всех вообще»¹²³. Такая вот крепостническая идиллия. О благо-
родной задаче печати «показывать, что у нас есть *отцы-помещи-*
ки, достойные сего названия потому, что *нужды* их поселян суть
собственные их нужды», писал тогда же в «Русском вестнике»
С. Н. Глинка¹²⁴.

Понятно, однако, что, несмотря на единодушные прессы, в ре-
альной жизни единодушие в оценке крепостного права не было.
Не случайно в одном из следующих номеров «Духа журналов»
в том же 1817 г. была помещена статья «русского дворянина
Правдина» «Сравнение русских крестьян с иноземными», автор
которой, скрывшись за претенциозным псевдонимом, обрушился
на «несогласные мнения многих наших соотечественников о зем-
ледельческом сословии в чужих краях». Правдин, не стесняясь,
называл вольность «пустым словом» и утверждал, что русские
крепостные «гораздо счастливее» иностранных крестьян¹²⁵.
В 1818 г. тот же Правдин выступил в «Духе журналов» с раз-
вернутой защитой преимуществ барщины перед оброком. Но
даже он не мог отрицать «ненависть» крестьян к барщине и
признавал, что она вызвана зверским обращением помещиков.
Однако никаких особенных затруднений к преодолению этого он
не видел. Нужно только, писал он, чтобы губернаторы были «бес-
корыстные, умные, человеколюбивые, вежливые и сведущие в
сельском хозяйстве»¹²⁶. Только и всего.

Полемика «Духа журналов» с противниками крепостного пра-
ва, не имевшими пока возможности защитить свою позицию
столь же гласно (ни одна статья сторонников освобождения кре-
стьян за это время не появилась в печати), все набирала и на-
бирала силу. В 12-м номере редактор журнала Г. М. Яценко
поместил ответ на полученное им письмо, где автор просил раз-
решить его недоумение. Прочтя в одной из статей, что немецкие
государи уничтожают рабство, он был сильно удивлен: до сих
пор ему казалось, что «рабство только у нас в России существу-
ет». Яценко отвечал читателю, что рабства в России «вовсе
нет», ибо «*крепостное состояние наших крестьян <...> не есть
рабство*». Его особенное возмущение вызывали немецкие публи-
цисты, которые «более всех кричат против нашего рабства», ибо
«наши так называемые рабы никогда не просили от них заступ-
ления». Но апофеозом рассуждений Яценко является, несомнен-
но, утверждение, что «у нас не только нет рабства на самом деле,
но даже и слова сего — *раб* — употреблять не велено». А раз
«не велено» — значит, нет. Логика, знакомая нам, к сожалению,
даже и по нынешним временам. Со всей страстью Яценко обру-
шивался на сторонников реформ — «самозванных политиков»,
на «школьные умы, которые, недавно вышедши из школьных
пелен, тотчас берутся строить и поправлять огромное и много-
сложное здание государства»¹²⁷.

Единственным гласным ответом на эту волну проповеди кре-
постничества стала анонимная статья «О состоянии иностранных
крестьян», опубликованная в 17-м номере журнала Н. И. Греча

«Сын Отечества». Как было установлено впоследствии, автором ее был известный своими прогрессивными взглядами профессор Петербургского университета А. П. Куницын¹²⁸. Статья Куницына была прямым ответом на выступление «русского дворянина Правдина». Автор убедительно доказывал, что «свобода для иностранного крестьянина есть слово не пустое, но имеющее вещественное значение». «Первое важнейшее право иностранного крестьянина,— писал Куницын,— состоит в том, что он сам себе принадлежит и не переходит из рук в руки посредством мены, продажи, дара, наследства и других сделок, но всегда остается своим господином; и сие право так драгоценно, что если бы захотели присвоить и продать <...> самого сочинителя *Правдина*, то бы он, верно, на сию перемену своего состояния не согласился». У иностранных крестьян, продолжал Куницын, никто не может отобрать детей. Крестьянин на Западе сам свободно, по своему усмотрению ведет дела и исполняет работу «по собственному побуждению, а не по наказу и трудится прилежно, имея несомненную надежду улучшить свое состояние»¹²⁹. Хотя в русской подцензурной печати и прежде раздавались голоса в пользу освобождения крестьян, здесь преимущества вольнонаемного труда впервые были доказаны с такой силой и убедительностью.

Казалось бы, только начавшая разгораться полемика могла бы со временем принести немало пользы, тем более что само правительство именно в это время занималось поисками путей постепенной отмены крепостного права. Но самодержавная власть на это не отважилась. После публикации в 1818 г. в том же «Духе журналов» речи малороссийского генерал-губернатора кн. Н. Г. Репнина, о которой говорилось выше, обсуждение в печати крестьянского вопроса было круто пресечено. Несмотря на всю умеренность высказываний Репнина, публикация речи вызвала запрещение вообще всякой полемики. А. Н. Голицын, министр народного просвещения, в чьем ведомстве находилась тогда цензура, немедленно сделал выговор попечителю Петербургского учебного округа С. С. Уварову за то, что «издатель „Духа журналов“ помещает в нем статьи, содержащие в себе рассуждения о вольности и рабстве крестьян и многие другие неприличности». Далее, указывая, что Яценко не получал разрешения на публикацию речи Репнина, Голицын предлагал вообще «обратить внимание цензуры на издаваемые журналы и другие сочинения, дабы в них *ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян, не только здешних, но и иностранных*, ни вообще материй, касающихся до распоряжений правительства» (курсив мой.— С. М.)¹³⁰.

Верховная власть отвергала, таким образом, какое бы то ни было участие общества в обсуждении и разрешении коренных проблем русской жизни. Она не признавала еще, что без поддержки общественных сил, без опоры на пусть пока незначительное

число дворян-помещиков, которые сочувствовали преобразованиям и понимали их необходимость, никакие реформы не были возможны. Лишая общество права гласно обсуждать назревшие проблемы, самодержавие в значительной степени закрывало для себя дорогу к их разрешению.

* * *

Каковы были те силы, которые могли бы поддержать правительство в его стремлении к реформам? К сожалению, они были в абсолютном меньшинстве. Особенно отчетливо необходимость борьбы с крепостническими настроениями, преобладавшими в русском обществе того времени, понимали декабристы. Сложные и меняющиеся обстоятельства политической жизни страны не могли не влиять на тайное общество. Еще недавно декабристы готовы были совершить цареубийство. Теперь под воздействием новых заявлений Александра I тайное общество меняло тактические установки. На смену малочисленному и строго конспиративному Союзу спасения (около 30 членов) пришел оформившийся в 1818 г. Союз благоденствия (более 200 членов). Одной из основных задач этой тайной декабристской организации стала борьба за завоевание общественного мнения, соединенная с пропагандой неизбежности падения крепостного права.

Декабристы хорошо понимали, что любое проявление правительственного либерализма будет встречать мощное сопротивление крепостников. С. П. Трубецкой вспоминал: «Действие общества должно было основываться на том рассуждении, что многие из правительственных лиц и частных людей будут восставать против некоторых намерений императора (как и было то касательно свободы крестьян), и, следовательно, как бы ни был слаб голос тех, которые стали бы их оправдывать, но непрерывное склонение в обществе разговора на известный предмет <...> дает правительству силу привести предположения свои к исполнению». Освобождение крестьян должно было, по словам Трубецкого, «иметь противниками почти всех помещиков». Поэтому «требовалось неусыпное действие» членов «для поддержания» правительственного курса и «направления общего убеждения в необходимости этой меры». «Должно было представить помещикам,— писал Трубецкой,— что рано или поздно крестьяне будут свободны, что гораздо полезнее помещикам самим освободить их, потому что тогда они могут заключать с ними выгодные для себя условия, что если помещики будут упорствовать и не согласятся добровольно на освобождение, то крестьяне могут вырвать у них свободу, и тогда Отечество может стать на краю бездны. С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которые никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и, может быть, добычею честолюбцев, наконец, может распасться на части и из одного сильного государства обратиться в разные слабые. Вся сила и

слава России может погибнуть если не навсегда, то на многие века»¹³¹.

В это время в среде декабристов были достаточно сильны надежды на возможность реформ «сверху». Трубецкому и его товарищам хотелось верить, что Александр I окажется в состоянии выполнить даваемые им обещания. Правда, довольно скоро выяснилась тщетность этих надежд и необходимость нового изменения тактики тайного общества.

Пока же члены Союза благоденствия развернули в обществе пропаганду антикрепостнических идей, используя для этого все легальные и нелегальные средства. В столицах и провинции создавались управы тайного общества, в своеобразные филиалы Союза благоденствия превращались литературные союзы и салоны, как это было, скажем, с Вольным обществом любителей российской словесности или «Зеленой лампой». Пропаганда велась и в масонских ложах, членами которых были многие декабристы. Члены тайного общества работали в это время над рядом записок по крестьянскому вопросу, которые специально предназначались для подачи царю.

Об одной из них, А. Н. Муравьева, речь шла выше, автором другой, озаглавленной «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России», был Н. И. Тургенев. В отличие от А. Н. Муравьева, который признавал право крестьян на землю, Тургенев выступал за безземельное освобождение. Он предлагал в качестве одного из вариантов решения крестьянского вопроса одновременное личное освобождение всех крестьян, после чего помещики, «удержав за собою собственные земли», могли бы заключить с крестьянами «добровольные условия»¹³².

В это же время осуждение крепостного права и требование освобождения крестьян получают развитие в лучших произведениях художественной литературы. Одним из самых гнусных пороков современного общества рисует крепостное право А. С. Грибоедов в «Горе от ума», клеймит крепостничество в своих стихах П. А. Вяземский. В 1819 г. А. С. Пушкин создает одно из лучших антикрепостнических произведений русской поэзии — стихотворение «Деревня». Через И. В. Васильчикова член Союза благоденствия П. Я. Чаадаев вручил стихи Пушкина Александру I. Словом, деятельность Союза благоденствия была достаточно разнообразной и активной.

Однако ее ни в коем случае не следует преувеличивать. Оценивая результаты практической деятельности декабристов в эти годы, М. В. Нечкина с осторожностью писала лишь об «известном воздействии работы тайной организации» на общественное мнение¹³³.

Важной помехой в этом было то немаловажное обстоятельство, что очень многие из декабристов по молодости лет не обладали крепостными. С. П. Трубецкой вспоминал: «Члены общества были молодые люди, не имевшие еще собственных поместьев. Они не могли дать примера согражданам своим освобождением

собственных крестьян, и потому им предстоял один только способ действия — убеждение словом»¹³⁴.

Да и в тех редчайших случаях, когда они пытались освободить крепостных, их ждало разочарование. Насколько известно, за все годы существования тайных обществ только один декабрист, И. Д. Якушкин, предпринял попытку освободить своих крестьян, но и она окончилась неудачей. Дело в том, что Якушкин был в это время, как, впрочем, и многие его товарищи по тайному обществу, в том числе Н. И. Тургенев и М. С. Лунин, сторонником безземельного освобождения. В прошении, отправленном в июле 1819 г. на имя министра внутренних дел О. П. Козодавлева, Якушкин просил разрешения безвозмездно освободить принадлежащих ему в Вяземском уезде Смоленской губернии 120 крестьян, даровав им в пользование усадьбы, огороды и выгоны, всю же пахотную землю и иные угодья оставив за собой. Половину земли Якушкин предполагал обрабатывать вольнонаемным трудом, другую — сдавать в аренду своим же крестьянам.

Намерение это не нашло поддержки ни у правительства, ни у крестьян. Крестьяне, по воспоминаниям Якушкина, узнав, что земля останется целиком у помещика, заявили ему: «Ну так, батюшка, оставайся все по-старому, мы ваши, а земля наша»¹³⁵. Не утвердило предложенных условий освобождения и правительство. И вовсе не потому, как полагают некоторые исследователи, что не хотело изменения крепостнических отношений в принципе, а потому, что предложения Якушкина противоречили принятому верховной властью в законе о вольных хлебопашцах принципу освобождения с землей и принципам, закладывавшимся в это самое время в проекты решения крестьянского вопроса А. А. Аракчеева и Д. А. Гурьева.

Впрочем, Якушкин, по его собственным словам, довольно скоро убедился, что освобождать крестьян, не предоставив в их владение достаточного количества земли, было бы только «вполовину обеспечить их независимость». В 1855 г., когда декабрист был еще в сибирской ссылке, его сын Евгений Иванович освободил крестьян со всей землей, отдав им и помещичью усадьбу¹³⁶.

* * *

Однако стремление содействовать правительству в реформе крепостных отношений находило себе место не только среди декабристов. Круг тех, кто понимал необходимость преобразований, был шире. Под впечатлением заявлений Александра I, ободренные примером дворянства западных губерний, о необходимости освобождения крепостных крестьян заговорили некоторые прогрессивно настроенные русские помещики. И не только заговорили, но и сделали первый робкий шаг к практической реализации своих мыслей. Наиболее ясно такая общественная тенденция выразилась весной 1820 г. в попытке создания вольного общества помещиков для выработки условий отмены крепостного права и постепенного освобождения крестьян.

Мысль о такой организации, как установил Н. К. Кульман, впервые возникла в среде, близкой к декабристам, во время встречи С. И. Тургенева с П. А. Вяземским в январе 1820 г. в Варшаве ¹³⁷. «Святое и великое дело было бы собраться помещикам разного мнения, но единодушного стремления к добру и пользе,— писал 6 февраля 1820 г. в Петербург А. И. Тургеневу Вяземский, движимый все более и более овладевавшей им идеей,— и без всякой огласки, без всяких наступательных предположений рассмотреть и развить подробно сей важный запрос». «Подумайте об этом,— продолжал он,— а я взялся бы пояснить свою мысль и постановить некоторые основы, на коих должно бы утвердиться такое общество, означить грани, за кои не могло бы оно видов своих перенести, и прочее. Поверьте, если мы чего-нибудь такого не сделаем, то придется нам отвечать перед совестью». В конце Вяземский писал: «Без сомнения начнем разом, более пятидесяти человек, которые охотно запишутся в это общество. И если государь принял благосклонно такое предложение от литовцев, зачем не примет его и от нас?»

Звучит в письме Вяземского и постоянно встречавшийся в размышлениях современников мотив боязни революционного взрыва и стремления его предупредить: «Рабство — одна революционная стихия, которую имеем в России. Уничтожив его, уничтожим всякие предбудущие замыслы» ¹³⁸. Н. И. Тургенев, оценив письмо Вяземского как «прекрасное», сообщал ему 18 февраля, что мысли его совпали с мнением многих, что «теперь говорят о рабстве и даже пишут, хотя и не печатают», и просил «изложить <...> мысль о средствах освобождения и поставить правила, на коих должно бы основано быть соединение людей, желающих сего освобождения» ¹³⁹. В ответном письме Вяземский, не касаясь вопроса о «средствах освобождения» и правилах общества, предлагал единственно реальный, с его точки зрения, путь: «В России при теперешнем положении одно средство пустить в ход эту мысль: завербовать несколько высокопревосходительств и разноцветных Чупятовых» ¹⁴⁰.

Итак, цель была ясна, средства к ее осуществлению одобрены, оставалось самое главное — начать действовать. Тут-то и оказалось, что в Петербурге уже ведется подготовка к созданию подобного общества и что в ней принимают участие именно те самые «высокопревосходительства», о которых писал Вяземский. В конце апреля 1820 г. происходит знакомство Н. И. Тургенева с гр. М. С. Воронцовым и начинается быстрое их сближение. «На сих днях я был у гр<афа> Воронцова,— сообщал Н. И. Тургенев брату Сергею 11 мая 1820 г.,— и он мне чрезвычайно понравился и потому уже, что понимает и чувствует вещи так, как должно. Жаль, что он не долго здесь пробудет. Он мог бы быть начинщиком улучшения участи крестьян. И теперь главная надежда на него» ¹⁴¹.

М. С. Воронцов, генерал, герой Отечественной войны 1812 г., отличившийся во многих сражениях, в том числе и при Бородине,

где был ранен в бою, обороняя багратионовские флешы, недавно возвратился в Россию из Франции вместе с последними частями оккупационного корпуса, которым командовал с 1815 по 1818 г. Репутацию генерал имел самую либеральную, был известным англоманом и приверженцем английской политической системы (его отец долгие годы был послом в Англии и после отставки в 1806 г. навсегда остался в Лондоне). Немаловажным было и то обстоятельство, что Воронцов владел не одной тысячей крепостных, а по своему положению принадлежал к элите российского общества (Воронцовы пользовались неизменным расположением императорской фамилии). В те годы Воронцов много размышлял о необходимости для блага страны отменить крепостное право¹⁴².

По воспоминаниям Н. И. Тургенева, именно он и кн. А. С. Меншиков, будущий неудачливый командующий русской армией в Крымскую войну, а в 1820 г. — флигель-адъютант Александра I, блестящий остролов и богатейший помещик, единственный внук сподвижника Петра I А. Д. Меншикова, пытались создать общество помещиков для освобождения крепостных крестьян. «Два человека, выдающихся как по своему почетному положению, так и по образованию, — рассказывал Н. И. Тургенев в своих известных мемуарах, вышедших за границей под названием «Россия и русские», — граф Воронцов и князь Меншиков, приняли однажды решение начать дело освобождения, и начать его серьезно. Я настаиваю именно на последнем, ибо в этих вопросах не редкость видеть так называемых филантропов, которые походя говорят беспрерывно об улучшении участи крепостных, о предоставлении им некоторых выгод, об ограничении власти господина, наконец, о пресечении злоупотреблений властью, которую имеет один человек, как помещик, над другим; все это фразы, которые свидетельствуют или о наивности, или о злой воле тех, кто их расточает. <...> И вот почему те два лица <...> начали с того, что объявили, что их цель состоит в полном освобождении»¹⁴³.

В начале мая 1820 г. работа по созданию общества была в полном разгаре. Поэтому, когда в упоминавшемся только что письме от 11 мая Н. И. Тургенев писал, что «еще нет теперь ничего» и «дело только начинается» и что «прежде всего надобно испросить одобрение правительства на принятие некоторых мер в отношении крестьян», он несколько кривил душой и, видимо, не хотел открывать все карты.

В архиве братьев Тургеневых сохранились три черновика документа, представляющего собой декларацию целей создаваемого общества, на создание которого испрашивалось согласие императора. Они датированы 5 мая 1820 г. Все три варианта писаны рукой Н. И. Тургенева, но имеют многочисленные поправки других лиц. Различия между вариантами носят чисто редакционный характер. Судя по содержанию документа, общество должно было действовать «под руководством управляющего Министерством внутренних дел». Цель его была определена в самом общем виде как «изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к

постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежащих помещикам, в сие общество вступающим». В обоснование необходимости освобождения крестьян приводился только один довод: «удаление единого справедливого и важного порицания, которому дворянство <...> подвергается в очах просвещенных народов»¹⁴⁴.

Предполагалось, что документ этот будет подписан всеми участниками и затем представлен Александру I. К сожалению, остается неизвестным, каков был его окончательный текст. Н. И. Тургенев в своих воспоминаниях, отрицая свое авторство и настаивая на авторстве М. С. Воронцова или А. С. Меншикова, излагал содержание документа так: «<...> Один из них составил род воззвания, которым подписавшиеся обязывались отпустить своих крепостных и дать им полную свободу. Чтобы достичь этого, они испросили у государя разрешение основать общество землевладельцев. Это общество, часть которого составили все лица, подписавшиеся под воззванием, должно было тотчас после образования избрать из своей среды комитет, уполномоченный выработать правила полного освобождения крепостных. После обсуждения и одобрения всеми членами общества или подписавшими воззвание проект устава должен был быть утвержден министром внутренних дел, который получил на этот счет приказания императора. В конце этого замечательного произведения автор давал понять монарху, что после таких побед, вслед за такою славой, приобретенной Россией, необходимо было смыть единственное пятно, которое пачкало русское имя»¹⁴⁵.

Как видим, Н. И. Тургенев излагает совершенно иной документ, в котором не только формулируются иные цели общества, но зафиксировано обязательство его членов освободить своих крестьян, а также определен порядок действий общества. Чем же объяснить столь существенное расхождение между дошедшими до нас черновиками и текстом, под которым, по словам Тургенева, начали подписываться члены будущего общества? Вряд ли это ошибка его памяти, ведь черновики обнаружены в его архиве. Дело скорее в ином. Столкновения вокруг того, каким должен быть текст «воззвания» и каким вообще должно быть возникающее общество помещиков, носили принципиальный характер.

Наряду с Воронцовым, Меншиковым, А. И. и Н. И. Тургеневыми чрезвычайную активность вокруг создания общества развил В. Н. Каразин — фигура далеко не простая, в отношении которой до сих пор высказываются самые противоположные суждения¹⁴⁶. С большим сочувствием, например, отзывался о Каразине А. И. Герцен, не знавший, впрочем, подробностей его деятельности¹⁴⁷. Близкий в молодые годы к А. Н. Радищеву, испытавший явное влияние идей Великой французской революции, Каразин прославился прежде всего как основатель Харьковского университета — одного из первых университетов России (основан в 1805 г.). В первые годы правления Александра I Каразин некоторое время был близок к императору. Однако довольно скоро

наступил разрыв: слишком притязательным и докучным советником оказался новоявленный маркиз Поза (так иронически стали называть Каразина современники и, видимо, такую роль он совершенно серьезно избрал себе). Каразин был вынужден вернуться на Украину. Дело дошло до того, что ему официально было запрещено писать императору.

В 1818 г. Каразин вновь приехал в Петербург и начал бомбардировать записками по самым различным поводам министра внутренних дел В. П. Кочубея. В одной из них он прямо признавался, что его цель — вновь привлечь к себе внимание правительства и самого Александра I с тем, чтобы «возвратиться в службу» в Министерство внутренних дел¹⁴⁸. Хлопотал он и о снятии казенного долга, лежавшего на его имении. Но все же не это было главной пружиной его феерически активной деятельности. Каразина снedaло честолюбие, стремление во что бы то ни стало вернуть себе положение первого советника императора. В этом не остается ни тени сомнения, когда читаешь его многочисленные записки, отправлявшиеся В. П. Кочубею, черновики которых были изъяты у Каразина при аресте в ноябре 1820 г.¹⁴⁹ Конечно, Каразин не мог пройти и мимо крестьянского вопроса.

Как можно понять из всей совокупности сохранившихся бумаг Каразина, проблема крепостного права рассматривалась им как составная часть общего кризисного состояния России, находившейся, по его мнению, накануне революционного взрыва. Особенно ясно эти мысли выражены Каразиным в записке, отправленной В. П. Кочубею 2 апреля 1820 г. Напоминая о том, что ранее он предсказал 1812 год, Каразин писал о близящейся революции: «Теперь с тою же дерзостью, почти с тем же унынием, наполняющим мою душу, предсказываю я великие беспокойства в отечестве нашем и весьма не в отдаленном времени». «Дух развратной вольности,— утверждал он,— более и более заражает все состояния». В подтверждение своей правоты Каразин приводил слышанные им и по дороге с Украины, и уже в самом Петербурге разговоры «самых простых рабочих людей <...> о природном равенстве». «Полно-де уже терпеть,— говорили они,— пора бы с господами и конец сделать».

Недалеко то время, предостерегал Каразин, когда при усмирении крестьян нельзя будет положиться на армию: ведь, как показало восстание военных поселян в Чугуеве, войско вполне может перейти, по примеру Франции 1793 г., на сторону народа. Западная «зараза» проникла, по наблюдениям Каразина, и в ряды дворянства. «Самые дворяне,— писал он Кочубею,— возвратившиеся из чужих краев с войском, привезли начала, противные собственным их пользам и спокойствию государства. Молодые люди первых фамилий восхищаются французского вольностью и не скрывают своего желания ввести ее в своем отечестве». Как обычно, не побрезговал Каразин и прямым доносом, в качестве примера «представляя» министру внутренних дел члена тайного общества кн. С. Г. Волконского¹⁵⁰.

В своей критической оценке положения дел Каразин очень близок к декабристам. Однако в противоположность им он считал необходимым не ликвидацию самодержавия и крепостничества, а, напротив, укрепление существующего строя. Для его спасения Каразин считал необходимым принять ряд неотложных мер. Он предлагал, чтобы Александр I «окружил себя умнейшими людьми», имеющими *«значительную недвижимую собственность в России и семействе»* (одним из них он, конечно, видел себя); требовал «совсем оставить проекты республиканские», приводя в качестве примера подобных какой-то закон *«о чиновниках, обрабатываемый в комиссии законов»*; советовал *«употребить все возможное и приличное для приобретения привязанности дворянства, поколебленной разными происшествиями»*, и повысить оклады чиновников, чтобы прекратить *«мздоимство»*.

В качестве же меры, способной разрядить социальную напряженность, Каразин выдвигал идею составить в столице под председательством министра внутренних дел *«общество добрых помещиков»*. Дворянство, писал он, необходимо направить «осторожным образом к улучшению участи поселян (не отходя, впрочем, от нынешнего порядка вещей и от коренных наших законов)». Как считал Каразин, это было бы «гораздо надежнее всех полицейских правил, которые только что раздражают умы или обнаруживают нерешимость правительства»¹⁵¹.

Тогда же, в апреле 1820 г., одновременно ли с запиской от 2 апреля или позднее — неизвестно, Каразин представил Кочубею развернутое «предположение» об обществе добрых помещиков¹⁵². Сохранившиеся черновики этого «предположения», написанные рукой самого Каразина, дают полное представление о существе задуманного им предприятия. Все «предположение» было наполнено самыми реакционными пассажами. Чего стоило, например, такое рассуждение: «Пускай другие государства тщеславятся своими конституциями, мы имеем политическое чувство, которое заменяет их с таким же превосходством, как религия божественная в сердцах заменяет безгласное письмо закона». Самодержавие объявлялось «наилучшим» образом правления «потому единственно, что он есть ближайший к природе». Вслед за Карамзиным Каразин писал о самодержавии как о силе, которая вывела «изможденную язвами всякого рода, два столетия в рабстве у варваров пробывшую Россию на верх славы и благосостояния».

Упоенный прославлением существующих порядков, Каразин с умилением писал о патриархальных обычаях, царящих в русской деревне. Он утверждал, что крепостное право незыблемо. Власть помещика для него не что иное, как «драгоценное оружие для мудрого законодателя, которое не может быть заменено никаким другим». Именно власть помещика обеспечивает порядок и спокойствие в империи, вырабатывая «привычку к повиновению». «Известно, что русские поселяне иначе не зовут своих помещиков, как выражением отец, *батюшка*, а в малороссийских губерниях употребляют они слово *добродей*». Читая подобные строки, пони-

маешь, что чувство реального на этот раз изменило Каразину. Не он ли в том же апреле 1820 г. писал о растущем недовольстве крестьян, об их готовности убивать этих самых «отцов» и «бабушек»? Колебания поистине удивительные. Предложение создать «патриотическое общество добрых помещиков» Каразин по-прежнему объяснял необходимостью «улучшать участь поселян».

Новые времена требовали все-таки «оправдать пред целым светом достоинство российского дворянина». Сделать это, по мнению Каразина, чрезвычайно легко. Никакой коренной ломки крепостных отношений не потребуется — ведь существующий порядок «основан весь на *отеческом* попечении и *детской* зависимости». «Стоит только,— писал он,— сделать ему систематическое начертание соответственно просвещению века». Нужно собрать воедино изданные по этой части законы, «отделить от них самопроизвольные уклонения, кривые толки и злоупотребления», дополнить все это «извлечением из обычаев, из указаний правительства и частных людей», и дело сделано. Останется только составленное таким образом «общее постановление» представить на утверждение правительства. В сущности, для этого и нужно создать «общество добрых помещиков».

Принципы деятельности общества были изложены Каразиним в разработанном им уставе, состоящем из 16 параграфов. В последнем параграфе была сформулирована основная задача общества («первейший и главнейший предмет» занятий его членов) — «составление опыта Устава для помещичьих имений, который бы, соглашая благосостояние помещиков с благосостоянием поселян <...> и с истинными пользами отечества нашего, мог послужить руководством для каждого из членов общества». Правда, в конце говорилось, что «патриотические занятия» членов общества этим не ограничиваются. Можно было бы, писал Каразин, учредить училища «для образования дворовых людей и управителей имений», способствовать «распространению в поместьях добрых правил трудолюбия»¹⁵³.

В целом картина более чем ясная. Каразин был вполне убежденным защитником самодержавных форм правления и крепостного права. Правда, недовольство крестьян своим положением вызывало у него опасения и он считал необходимым ограничить крайности помещичьего произвола определенными законными рамками. Конечно, ни о каком освобождении крестьян он и не помышлял. Более того, создание «общества добрых помещиков» рассматривалось Каразиним как одна из мер в борьбе с надвигающейся революционной опасностью.

Шесть лет спустя, в начале следующего царствования, Каразин рассказал еще об одной скрытой цели, которая будто бы имела в виду, когда он предлагал создать «общество добрых помещиков». Как известно, в конце 1820 г. Каразин был арестован, провел шесть месяцев в крепости, а затем высочайшим повелением был отправлен на жительство в Харьков под надзор полиции со строжайшим запрещением куда-либо выезжать. Осведомленные

современники связывали это как раз с теми бесконечными проектами и поучениями, которыми Каразин бомбардировал Александра I¹⁵⁴. Смерть Александра I подала Каразину надежду на прощение и на возможность еще раз попытаться вернуться к роли советника императора. 18 сентября 1826 г. он отправил Николаю I обширную оправдательную записку, где так изложил свой замысел, который он раскрыл тогда министру внутренних дел В. П. Кочубею: «Я положил пред ним первоначальные черты общества, подчиненного ему, как министру, в лице председателя оного, которое бы сверх публичного своего назначения улучшать участь поселян, подвластных дворянству, имело нечувствительный присмотр за всеми другими, так называемыми *вольными*, явными и тайными обществами. В бумагах моих, которые (как граф мне изъяснился в свое время) от него все были переданы блаженной памяти государю императору, должен находиться писанный мною и после еще поправленный план сего общества»¹⁵⁵.

То, что о полицейских функциях своего предприятия Каразин заговорил только после восстания декабристов (во всех известных нам материалах 1820 г. на это нет даже и намека), заставляет отнестись к его утверждению с известной долей недоверия. Не хотел ли он задним числом приписать себе «заслуги», которых у него в действительности не было? На память приходит поведение арестованного после восстания 14 декабря 1825 г. Д. И. Завалишина, который точно так же на следствии пытался объяснить попытку создания им тайной организации «Орден восстановления» намерением выявлять и доставлять правительству революционеров. В подтверждение своих слов Завалишин также ссылался на то, что устав «Ордена» был отправлен им Александру I, который будто бы был осведомлен о его планах. Обмануть следствие, в руках которого находились все послания Завалишина Александру I, где, разумеется, не было ничего подтверждающего его слова, Завалишину не удалось, и он отправился на каторгу. Конечно, Каразин не Завалишин, и склонность его к доносительству не позволяет вовсе отказаться от предложенной им версии.

Рассказывал ли Каразин правду о своих целях 1820 г. или лукавил, но его предложения не получили одобрения правительства. Вечером 12 апреля он был принят Кочубеем, который передал ему, что «говорил с г(осударем) о сем предмете», т. е. о записке Каразина от 2 апреля, и о других, поданных вместе с нею бумагах. Поскольку Александр I поручил министру только узнать, не может ли Каразин достать одну из упомянутых им эпиграмм или карикатур «на бумаге», т. е. так, как они ходили в обществе, Каразин понял, что ему не только не доверяют, но, главное, ничуть не заинтересовались его предложениями, в том числе и «обществом добрых помещиков». «Почти невероятно! Как! Печальная правдивая картина о положении государства только то и произвела!.. — записал он тотчас после свидания с Кочубеем 12 апреля 1820 г. — Лучше их совсем оставить: да идут в сечение судьбы, их ожидающей; и думать только о спасении своего

семейства во время грозно»¹⁵⁶. Однако 21 апреля Каразин имел аудиенцию у Александра I и устно изложил ему свое «предположение» об «обществе добрых помещиков», но, по его собственным словам, не нашел у царя никакой поддержки¹⁵⁷.

Не добившись успеха прямым путем, Каразин стал действовать по-иному. Узнав, что Воронцов и Меншиков задумали организовать свое общество помещиков, Каразин начал искать сближения с ними, стремясь привлечь их к задуманному им обществу и тем самым доказать правительству серьезность своих предложений. Как всегда, он действовал настойчиво и энергично, для пущей важности облакая свои намерения покровом тайны. 28 апреля 1820 г. Н. И. Тургенев, сообщая брату Сергею последние петербургские новости и упоминая, в частности, о гр. М. С. Воронцове, писал: «Каразин, которого, кажется, ты у нас видал, толкует с ним и с двумя или тремя другими богатыми людьми об устройстве крестьян. Ничего еще из этого не выходит. Это между нами. Каразин из сего делает тайну»¹⁵⁸.

Сохранившаяся записка М. С. Воронцова к В. Н. Каразину позволяет представить себе в общих чертах, как складывались их отношения. «Извините меня, любезный Василий Назарьевич,— писал Воронцов 14 апреля 1820 г.,— что не успел быть у вас, как то было мое намерение. Все эти дни у меня не было ни минуты свободной. Я очень буду рад встретиться с князем Вяземским у вас, также с князем Меншиковым, графом Комаровским etc., и ежели они на то согласятся, то я готов (...). При сем нужным считаю еще раз сказать вам, что прежде имел удовольствие объяснить, а именно: что я думаю войти только в такое общество, которое будет иметь в предмете постепенное, но не слишком тихое или отложенное вдаль освобождение крестьян от рабства. Всякое другое общество, по моему мнению, никакого добра не сделает, а российскому дворянству нужно освободиться от парекания, везде нам делаемого, что мы сопротивляемся столь священному и нужному подвигу»¹⁵⁹.

Таким образом, сразу же обозначилось столкновение двух принципиально различных подходов к задачам еще не созданного общества помещиков. Воронцов, Меншиков, братья Тургеневы были за общество, цель которого «постепенное, но не слишком тихое или отложенное вдаль освобождение крестьян от рабства», Каразин же со своими сторонниками видел целью «совершенствование» крепостного права.

Неудивительно поэтому, что среди единомышленников Каразина оказались люди, хорошо известные своими крепостническими взглядами. «Князь Вяземский», о котором идет речь в письме М. С. Воронцова, вовсе не поэт Петр Андреевич, позднее приехавший из Варшавы в Петербург и поставивший свою подпись под обращением к Александру I, а знакомый уже нам по своим крепостническим взглядам калужский предводитель дворянства и сенатор Николай Григорьевич, автор «Послания российского дворянина к князю Репнину», вызвавшего резкий и язвительный

отпор основателя первого тайного общества, декабриста А. Н. Муравьева. Каразин особенно сблизился с Н. Г. Вяземским в это время: именно в соавторстве с ним Каразин сочинял известное нам «предположение». Среди бумаг Каразина сохранились и два черновика, содержащие начало обращения к Александру I, текстуально напоминающие черновики, которые имеются в архиве Н. И. Тургенева.

На одном из них Каразин сделал следующую надпись: «Записка с поправками кн. Н. Г. Вяземского, но граф Воронцов оную не одобрил». Чуть ранее он же записал, что один из вариантов черновика был «следствием» его разговора все с тем же кн. Н. Г. Вяземским¹⁶⁰. Оба черновика начинаются одинаково: «С. Петербург. 1820-го года мая в ...день», где дата не вписана.

Брасающиеся в глаза текстуальные совпадения, имеющиеся между обращением, составленным В. Н. Каразиным с Н. Г. Вяземским, и вариантом Тургенева—Воронцова, наталкивают на предположение, что сама мысль письменно обратиться к Александру I была предложена Каразиным. Записка Каразина—Н. Г. Вяземского, как видно из ее содержания, не выражала их подлинных взглядов и составлялась в расчете на людей, искренне стремящихся к освобождению крепостных крестьян. Поэтому она совершенно лишена тех откровенно крепостнических рассуждений, которыми было переполнено их «предположение» об «обществе добрых помещиков». В ней говорилось даже о «личной свободе» крестьян. Правда, с довольно туманным определением границ этой свободы. Цель объединяющихся в общество помещиков была сформулирована как «намерение улучшить состояние помещичьих поселян и дворовых людей всей Российской империи, определив точные границы как личной их свободы, так и собственности»¹⁶¹.

В этом контексте проясняется, наконец, и место черновиков, сохранившихся в архиве Н. И. Тургенева. Они — промежуточный, компромиссный вариант между предложением Каразина и окончательным текстом «воззвания», приведенным Н. И. Тургеневым в своих воспоминаниях и более нигде не сохранившимся. Если в черновиках цель общества помещиков формулируется одновременно как «изыскание» путей к «улучшению состояния крестьян» и к «постепенному освобождению от рабства», то окончательный текст был значительно более радикальным: подписавшие декларацию об обществе помещиков этой своей подпиской давали уже обязательство освободить принадлежащих им крепостных. Конечно, с такой формулировкой ни В. Н. Каразин, ни Н. Г. Вяземский согласиться не могли и поэтому участия в подписке не приняли.

После длительных переговоров, занявших почти месяц, события начали развиваться стремительно. Еще 11 мая Н. И. Тургенев писал брату Сергею, что дело только в самом начале, а к 1 июня все было кончено. Именно в этот день он занес в свой дневник короткий рассказ, подводивший итог предпринятым уси-

лиям. Дневниковая запись Н. И. Тургенева, его письмо брату Сергею от 12 июня и позднейшие воспоминания самого Н. И. Тургенева и П. А. Вяземского позволяют довольно подробно судить о том, что же произошло в эти несколько майских недель.

После того как текст декларации был одобрен всеми участниками, Воронцов, прежде чем пустить ее в ход, решил выяснить отношение Александра I к самой идее создания подобного общества. «В<оронцов> предуведомил г<осу>даря. Он согласился. Открылась подписка»¹⁶², — писал в дневнике Н. И. Тургенев. Из письма его к брату узнаем, что под запиской подписались «гр<аф> В<оронцов>, к<нязь> Меншиков, другой граф Воронцов, гр<аф> Потоцкий, брат и приехавший сюда кн<язь> Вяземский из Варшавы», а также командир гвардейского корпуса И. В. Васильчиков¹⁶³. Так П. А. Вяземскому, которому принадлежала первая мысль о создании общества помещиков для освобождения крепостных крестьян, волею случая довелось участвовать в завершающих актах этой неудавшейся попытки. Все подписавшиеся, как вспоминал Н. И. Тургенев, были «люди богатые, владевшие вместе более чем 100 000 крепостных»¹⁶⁴.

На следующий день Васильчиков, «взбесившись хамобесием» (слова Н. И. Тургенева), потребовал свою подпись обратно. Все это, как установил Н. К. Кульман, происходило после 20 мая¹⁶⁵. О причинах столь внезапного решения И. В. Васильчиков извещил особым письмом А. С. Меншикова. Приведем его полностью, так как именно оно, на наш взгляд, многое проясняет в понимании последующих событий. «Я получил ваше письмо, князь, и отвечаю вам с той откровенностью, которая вам известна. Никто более меня не убежден в необходимости заняться будущим благосостоянием наших крестьян, и думаю, что доказал вам это, подписавши записку, которую вы мне представили. Но каково было мое удивление, узнавши от вас, что без моего разрешения, не давши себе труд даже об этом со мной посоветоваться, подписи продолжали собираться. В столь важном деле, где доверие правительства и публики может опереться только на репутацию людей, которые составляют общество, находятся имена, которые могут нас скомпрометировать окончательно. Я не гонюсь за славою в этом деле, а действую по убеждению и по внушению совести. Одно из условий моей подписи была глубочайшая тайна, и вдруг я узнаю, что весь город об этом говорит и что указывают на г<осподи>на Каразина как на главного двигателя этого общества. Вы сочтете естественным, что после изложенного я беру назад свою подпись, весьма жалея, что не могу содействовать вам в деле, которое, будь поведено иначе, т. е. с осторожностью и без шума, могло бы принести самые счастливые результаты»¹⁶⁶.

Иное объяснение причин, вызвавших столь решительный отказ Васильчикова, изложил в своих воспоминаниях Н. И. Тургенев. Не называя фамилии Васильчикова, он писал: «Авторы проекта никогда не держали его в секрете, и казалось, что он не

должен был встретить серьезной оппозиции; однако тотчас после того, как один из них переговорил о нем с государем, несколько лиц подняли тревогу и начали свои обычные выкрикивания против либералов и революционеров. Одна придворная дама, отличавшаяся среди других некоторою грубостью выражений, увидя одного из своих зятьев между подписавшими воззвание, сделала ему строгий выговор по поводу того, что ей казалось, и бедный человек поспешил попросить, чтобы его имя было как можно скорее вычеркнуто»¹⁶⁷. Тесть Васильчикова, Василий Александрович Пашков, был обер-гофмейстером и занимал одно из высших мест в придворной иерархии, он и его жена пользовались немалым влиянием при дворе. Другим зятем Пашковых был генерал В. В. Левашов. Оба они в николаевское время достигли высших государственных постов: и тот и другой были председателями Государственного совета и Комитета министров.

Однако оставим на время анализ этих свидетельств и продолжим изложение событий в хронологическом порядке. Отказ Васильчикова, как выясняется, не остановил других участников подписки. Прежнюю бумагу вернули Васильчикову (П. А. Вяземский пишет, что ее уничтожили¹⁶⁸) и «открыли другую подписку», в которой приняли участие те же лица и Н. И. Тургенев¹⁶⁹. Но прежде чем записка с новыми подписями была представлена императору, у него побывал Васильчиков. «Между тем Вас<ильчиков> уже говорил о том государю, — писал брату Н. И. Тургенев, — и, как заключить можно, показал себя недовольным в том, что будто это дело по всему городу разнеслось»¹⁷⁰. После встречи Александра I с Васильчиковым дело приняло совсем иной оборот.

П. А. Вяземский вспоминал: «На другой день явившись к государю, граф Воронцов нашел его уже в совершенно другом настроении в отношении к делу, которое еще так недавно приветствовал охотно и благодушно. Император торопливо принял бумагу из рук графа Воронцова, торопливо прочел ее и сказал ему: „Здесь никакого общества и комитета не нужно, а каждый из желающих пускай представит отдельно свое мнение и свой проект министру внутренних дел, тот рассмотрит его и, по возможности, даст ему надлежащий ход“»¹⁷¹. Рассказ Вяземского, отделенный почти половиной столетия от описываемых событий, полностью (за исключением того, кто именно представил записку Александру I) совпадает с тем, что писал в 1820 г. Н. И. Тургенев брату Сергею: «Эту подписку гр<аф> В<оронцов> отдал гр<афу> Кочубею для представления государю <...>. Гр<аф> Кочубей объявил, что государь не запрещает освобождение, но не видит нужды в подписке, а позволяет, чтобы каждый свои предположения представил министру вн<утренних> дел»¹⁷².

Что же побудило Александра I круто изменить свое мнение? Очевидно, это произошло вследствие почти единодушной отрицательной реакции, которую вызвал в Петербурге слух о подписке в пользу освобождения крепостных крестьян. Немаловажную

роль тут сыграла беседа с Васильчиковым. Вернемся теперь к письму Васильчикова, где он излагал мотивы своего отказа от участия в подписке. Письмо это — единственный источник, позволяющий судить о возможном содержании разговора Александра I с Васильчиковым. Васильчиков объясняет в письме, что отказаться от участия в деле его заставили несколько причин: разглашение тайны, участие людей, имена которых могли, по его словам, «нас окончательно скомпрометировать», а также общее мнение, что «главным деятелем общества» является Каразин.

Нетрудно понять, кого имел в виду Васильчиков, говоря о компрометирующих именах. Из числа известных нам лиц, подписавших записку, к ним прежде всего относился А. И. Тургенев (напомним, что первую записку Н. И. Тургенев не подписал). Позднее, когда о намерении учредить общество и последовавшем отказе императора стало широко известно в Петербурге, именно имена братьев Тургеневых вызвали особенное озлобление крепостников. Н. И. Тургенев записал в своем дневнике 7 июня 1820 г.: «Публика восстает в особенности против наших имен; претекст * ее — небогатство наше, малое число наших крестьян. Я предполагал, что этого претекста недостаточно: искал его в аристократическом образе мысли наших богатых или знатных людей <...> Наконец, слышав и то и другое, я покуда уверился, что негодование против нас происходит от того, что о нас разумеет эта публика как о людях опасных, о якобинцах. Вот, как мне теперь кажется, вся загадка <...> со всех сторон все на нас вооружились, одержимые хамобесием»¹⁷³.

В письме Меншикову Васильчиков не мог, конечно, не потеряв достоинства, откровенно признаться, что взять свою подпись назад его заставило нежелание вступать в конфликт с могущественным крепостническим большинством, в тесных родственных узах с членами которого он состоял. Шаг этот — несомненное следствие тревоги, которую ощутили крепостники, объявившие всю затею происками «либералов и революционеров».

В подобной ситуации Александр не решился продолжать поддерживать начинание, еще вчера им одобренное. В искренности этого первоначального одобрения можно не сомневаться. П. А. Вяземский рассказывал в своих воспоминаниях о беседе императора на эту тему с Н. М. Карамзиным. Явно продолжая давний спор, Александр с известной долей торжества говорил Карамзину: «Вы полагаете, что мысль об освобождении крестьян не имеет ни отголоска, ни сочувствия в России», а вот получил я на днях прошение, противоречащее вашему мнению. Записка подписана всем известными лицами, между коими и ваш родственник князь Вяземский»¹⁷⁴. Но явное недовольство тех, кто окружал престол, заставило Александра отступить. Могло сыграть известную роль и то обстоятельство, что общий голос называл Каразина как скрытую пружину всего дела. Беседа с Ва-

* От фр. *prétexte* — предлог, повод.

сильчиковым могла заронить у Александра подозрение, что общество, на создание которого он согласился сперва в разговоре с Воронцовым, и есть та самая затея Каразина, которую он раньше решительно отверг.

Однако отказ Александра принять предложение либеральных помещиков не означал еще каких-либо серьезных перемен в его взгляде на крестьянский вопрос. И если для нас, знающих, что за этим последовало, ясно, что это было началом отказа от реформаторских замыслов, то сам он, очевидно, воспринимал этот эпизод как очередной тактический ход. Характерно, что, несмотря на весь шум, поднятый крепостниками вокруг участия Тургеневых в этом деле, император нисколько не изменил тогда своего положительного к ним отношения. В разговоре с М. С. Воронцовым накануне его отъезда из столицы в длительный отпуск речь зашла и о братьях Тургеневых. По словам Воронцова, Александр сказал, что лично знает и уважает А. И. Тургенева, а о Н. И. Тургеневе слышал по службе «много доброго»¹⁷⁵. «Как по величайшему секрету сказано,— писал Н. И. Тургенев 12 июня брату Сергею,— император не разделяет мнения публики о наших, т. е. Тургеневых, именах»¹⁷⁶.

* * *

Провал попытки начать гласное обсуждение крестьянского вопроса, молва об этом, широко разнесшаяся сперва по Петербургу, а потом в какой-то мере и по всей России, вызвали радость среди крепостников и жестокое разочарование прогрессивно мыслящей части общества. Эпизод этот наглядно подтвердил тщетность надежд на правительство в деле освобождения крепостных крестьян. Заявления Александра I о своей верности идее освобождения, не получая никакого практического воплощения, вызывали все большее недоверие и к нему, и к возможностям людей, его окружавших. «Злоупотребления режутся на меди, а добрые замыслы пишутся на песке,— откликнулся в июне 1820 г. на известие о неудаче их совместного предприятия в письме Н. И. Тургеневу П. А. Вяземский.— Грустно и гадко! И самые честные люди из *видных* — не что иное, как временщики; по движению сердца благородного бросаются вперед, по привычке трусить при первом движении августейшего махалы отскакивают назад. И до сей поры адская надпись Данта блесит еще в полном сиянии на заставе петербургской»¹⁷⁷.

Подобные же чувства владели Н. И. Тургеневым. 1 июня, заканчивая рассказ о постигшей их неудаче, он писал в дневнике: «Безнадежность моя достигла высочайшей степени. Пусть делают обстоятельства то, чего мы сделать и даже начать не можем. Что меня может привязывать к теперешнему моему образу жизни и службы? Все для меня опостылело»¹⁷⁸. Месяцем позднее Н. И. Тургенев писал брату Сергею: «Род неудачи, которую претерпел проект наш, столь благородно гр<афом> Воронцовым и кн<язем> Меншиковым предположенный, отдалил надежду какой-

нибудь отрады в здешней петербургской пустой и скучной жизни. Кочубей может что-нибудь сделать. Но сделает ли? Не знаю»¹⁷⁹.

Разочарование в возможности легальными путями достичь отмены крепостного права толкало передовую часть дворянства к поискам иных путей. Хорошо известно, например, что деятельность Н. И. Тургенева в тайном обществе активизировалась начиная со второй половины 1820 г. Вместе с братьями Фонвизинскими и Якушкиным он явился одним из организаторов Московского съезда декабристов, состоявшегося в январе—феврале 1821 г. и обозначившего собой новый этап движения. Разрыв между передовой частью общества и верховной властью превратился в это время в основную коллизию общественной жизни и оставался ею до конца царствования Александра I.

Между тем изложенные выше события 1820 г. не могли не повлиять на умонастроение императора. Неудача, постигшая его на этот раз, была совершенно особенного свойства. В самом деле, получив без всяких усилий со своей стороны ту самую дворянскую инициативу, которую он столько времени стремился развязать, причем получив ее от столичного дворянства, Александр счел себя вынужденным ее отвергнуть. Рассчитывать на другой подобный случай вряд ли приходилось, и поэтому моральный ущерб, нанесенный ему этим событием, был, несомненно, очень велик.

С чем же пришел Александр I к концу 1820 г. в крестьянском вопросе? То, что после возвращения из Европы в 1814 г. казалось легко достижимым, теперь, через шесть лет, было так же далеко от осуществления, как и в самом начале. Ничтожные результаты и бесперспективность так бодро и уверенно начатого им дела становилось все труднее скрывать от самого себя. Именно с этого времени Александр I все более стал поддаваться апатии, стремился уйти в сторону от неразрешимых проблем огромной страны, передоверив руководство ею временщику. А это, в свою очередь, углубляло уже очевидный разрыв верховной власти с прогрессивными силами страны.

Тем не менее Александр при всяком удобном случае продолжал еще повторять, что отнюдь не отказался от своих реформаторских замыслов. Нельзя не заметить при этом, что решимость его проявлялась лишь до тех пор, пока проблема обсуждалась в самом узком круге сановников, разделявших взгляды самодержца или считавших себя обязанными им следовать. Вывести проблему за пределы этого узкого круга он так и не решился. Симптоматично, что Александр не согласился даже на предложение Репнина приступить в управляемых им губерниях к обсуждению взаимных отношений помещиков и крестьян, тем самым окончательно отказавшись от идеи реформы в Малороссии. Непоколебимое решение ни в какой форме не принуждать дворянство, диктуемое страхом восстановить его против себя,—урок, извлеченный им из судьбы своего отца,—определяло собой неустойчивость его фактических, а не теоретических позиций. Всякое

подтверждение готовности помещиков изменить крепостные отношения ободряло его и на время возобновляло надежды.

Столь же неуклонно действовало на него любое проявление крепостнической оппозиции, не только пугая и отбрасывая его назад, но постепенно укрепляя в нем мысль, что осуществить освобождение крестьян в обозримом будущем невозможно. Нестойкость позиции Александра наглядно проявилась при первом же публичном обсуждении в Государственном совете даже не самого вопроса об освобождении крестьян, а только одной меры, ограничивающей права помещиков по отношению к ним,— запрещения продажи их без земли¹⁸⁰.

Поводом к обсуждению послужила жалоба Александру I крепостных помещика Курской губернии Жданова на продажу их поодиночке и без земли. Рассмотревший дело Сенат нашел, что помещик действовал в полном соответствии с законами. Тем не менее министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский, не оспаривая решения Сената в принципе, не ссылаясь на указ Петра I 1721 г. о нежелательности при продаже крестьян дробить семьи, в специальной записке предложил обсудить этот вопрос в Комиссии составления законов. Об этом стало известно Александру I, который 22 января 1820 г. через председателя Государственного совета П. В. Лопухина потребовал от Комиссии «решить дело о воспреещении продажи людей без земли немедленно» и представить проект к ближайшему воскресенью.

Одновременно в Государственный совет поступили две записки, подготовленные независимо одна от другой петербургским генерал-губернатором М. А. Милорадовичем и министром внутренних дел В. П. Кочубеем. Милорадович прямо предлагал запретить как продажу крестьян без земли, так и продажу с землей, но поодиночке; одновременно он предлагал запретить и продажу дворовых отдельно от их семей. Кочубей же только советовал обсудить эту проблему в Государственном совете, не высказывая никаких предварительных суждений. Обе записки и законопроект о непродаже крестьян без земли, подготовленный в Комиссии составления законов Н. И. Тургеневым, были обсуждены 9 марта 1820 г. на заседании Комиссии. Там было решено не составлять никакого дополнительного мнения, а представить проект Тургенева на рассмотрение Департамента законов Государственного совета.

Проект, подготовленный Н. И. Тургеневым, имел явно антикрепостническую направленность. В предисловии автор прямо заявлял, что «продажа людей поодиночке, как бессловесных животных, не соответственна духу времени» и что «продавать человека, существо разумное, нельзя, а продается земля, без которой крестьянин не должен быть».

Сам законопроект делился на три части. В первой запрещались любая продажа, заклад крестьян и другие подобные акты иначе, как целыми селениями, со всем имуществом и землей. Во второй предлагались меры по регламентации положения дво-

ровых. Запрещалось переводить крестьян с пашни во двор, устанавливалось, что дворовые должны быть приписаны не к городским усадьбам, а к селам и что их тоже нельзя продавать отдельно от сел. Нарушение законодательства должно было караться немедленным освобождением проданных или заложенных крестьян. Третья часть проекта содержала меры, препятствующие дроблению имений. Запрещались любые операции, если в их результате в имении оставалось менее 100 душ крестьян. «Как бы ни мало значила подобная мера,—вспоминал впоследствии Н. И. Тургенев,—она все же дала кое-что доброе, так как судьба крепостных наиболее тяжела именно у мелких помещиков».

20 октября проект был обсужден в Департаменте законов, где вызвал резкое сопротивление всех присутствовавших членов — А. С. Шишкова, В. С. Ланского и И. Б. Пестеля. Эти крепостники и реакционеры решительно выступили против каких-либо ограничений прав помещиков, мотивируя это тем, что по всем законам «продажа крепостных людей вообще <...> дворянам дозволена без всякого ограничения». Особенное раздражение у членов департамента вызвало выражение «дух времени». В составленном А. С. Шишковым журнале заседаний прямо сказано, что под этими словами часто скрывается «стремление к своеволию и неповиновению», а «Департамент законов подобных выражений к суждению принимать не может, ибо мнит, что, где правительство твердо и законы святы, там они управляют духом времени, а не дух времени ими». От рассмотрения мер, направленных к прекращению дробления помещичьих имений, департамент вообще отказался, ссылаясь на то, что они не связаны с основным вопросом. Журнал завершался грозной филиппикой против всех вообще, кто стремится к каким-либо переменам.

29 ноября законопроект вместе с мнением Департамента законов был внесен на обсуждение общего собрания Государственного совета. По воспоминаниям Тургенева, заседание было очень бурным. Шишкова, обрушившегося на проект, полностью поддерживали Н. С. Мордвинов и гр. Литта. Министр юстиции Лобанов-Ростовский, «отвлекаясь от всякого умствования», высказался против проекта, предложив только запретить дробление семейств. Государственный контролер бар. Кампенгаузен предложил приостановить на время совершение купчих на людей без земли, а правительству более глубоко изучить этот вопрос со всех сторон. В поддержку проекта не высказался ни один член Государственного совета. Дело было по, существу, решено выступлением министра внутренних дел В. П. Кочубея, заявившего, что «вопрос должен быть еще изучен в его министерстве». После этого в журнал заседания занесли решение отложить окончательное суждение до получения письменных мнений всех членов, и тем вопрос был похоронен навсегда.

«Состоявший из первых сановников империи, этот орган мог, несомненно, урегулировать и ограничить по своему желанию права бедных и невежественных помещиков,—писал почти 30 лет

спустя Н. И. Тургенев,— но он не мог скрыть от себя, что не в этом будет главное значение проекта, что он создаст впечатление о существовании в правительстве тенденции, благоприятной освобождению крепостных».

А что же император, который в январе приказывал в две недели подготовить проект закона о непродаже крестьян без земли и, несомненно, рассчитывал ввести его в действие? Ознакомившись с ходом обсуждения, Александр не мог не понять, что ярые нападки на тех, кто желает перемен в соответствии с «духом времени», относятся прежде всего к нему самому. Это он желал перемен, мотивируя их необходимость «духом времени». О «духе времени» говорил он, обращаясь к лифляндскому дворянству, о «духе времени» как источнике преобразований вынужден был писать и Аракчеев, излагая мысли императора.

Решительный отпор высших сановников империи даже проекту, вовсе не затрагивавшему основ крепостного права, но в котором они справедливо усмотрели проявление правительственных тенденций, «благоприятных освобождению крепостных», сразу заставил Александра I опять отступить. Ведь нельзя сомневаться, что прекращение дальнейшего обсуждения проекта не могло произойти без его ведома. Более того, отказ императора от законодательного оформления и проведения в жизнь этой частной меры оказался симптомом его окончательного отступления от решения крестьянского вопроса. Кризис политики, направленной на реформирование крепостных отношений, который назревал по мере того, как одно за другим терпели неудачу предпринятые усилия, стал фактом.

¹ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 9.

² Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. М., 1961. С. 18; Игнатович И. И. Крестьянские волнения первой четверти XIX века // Вопросы истории. 1950. № 9. С. 49.

³ Из писем и показаний декабристов / Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906. С. 35–36.

⁴ Тургенев Н. Россия и русские. М., 1915. Т. 1. С. 61.

⁵ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. 2: Сочинения. С. 182.

⁶ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 308–309.

⁷ Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 257.

⁸ Шишков А. С. Указ. соч. Т. 1. С. 309.

⁹ Сухомятинов М. И. Фридрих Цезарь Лагарп // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1871. Т. 153, № 2. С. 165–166.

¹⁰ Цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. 1897. Т. 1. С. 227. Примеч. 57.

¹¹ Чарторижский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 85.

¹² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 148–153.

¹³ Сафонов М. М. Протоколы Негласного комитета // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 192–199.

¹⁴ Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817); Ист. исслед. эпохи имп. Александра I. СПб., 1903. Т. 2. С. 8 (Далее: Граф Строганов).

- ¹⁵ *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 96, 97, 109.
- ¹⁶ Граф Строганов. С. 28.
- ¹⁷ Там же. С. 9.
- ¹⁸ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. 1897. Т. 2. С. 40. Ср. *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 79.
- ¹⁹ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII века и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 241–242.
- ²⁰ *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 164; *Вешняков В.* Крестьяне-собственники в России: Ист.-стат. очерк. СПб., 1858. С. 7–12.
- ²¹ Граф Строганов. С. 109.
- ²² *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 242.
- ²³ Граф Строганов. С. 110.
- ²⁴ Там же. С. 112.
- ²⁵ Там же. С. 113.
- ²⁶ Там же. С. 242.
- ²⁷ *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 155.
- ²⁸ Граф Строганов. С. 106.
- ²⁹ Румянцев писал, что «многие помещики находят выгоды чрезвычайные увольнять лично крестьян из платы, следственно, уволили бы их охотно и целыми селениями, когда бы в том находили против продажи преимуществу» (Русский архив. 1869. № 11/12. Стб. 1955).
- ³⁰ Там же. Стб. 1953–1956.
- ³¹ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3, Ч. 1. Стб. 783–787.
- ³² *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 266.
- ³³ Данные с 1816 г. см.: ЦГИА СССР. Ф. 1409 (I отделение с. е. и. в. канцелярии). Оп. 1. Д. 1723, 2485, 2901, 3279, 3548, 3634, 3738, 4010, 4366.
- ³⁴ См. об этом подробнее: *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 295–306.
- ³⁵ Русский архив. 1864. № 3. Стб. 319–321.
- ³⁶ ПСЗ-I. Т. 32. № 25671. С. 906.
- ³⁷ *Трубецкой С. П.* Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. С. 217. (Далее: *Трубецкой С. П.* Записки).
- ³⁸ *Тургенев Н. И.* Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 193–194. (Далее: *Тургенев Н. И.* Письма).
- ³⁹ *Трубецкой С. П.* Записки. С. 219–220.
- ⁴⁰ *Сухтелен П. П.* Из записной книжки // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 354.
- ⁴¹ ЦГАОР СССР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 193. Л. 1.
- ⁴² *Равдин Б. Н., Рогинский А. Б.* Записка декабриста М. Н. Новикова «О земледелии и мануфактурах в России» (1816 г.) // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 5. С. 121.
- ⁴³ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива с. е. и. в. канцелярии. СПб., 1895. Вып. 7. С. 165–175.
- ⁴⁴ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. 1898. Т. 4. С. 48, 67.
- ⁴⁵ *Равдин Б. Н., Рогинский А. Б.* Указ. соч. С. 115.
- ⁴⁶ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 66.
- ⁴⁷ *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 129–130; Приложения. С. 93.
- ⁴⁸ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 42, 453; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 435–436; *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 340.
- ⁴⁹ *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 339–340.
- ⁵⁰ *Кульман Н. К.* Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I // Изв. Отделения рус. яз. и словесности имп. Академии наук. СПб., 1908. Т. 13, кн. 1. С. 100.
- ⁵¹ Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен М. В. Нечкиной в монографии «Движение декабристов» (М., 1955. Т. 1. С. 175–179).
- ⁵² Восстание декабристов. М.; Л., 1927. Т. III. С. 42. (Далее: ВД, римскими цифрами – том, арабскими – страница).
- ⁵³ Там же. С. 52.
- ⁵⁴ *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 16–17.

- ⁵⁵ ВД. III. 19; IV. 277.
- ⁵⁶ ВД. III. 73.
- ⁵⁷ *Трубецкой С. П.* Записки. С. 223.
- ⁵⁸ ВД. I. 306.
- ⁵⁹ ВД. XVI. 53.
- ⁶⁰ ВД. I. 48–49.
- ⁶¹ ВД. I. 51.
- ⁶² ВД. I. 51–52.
- ⁶³ ЦГАОР СССР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 235. Л. 1 в об. – 2.
- ⁶⁴ В своем письме в Следственный комитет П. П. Лопухин писал: «Когда его величество император соизволил спросить меня, принадлежал ли я к какому-нибудь тайному обществу, я должен был ответить „нет“, потому что был по совести в этом убежден» (Там же. Л. 4. Подлинник на фр. яз.).
- ⁶⁵ В докладной записке о заседании Комитета 11 января сказано только, что Трубецкой «об отделении польских провинций от России» слышал от генерала-майора князя Лопухина. Именно против этих слов Николай I оставил свое распоряжение: «Спросить чрез г(енерала) Левашова» (ВД. XVI. 239).
- ⁶⁶ Любопытно, насколько сильно было убеждение следствия, что именно С. П. Трубецкой, а не Н. М. Муравьев писал в показаниях о планах Александра I издать манифест о свободе крестьян. Оно снова отразилось, например, в сводке показаний декабристов о П. П. Лопухине, завершавшей, по установленному порядку, его следственное дело. О показаниях Трубецкого здесь сказано: «Между прочим, изложил, что письмо свое к А. Муравьеву в Москву в 1817 г. (...) составил он из слов кн. Лопухина, будто белорусские губернии возвращаются Польше, будто государь и вся императорская фамилия отправляются в Варшаву и оттуда объявится свобода крестьянам и что из сего возникнет восстановление крестьян на господ своих и гибель сих последних» (ЦГАОР СССР. Ф. 48. Оп. 1. Д. 235. Л. 6). Характерно, что в сводке указаны страницы всех следственных дел, откуда выписаны показания декабристов на Лопухина, кроме этого последнего показания Трубецкого.
- ⁶⁷ ВД. IV. 140, 154.
- ⁶⁸ ВД. IX. 252.
- ⁶⁹ ГПБ. Ф. 859. (Н. К. Шильдера). К. 38. № 15. Л. 16.
- ⁷⁰ *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. С. 18.
- ⁷¹ ВД. IV. 256.
- ⁷² Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 41.
- ⁷³ ЦГАОР СССР. Ф. 678. (Александра II). Оп. 1. Д. 566. Л. 71–72. Другой список «Поздравительной оды» был обнаружен Е. Г. Бушканцем в архиве III отделения (ЦГАОР СССР. Ф. 109. Оп. 1 с/а. Д. 1938. Л. 1–2). Содержание «Оды» и ее значение в общем контексте агитационной литературы кануна падения крепостного права рассмотрены Е. Г. Бушканцем в статье «Революционные стихотворения-прокламации конца 1850-х – начала 1860-х годов». См.: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1962.
- ⁷⁴ Не вдаваясь в разбор мотивов, толкнувших Ростовцева на подобный поступок, укажем только, что в литературе высказана версия, отрицающая предательство Ростовцева и пытающаяся поставить его объяснение с царем в один ряд с действиями определенной части членов тайного общества, стремившейся добиться целей без пролития крови. См.: *Гордин Я.* События и люди 14 декабря: Хроника. М., 1985. С. 105–112.
- ⁷⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 678. Оп. 1. Д. 566. Л. 70.
- ⁷⁶ Сборник исторических материалов... Вып. 7. С. 175.
- ⁷⁷ Там же. С. 165.
- ⁷⁸ Там же. С. 165–171.
- ⁷⁹ Дух журналов. 1818. № 20. С. 125–136 (591–602).
- ⁸⁰ Сборник исторических материалов... Вып. 7. С. 153–164.
- ⁸¹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн. 3. Смес. С. 43–50.
- ⁸² *Трубецкой С. П.* Записки. С. 223.
- ⁸³ Сборник исторических материалов... Вып. 7. С. 145.
- ⁸⁴ Кочубей заключал свой ответ на замечания Н. Н. Новосильцова сло-

- вами: «Я с радостью готов на все те перемены, которые оно (правительство.— *С. М.*) признает нужным» (Сборник исторических материалов... Вып. 7. С. 175). Репнин же писал императору 16 июля 1818 г.: «В крае сем сверх Кочубея многие есть благонамеренные помещики, кои желают только узнать волю вашего императорского величества и готовы на все человеколюбивые пожертвования» (Там же. С. 173).
- ⁸⁵ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 437.
- ⁸⁶ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. Т. 1: Воспоминания изгнанника. М., 1915. С. 71.
- ⁸⁷ *Яковкина Н. И.* О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX века // Вопросы истории России XIX—начала XX века. Л., 1983. С. 45, 56.
- ⁸⁸ ГПБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдера). К. 31. № 16. Л. 3—7 об.; Девятнадцатый век: Ист. сб./Изд. Петром Бартевым. М., 1872. Кн. 1. Стб. 145—208.
- ⁸⁹ *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 347—348.
- ⁹⁰ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 438.
- ⁹¹ См. об этом подробнее: *Мироненко С. В.* Крестьянский вопрос в трудах декабриста М. А. Фонвизина // Ист. записки. М., 1975. Вып. 96. С. 197—230.
- ⁹² ГПБ. Ф. 859. К. 31. № 16. Л. 3 об.
- ⁹³ *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 154.
- ⁹⁴ ЦГИА СССР. Ф. 1261 (II отделение с. е. и. в. канцелярии). Оп. 2. 1866 г. д. 123в. Л. 12—13 об., 17 об.—18.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 1250. Оп. т. 16. Бумаги, оставшиеся после умерших председателей и членов Государственного совета. Д. 19. Л. 50—51. Подлинник отношения: Ф. 1261. Оп. 2. 1866 г. Д. 123в. Л. 1—1 об.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 1261. Оп. 2. 1866 г. Д. 123в. Л. 2 об.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 1409 (I отделение с. е. и. в. канцелярии). Оп. 1. Д. 2919. Л. 1—96.
- ⁹⁸ Архив ЛОИИ. Ф. 36 (Воронцовых). Оп. 1. Д. 400. Л. 218—247 об.
- ⁹⁹ ЦГА ВМФ. Ф. 19 (А. С. Меншикова). Оп. 4. Д. 507. Л. 2—169.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 14.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 17 об.
- ¹⁰² Там же. Л. 10 об., 12.
- ¹⁰³ Подробнее об Балугьянском см.: *Косачевская Е. М.* М. А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971. К сожалению, автору осталась неизвестной работа Балугьянского над проектом освобождения крестьян.
- ¹⁰⁴ ЦГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 507. Л. 13. об.—14.
- ¹⁰⁵ Всесторонний анализ проекта содержится в монографии Н. М. Дружинина (Указ. соч. Т. 1. С. 154—164).
- ¹⁰⁶ ЦГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 507. Л. 45 об.—46.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 33 об.—41 об.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 14—15 об.
- ¹⁰⁹ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 349.
- ¹¹⁰ Русский архив. 1869. № 10. Стб. 1697—1704.
- ¹¹¹ Там же. 1866. № 1. Стб. 126.
- ¹¹² Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow. Lettres écrites de Petersbourg et de Moscou. 1813—1819 // Русский архив. 1883. Приложение к кн. 1. С. 496, 508—509.
- ¹¹³ Там же. 1882. Приложение к кн. 2. С. 17.
- ¹¹⁴ Там же. 1883. Приложение к кн. 1. С. 506.
- ¹¹⁵ *Ochmański J.* Historia Litwy. Wrocław, 1982. S. 201.
- ¹¹⁶ Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях/Пер. с фр. В. В. Тимошук // Русская старина. 1896. № 10. С. 52.
- ¹¹⁷ О разговоре Александра I с цесаревичем А. И. Михайловскому-Данилевскому в 1829 г. рассказал (со слов самого Константина Павловича) П. Д. Киселев. Михайловский-Данилевский записал этот рассказ в свой дневник (ГПБ. Ф. 488. Оп. 1. № 25. Л. 47). См. также: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 146.

- 118 Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 40.
- 119 Сборник Археологического института. СПб., 1878. Кн. 1. Отд. 2. С. 12–13.
- 120 Русская старина. 1881. № 11. С. 669.
- 121 Вестник Европы. 1815. Ч. 82. С. 264–281.
- 122 Там же. 1816. Ч. 87. С. 142.
- 123 Дух журналов. 1817. Кн. 47. С. 339–342 (929–932).
- 124 Русский вестник. 1817. № 3/4. С. XXIII.
- 125 Дух журналов. 1817. Кн. 49. С. 343–370 (981–1008).
- 126 Там же. 1818. Кн. 6. С. 43–54 (181–192).
- 127 Там же. Кн. 12 («О рабстве в иностранных европейских государствах»). С. 94–95.
- 128 Об авторстве Куницына см.: *Колупанов Н.* Биография А. И. Кошелева. М., 1889. Т. 1, кн. 1. С. 524. Ср. также: *Кульман Н. К.* Указ. соч. С. 64.
- 129 Сын Отечества. 1818. № 17. С. 162–186.
- 130 Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. М., 1871. Вып. 3. С. 21–22.
- 131 *Трубецкой С. П.* Записки. С. 218–220.
- 132 *Нечкина М. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 234.
- 133 Там же. С. 239. Подробнее об антикрепостнической пропаганде, развернутой декабристами, см.: Там же. С. 231–239.
- 134 *Трубецкой С. П.* Записки. С. 220.
- 135 *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. С. 29.
- 136 Там же. С. 32, 516.
- 137 *Кульман Н. К.* Указ. соч. С. 108–114.
- 138 Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 14–16.
- 139 Там же. С. 21–22.
- 140 Цит. по: *Кульман Н. К.* Указ. соч. С. 113.
- 141 *Тургенев Н. И.* Письма. С. 302.
- 142 *Шебунин А. Н.* Пушкин и «Общество Елизаветы» // Временник Пушкинской комиссии. М.: Л., 1936. Т. 1. С. 79–84.
- 143 *Тургенев Н. И.* Россия и русские. Ч. 3 // Библиотека декабристов. Б. м., 1908. Кн. 1. С. 125–126.
- 144 Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5. С. 488–490.
- 145 *Тургенев Н. И.* Россия и русские. Ч. 3. С. 126.
- 146 См., например: *Багалец Д. И.* Просветительская деятельность В. Н. Каразина. Харьков, 1893; *Тихой Н.* Политические воззрения В. Н. Каразина. Харьков, 1907; *Слюсарский А. Г.* В. Н. Каразин, его научная и общественная деятельность. Харьков, 1955.
- 147 *Герцен А. И.* Император Александр I и В. Н. Каразин // Собр. соч.: в 9 т. М., 1958. Т. 7. С. 441–456.
- 148 ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4686. Ч. 16. Л. 26.
- 149 Там же. Ч. 1–19.
- 150 Надо сказать, что подобные доносы были для Каразина нормой. Он доносил на Пушкина и других писателей, передавал правительству различные петербургские слухи. Писал об «экстренном собрании Михайловского общества любителей словесности», где «не была забыта и конституция», что свидетельствовало о все большем «день ото дня» распространении, как он выражался, «уродливого этого духа». Писал также об офицерах, которые, «собравшись в ресторации (...) пили за российскую конституцию» (ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3245. Л. 18 об.–19).
- 151 ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4686. Ч. 16. Л. 52–56; Д. 3245. Л. 21–29.
- 152 Каразин сам сделал об этом пометку на одной из копий «предположения», которое он пытался вновь передать Кочубею в ноябре 1820 г. См.: ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3246. Л. 5, 10.
- 153 Там же. Д. 4686. Ч. 3. Л. 33–38 об.; Д. 3246. Л. 5–12 об.
- 154 *Тургенев Н. И.* Письма. С. 322.
- 155 Русская старина. 1870. № 12. С. 535.
- 156 ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3245. Л. 36–36 об.
- 157 *Кульман Н. К.* Указ. соч. С. 146.

- ¹⁵⁸ Тургенев Н. И. Письма. С. 300.
- ¹⁵⁹ Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 253.
- ¹⁶⁰ ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4686. Ч. 9. Л. 90; Ч. 3. Л. 30.
- ¹⁶¹ Там же. Ч. 3. Л. 31; Ч. 9. Л. 90.
- ¹⁶² Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. С. 231–232.
- ¹⁶³ Тургенев Н. И. Письма. С. 303. В воспоминаниях Н. И. Тургенева, где этот рассказ повторен, он обозначен как «граф В. Д., тогда камергер и дипломат», что позволяет узнать в нем двоюродного брата М. С. Воронцова Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова. См.: Тургенев Н. И. Россия и русские. Ч. 3. С. 126.
- ¹⁶⁴ Тургенев Н. И. Россия и русские. Ч. 3. С. 126.
- ¹⁶⁵ Кульман Н. К. Указ. соч. С. 102.
- ¹⁶⁶ ЦГИА СССР. Ф. 651 (И. В. Васильчикова). Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2. Оригинал на фр. яз. Перевод с некоторыми редакционными расхождениями опубликован: Русский архив. 1875. № 12. С. 417.
- ¹⁶⁷ Тургенев Н. И. Россия и русские. Ч. 3. С. 127.
- ¹⁶⁸ Вяземский П. А. Заметка о записке Каразина, представленной в 1820 году императору Александру I касательно освобождения крестьян. 1871 // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1888. Т. 7. С. 271.
- ¹⁶⁹ Тургенев Н. И. Письма. С. 304.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 271.
- ¹⁷² Тургенев Н. И. Письма. С. 304; ср. запись об этом же в дневнике: «Кочубей, доложив по сей подписке государю, объявил, что общество и подписки не нужны, а каждый может свои намерения в рассуждении крестьян сообщать мин(истру) вн(утренних) дел. Кажется, на этом все и остановилось» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. С. 232).
- ¹⁷³ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. С. 232.
- ¹⁷⁴ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 272.
- ¹⁷⁵ См. письмо А. И. Тургенева С. И. Тургеневу (начало июля 1820 г.): Тургенев Н. И. Письма. С. 433–434.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 304.
- ¹⁷⁷ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 6. С. 6.
- ¹⁷⁸ Там же. Вып. 5. С. 232.
- ¹⁷⁹ Тургенев Н. И. Письма. С. 307.
- ¹⁸⁰ Подробный разбор этого дела содержится в обстоятельной работе А. Н. Шебунина «К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли» (Архив истории труда в России. Пг., 1923. Вып. 6/7. С. 110–129), что освобождает нас от необходимости особого исследования этого вопроса и позволяет ограничиться лишь общей канвой событий и итогами.

Глава 3. Самодержавие и конституция

Политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян.

А. С. ПУШКИН

Заметки по русской истории. 1822

С¹толь же остро, как проблема крепостного права, после окончания Отечественной войны 1812 г. встала перед самодержавием задача политических реформ. Приведение политического устройства страны в соответствие с «духом времени» осознавалось как неотложная проблема не только молодой Россией, в офицерских мундирах пропагавшей по дорогам Западной Европы, но и самой верховной властью.

Своеобразие ситуации состояло в том, что инициатором ограничения самодержавия выступил не кто иной, как сам абсолютный монарх. Впрочем, применительно к Александру I это не удивляет. В предыдущей главе мы, по необходимости кратко, остановились на том круге идей, который сформировался у него еще в юности под влиянием республиканца Лагарпа. Одной из основополагающих была идея представительного правления как наиболее справедливого политического устройства. Об этом Александр I неоднократно говорил своим многочисленным собеседникам. Это же свое убеждение он попытался реализовать, поручая М. М. Сперанскому в 1809 г. разработать обширный план государственных преобразований. Неудача этого плана известна (см. главу первую). Однако мысль о коренных политических реформах вовсе не была оставлена императором.

По окончании Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов в 1815 г. Александр I, по свидетельству кн. А. Б. Куракина, изволил «публично изъясняться насчет нынешнего устройства внутреннего государственного управления», заявив, что в ближайшее время его «главнейшие занятия будут по сему предмету»¹. Упоминание о подобном публичном заявлении имеется и в неопубликованных бумагах А. Д. Балашева². К сожалению, нам не удалось выяснить, при каких обстоятельствах было сделано это заявление. Однако два свидетельства осведомленных современников не дают основания сомневаться в достоверности самого факта.

События, развернувшиеся в 1815 г., подтвердили серьезность этих заявлений. Более того, в отличие от предшествовавших преобразований дело пошло теперь не о каких-либо частных измене-

ниях, а о коренном переустройстве политического строя: верховная власть приступила к рассмотрению возможности введения в России представительного правления.

После включения Царства Польского в состав Российской империи исторически сложилось так, что собственно русские конституционные проблемы оказались тесно переплетенными с польским вопросом. Поэтому, прежде чем обратиться непосредственно к русским делам, необходимо рассмотреть позицию правительства в вопросе об устройстве Польши после окончания наполеоновских войн.

Судьба Герцогства Варшавского, выступившего в войне на стороне Наполеона, стала одной из центральных проблем послевоенного устройства Европы. Русские предложения о включении Польши целиком в состав Российской империи и об установлении на ее территории конституционного правления встретили активное сопротивление Австрии, Франции и особенно Англии.

Корень противоречий лежал прежде всего в стремлении западных держав не допустить сохранения территориальной целостности Польши. С требованием вернуться к положению, сложившемуся после третьего раздела Польши, выступил английский уполномоченный на Венском конгрессе лорд Каслри, представивший 12 октября 1814 г. специальный меморандум по этому вопросу³. Негативной оказалась реакция и на другое предложение России — конституционное устройство Польши. Нежелание видеть Польшу государством с представительной системой правления, выраженное и Каслри, было еще более отчетливо сформулировано в специальной записке, отправленной в тот же день, 12 октября 1814 г., Александру I знаменитым немецким дипломатом бароном Штейном. Штейн писал: «Россия требует: а) границы в Польше, угрожающей Австрии и Пруссии; б) согласия своих союзников на конституцию в Польше. <...> Конституция, которая объединит всю русскую Польшу в одно политическое целое под именем Царства Польского и превратит ее в *государство*, соединенное с Российской империей, разрушит единство ее внутреннего управления, затруднит его действия, будет поддерживать в русских поляках мечты о возрождении их независимости, а среди тех, которые достанутся остальным державам, — причины к брожению и стремление к отделению.

Следовательно, такой порядок вещей будет содержать в себе элементы разъединения между Россией как абсолютной монархией и Польшей как конституционным государством»⁴. Поэтому Штейн предлагал Александру I ограничиться введением в Польше местного самоуправления. «Ежели поляки не получают общей государственной конституции, то они должны принести эту жертву важнейшим интересам Европы, благодарности союзникам», — откровенно заявлял он⁵. Позиция Штейна вызвала возражения Александра I. «Вы мне писали относительно Польши. Почему же вы, высказывающий при любой возможности столь либеральные

идей, в данном случае предложили совершенно противоположное?» — говорил император Штейну 19 октября⁶.

Решительный отпор со стороны русского правительства получил и меморандум Каслри. В дополнении к ответу на него, составленном А. Чарторыским и отправленном от имени Александра I 30 октября, прямо говорилось, что «те или иные решения, которые его императорское величество император всероссийский может принять в деле установления нового порядка вещей в польских провинциях, относятся к области внутренней политики, в коей его императорское величество никому не обязан отчетом»⁷. И хотя в дальнейшем тексте пространно излагались принципы русской политики в Польше, обсуждение этих принципов на международном уровне, как ясно из цитированных выше слов, исключалось.

Жаркие прения по польскому вопросу разрешились в конце концов известным компромиссом. 21 апреля 1815 г. в Вене был подписан «дружественный трактат» между Россией, Австрией и Пруссией, определивший новое положение Польши⁸, а 28 мая соглашение было подтверждено генеральным актом Венского конгресса⁹. В соответствии с ними большая часть территории Польши вошла в состав Российской империи под названием Царства Польского, Пруссия получила Познанский и Быдгоцкий департаменты бывшего Герцогства Варшавского с населением 810 тыс. человек, а Австрия — часть восточной Галиции (Тарнопольская область) с населением 400 тыс. человек и Величку. По дополнительному трактату между Россией, Австрией и Пруссией Краков был признан вольным городом¹⁰.

Таким образом, территориальные притязания Австрии и Пруссии были удовлетворены. Однако и Россия добилась своего. В «Дружественном трактате» специально оговаривалось, что «поляки, подданные высоких договаривающихся сторон, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из правительств будет признан за полезнейший и приличнейший для них в кругу его владений» (ст. 5). В тех же выражениях эта мысль была зафиксирована и в ст. I Заключительного акта Венского конгресса¹¹. Иными словами, в 1815 г. было санкционировано намерение Александра I создать в составе Российской империи конституционное государство. 9 мая 1815 г. был оглашен манифест «...О присоединении к империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского под наименованием Польского царства...»¹², а 13 мая жителям Царства Польского было объявлено о даровании им конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати¹³.

Заметим, что ни Австрия, ни Пруссия не выполнили союзнических обещаний и ограничились введением на присоединенных польских территориях только местного самоуправления, вовсе не поднимая вопроса о национальных представительных учреждениях.

Для разработки конституции Царства Польского не был создан какой-либо специальный орган. Конституция, представленная Александру I после его приезда 31 октября 1815 г. в Варшаву, была плодом частной инициативы польской аристократии. В работе над ней принимали участие А. Линковский, Л. Пляттер, А. Чарторыйский и др. По мнению польского историка Ш. Аскенази, этот проект «был ошибочен уже по своим чудовищным размерам (он заключал в себе 11 разделов и 438 статей — вся конституция Герцогства Варшавского была в пять раз меньше)»¹⁴. Переделка проекта конституции была поручена особой комиссией, составленной из польских сановников во главе с гр. Островским¹⁵. Выработанный ею проект, состоявший теперь уже из 162 статей, был вновь представлен Александру I и им внимательно изучен.

Ш. Аскенази пишет, что «на полях этого проекта почти против каждой статьи Александр карандашом сделал примечания»¹⁶. Все они, по свидетельству историка, сводились к расширению прав самодержца и сужению самостоятельности представительных учреждений. Свои соображения о проекте высказал и Н. Н. Новосильцов, но, каковы они были, неизвестно. Окончательная редакция конституции была поручена И. Соболевскому, 2 ноября назначенному министром статс-секретарем и призванному осуществлять связь между монархом и польским правительством. Наконец, еще раз отредактировав полученный от Соболевского текст, Александр I 15 ноября 1815 г. утвердил конституцию Царства Польского¹⁷. Налицо, таким образом, пристальное внимание императора к польской конституции и даже непосредственное участие в ее создании.

Каковы же основные положения польской конституционной хартии 1815 г.?

Статья 1 определяла, что «Царство Польское навсегда присоединено к Российской империи». Русский император объявлялся польским царем, а корона Царства Польского становилась наследственной для русских царей (ст. 3). Власть императора законодательно ограничивалась конституционной хартией: «...конституционная хартия определяет порядок и принципы управления верховной власти» (ст. 4). Соблюдать конституцию император обязывался особой клятвой, произносимой во время коронования царем Польши (ст. 45): «Обещаюсь и клянусь пред богом и евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения конституционной хартии всею моею властью».

В ст. 31 было записано: «Польский народ будет иметь на вечные времена народное представительство. Оно заключается в сейме, состоящем из царя и из двух палат. Первая образуется из Сената, вторая — из послов и депутатов от гмин».

Верхняя палата сейма — Сенат (*Isba Senatorska*) — состояла из членов, пожизненно назначаемых императором (ст. 110). По конституции сенаторами могли быть принцы крови, епископы и кастиеляны (ст. 108). Число их не должно было превышать поло-

вины членов нижней палаты (ст. 109). В специальной статье (ст. 115) оговаривалось, что «для отправления законодательных функций Сенат собирается не иначе как по созыву царя во время сейма», тогда как для остальных дел он мог быть созван своим председателем. Последний назначался также царем. Отдельная статья (ст. 116) определяла возможность привлечения к суду любого высшего должностного лица: «Сенат постановляет относительно предания суду: сенаторов, министров — начальников департаментов, государственных советников и референдариев за преступления по службе». Причем правом возбуждения судебного преследования за служебные преступления одинаково пользовались и царь, и нижняя палата депутатов.

Нижняя палата сейма — палата депутатов или послов (Isba Posolska) — состояла из 128 депутатов, избранных путем прямого голосования. 77 депутатов избирались дворянами на сеймиках, а 51 — остальными избирателями в гминах (ст. 118).

Избирательные права получали все дворяне, внесенные в дворянскую книгу повета, достигшие 21 года и обладающие недвижимой собственностью. Избирателями являлись также остальные граждане, имеющие недвижимую собственность и уплачивающие за нее налог, фабриканты и хозяева мастерских, стоимость предприятий которых была не меньше 10 тыс. польских флоринов, а также все настоятели и викарии, профессора, учителя и художники (ст. 125—134).

Избирательная система сохраняла еще феодальные пережитки — она продолжала оставаться сословной. Избирательных прав по конституции 1815 г. была лишена значительная часть населения, и прежде всего польские крестьяне, в то время уже лично свободные.

Высоким был имущественный ценз. Однако сравнение с избирательными системами Англии и Франции показывает, что конституция Царства Польского в этом отношении была все же более прогрессивной, чем в странах, где существовал наиболее развитый буржуазный правопорядок. Достаточно сказать, что во Франции в 1815 г. было около 80 тыс. законных избирателей, в то время как в несколько раз меньшей по территории и количеству населения Польше их насчитывалось около 100 тыс.¹⁸

Принципиально важным был вопрос о широте компетенции народного представительства и соотношении власти сейма и императора. В этом отношении польская конституция 1815 г. носила двойственный характер. С одной стороны, из традиционной буржуазной триады законодательной, судебной и исполнительной власти конституционная хартия закрепляла за императором, казалось, только последнюю. Ст. 35 гласила: «Правительство живет в особе царя. Он отправляет во всей полноте функции исполнительной власти. Всякая исполнительная и административная власть исходят токмо от него». Во всяком случае, специальная глава конституции, озаглавленная «О царе», посвящена исключительно определению порядка осуществления им исполни-

тельной власти. Пределы этой власти были широки. Царю принадлежало право объявления войны и заключения различных договоров и трактатов, он единолично назначал всю администрацию, а также духовных иерархов, был главой армии, ему принадлежало право помилования, отмены или смягчения наказания, он награждал орденами и возводил в дворянское достоинство и т. п. (ст. 38—46). При этом, однако, его деятельность должна была строго согласовываться с представителями администрации, обладавшими правом следить за соблюдением конституционных основ. «Все повеления и указы царя,— сказано в ст. 47,— контрассигнуются (т. е. заверяются.— *С. М.*) министром — начальником департамента, который ответственен за все, что сии повеления и указы могли бы заключать в себе противного конституции и законам». Иными словами, ни одно распоряжение монарха не считалось действительным и не вступало в силу без одобрения соответствующего министра.

Казалось, место императорской власти как власти исполнительной определено здесь достаточно четко. Однако другие статьи конституции значительно расширяли прерогативы императора. Ст. 86 гласила, что «законодательная власть пребывает в особе царя и в двух палатах сейма», что означало, по крайней мере, равенство императора с сеймом в вопросах законодательства. Но следующие статьи недвусмысленно указывали на приоритет верховной власти над сеймом. Так, сейм был лишен законодательной инициативы, которая полностью передавалась в руки императора. Особенно ярко это проявилось в ст. 92, согласно которой даже «сообщения, заявления, представления и запросы послов и депутатов о благе и пользе их доверителей» сейм мог принимать только после одобрения их императором. «В случае, когда таковые будут переданы царем сейму чрез посредство Государственного совета,— сказано в статье конституции,— сейм обсуждает проекты законов, составленные вследствие таковых заявлений». Проект, принятый сеймом, становился законом только после утверждения его императором (ст. 104, 105).

Наконец, следует отметить, что, несмотря на провозглашенную независимость суда («судебная власть конституционно независима» — ст. 138; «под независимостью судьи понимается присвоенная ему свобода высказывать свое мнение при разборе дел, не подчиняясь влиянию ни высшей власти, ни власти министров или каким бы то ни было другим соображениям» — ст. 139; «ни один судья не может быть устранен от должности иначе, как на основании постановления подлежащего судебного места» — ст. 142), составляющую важную часть основ буржуазного правопорядка, за императором сохранялось право изменить или даже отменить любое судебное решение (ст. 43).

Налицо, таким образом, стремление создать некоторое соединение неограниченного самодержавия с конституционным устройством, стремление, дав конституционные права, оставить все же последнее, решающее слово за самодержавной властью.

Тем не менее даже с такими ограничениями польская конституция 1815 г. была, несомненно, прогрессивным явлением. Действительно, даже лишенный законодательной инициативы, сейм все же обладал правом вето в отношении обсуждаемых в нем законопроектов. «Проекты решаются большинством голосов», — гласила ст. 102 конституции. Само собой разумелось, хотя и нигде не было специально оговорено, что издание законов никем, кроме сейма, не допускалось. Была проведена в конституционной хартии и мысль об ответственности правительства перед сеймом. Согласно ст. 106 и 107, «общий отчет о положении края, составленный Государственным советом», должен был обсуждаться в обеих палатах сейма, но результаты его в виде особого «заключения» каждой из палат опять-таки представлялись царю.

Выше уже говорилось об относительном демократизме избирательной системы, установленной конституцией 1815 г., о буржуазном характере суда. Конституционная хартия гарантировала, кроме того, полякам буржуазные свободы: печати (ст. 16), равенства всех сословий перед законом (ст. 17), неприкосновенности личности (ст. 18—23) и т. д.

Как показали дальнейшие события, введение конституции в Царстве Польском имело для Александра I немалое значение. Это было не только конституционное устройство новой и особой части империи. Он рассматривал его как первый шаг на пути к конституции русской.

В начале ноября 1815 г. в Варшаве состоялся примечательный разговор императора с М. Огинским — одним из видных деятелей польской шляхты, представлявшим интересы польских помещиков западных русских губерний. Незадолго до этого, еще во время Венского конгресса, Огинский добивался, чтобы Александр принял депутацию дворян Западного края, очевидно рассчитывая во время аудиенции представить императору просьбу о присоединении части территорий к Царству Польскому. Александр согласился принять депутатов только трех губерний — Виленской, Гродненской и Минской.

В Варшаве накануне приема депутатов при представлении Огинского императору и состоялся разговор, описанный им в воспоминаниях. По словам Огинского, Александр сказал ему следующее: «Вся Франция вооружилась, и, несмотря на то, в продолжение одной недели гидра была низвергнута. Я вторично вступил в Париж, потеряв не более пятидесяти человек. <...> Такие чрезвычайные события встречаются веками. <...> Другие были предусмотрены и случились, потому что я так хотел и дал в том слово. <...> Пусть жители этой страны ожидают исполнения моих обещаний с терпением и доверием. <...> Я сделал все, что было возможно <...> Остальное будет исполнено, но не вдруг. Имейте ко мне доверие. Я заслужил его всем, что мною для вас сделано». Огинский отвечал, что не сомневается в расположении Александра I к полякам, но пожаловался, что в Вильне запрещено говорить о Царстве Польском и о намерении Александра I даровать

ему конституцию. «Редактор „Литовской газеты“,— говорил Огинский царю,— получил выговор за статью о Варшаве. Никто не смеет упоминать Польшу и поляков, и учреждения нового царства так же мало известны у нас, как если бы мы находились в нескольких тысячах верст от Варшавы».

Затем Огинский спросил, примет ли Александр депутацию литовского дворянства. Александр отвечал: «Почему же нет? Только не касайтесь тонкой струны, которая поставила бы меня в неприятное положение. <...> Я не могу допустить, чтобы вы пришли просить меня о присоединении ваших областей к Польше. <...> Не должно подавать повода к мысли, что вы о том просите; пусть лучше думают, что я сам этого желаю. <...> Я знаю, что вы недовольны своим положением. <...> Но никто не должен предполагать, чтобы я когда-нибудь вздумал отделить эти области от России. <...> Напротив, я хочу скрепить связь, соединяющую их с моею империею, улучшением участи моих польских подданных. <...> Вы недовольны и имеете к тому повод, пока наравне со своими соотечественниками не будете пользоваться благами конституции; вместе с нею присоединение вас к России установит доверие и совершенное согласие между обеими нациями. Мое убеждение в пользе этого дела еще более утвердится, когда войска и гражданские чиновники Царства Польского останутся в будущем такими же, какими нахожу их в настоящее время. <...> Когда это правительство сделается образцовым и все увидят на опыте, что учреждение его не имеет никаких неудобств для империи, тогда легко мне будет довершить остальное. <...> Еще раз скажу вам — верьте мне и не ставьте меня в неприятное положение»¹⁹.

В этой речи Александра I много недомолвок, умолчаний, намеков. Но основной ее смысл достаточно очевиден. Александр недвусмысленно дал понять Огинскому, что намерен установить конституционные порядки не только в Польше, но и в России, решив тем самым проблему западных губерний не присоединением их к Царству Польскому, а уравниванием прав их жителей с правами, полученными поляками по конституции. «Вы недовольны,— говорил он Огинскому,— и имеете к тому повод, пока наравне со своими соотечественниками не будете пользоваться благами конституции; вместе с нею присоединение вас к России установит доверие и совершенное согласие между обеими нациями».

Воспоминания Огинского дают основание для принципиально важного вывода, что мысль о распространении впоследствии конституционных норм, вводимых в Царстве Польском, на всю Российскую империю была у Александра еще в 1815 г. Польская конституционная хартия 1815 г. была, следовательно, в его предположениях лишь прелюдией, первым актом более обширной программы. Этот факт недооценен в историографии, которая фактически прошла мимо программного заявления императора. В его свете становится гораздо более понятной последующая деятельность Александра I в этом вопросе, а главное, не кажется уже

столь неожиданным его гласное заявление в речи при открытии первого польского сейма 1818 года о намерении распространить действие «законно-свободных учреждений» на все подвластное население.

Вместе с тем конституция Царства Польского была для Александра I своеобразным экспериментом. Польша стала как бы объектом проверки реальности задуманного императором симбиоза конституции с самодержавной властью. В этом причина столь деятельного участия Александра I в создании самой польской конституции, в придании ей тех черт, которые могли обеспечить самодержавной власти контроль над представительными учреждениями. Самодержавие и стремилось к конституции, и боялось ее. Польский эксперимент, столь важный для России, следовало поставить под строгий контроль. Именно этого добивался Александр I, редактируя проекты конституции.

1816 и 1817 годы прошли в подготовительных работах к созыву первого польского сейма. Рескриптом от 5 сентября 1817 г. Александр I поручил наместнику генералу Зайончеку назначить первые сеймиковые и гминные выборы. После того как они состоялись и завершили свою деятельность избранием депутатов общепольского сейма, указом 5 февраля 1818 г. было объявлено о созыве первого общепольского сейма, открытие которого было назначено в Варшаве на 15 марта ²⁰.

С самого начала предполагалось, что сейм будет открыт речью Александра I. О ее содержании император начал размышлять еще в начале года. Ход работы над текстом речи подробно освещен в воспоминаниях гр. Каподистрии, которого Александр I привлек к ее составлению. Отрывок из мемуаров Каподистрии «*Aperçu de ma carrière politique depuis 1798 jusqu'à 1822*», посвященный этому эпизоду, был введен в научный оборот М. И. Богдановичем, который извлек его из архива Министерства иностранных дел ²¹.

Еще в Москве, вспоминал Каподистрия, Александр I, работая с ним над проблемами устройства Бессарабии, заговорил о предстоящей поездке в Варшаву. Предупредив, что Каподистрия должен будет сопровождать его на открытие сейма в Варшаве, Александр вручил ему собрание речей, произнесенных в польском сейме королем саксонским, когда тот владел Герцогством Варшавским. «Посмотрите и изучите эти речи,— сказал Александр Каподистрии.— Затем займитесь той, которую я должен держать. Вот моя мысль». Из следующих слов Каподистрии ясно, что вместе с речами Александр вручил ему наброски своих мыслей о содержании предстоящей речи. «Он разрешил мне,— вспоминал дипломат,— ее обсудить и сделать ему замечания по двум пунктам, которые, как мне казалось, представляли очень серьезные неудобства. Первый касался сравнения, которое его величество хотел провести между Польшей и Россией. Во втором речь касалась обещания присоединить к Царству Польскому губернии, уже принадлежащие к его империи».

Александр остался недоволен высказанными замечаниями и возражениями и сказал в ответ Каподистрии: «Об этом у нас еще будет время подумать. Напишите пока проект речи, как вы ее понимаете, а затем мы увидим». Через несколько дней проект речи был готов и представлен императору. Последний оставил его у себя, заметив: «Мы к этому возвратимся в Варшаве», что, как понял Каподистрия, означало неудовлетворенность царя представленной работой. 1 марта 1818 г. Александр прибыл в Варшаву, но в течение двух недель никаких разговоров о речи не было. Лишь за два дня до открытия сейма царь прочел Каподистрии черновик собственноручно написанной речи, сказав при этом: «Даю вам полную возможность расположить фразы согласно грамматике, расставить точки и запятые, но не допущу никаких изменений».

Каподистрия выполнил поручение, отредактировав сообщенный ему текст, но, будучи совершенно несогласным с существом речи, оставшимся неизменным, вновь представил Александру свой вариант. Прочтя обе бумаги, Александр, по словам Каподистрии, после минутного молчания сказал: «Вы все-таки остаётесь при своем. Это более чем настоячиво. Сожалею о труде, который вы приняли на себя, но я предпочитаю мою редакцию вашей». Каподистрия и тут осмелился вновь защищать свою точку зрения. Однако все его попытки остались безуспешными, «Все это хорошо,— сказал Александр,— но я не изменю своего решения. Однако я посмотрю до завтра, не сделаю ли из этих двух проектов третий. Я прикажу вас позвать». В тот же день император передал Каподистрии то, что он назвал своим «ультиматумом». Заимствовав из проекта Каподистрии лишь отдельные выражения, Александр сохранил сущность речи в неприкосновенности.

Мы не располагаем свидетельствами о консультациях Александра I с другими государственными деятелями. Однако можно не сомневаться, что среди тех, с кем советовался царь, готовясь к открытию сейма, был Н. Н. Новосильцов. Это не могло быть иначе, если учесть ту особенную роль, которую Новосильцов должен был играть в осуществлении задуманного царем польского эксперимента, а затем сыграл в создании проекта русской конституции. Вряд ли мог остаться в стороне от столь важного дела и наследник престола — вел. кн. Константин Павлович, хотя в последующей «конституционной» деятельности Новосильцова он никакого участия не принимал. Если Новосильцов, судя по дальнейшим событиям, вероятнее всего, поддерживал царя в его намерениях, то все, что известно о Константине Павловиче, позволяет с уверенностью предполагать его отрицательное отношение к замыслам Александра²².

Однако император, столь часто робкий и нерешительный, когда дело касалось принципиально важных решений, в этом вопросе сумел настоять на своем и 15 марта 1818 г. произнес речь, которая изумила современников.

Речь Александра была произнесена по-французски. После того как он закончил, был прочитан перевод речи на польский язык. О значении, которое придавалось этому выступлению императора, о стремлении сделать его предметом самой широкой гласности свидетельствует тот факт, что речь была немедленно, в страшной спешке, переведена на русский язык и опубликована в русских газетах. Александр произносил много речей, но никогда еще они не попадали на газетные полосы.

Что же услышала в тот день Россия из уст державного повелителя?

«Образование, существовавшее в вашем краю, — говорил Александр, обращаясь к членам сейма, а в сущности, ко всей России, — дозволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Русское дворянство с изумлением слышало от царя, что правила «законно-свободных учреждений» были предметом его «непрестанных помышлений», что он считает их ни более ни менее как «спасительными» и, больше того, надеется распространить их «спасительное действие» на все подвластные ему народы. Оказывалось, что Александр I «с давних пор приуготовлял» России конституцию. Конечно, для ближайшего окружения императора эти мысли были отнюдь не новы, но, произнесенные гласно не только на всю Россию, но и на весь мир, они приобретали совершенно иное звучание. «Вы призваны, — говорил далее император, обращаясь к полякам, — дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры. Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления (*les institutions libérales*), коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием, утверждают истинное благосостояние народов. Вам предложит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину»²³.

Александр представал в этой речи искренним сторонником конституционного устройства. В противовес революционному способу его осуществления, который им решительно осуждался, он предлагал опыт введения конституции «сверху». Прямо говорилось о том, что предлагаемые нововведения — опыт и от успеха или неуспеха его зависят будущие преобразования. Таким обра-

зом, по конституционной проблеме император высказался вполне определенно, не оставив никаких сомнений насчет своих планов.

Правда, о последующем распространении конституционных порядков на всю Россию Александр говорил крайне осторожно и в самой общей форме. Но тем не менее слова о возможности и желательности конституции для России были произнесены.

Относительно же возможности присоединения к Польше западных губерний в речи как будто вовсе не упоминалось. Во всяком случае, современники ни в одном ее выражении не усмотрели даже намека на такой шаг. Лишь впоследствии иные историки, располагая уже воспоминаниями Каподистрии, пытались истолковать в этом направлении некоторые слова Александра I. Внимание польского историка Ш. Аскенази привлекло следующее место варшавской речи: «Последствия ваших трудов в сем первом собрании покажут мне, что отечество должно вперед ожидать от вашей привязанности к нему и привязанности вашей ко мне, покажут мне, могу ли я, не изменяя своим намерениям, распространить то, что уже мною для вас сделано».

Резюмируя высказывания Александра I, и прежде всего только что приведенные слова, Ш. Аскенази писал: «Эти торжественные слова произвели огромное впечатление на присутствующих <...> они заключали в себе обещание двух необыкновенно важных вещей: конституции для России и присоединения Литвы к Царству Польскому». Очевидно, что последнее утверждение — произвольная и явная натяжка²⁴. Нет никаких оснований усматривать в любых словах варшавской речи Александра I какие бы то ни было обещания в будущем расширить территорию Царства Польского за счет прочно вошедших в состав Российской империи ее западных окраин.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Как мы уже видели, Александр избрал иной путь решения этой проблемы: наделить всех подданных Российской империи теми же правами, что получили жители Царства Польского. Об этом он недвусмысленно говорил М. Огинскому.

Молниеносно разнесшаяся по России речь Александра I произвела глубокое, хотя и неоднозначное впечатление. Близкие ко двору сановники были удивлены и даже шокированы. Почти сразу же возникла мысль о том, насколько реалистичны были обещания императора. А. И. Михайловский-Данилевский, сопровождавший императора на польский сейм, записал в своем дневнике: «Русских, находившихся в Варшаве, всего более занимала речь, произнесенная императором при открытии народного собрания, в которой сказано было, что государь намерен был и в России ввести политическую свободу. Без сомнения, весьма любопытно было слышать подобные слова из уст самодержца, но надобно будет видеть, думал я, приведутся ли предположения сии в действие. Петр Великий не говорил, что русские дикие и что он намерен их просветить, но он их образовал без дальнейших о сем предвзрений»²⁵.

Вместе с недоверием к серьезности намерений императора во многих откликах звучал мотив оскорбленного русского достоинства. Так, А. П. Ермолов писал 30 апреля 1818 г. А. А. Закревскому: «Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец и все останется при одних обещаниях всеобъемлющей перемены». Рассуждая о возможных последствиях установления в России конституционного строя, что, по его мнению, неизбежно повело бы к освобождению крестьян и падению прежнего положения дворянства, Ермолов проницательно замечал: «Напрасно думают, что дворянство в России много потеряет от перемен: оно сыщет способ извлечь пользу из своего положения по мере той надобности, которую имеет простой народ, не в состоянии будучи найти в себе самом все способы заменить его по непросвещению своему, а потеряют одни правители, лишаясь дворянства яко подпоры, ибо оное, соединя близко свои выгоды с народом, найдет пользу быть с его стороны, и в руках правителя останется одна власть истребления, то есть силою оружия заставлять покорствовать народ своей воле, когда законы запрещают раболепствовать пред нею!» Тонкое понимание механизма краха самодержавной власти, невозможности соединить неограниченное самодержавие с народным представительством заключено в этих мыслях. Свои рассуждения Ермолов заключал словами, в которых выражалась надежда на то, что планы Александра I не будут осуществлены: «<...> Я очень верю,— писал он,— что при моей жизни не последует никакой перемены, то есть государь при жизни своей оной не пожелает» ²⁶.

От речи Александра ожидали самых губительных последствий. «Речь государя, на сейме говоренная,— писал А. А. Закревский П. Д. Киселеву из Варшавы 31 марта 1818 г.,— прекрасная, но последствия <для> России могут быть ужаснейшие, что ты из смысла оной легко усмотришь». «Я не ожидал,— добавляет Закревский,— чтобы он так скоро свои мысли по сему предмету объявил» ²⁷. Киселев, отвечая ему 11 апреля из Тирасполя, отмечал, что речь Александра возбудила во 2-й армии надежды на возможные перемены («и здешние возмечтали много о будущем своем блаженстве»), но предвидел, что «толки будут разные». «Удивление же твое насчет откровенности,— заканчивал Киселев,— я весьма разделяю, но к удивлению нам, кажется, уже не привыкать» ²⁸. Характерно, что стоявших достаточно близко к Александру I генералов удивляла вовсе не его приверженность к конституции, а то, что он осмелился ее так решительно и, с их точки зрения, поспешно высказать.

В среде помещиков-крепостников заявления Александра I были однозначно истолкованы как близящееся освобождение крестьян. Они точно уловили взаимозависимость и взаимообусловленность процессов социального и политического освобождения. И хотя Александр I, конечно, не говорил в Варшаве ни слова о перспективах крестьянской реформы, но слух именно об этом сейчас же пронесся по России. В составленном в мае 1819 г.

«обозрении духа народного» прямо указывалось, что в народе говорили, будто в августе 1818 г. должен был последовать указ об освобождении крепостных крестьян²⁹.

Утверждения, что, заявив о намерении распространить законно-свободные учреждения Царства Польского на Россию, Александр I имел в виду и немедленное освобождение помещичьих крестьян, распространялись, понятно, и по Москве. Все это вызвало там, по словам М. М. Сперанского, «припадки страха и уныния». «Припадки сии, увеличенные расстоянием, проникли и сюда,— писал он 2 мая 1818 г. из Пензы А. А. Столыпину.— И хотя теперь все еще здесь спокойно, но за спокойствие сие долго ручаться невозможно. Опасность не в существе дела, ибо нельзя себе представить (хотя и представляют многие), чтоб правительство пустило на отвагу дело столь важное и не приуготовило бы все пути его установлениями постепенными и твердыми, без колебания и торопливости. Но опасность состоит именно в сем страхе, который теперь везде разливается. Можно ли предполагать, чтоб чувство, столь заботливое и беспокойное, сохранилось в тайне в одном кругу помещиков? Как же скоро оно примечено будет в селениях (событие весьма близкое), тогда родится или, лучше сказать, утвердится (ибо оно уже существует) общее в черном народе мнение, что правительство не только хочет даровать свободу, но что оно уже ее и даровало и что одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение. Что за сим следует, вообразить ужасно, но всякому понятно. <...> Но каким образом, спросите вы или, лучше сказать, спросят близорукие наши либералисты, каким образом из двух или трех слов варшавской речи могут произойти столь огромные и с самым смыслом сих слов несообразные последствия? <...> Если помещики, класс людей, без сомнения, просвещеннейший, ничего более в сей речи не видят, как свободу крестьян, то как можно требовать, чтоб народ простой мог что-либо другое тут видеть? Во всех государствах мало, а у нас еще менее, людей, кои знают различие между свободою политическою и гражданскою. По всей вероятности (интересно, что даже Сперанский счел необходимым в этом случае сделать оговорку.— С. М.), смысл речи относится прямо к первой; вторая же *может быть* или, по крайней мере, *должна быть* отдаленным и постепенным ее последствием»³⁰.

Об аналогичном понимании речи Александра I петербургским обществом свидетельствовал и Ф. В. Растопчин, писавший гр. С. Р. Воронцову: «Из Петербурга пишут конфиденциально, что речь императора в Варшаве, предпочтение, оказанное им полякам, и дерзость тех вскружили головы; молодые люди просят его о конституции. Все это кончится смещением дюжины главных болтунов; ибо умеют кричать, но не восставать и возмущаются только языком. Под конституцией разумеют освобождение крестьян, которое противоречит желаниям дворянства, но не захотят ограничить свою власть и подчинить себя господству правосудия и разума»³¹.

Как и большинству современников, Растопчину казалось невозможным, чтобы Александр I решился добровольно ограничить свою власть. Опираясь на высказывания Сперанского и Растопчина, С. С. Ланда совершенно справедливо указывал, что «в общественном сознании того времени монархическая власть в отличие от дворянства не воспринималась как сила, экономически заинтересованная в сохранении крепостного права». Современникам представлялось, что Александр I «для упрочения своей политической власти» был готов пойти «на самые радикальные преобразования в социальной области»³².

Противоположное впечатление конституционные декларации императора произвели на прогрессивную часть общества. «Варшавские речи,— писал Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву 29 апреля 1818 г.,— сильно отозвались в молодых сердцах: спят и видят конституцию; судят, рядят; начинают и писать — в «Сыне Отечества», в речи Уварова; иное уже вышло, другое готовится. И смешно, и жалко! Но будет, чему быть»³³. Декабрист С. Г. Волконский, вспоминая о впечатлении, произведенном на него вестью о варшавской речи Александра I, писал: «<...> Слова его о намерении его распространить и в России вводимый им конституционный порядок управления сильное произвели впечатление в моем сердце, как по любви моей к отечеству, так и по желанию моему, чтоб отечество выдвинулось из грязной колеи внутреннего своего быта»³⁴. Даже в среде декабристов речь императора породила надежды на возможность коренных реформ, исходящих от самой самодержавной власти. Известно, как декабристы впоследствии изживали либеральные иллюзии, одним из мощных толчков к появлению которых послужила как раз варшавская речь царя. Процесс этот подробно освещен в исследовании С. С. Ланды³⁵.

Близящееся освобождение крестьян и неминуемые крестьянские бунты, слишком поспешное оглашение намерений верховной власти, с одной стороны, неверие в реальность воплощения их в действительность — с другой, страх и надежды — все это явственно звучит в откликах современников на варшавскую речь Александра I. Никто из них, однако, не сомневался, что само решение сделать такие заявления — результат серьезных размышлений. Яснее всего это выразил П. А. Вяземский, находившийся в то время в Варшаве. Вообще скептически относившийся тогда к правительству, но вместе с тем жадно откликавшийся на каждую возможность содействовать любому шагу верховной власти к преобразованиям, он писал 3 июня 1818 г. А. И. Тургеневу: «Пустословия тут искать нельзя: он говорил от души или с умыслом дурачил свет»³⁶. На всякий случай я был тут, арзамасский уполномоченный слушатель и толмач его у вас. Можно будет и припомнить ему, если он забудет»³⁷. В последних словах слышится даже явная угроза. Характерно, что Вяземскому, еще не вполне определившему свое место в общественной борьбе тех лет, колебавшемуся между революционным и либеральным лаге-

рями, возможность при известных условиях «напомнить» правительству о невыполненных обещаниях не казалась чем-то несбыточным. Во всяком случае, давление на власть, разговор с позиции силы представлялись ему тогда вполне возможными.

Благодаря тому что П. А. Вяземский поступил на государственную службу и стал в рассматриваемое время чиновником канцелярии Новосильцова в Варшаве, оказалось возможным в общих чертах восстановить ход событий, последовавших за выступлением Александра I при открытии первого польского сейма. Воспоминания Вяземского, его обширная переписка с оставшимися в Петербурге друзьями рисуют следующую картину.

Уже упоминалось, что речь, произнесенная Александром 15 марта, переводилась на русский язык в необычайной спешке. Поскольку Вяземский служил в I отделении канцелярии Новосильцова, функцией которого был перевод государственных документов³⁸, он принимал в этом непосредственное участие. Вот как он вспоминал об этом много лет спустя: «<...> Карамзин в письме к Дмитриеву говорит, что должно выдрать бы мне уши за перевод мой речи, произнесенной императором Александром на варшавском сейме; разумеется, обвинение падает на неправильность языка. Здесь есть некоторый повод к оправданию. Не вся речь переведена мною. Новосильцов около полночи прислал в канцелярию французский подлинник для немедленного перевода его на русский язык. Многие слова политического значения, выражения чисто конституционные были нововведениями в русском изложении. Надобно было над некоторыми призадумываться. Для скорости мы разобрали речь по клочкам и разделили их между собою, чиновниками канцелярии. Каждый переводил, как умел. Но я остался как-то официальным и ответственным переводчиком речи. Государь был переводом доволен. <...> Кстати скажу, что и после был я в канцелярии Новосильцова главным действующим лицом по редакционной русской части»³⁹.

За первым переводом последовал перевод речи Александра I при закрытии сейма. 17 апреля 1818 г. Вяземский писал об этом А. И. Тургеневу: «Мы отдули вторую речь государя; перевод лучше первого, ибо моего в нем более <...>»⁴⁰. Закрытие сейма состоялось 15 апреля, а через день речь царя уже «отдули». Ясно, что перевод ее осуществлялся не менее поспешно, чем первый.

Закрывая сейм, Александр чрезвычайно высоко оценил его деятельность. Он прямо заявил о своей приверженности к гласному и свободному обсуждению нужд государства. «Из предложенных вам проектов законов,— говорил он,— только один не одобрен большинством голосов обеих палат. Внутреннее убеждение и прямотушие руководили сим решением. Мне оно приятно, потому что вижу в нем независимость ваших мнений. Свободно избранные должны и рассуждать свободно. Чрез ваше посредство надеюсь слышать искреннее и полное выражение общественного мнения, и только собрание, подобное вашему, может служить

правительству залогом, что издаваемые законы согласны с существенными потребностями народа» ⁴¹.

Первые конституционные опыты оказались, таким образом, вполне успешными и произвели благоприятное впечатление на Александра I. Его не смутило, что сейм в первый же созыв воспользовался своим правом вето и отклонил законопроект о браке, внесенный Министерством юстиции. Он вполне согласился с таким ограничением своих прав, видя, что сейм «всячески старался, кроме законодательного усердия, выказать возможно более благожелательное отношение к правительственным законопроектам» ⁴². Заключительные слова царя: «Я дорожу выполнением моих намерений. Они вам известны» — прозвучали как новое подтверждение обещаний, данных за три недели до этого. Конституционное политическое устройство части Российской империи стало фактом.

Сохранение и развитие национальных особенностей в управлении территорий, присоединяемых к России, составляло важную черту политики Александра I. Напомним, что после присоединения в 1809 г. Финляндии там были сохранены сейм и конституционное устройство. В апреле 1818 г., посетив после Варшавы Бессарабию, Александр I обнародовал новый «Устав образования Бессарабской области», устанавливавший особый образ автономного самоуправления. Высшая законодательная и распорядительная власть передавалась Верховному совету, который состоял из пяти членов по назначению и шести депутатов, избранных от дворянства. Решения, принятые Верховным советом, были окончательными (не подлежали утверждению царем и на них нельзя было подать апелляцию) и приводились в исполнение немедленно. Аналогичным образом, частично по выборам, а частично по назначению, формировались все основные учреждения, земская полиция и суды. Таким образом, в Бессарабии, хотя и не в таком масштабе, как в Царстве Польском, получили развитие конституционные начала ⁴³.

В литературе прочно утвердилось представление, что работа над проектом конституционного переустройства России началась в канцелярии Новосильцова сразу же после отъезда Александра I из Варшавы в апреле 1818 г. ⁴⁴ Единственным источником, давшим основание для формирования такой точки зрения, явилось письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу из Варшавы от 22 апреля 1818 г., свидетельствующее как будто о том, что к этому времени проект (или хотя бы первая его редакция) был уже готов. Вяземский писал: «<...> Так как до сего времени не имел еще канцелярской работы по отъезде государя, то над конституциею сидел у себя дома. Я ее отвалял. Пришли мне, если можно, печатанные проекты Сперанского; он был большой ковач слов, а я теперь словами промышляю» ⁴⁵.

Всем, кто использовал это письмо, начиная с В. И. Саитова, впервые его опубликовавшего и прокомментировавшего ⁴⁶, и кончая авторами последних работ, затрагивающих этот вопрос, каза-

лось само собой разумеющимся, что здесь речь идет именно о русской конституции. Правда, еще А. В. Предтеченский заметил «странное впечатление», которое производит «развязный» тон письма и сквозящее в тексте явно пренебрежительное отношение его автора к своей работе. Удивило его и то, что Вяземский позволил себе столь свободно говорить о секретнейшем предмете в письме, отправленном открыто, по почте. Однако, не вдумываясь далее в странности этого письма, Предтеченский легко отвел собственные сомнения, предположив, что раз Вяземский мог так писать о конституции, значит, император «не считал нужным делать из этого государственную тайну». Сам же Вяземский будто бы «не придавал своей работе никакого значения»⁴⁷. Эти утверждения спустя несколько лет горячо поддержал Ю. М. Лотман, для которого скептическое, негативное отношение Вяземского к правительственным конституционным замыслам стало важным звеном в создании концепции эволюции его политических взглядов⁴⁸.

Все это, однако, находится в явном противоречии с фактами. Надо прежде всего решительно отвести мысль о том, что подготовка проекта русской конституции не составляла тайны. Уже сама общественная реакция не могла не заставить императора действовать далее с крайней осторожностью. Так оно и было: работа над проектом действительно велась в строжайшей тайне. Достаточно сказать, что через год, посылая 15 (27) октября 1819 г. своему министру гр. Бернstorфу краткое изложение основ конституционной хартии для России, одобренное Александром I 4 (16) октября, во время следующего пребывания его в Варшаве, прусский консул в Варшаве Шмидт писал: дело «ведется в такой тайне, что сам великий князь Константин не был извещен об этом»⁴⁹.

Понятно, почему даже теперь сведения о деятельности Новосильцова в этой области приходится собирать по крупицам, перебирая множество документов и извлекая из них лишь отдельные намеки и косвенные свидетельства. Показательно, что во всей обширной переписке Вяземского за интересующее нас время нигде больше прямо не говорится о работе над конституцией, хотя он принимал в ней самое непосредственное участие. В письмах его много рассуждений о необходимости конституционной монархии в России, о пользе, которую принесет стране такое устройство, но нет и намека на практическую подготовку проекта.

Серьезные сомнения вызывает и тезис о скептическом отношении Вяземского к реальности намерений самодержца в этом вопросе. Однако, прежде чем остановиться на этом подробнее, рассмотрим сперва, верно ли толкуется упомянутое выше письмо Вяземского от 22 июля 1818 г. и какой материал для объяснения его содержания дают воспоминания Вяземского и остальная, дошедшая до нас переписка.

Обязанности, возложенные на Вяземского Новосильцовым во время первого варшавского сейма, состояли в переводе на рус-

ский язык речей Александра I. В марте очень быстро была переведена речь при открытии сейма, в апреле так же спешно Вяземский перевел речь царя при закрытии сейма. В обоих переводах он столкнулся с немалыми трудностями: в русском языке не было аналогов конституционной терминологии, столь развитой во французском политическом обиходе. Не случайно качество перевода первой речи Александра I вызвало уже упомянутый нами неблагоприятный отзыв Карамзина в письме И. И. Дмитриеву⁵⁰. Правда, в письме Вяземскому от 8 апреля 1818 г. Карамзин был более сдержан в своей оценке перевода («он хорош, со временем будет у вас более легкости в слоге») и сделал лишь несколько замечаний терминологического характера⁵¹. Из текста его письма ясно, что эти замечания не имели в виду исправления в уже готовом переводе, а делались вообще и впрок.

Вяземский тут же воспользовался возможностью обсудить сложные вопросы лексики с таким знатоком русского языка, как Карамзин. В двух последующих письмах, от 20 и 30 мая, Карамзин явно в ответ на просьбу Вяземского (к сожалению, сами его письма Карамзину не сохранились) возвращается к терминологическим вопросам. Особенный интерес для нас представляет именно последнее письмо. «Смело переводите,— писал Карамзин,— *régence, régent правление и правитель, а gouvernement правительство, administratif управительный, но attribution лучше принадлежность, пежели присвоение, которое значит другое. Foncière не поземельная, а недвижимая. Не сказал бы я ни узакониться, ни укорениться; лучше вступить в подданство, сделаться гражданином и проч. Туземец — хорошо*»⁵². Понятно, что все это ответы на вопросы, заданные Вяземским в процессе какой-то переводческой работы.

Переписка Вяземского с А. И. Тургеневым, опубликованная в «Остафьевском архиве», показывает, что письмо из Варшавы в Петербург и обратно шло не менее 10 дней. Следовательно, Карамзин отвечал на письмо Вяземского, отправленное не позднее 20 мая. Характер же вопросов свидетельствует о том, что к этому времени Вяземский уже известное время работал над неким переводом и накопил немало сомнений, за разрешением которых он и обратился к Карамзину. Сам же контекст письма Карамзина показывает, что переводился конституционный документ. К переводу какого же документа мог приступить Вяземский в начале мая, примерно через две недели после закрытия сейма и отъезда царя из Варшавы?

На этот вопрос он сам ответил достаточно определенно в своей «Исповеди», написанной в 1829 г., т. е. чуть более чем через 10 лет после излагаемых нами событий, когда подробности были еще достаточно свежи в его памяти. Вот как излагает он ход дела: «На меня был возложен перевод речи, произнесенной государем. <...> Вслед за этим поручен мне был перевод на русский язык польской хартии и дополнительных к ней уставов образовательных. Спустя несколько времени поручено было Новосиль-

цову государем императором составить проект конституции для России»⁵³. Если 17 апреля Вяземский закончил перевод заключительной речи Александра I, то несомненно, что в мае он мог заниматься только переводом польской конституции и дополнительных актов к ней. Так не о завершении ли перевода польской, а вовсе еще не русской конституции писал Вяземский А. И. Тургеневу в цитированном выше письме от 22 июля 1818 г.? Напрашивается предположение, что, начав в мае работу над переводом достаточно обширного по объему комплекса документов, Вяземский именно ее мог завершить через два месяца, о чем и уведомил в июле своего друга.

Существенным звеном в цепи дальнейших доказательств этого принципиально важного вывода является анализ переписки Вяземского за лето 1818 г., а также его записной книжки этой поры.

3 июня 1818 г. Вяземский писал Н. И. Тургеневу: «Пока правительство не разрешит „То be or not to be“ — до этого времени не должно касаться иных предметов». О конституционных перспективах он судит в этот момент с крайней осторожностью. Речь Александра «кажется» ему только преддверием, обещанием настоящего дела: «Впрочем, речь государя, у нас читанная, кажется, должна быть закускою перед приготовляемым пирогом». Свои впечатления от речи императора Вяземский описывает следующим образом: «Я стоял в двух шагах от него, когда он проносил ее, и слезы были у меня на глазах от радости и от досады: зачем говорить полякам о русских надеждах! Дети ли мы, с которыми о деле и говорить нельзя? <...> Пустословия тут искать нельзя: он говорил от души». И хотя затем прибавлено: «Или с умыслом дурачил свет» — и высказано намерение «припомнить ему, если он забудет», но общий тон письма и утверждение, что после этой речи все в России заговорило «языком законносвободным», не оставляют сомнений в том, как велики были еще владевшие Вяземским в тот момент надежды⁵⁴. Следовательно, в начале июня 1818 г. Вяземскому еще ничего не было известно о каких-либо конкретных действиях Александра I и тем более о том, поручено ли уже Новосильцову разработать проект русской конституции. Более того, не знал он об этом и в августе. На это прямо указывает история его работы над известным стихотворением «Петербург».

Первый вариант «Петербурга» Вяземский написал во время поездки в Краков в августе 1818 г. и занес его в свою записную книжку (запись 7(19) августа). Обращаясь в конце стихотворения к Александру, Вяземский призывал монарха:

*Счастливый вождь тобой счастливых россиян,
В душах их раздалась души великой клятва.
Уж зреет пред тобой бессмертной славы жатва,
Петр создал подданных: ты образуй граждан.
Пусть просвещенная и мудрая свобода,*

*Обетованный брег великого народа,
Нас примет на свои священные поля.
С благоговеньем ждет, о царь, твоя земля
Плода высоких дум: могущества и счастья.
Реши: пусть будет скиптр свинцовый самовластья
В золотой закона жезл тобою претворен*⁵⁵.

Вернувшись в Варшаву, Вяземский 24 августа писал А. И. Тургеневу: «(<...> Я на горах свободы такую взгромоздил штуку, что только держись, так Сибирью на меня и несет. Теперь — ни слова, но надеюсь скоро кончить и тогда пришлою свой законносвободный и законоположительный восторг»⁵⁶. Выражение «Сибирью несет» — явное преувеличение, понятное, впрочем, в обстановке, когда дальнейшие намерения Александра были неизвестны, а Вяземский не исключал возможности, что «он с умыслом дурачит свет». Характерно в этом смысле и обращение к Александру с призывом «Реши...», отсутствующее в окончательном варианте стихотворения⁵⁷. В августе 1818 г., когда ничто еще не было определено, призыв к царю решиться дать конституцию России был вполне объясним. В 1819 г., когда уже были начаты практические действия в этом направлении, на чем мы подробно остановимся чуть позже, и в Варшаве создавался проект русской конституции, над которым работал и сам Вяземский, это звучало уже анахронизмом и было заменено автором изложением своих политических взглядов. Вместо прежних двух строк

*Реши: пусть будет скиптр свинцовый самовластья
В золотой закона жезл тобою претворен*

в стихотворении появилась целая программа либеральных преобразований:

*«Народных бед творец — слепое самовластье»,—
Из праха падших царств сей голос восстает.
Страстей преступных мрак проникнувши глубоко,
Закона зоркий взгляд над царствами блюдет,
Как Провидения недремлющее око.
Предвижу: правды суд — страх сильных, слабых щит —
Небесный приговор земле благовестит.
С чела оратая сотрется пот неволи,
Природы старший сын, ближайший братьев друг
Свободно проведет в полях наследный плуг,
И светлых нив простор, приют свободы мирной,
Не будет для него темницею обширной.
Как искра под золой, скрывая блеск и жар,
Мысль смелая, богов неугасимый дар,
Молчанья разорвет постыдные оковы.
Умы воспламенит ко благу пламень новый,
К престолу истина пробьет отважный ход.
И просвещение взаимной пользы цепью
Тесней соединит владыку и народ*⁵⁸.

Не случайно и то, что именно в это время у Вяземского возникла мысль о публикации этого стихотворения, год назад казавшегося столь опасным («Сибирью несет») ⁵⁹.

Все изложенное заставляет полностью отвергнуть мысль, что в письме Вяземского от 22 июля 1818 г. речь идет о переводе на русский язык проекта русской конституции. К этому времени он «отвалял», как сам выражался, только перевод польских конституционных документов. Убедившись в этом, мы поймем и свободу, с которой Вяземский писал об этом в открыто отправленном письме, и некоторое пренебрежение к своей работе. Даже стилистически выражение «отвалял» совершенно аналогично слову «отдули», употребленному Вяземским по отношению к переводу второй речи Александра I в Варшаве, не имевшей принципиального значения.

Таким образом, слова «спустя несколько времени» в «Исповеди» Вяземского, несомненно, указывают на достаточно продолжительный срок, прошедший от закрытия сейма до того момента, когда в канцелярии Новосильцова практически приступили к разработке конституционного проекта для России.

Если даже допустить, что уже в начале июня 1818 г. Новосильцов по поручению царя начал готовить проект конституции для России, то это долго оставалось неизвестным Вяземскому.

Именно этим, а вовсе не скептическим отношением Вяземского к существу конституционных проектов Александра I или к перспективам их осуществления объясняются тоска и уныние, охватившие его осенью 1818 г. Вера в преобразовательные потенции верховной власти при всем негативном отношении к самодержавию не покидала его тогда. Именно поэтому, желая принести практическую пользу отечеству, он вступил в начале 1818 г. в государственную службу, именно поэтому с такими ожиданиями встретил он варшавскую речь императора, именно поэтому с такой надеждой обращался к нему в «Петербурге».

Однако время шло, а настоящего дела, участвовать в котором так надеялся Вяземский, ему не поручали. Его настроение падало. Осенью 1818 г. речь Александра I представлялась ему уже сплошным обманом. «„Язык мой — враг мой“, — писал он А. И. Тургеневу 9 ноября, завуалированно высказывая свое отношение к императору и его действиям, поместив эти строки на всякий случай между двумя совершенно невинными сюжетами. — У него ничего того ни на уме, ни на сердце нет ⁶⁰, а все это так говорится, для виду, для блеизу. А дураки-то и разинули рот! Впрочем, государствование — выученная роль. Чтб мне за дело до души актера! Была бы игра у него хороша, а законы партера были бы так положительные, чтобы он на сцене не мог никогда забиться: вот и все! А я все актеру, какой бы он добрый человек ни казался, пальца в рот не положу. Поверь, в этом ремесле, от престола до лубочного поля, всегда есть примесь дьявольского: одного чистого человеческого не станет на беспре-

рывные проказы. О всяком государе можно, то есть всякий государь или актер может сказать с Магометом:

Исчезнет власть моя, коль узнан человек.

Потемкин»⁶¹.

26 ноября 1818 г. А. И. Тургенев, видимо получив перед этим письмо Вяземского (оно не сохранилось), с тревогой осведомлялся о причинах его уныния и о смысле «таинственных» слов о Новосильцове. В своем ответе Вяземский писал: «Что тебе хочется, чтобы я разгадал тайну? Неужели не разгадал ты ее? Разумеется, меня не колотят, не жмут, не плюют мне в рожу. Я этого не стерпел бы.

Он спит иль в сладкой неге дремлет!

А я чем же тут выхожу? Ночником, а я почником быть не хочу. Мне нужно действие или, по крайней мере, деятельность, а здесь — *un long sommeil, image de la mort. Je suis comme un de ces flambeaux qui brûlent près des morts sans réchauffer leurs cendres* *. Покойный Николай чудотворец, которого мы сегодня празднуем был добрый человек, но что же мне губить молодость свою при мощах его? Я скорее, если так, предпочту нечестивца. Ну, теперь, понял ли?»⁶²

Еще ранее, в конце октября, Вяземский писал о Новосильцове: «Он ничего не читает; это не сплетни, потому что он сам торжественно в том сознается», а о себе прибавлял: «Я еще не совсем умираю; ем, сплю и пью хорошо; немного глупею, потому что с волками надобно быть; но стараюсь, чтобы и волки и овцы были довольны; волки — здесь, овцы — в Арзамасе, то есть вы. Время, в которое я работаю на волков, то есть вою, тяжело <...>»⁶³. Однако в самом конце года в положении Вяземского наметились некоторые перемены. Связаны они были с поездкой Новосильцова для встречи с Александром I в Минск, куда он взял с собой и Вяземского.

Видимо, в это время Вяземский уже рассчитывал получить важное поручение. «<...> Ездили ли вы с Николаем Николаевичем на встречу к государю? — спрашивал Вяземского в письме от 11 декабря 1818 г. Карамзин. — Не сделалось ли какой перемены в вашем положении?»⁶⁴ Вместе с поездкой меняется и тон писем Вяземского. Они становятся деловиты, уныние исчезает. «Мы с Николаем Николаевичем доехали до Минска, — общал он А. И. Тургеневу 20 декабря 1818 г. — Он теперь работает с государем; от 9 часов до 11 назначено собеседование. <...> Поездка моя мне служит во благо: я вижу, что ошибался насчет Николая Николаевича. Он решительно ко мне хорошо расположен». Тем не менее Вяземский с горечью заканчивает: «Я могу с ним быть ближе, но никогда не будем смежны»⁶⁵.

Заехав после Минска на короткое время в Москву, он пишет

* Долгий сон, образ смерти. Я подобен одному из тех факелов, что пылают близ мертвых, не согревая их прах (Фр.).

оттуда Тургеневу: «Весною, кажется, однако же, откроется для меня любопытный круг действий или, по крайней мере, наблюдений: па словах тайну эту растолкую. Ты, может быть, что-нибудь услышишь о Литве: тут и будет мак»⁶⁶. Побывав в Петербурге, Вяземский в феврале 1819 г. возвратился в Варшаву. Здесь-то и началась его работа, прямо связанная с подготовкой проекта русской конституции.

Из писем Тургеневу видно, что Вяземского тяготило ограничение его деятельности исключительно переводом уже готовых документов. «Меня же употребляет он (т. е. Новосильцов.— С. М.) всегда побочно: я все на одних переводах выезжаю. <...> Впрочем, на теперешний перевод имею я большие упования; но если я и тут не разгрызу ореха, то в тот же миг

Ослицей прыг с рябины

и, предавши сначала тебя, потом всех и каждого проклятию, плюну на все — и ко дворам», — писал Вяземский А. И. Тургеневу 1 марта 1819 г.⁶⁷ Относительно предмета перевода, на который Вяземский возлагал «большие упования» и который должен был дать ему возможность не только переводческой, но и самостоятельной серьезной работы, сомнений нет — это был проект русской конституции. 2(14) мая 1819 г. прусский консул в Варшаве Шмидт писал министру иностранных дел гр. Бернсторффу: «Русская конституция здесь уже давно закончена одним французом, состоящим при Новосильцове»⁶⁸.

В нашем распоряжении нет никаких данных, позволяющих точно установить время, когда в канцелярии Новосильцова начали работать над проектом. Очевидно только, что готовить его стали не сразу после варшавской речи Александра I. Это обстоятельство показывает, что решение практически приступить к реализации данных тогда обещаний далось императору нелегко и было плодом серьезных размышлений. Выше было показано, что в среде высшей бюрократии и аристократии никто не выразил одобрения его заявлениям, ни в ком не нашел он явной поддержки своим замыслам. Тем важнее, что решение было все-таки им принято и деятельность Новосильцова началась. Трудно сказать, на что рассчитывал Александр, предпринимая дело, которое явно должно было встретить серьезное сопротивление. Однако в это время он, видимо, не терял надежды на осуществление назревших, как ему казалось, перемен.

О том, каким образом была организована в Варшаве подготовка проекта, Вяземский рассказал в своей «Исповеди»: «Под его (Новосильцова.— С. М.) руководством занялся этим делом бывший при нем французский юрист Deschamps; переложение французской редакции на русскую было возложено на меня. Когда дело подходило к концу, Новосильцов объявил мне, что пошлет меня с окончательною работою к государю императору в Петербург и представит меня как одного из участников в редакции, дабы государь мог в случае нужды потребовать от меня объяснений на проект и вместе с тем передать мне высочайшие

замечания для сообщения ему, Новосильцову. Намерение послать меня с таким важным поручением огласилось в нашей канцелярии, в ней имел я недоброжелателей, открылись происки: старались охладить Новосильцова к возложенному на него делу, ко мне, к отправлению моему в Петербург. Дело, которое сначала кипело, стало остывать. Немало смеялись над Прадтом, сказавшим, что Наполеон однажды вскричал: «Un homme de moins, et tout m'était soumis» *. «Cet homme — c'est moi!» ** — прибавляет Прадт. Пускай посмеются и надо мною, но едва ли не вправе я сказать: не будь я в канцелярии Новосильцова, и Россия имела бы конституцию!» ⁶⁹

В «Автобиографическом введении» Вяземский добавляет к своему рассказу важные детали: «В канцелярии был у нас юрист и публицист француз Deschamps. Ему Новосильцов передавал соображения и мысли свои: француз, набивший руку во Франции в изготовлении и редакции подобных проектов, писал их, так сказать, прямо набело. Переливка этих работ в русские формы паложена была на меня» ⁷⁰.

Как видим, в воспоминаниях Вяземского нет подробностей, но общая картина достаточно ясна. Идеи проекта, несомненно, принадлежали Новосильцову, их конкретное развитие и воплощение — П. И. Пешар-Дешану, «переливка в русские формы» — П. А. Вяземскому.

Как известно, с именем Новосильцова были связаны еще самые первые конституционные проекты александровского царствования.

Новосильцов, при всех его недостатках (о них можно частично судить по приведенным выше отзывам П. А. Вяземского), был, несомненно, государственным деятелем большого масштаба, обладал острым умом и сильной волей. Получив разнообразное и глубокое образование (правда, домашнее), он имел обширные сведения по истории, праву, дипломатии, политической экономии. По словам А. Чарторыского, в начале александровского царствования «никто не превосходил его познаниями по части государственного управления, какие только можно было почерпнуть из современной французской и английской литературы» ⁷¹. В конце XVIII в. Новосильцов побывал в Англии, где на практике познакомился с английской парламентской системой. Будучи по матери родственником Строгановых, Новосильцов во время Французской революции ездил в Париж выручать своего двоюродного брата, знаменитого «гражданина Очера» — П. А. Строганова. Именно последний и познакомил затем Новосильцова с А. Чарторыским и ввел его в круг «молодых друзей» будущего императора Александра.

С момента воцарения Александра и начала деятельности Негласного комитета Новосильцов — один из самых влиятельных

* Если бы не один человек, все бы мне покорилось (*фр.*).

** Этот человек — я! (*фр.*).

его членов, участник всех начинаний «молодых друзей». В 1803—1808 гг. он занимал пост товарища министра юстиции, да и в дальнейшем находился на важных государственных постах. По поручению Александра I он принимал деятельное участие в составлении польской конституции, а затем был назначен в Варшаву «императорским комиссаром», призванным наблюдать за процессом введения в действие конституционной хартии 1815 г. и осуществления ее на практике.

Петр Иванович Пешар-Дешан, который, по словам Вяземского, «набил себе руку во Франции на приготовлении и редакции» конституционных проектов, находился при Новосильцове примерно с 1799 г. Прусский консул в Варшаве Шмидт в уже упомянутом донесении от 15(27) октября 1819 г. писал, что Дешан «состоял личным секретарем Новосильцова уже лет 20»⁷². В 1807—1808 гг. Пешар-Дешан был младшим помощником референдаря в первой экспедиции Комиссии составления законов⁷³. Получив известие о смерти Дешана, А. И. Тургенев вспоминал в письме Вяземскому, что он был его «товарищем в Комиссии законов»⁷⁴.

Начавшаяся работа над конституцией для России оживила реформаторские настроения Вяземского. 17 марта 1819 г. он писал А. И. Тургеневу: «Правительство наше, как ребенок, шалит и говорит: „Никто не увидит“. Пора, пора приставить к нему в дядьки представительство народное; пусть дядька будет и глуповат, но все дитя будет немного посмирнее». Рассуждения Вяземского переносятся затем из теории в область практического применения конституционных учреждений: «Беда только, как дядька не забудет, что он из рабов, и станет на все говорить: „Ваша господская воля“. Вот этого одного боюсь, а глупости меня не пугают»⁷⁵.

Очевидно, что практическая работа над конституционным проектом все более и более обращала мысли к проблемам, само возникновение которых невозможно без конституции. Однако постепенно работа над проектом затормаживалась. 30 мая Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Вот мое положение: оно убийственно. О петербургской моей поездке речь запала, и работа не продвигается, следственно, и вообразить нельзя, когда кончится и кончится ли она когда-нибудь». «Но если не я буду ее подаватель, то тотчас кину Варшаву», — заканчивает Вяземский, высказываясь совершенно в духе своих февральских настроений⁷⁶.

Вскоре Вяземским вновь овладела меланхолия, вызванная неспешным ведением дела и почти полным отстранением от нее его самого. «Старик выжил из ума, — с явным отчаянием писал он А. И. Тургеневу 6 июня 1819 г., — я теперь не требую от него ни доверенности, ни уважения; дело сделано, я его раскусил; он — мощи <...>. Я ожидал от него выгод. Они открылись мне самым блестящим образом в петербургской поездке, теперь приходится мне и от выгод отказаться. Я уже не предвижу возможности совершить эту поездку по близкому сюда приезду государя.

И, господи, прости мое прегрешение, а я иначе не толкую эту медленность в работе, столь важной и уже государю обещанной, как уловкою меня лишить выгод, уже мне представленных. Старик на меня дуется <...>⁷⁷. Разумеется, уверенность Вяземского, что работа над проектом тормозилась только вследствие личного предубеждения Новосильцова против него, выглядит несколько наивно. Причины, несомненно, были более глубокими, но нас интересует здесь прежде всего фактическое состояние дела.

В июле 1819 г. положение, однако, меняется. Вяземского вновь привлекли к работе, и тон его письма А. И. Тургеневу этого времени уже иной. Объяснив в начале письма от 11 июля, что отсутствие русского паспорта и «в скором времени зачатие продолжения прерванной работы» помешали его поездке в Карлсбад, Вяземский продолжал: «Конечно, если работа пойдет впрок, то есть вознаграждение за неудачу надежд моих <...>»⁷⁸. Вяземского то отстраняют от работы над конституционным проектом, то вновь призывают к делу. Ясно, что он был не слишком хорошо осведомлен о его ходе. Его не только не отправили с проектом в Петербург, как это было обещано, но он даже, видимо, не знал, что во время пребывания в Варшаве в октябре 1819 г. Александр I усиленно занимался этим вопросом. Оценивая пребывание императора в Варшаве, Вяземский писал А. И. Тургеневу в октябре 1819 г., что оно оказалось «довольно бесплодно»⁷⁹. На самом деле все обстояло далеко не так. Приезд Александра стал важной вехой в работе над русской конституцией. В октябре 1819 г. в Варшаве были утверждены основы будущей русской конституции.

«16(4) октября ночью, в момент отъезда, император еще раз просмотрел проект конституции,— писал прусский консул Шмидт в своем донесении, отправленном в Берлин 15(27) октября 1819 г.— После размышления и обсуждения с г. Новосильцовым его величество наконец окончательно принял ту ее основу, которую я имею счастье при сем почтительнейше представить вашему превосходительству и чью подлинность я могу засвидетельствовать, так как сам видел замечания, собственноручно внесенные монархом. На этой основе теперь здесь должно быть разработано великое дело и представлено его величеству самое позднее через два месяца». По словам Шмидта, Александр I с «величайшим нетерпением» ожидал конца работы⁸⁰. Из донесения Шмидта видно, что Александр по крайней мере дважды изучал подготовленный проект конституции («еще раз просмотрел проект конституции»). Однако и последним вариантом он остался не вполне удовлетворен, так как внес в него свои исправления. После этого Новосильцову было приказано в двухмесячный срок составить окончательный текст, разработанный во всех деталях.

Шмидту удалось добыть копию утвержденного царем в качестве «основы» документа и отправить ее в Берлин. Документ этот, приложенный к донесению Шмидта, озаглавлен «Précis de

la charte constitutionnelle pour l'Empire Russe», т. е. «Краткое изложение основ конституционной хартии Российской империи». Совершенно очевидно, что это не тот текст проекта, что составлялся Дешаном и переводился Вяземским. По всей вероятности, замечания, сделанные императором при знакомстве с этим первоначальным вариантом проекта, требовали достаточно серьезной доработки. Времени на нее не было, и к его приезду в Варшаву был подготовлен новый краткий документ, содержащий уточненное изложение общих и принципиально важных положений. Он-то и был назван «Кратким изложением основ». Поэтому совершенно прав Г. В. Вернадский, заметивший, что в это время «первоначальная редакция Уставной грамоты, вероятно, подверглась переработке»⁸¹. К сожалению, нет никаких источников, позволяющих судить, в какой степени был переработан первоначальный проект и вообще каково было прежде его содержание. Не знаем мы и того, что именно исправил Александр ночью накануне отъезда в представленных ему «Основах». Таким образом, хотя нет сомнений в существовании первоначального проекта конституции, текста, по-видимому, пространного, для нас точкой отсчета является «Краткое изложение основ».

Что же утвердил Александр I как основу будущей русской конституции, какие положения должны были получить развитие и воплотиться в окончательный текст конституционной хартии?

По объему «Краткое изложение основ» вполне оправдывает свое заглавие — оно занимает всего две с половиной страницы печатного текста. Документ разделен заголовками на семь глав, написан на французском языке и, видимо, никогда не был переведен на русский.

Первое, что бросается в глаза при его чтении, это строгое определение границ власти императора. По смыслу второй части «Краткого изложения основ», озаглавленной «Правительство» («Gouvernement»), императору предоставлялась исполнительная власть. Он объявлялся верховным главой церкви и государства, а функции его определялись так: «Он один располагает всеми военными силами, объявляет войну, заключает договоры, назначает на все должности в империи и т. д.» В главе «Законодательство», что очень важно, нет ни слова о прерогативах императора. Правда, содержащаяся в документе формула: «Верховная власть неделима и принадлежит персоне монарха» — оставляла широкое поле для непредсказуемого расширения прав императора и в будущей конституции, и особенно в применении ее на практике. На это указывают и отдельные формулировки, содержащиеся в других главах «Краткого изложения основ». Так, за императором сохранялось право на помилование («дозволена просьба о помиловании к государю»), и он, таким образом, становился над всей судебной системой (против чего, напомним, решительно выступал Сперанский, в своем проекте 1809 г. предлагавший уничтожить право приносить императору жалобы на решения судов). Кроме того, указывалось, что «созыв, отсрочка,

ропуск сеймов и обновление депутатов будут сходны с тем, что предписано по этим предметам в польской конституции». А в ней, как мы знаем, все перечисленные акции были правом императора. Так же как и в польской конституции, за царем сохранялось право единолично определить первый бюджет, хотя в дальнейшем его утверждение вручалось сейму. При выборе депутатов в общероссийский и местные парламенты император получал важное право окончательного выбора депутатов из избранных кандидатов.

Законодательная власть передавалась общероссийскому сейму («общий сейм будет обсуждать законы...»). При этом, однако, ничего не говорилось о том, кому будет принадлежать право законодательной инициативы. Вообще эта часть «Краткого изложения основ» наименее развита. Раздел «Законодательство» сведен в нем к иерархии законодательных актов. «Законодательная власть,— говорится в нем,— включает в себя:

- 1) Законы, то есть законные постановления, основанные на незыблемых принципах.

- 2) Положения, уставы и регламенты о порядке и управлении государством.

- 3) Указы, декреты, распоряжения и предписания по частным делам и случайным вопросам».

Эти формулировки прямо указывают на знакомство составителя «Краткого изложения основ» с конституционными проектами М. М. Сперанского.

Одной из важнейших черт рассматриваемого документа является четко выраженный в нем буржуазный принцип равенства всех граждан перед законом («закон охраняет равно всех граждан без исключения»).

Коренное переустройство государственной жизни страны выражалось прежде всего в образовании представительного учреждения — общероссийского парламента (по терминологии документа — сейма). Он должен был состоять из двух палат: верхней — Сената, члены которого (сенаторы) назначались царем, и нижней — палаты депутатов, члены которой были выборными.

Принципиальным отличием данного конституционного плана от всех существовавших в первой четверти XIX в. проектов русской конституции является принцип федеративного устройства государства. По «Краткому изложению основ», Россия должна была делиться на 10 наместничеств. Они, в свою очередь, делились на губернии, губернии — на уезды, уезды — на округа. В каждом из наместничеств создавался свой «наместнический» сейм. Функции этих последних в документе не определены. Там упомянут лишь один вид их деятельности: «Жалобы на правительственных служащих будут заноситься в тетради, которые местные избирательные сеймы направят сеймам наместничеств для передачи общему сейму и, наконец, императору». Однако ясно, что им отводилась роль местных парламентов, призванных

обсуждать все проблемы, связанные с потребностями данного наместничества.

Местные сеймы также предполагалось сделать двухпалатными. Верхней палатой «наместнического» сейма должен был стать один из департаментов реорганизованного Сената, нижняя формировалась бы из числа выбранных депутатов. «Для формирования сейма наместничества,— сказано в «Кратком изложении основ»,— каждый уезд избирает трех депутатов от дворянства и трех членов от горожан (*bourgeoisie*)». Однако из шести избранных депутатами становятся лишь четверо: «Имп(ератор) назначает без различия четырех из этих шести кандидатов для заседания в сейме наместничества». Если учесть при этом, что «буржуазия» может «избирать своих депутатов из среды дворянства», ясно, какие преимущества получало господствующее сословие империи при выборах в сейм. Еще более сильным было влияние императора на формирование нижней палаты общероссийского парламента. «Чтобы составить общий сейм империи,— говорится в „Кратком изложении основ“,— сейм каждого наместничества изберет четверть своих членов, а император назначит половину этих избранных подданных, из которых и составит палата депутатов общего сейма».

Право быть избранным в сеймы получали все дворяне, внесенные в дворянские книги, а также все землевладельцы не дворяне, купцы первых двух гильдий, «артисты трех свободных искусств» и хозяева мастерских. Об имущественном цензе не упоминалось, не был также затронут вопрос о том, кому предоставлялись избирательные права. Однако ни помещичьи, удельные, ни государственные крестьяне к выборам не допускались, как это предусматривала польская конституция. О возрасте депутатов сказано только, что он «установлен равным образом» — по-видимому, с возрастом сенаторов, который был определен в 25 лет.

В отношении судопроизводства в «Кратком изложении основ» был зафиксирован важнейший буржуазный принцип независимости суда: объявлялось о несменяемости судей. В каждом наместничестве учреждался апелляционный суд; кроме того, в одной из двух столиц предполагалось создать «верховный суд для всей империи».

Коренным образом изменялись структура и функции Сената. Он делился на департаменты по числу наместничеств, и каждый из них становился верхней палатой «наместнического» сейма, располагаясь соответственно в главном городе наместничества. «Департамент Сената, который будет находиться в столице, где будет созываться общий сейм империи,— говорилось далее,— составит его верхнюю палату». Кроме того, часть сенаторов по назначению императора должны были стать «председателями высших судебных мест».

Специальная часть «Краткого изложения основ» была посвящена новой организации управления страной. Высшим админи-

**Граф
В. П. Кочубей.**
Начало XIX в.



Н. Н. Новосильцов.
Начало XIX в.



Князь
А. А. Чарторьский.
Начало XIX в.



Александр I.
1802 г.



Граф
П. А. Строганов.
Начало XIX в.



В. Н. Карзин.
Начало XIX в.



Н. М. Карамзин.
1820-е годы



**Граф
Д. А. Гурьев.**
1810—
1820-е годы



А. Д. Балашев.
1810—
1820-е годы



**Граф
М. С. Воронцов.**
1810—
1820-е годы



Князь
А. С. Меншиков.
1826 г. (?)



Князь
П. А. Вяземский.
Около 1820 г.

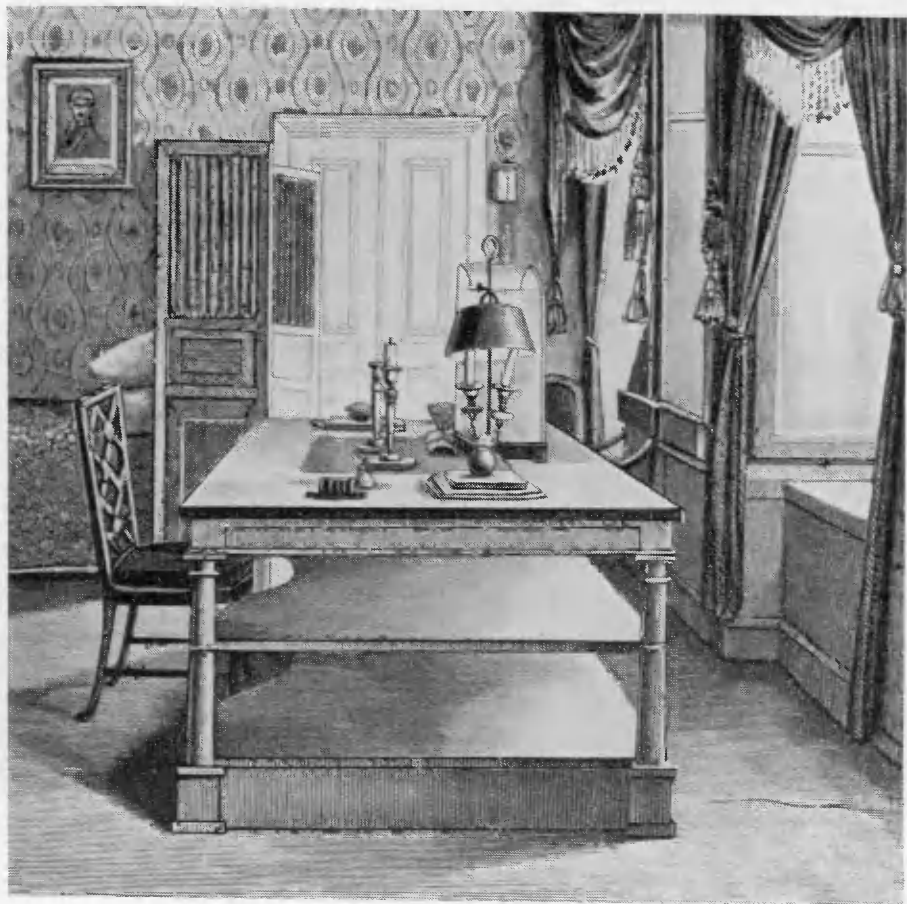


Н. И. Тургенев.
До 1821 г.



Кабинет М. М. Сперанского

Кабинет А. А. Аракчеева в Грузии





Зимний дворец в 1824 г.

Государственная Уставная
Грамота
Российской Имперіи.



Уставная грамота Российской империи.
Титульный лист. ЦГАДА

переселенцевъ въ другіе
Государство и въводитъ
свое имѣніе, или въ
свѣдѣніе закроитъ пред.
писаніе, на такомъ
лучше права.

Гос. Грам. II, 1

Статья 91.

Да будетъ Российскій
народъ стѣнитъ на
всегда имѣть Народ-
ное Государственное
существо. Оно должно со-
стоять въ Государ-
ственномъ Величій (Гос.
дарственномъ Думѣ)
составленномъ изъ
Государя и дворянъ
милости. Первоего
именемъ Россійской
милости, образуетъ Ве-
ликія, и второего
именемъ Государской
милости, Великія
и Государственной, окружныхъ
Городскихъ Обществъ.

Гос. Грам. II, 1

Уставная грамота Российской империи.
Статья 91. ЦГАДА

10906

répond à Nos vœux paternels, qui ont
pour objet d'assurer la prospérité et le
bonheur de toutes les classes de Nos
Sujets, ainsi que leur indépendance
sociale, l'immuabilité de leurs propriétés
et de leurs propriétés, et de maintenir
la plénitude de leurs droits civils et
politiques, Nous leur avons donné
et donnons le présent Règlement
Organique, que Nous considérons pour
Nous et Nos Successeurs comme la
fondamentale et constitutionnelle de
Notre Empire, Nous enjoignons de la
compléter conformément à toutes les
Autorités publiques de concourir à
sa exécution.

Donné en Notre Palais à Paris

Le 20 Octobre 1814

Le Czar a signé de Notre propre main

ФОНД 3 Царский

В НАСТОЯЩЕЙ ЕД. ХР. I

Пронумеровано листов 110 / сего ^{содина} ~~двенадцати~~

Литерные I, II

Чертежи:

7,
14

Уставная грамота Российской империи. Последний лист оригинала на фр. яз.
ЦГАДА

стративным органом признавался Государственный совет, который состоял из «всех министров, имеющих ведомства, и других членов по выбору императора». Задачей Государственного совета должно было стать обсуждение «всех предметов, до управления империи относящихся». Подобные правительственные кабинеты предусматривалось создать и в наместничествах: «В каждом наместничестве общее собрание во главе с наместником состоит из всех глав администрации, соответствующих каждому министерству, и из других персон, назначаемых императором». Связь общих собраний наместничеств с центральным правительством поручалось осуществлять так называемым «государственным секретарям», каждый из которых «следит по своему министерству за ходом различных дел, относящихся к его отрасли».

В заключение говорилось об «органических регламентах», которые по примеру того, как было сделано после принятия польской конституции 1815 г., должны будут определить «развитие и проведение в жизнь основных статей хартии». В целом рассмотренный документ представлял собой типичный образец буржуазного законодательства. В нем нашли отражение самые существенные черты буржуазного государственного устройства: разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, независимость одной от другой, равенство всех граждан перед законом, наконец, народное представительство и др. Однако краткость документа и неразработанность многих важнейших положений не позволяют полностью оценить «Краткое изложение основ». Наличие монарха как одной из важнейших составных частей государственного устройства, предоставленная ему возможность оказывать непосредственное влияние на управление буржуазного правопорядка указывают на сохранение в этом документе сильных феодальных пережитков.

Как же развивались события дальше? Отметим прежде всего, что с этого времени с подготовки проекта русской конституции спадает покров тайны. В ноябре 1819 г. о работе Новосильцова над этим проектом стало известно в Европе. 9(21) ноября 1819 г. в парижской газете Бенжамена Констана «*Le Constitutionnel*» на основании «письма из Варшавы, пришедшего необычным путем», была напечатана заметка о близящемся введении конституции в России, где кратко излагалось ее содержание. Заметка, однако, кончалась словами, выразившими известное недоверие конституционным замыслам русского правительства. «Все это не будет ли просто игрой демагогической партии?»⁸²

Тем не менее появившееся в печати известие взволновало европейские правительства. Депешей от 16(28) ноября прусское министерство иностранных дел поручило посланнику в Петербурге Шеллеру выяснить все обстоятельства дела и сообщить возможно больше подробностей⁸³. В декабре депеша такого же содержания была отправлена Меттернихом австрийскому посланнику в России Лебцельтерну⁸⁴. Ответы того и другого были аналогичны. Русская конституция, писали они в своих донесе-

ниях, отправленных соответственно 22 декабря 1819 г. (3 января 1820 г.) и 5(17) февраля 1820 г., не имеет шансов на осуществление⁸⁵. В 20-х числах января 1820 г. Шеллеру удалось достать список «Краткого изложения основ» и отослать его в Берлин. Он оказался тождествен списку Шмидта⁸⁶. Это доказывает, что по крайней мере один экземпляр этого документа был увезен Александром I в Петербург и стал там достаточно широко известен.

Возвратившись в Петербург, царь сделал первый шаг по пути практического осуществления одобренных им принципов конституционной реформы. 4 ноября 1819 г. А. Д. Балашев был назначен генерал-губернатором пяти губерний: Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской⁸⁷. Создание генерал-губернаторства А. Д. Балашева стоит в прямой связи с конституционными планами Александра I. Связь эта, к сожалению, не была замечена историками⁸⁸, хотя была очевидна осведомленным современникам.

В 1829 г. И. И. Дибич, в 1823 г. сменивший П. М. Волконского на одном из важнейших в правительстве посту начальника Главного штаба и ставший ближайшим помощником Александра I, рассказывал А. И. Михайловскому-Данилевскому: «Император Александр хотел посредством учреждения генерал-губернаторств ввести конституционное управление, начав с того, чтобы из каждого генерал-губернаторства находилось в Совете по несколько депутатов или представителей, но мера сия или предположение это не удалось». Отказ Александра I от конституции Дибич объяснял тем, что «выбор первоначальный генерал-губернаторов был неудачен, что в Варшаве представители народные позволили себе слишком много вольности, что в это время возникли революции в Греции, в Италии, в Неаполе и в Пьемонте». «До Ахенского конгресса государь, который был исполнен республиканских правил <...> был предан конституционным правилам,— продолжал Дибич, проницательно улавливая рубеж поворота Александра I к реакции,— но со времени сего конгресса он начал от оных понемногу удаляться»⁸⁹.

Австрийский посланник Лебцельтерн, который по поручению своего правительства с неослабным вниманием следил за ходом подготовки конституционных реформ, в феврале 1820 г. писал о том, что «Уставная грамота» есть «лишь двадцатая модификация плана разделить Россию на 8 больших наместничеств, для чего уже в 1816 г. были назначены генералы»⁹⁰. Действительно, в 1816 г. по инициативе императора Н. Н. Новосильцов (и это уже само по себе показательно) составил проект учреждения наместничеств⁹¹. В нем говорилось, что они создаются для «бдительнейшего надзора за исполнением в губерниях законов и предписаний местных властей».

Проект Новосильцова предоставлял наместнику огромную власть: в его руках сосредоточивались одновременно функции надзора и управления. Наместник призван был наблюдать, что-

бы помещичьи крестьяне не подвергались «чрезмерным отягощениям», должен был заботиться о развитии торговли, промышленности и особенно земледелия. Он получал право принимать жалобы на действия губернских властей, а в экстренных случаях был даже обязан вмешиваться в их действия. Он мог приостановить приведение в исполнение приговоров местных судов, получал право ревизии всех местных учреждений. Власть наместника была столь велика, что он мог единоличным решением отрешать чиновников от должности (за исключением, правда, высшего губернского начальства и военных). При наместнике учреждался совещательный орган — совет из шести членов. Согласно проекту, наместник должен был во всех своих действиях считаться с его мнением. Проект этот не был реализован и остался только на бумаге. Но нельзя не отметить, что мысль о создании сильной власти на местах была явно направлена к переустройству государственного управления на федеративных началах.

В 1818 г. «слух о разделении на 12 наместничеств» всей страны обсуждался в письме А. П. Ермолова А. А. Закревскому⁹². К этому же году, по обоснованному предположению Г. В. Вернадского, относится расписание губерний по 12 генерал-губернаторским округам, сохранившееся в бумагах Комитета 6 декабря 1826 г.⁹³ В соответствии с этим расписанием VII округ с главным городом Тулой как раз и составляли те губернии, которые в ноябре 1819 г. были включены в генерал-губернаторство Балашева.

В именном указе от 19 января 1820 г., которым официально сообщалось о создании столь необычной административной единицы, цель назначения Балашева сформулирована крайне туманно: «<...>— Отправиться к своему назначению и по прибытии туда, начав осмотром <...> губерний на правилах, предписанных в инструкции сенаторам, назначаемым для обревизования губерний, 17 марта 1819 года изданной, действовать далее на основании Учреждения об управлении губерний и других узаконений о должности генерал-губернатора». В конце указа говорилось, что Балашев в скором времени получит «инструкцию, приготовляемую для генерал-губернаторов»⁹⁴. Но такой инструкции Балашев так никогда и не получил.

Знал ли Балашев действительный смысл своего назначения, понимал ли, какую роль оно должно было сыграть и вообще какие изменения в государственное устройство России намеревался внести Александр I? В сохранившихся бумагах А. Д. Балашева встречаются записи, сделанные в 1820-х годах, где он передавал свои беседы с императором о своем новом назначении. Видимо, неопределенность выпавшего на его долю положения заставляла Балашева вновь и вновь возвращаться мыслями к этим беседам в стремлении понять истинный смысл задуманных преобразований. В 1826 г., уже после смерти императора, он сводил дело не более чем к очередной административной реформе. А. Д. Балашев писал, что Александру I «угодно было огромную империю

свою в высшем уже государственном кругу действия разделить двояким образом между государственными чиновниками: одним поручить направление ветвей государственного управления или министерства; другим — местные главные управления или округа; себе же предоставить всеобщий надзор и личным наблюдением и рассмотрением их отчетов и поверкою одних другими давать всей огромной машине сей то направление, которое произвести должно»⁹⁵.

Ни в этой записи, ни в других нет даже отдаленного намека на то, что Александр делился с Балашевым своими конституционными планами. В своих неизданных автобиографических записках он так вспоминал о беседе, состоявшейся у него с императором 1 ноября 1819 г.: «Государь мне изволил сказать: ты помнишь, мы с тобой неоднократно говорили, как бы улучшить внутреннее управление государства, и всегда останавливались на той мысли, чтобы усилить местное управление. Я теперь решился приводить сие в исполнение и надеюсь, что ты не откажешь помочь мне в этом. Затруднение мое только состоит <в том>, как бы сие сделать удобнее. Сперва представлялась мне мысль обратиться к распорядку императрицы Екатерины и учредить повсюду наместников или генерал-губернаторов, соединяя по две губернии. Но вместе с тем я почувствовал и невозможность, она счастливее была меня. Я признаюсь, что не имею 26 человек в виду таких генералов, которые, по мнению моему, могли быть способны на сии должности и вместе с тем не были бы необходимы по другим должностям. После сей мысли я обратился к другой, чтобы собрать губерний по 5 под начальством генерал-губернатора такого, на которого бы мог я положиться, и сделать его в равной степени с министрами <...>»⁹⁶.

Однако если Александр и не был полностью откровенен с Балашевым, то все же позволял себе намеки на будущие реформы, началом которых являлось учреждение генерал-губернаторств. В запомнившихся Балашеву некоторых высказываниях царя ясно видны владевшие Александром I в то время мысли. Из неоконченного наброска «Записки генерал-губернатора Балашева относительно разных предметов», адресованной А. А. Аракчееву и написанной в январе 1820 г., ясно, что в ноябре 1819 г. у Балашева было несколько важных и продолжительных бесед с императором. В одной из них Александр говорил Балашеву о предстоящей реформе центрального управления и о том значении, которое он придает в этой связи введению генерал-губернаторств. Предстоящие реформы Александр прямо называл продолжением тех преобразований, которые были начаты в 1810—1811 гг. и прерваны войной. Теперь, после «утверждения прочного мира в Европе», говорил император, настало время вернуться к реформам и «учреждаются области из нескольких губерний, под начальством генерал-губернатора соединенные».

Далее Александр заявил Балашеву, что «новые генерал-губернаторы будут иметь существенную разницу с бывшими при

Екатерине». «<...> Генерал-губернатор,— сказал царь,— есть всегдашний наблюдатель всякого распорядка и исполнения во введенных ему губерниях или ежеминутный инспектор всех частей управления <...> Что как подлежать будут генерал-губернатору дела, касающиеся всех министерств, то и будут определены при нем чиновники от каждого для обработывания оных <...>»⁹⁷. Последняя фраза напоминает об идее наместнических советов, отразившейся в «Кратком изложении основ», о государственных секретарях, призванных осуществлять связь наместника с соответствующим министерством. Характерно также стремление Александра I поставить наместника по значению вровень с министром, т. е. сделать его одним из первых в рядах высшей бюрократии.

После отъезда царя из Варшавы осенью 1819 г. там должна была развернуться деятельная работа над проектом русской конституции. Отсутствие источников не позволяет восстановить ее в полной мере. Однако известно, что вести эту работу пришлось уже иным людям, так как главный сотрудник Новосильцова на предыдущем этапе П. И. Пешар-Дешан внезапно скончался. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 17 октября 1819 г.: «Смерть за смерть! Вчера мы похоронили старика Deschamps, который четвертого дня умер скорпостижно на улице, ехавши домой с обеда, где пел и балагурил по-обыкновенному. Впрочем, он давно уже страдал от удушья. Покойник был добрый человек». «Я его в особенности любил, и мы насчет многого согласны были; я имел случай увидеть на опыте, что он желал мне добра»,— многозначительно добавлял Вяземский.

В это время он, очевидно, находился в стороне от подготовки конституции: в том же письме он с горечью сообщал А. И. Тургеневу, что «вовсе потерял веру» в Новосильцова⁹⁸. Тем не менее участие Вяземского в работе над конституционным проектом прервалось не окончательно. Об этом свидетельствуют и письма к нему Н. М. Карамзина, и его собственные воспоминания. 3 ноября 1819 г. Карамзин писал: «Мы несколько раз говорили об вас с государем, которого отзывы были очень лестны для вас, любезнейший князь. Видите, что и *первое пришествие* было не бесплодно. Ждите второе с новою надеждою <...>. В ожидании сего времени или вечности, если угодно, будем заниматься кое-чем: вы — *новою всемирною конституцією* (курсив мой.— С. М.) и стихами, я — старою российскою историей и прозою»⁹⁹. Пять месяцев спустя, в письме от 17 мая 1820 г., Карамзин сетует: «Бог знает, как давно не получали ни строки из Варшавы!» — и осведомляется: «Готовитесь ли к сейму и что сочиняете: речи ли, конституции ли?»¹⁰⁰ Легкая ирония, которой проникнуты эти письма историографа, очевидна: он всегда подтрунивал над горячностью и конституционными стремлениями своего молодого родственника (напомним, Вяземскому в это время всего 28 лет). Однако оно доказывает наличие самого факта — занятий Вяземского конституцией.

В начале 1820 г. в Варшаве побывал С. И. Тургенев, младший брат А. И. и Н. И. Тургеневых. Его дневник той поры содержит важные сведения о секретных конституционных вопросах, разрабатывавшихся в канцелярии Новосильцова. 11 января С. И. Тургенев занес в дневник свои первые впечатления: «Здесь я познакомился с князем Вяземским и г. Новосильцовым. Они приняли меня дружески и радушно. Проект Н^{овосильцова} о Польше кажется лучшим, какой возможен в настоящих обстоятельствах. Дело идет об установлении во всех польских провинциях и в собственно России наместничеств и представительного правления, как здесь. В результате Царство Польское станет провинцией, каковой сейчас не является. У нас будет великая империя с провинциальными собраниями представителей»¹⁰¹.

Четырьмя днями позднее Вяземский уже познакомил С. И. Тургенева с отдельными частями конституции. «Вчера мне читал к^{нязь} Вяземский некоторые места из проекта Российской конституции,— записал Тургенев 15 января.— Главные ее основания те же, что и в Польской. Представители в наместничествах избираются народом, а из них потом выбираются члены главного сейма, которые дополняются назначенными государем членами. Третью часть представителей на малых сеймах может пр^авительств^о исключить. <...> Отвергаемость министров, свобода мнений (т. е. их объявления) гарантируется. Из сего следует, что три главнейшие подпоры гражданской свободы воплощены в проекте конституции, остальное дополняется органическими законами, которых издание не надо торопить, дабы народ имел время понять новое свое положение». За это время представители народа, продолжал С. И. Тургенев, «познакомились бы с важнейшими предметами законодательства, которых им в первый раз представлено будет разрешать»¹⁰². Эта запись вводит в курс того, какими путями шла реализация указаний Александра I, высказанных осенью прошедшего года.

Сравнение краткого изложения основ готовящейся конституции, содержащегося в этой дневниковой записи, с готовым проектом (который мы подробно проанализируем ниже) показывает, что в январе 1820 г. основные контуры русской конституции совершенно определились. Роль же самого Вяземского во всей этой деятельности, вероятно, по-прежнему сводилась исключительно к переводам. Его письма А. И. Тургеневу этого периода не содержат даже намека на сколько-нибудь серьезную и важную работу. Более того, как выясняется из воспоминаний Вяземского, он даже не знал, когда готовый проект был представлен императору. Правда, судя по ним, ему все же представилась возможность летом 1820 г. в Петербурге беседовать о конституции с Александром I.

Вот что он писал об этом в своей «Исповеди»: «Не помню когда, но проект, у нас составленный, был поднесен государю. В приезд мой в Петербург в лето 1819 г. (здесь память изменя-

ет Вяземскому: он приезжал туда летом 1820 г.¹⁰³) имел я счастье быть у государя императора в кабинете его на Каменном острове. Велено мне было приехать в четыре часа после обеда за письмом к Н. Н. Новосильцову. Государь говорил со мною более получаса. Сначала расспрашивал он меня о Кракове, куда я незадолго пред тем ездил, изъяснял и оправдывал свои виды в рассуждении Польши, национальности, которую хотел сохранить в ней <...> от политического образования, данного Польше, перешел государь к преобразованию политическому, которое готовит России; сказал, что знает участие мое в редакции проекта русской конституции, что доволен нашим трудом, что привезет с собою доставленные бумаги в Варшаву и сообщит критические свои замечания Новосильцову, что надеется привести непременно это дело к желаемому окончанию, что на эту пору один недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота, замедляет приведение в действие мысль для него священную; что он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречия в людях, коих предубеждения, легкомыслие приписывают сим политическим правилам многие бедственные события современные, когда при беспристрастнейшем исследовании люди сии легко бы могли убедиться, что сии беспорядки происходят от причин совершенно посторонних»¹⁰⁴.

Важные подробности беседы с императором Вяземский припомнил много позднее, когда в 1878 г. писал в «Автобиографическом введении» к полному собранию своих сочинений: «В один из приездов моих в Петербург из Варшавы император удостоил меня особенною послеобеденною аудиенциею в Каменноостровском дворце. С полчаса, если не больше, изволил говорить он о трудах наших по канцелярии Новосильцова, о воззрениях своих на Польшу и на другие политические события и соображения.

Тут косвенно были, или, по крайней мере, так казалось мне, не буквально выраженные, но понятные намеки на противоположные мысли Карамзина; например, было сказано: „*Quelques uns pensent que les désordres dont nous sommes parfois témoins, sont inhérents aux idées libérales; tandis qu'ils ne sont que des abus de ces idées et de ces principes*“*. Государь говорил также о предположениях своих в отношении к будущему государственному устройству России. Говорил он все время по-французски <...> Перевод слов *constitution* и *libéral* словами *государственное уложение* и *законносвободный* принадлежит самому государю»¹⁰⁵.

Вяземский приехал в Петербург из Варшавы в 20-х числах мая 1820 г.¹⁰⁶ и пробыл там, съездив в середине июня на некоторое время в Москву, до середины июля¹⁰⁷. Следовательно, к маю 1820 г. проект русской конституции, подготовленный в духе «Краткого изложения основ», был не только готов, но и уже отослан в

* Некоторые думают, что беспорядки, свидетелями которых мы подчас бываем, присущи либеральным идеям, в то время как они не что иное, как злоупотребления этими идеями и принципами.

Петербург императору¹⁰⁸. Во время пребывания Александра I осенью 1820 г. в Варшаве проект, видимо, был окончательно доработан.

Конституция была составлена в двух экземплярах — один на французском языке, другой на русском. Оба они были обнаружены во время польского восстания 1830—1831 гг. среди бумаг Новосильцова, и летом 1831 г. проект конституции был издан отдельной брошюрой польским революционным правительством¹⁰⁹. Затем они попали в Государственный архив и находятся сейчас среди документов Центрального государственного архива древних актов¹¹⁰. Тексты их идентичны и представляют, по всей вероятности, окончательный текст редакции 1820 г.

Конституция озаглавлена «La charte constitutionnelle de l'Empire de Russie». Название «Конституционная хартия Российской империи» являлось бы наиболее точным переводом на русский язык. Однако в русском варианте заглавие звучит иначе: «Государственная уставная грамота Российской империи». Можно предположить, что лишь опасение Александра I слишком явно декларировать точным названием предусмотренное проектом коренное переустройство основ русской государственной жизни объясняет то обстоятельство, что по его требованию, засвидетельствованному П. А. Вяземским, это название было изменено. Характерно и то, что в самом тексте «Уставной грамоты» слово «конституция» ни разу не использовано, хотя на самом деле она не что иное, как документ, осуществление которого превратило бы Россию в конституционную монархию.

Это с очевидностью вытекает из анализа основных положений «Уставной грамоты». Прежде всего надо указать, что в ней провозглашалось создание в России принципиально нового для нее, буржуазного по своей сути, органа — двухпалатного парламента. «Да будет российский народ. — с необычайным пафосом говорится в ст. 91, — отныне навсегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в государственном сейме (государственной думе), составленном из государя и двух палат. Первую, под именем высшей палаты, образует Сенат, а вторую, под именем полевой палаты, — земские послы и депутаты окружных городских обществ»¹¹¹.

В соответствии с принципом, получившим одобрение Александра I еще в «Кратком изложении основ», кроме общероссийского парламента, учреждались так называемые «наместнические» сеймы, призванные действовать в каждом наместничестве, на которые предполагалось разделить страну. Ст. 100 «Уставной грамоты» гласит: «Государственный сейм (государственная дума) разделяется на частные сеймы (думы) наместнических областей, созываемые каждые три года, и на общую государственную думу или сейм, созываемый каждые пять лет». Ст. 13, 31, 32 и 101 «Уставной грамоты» содержат чрезвычайно осторожную формулировку задачи, возлагаемой на сеймы: в них говорится только о «содействии» общероссийского и местных сеймов императору в

осуществлении им законодательной власти (ст. 13 — «Но законодательной власти государя содействует государственный сейм»; ст. 31 — «Общие законы постановляются государем при содействии общего государственного сейма»; ст. 32 — «Особенные или местные законы постановляются государем при содействии сеймов наместнических»; ст. 101 — «Законодательная власть заключается в особе государя при содействии двух палат государственного сейма»).

Этим готовая конституция резко отличается от «Краткого изложения основ», где об участии императора в законодательстве ничего не было сказано, а только отмечалось, что законы будут обсуждаться в сейме. Подобная трактовка роли народного представительства в «Уставной грамоте» дала основание некоторым исследователям вообще отрицать, что ее осуществление привело бы к конституционному переустройству страны. «Государственный сейм, о котором будет сказано дальше, — писал А. В. Предтеченский, завершая изложение прерогатив императорской власти, предусмотренных «Уставной грамотой», — только *содействует* ему в этом деле. Грамота, таким образом, ни в коей мере не превращала Россию в конституционную монархию»¹¹².

Однако подобное утверждение — явное заблуждение, основа которого — слишком большое доверие приведенным формулировкам. На самом деле употребление авторами конституции при определении прав сейма термина «содействие» было призвано замаскировать истинный смысл политической реформы. К подобным приемам они, как мы покажем ниже, вынуждены были прибегать еще не раз. В действительности сейм должен был не столько «содействовать» императору, сколько резко ограничивать его право на единоличное издание законов. В ст. 115 недвусмысленно сказано, что общий государственный сейм по сообщении от имени государя чрез Государственный совет рассматривает *все* (курсив мой. — С. М.) проекты законов гражданских, уголовных и по части управительной, коих действие распространяется на всю империю». В отношении же местных сеймов в ст. 103 говорится, что из общих законов они рассматривают только те, которые будут предложены им императором: «Сеймы наместнических областей рассматривают проекты общих законов во всех случаях, в которых государь заблагорассудит повелеть им оные сообщить чрез Государственный совет».

Из этого следует, что ни один закон не мог бы быть издан помимо общегосударственного сейма и без его утверждения. Последнее совершенно ясно из процедуры обсуждения проектов законов, предусмотренной «Уставной грамотой». Право законодательной инициативы, как видно из ст. 115, «Уставная грамота» представляла исключительно императору. Составление текста новых законов возлагалось на преобразованный Государственный совет. «Проекты законов, составленные в Государственном совете, — говорилось в ст. 117, — вносятся на общий государственный сейм по повелению государя членами означенного совета».

Сейму, согласно ст. 130, представлялась «полная свобода насчет оных излагать свое мнение», поскольку хотя проекты и вносятся «по высочайшей воле», но они «не почитаются еще ни одобренными ею, ни утвержденными». По желанию императора обсуждение закона могло начаться в любой из палат, за исключением законов о финансах, которые первоначально должны быть обсуждены нижней палатой (ст. 129). Ст. 132 закрепляла право сейма либо отвергнуть обсуждаемый проект закона (что имеет для нашего рассуждения принципиально важное значение), либо его одобрить: «Проекты во всех сеймах принимаются или отвергаются большинством голосов».

Таким образом, совершенно очевидно, что сейм обладал правом вето и тем самым существенно ограничивал законодательную власть императора. Все вышесказанное наглядно подтверждается порядком издания законов, закрепленным в ст. 31—33 «Уставной грамоты». Оказывается, что самостоятельно, без сейма, император мог издавать только «уставы, учреждения, указы, рескрипты и постановления», а отнюдь не законы. «Под словом уставы и учреждения,— сказано в ст. 28,— должно разуметь все распоряжения, требуемые обстоятельствами, или для защиты государства и охранения целостности его границ, или для устройства разных предметов по части внутреннего управления, или, наконец, по делам, до порядка службы и до усовершенствования общего и частного благосостояния касающимся».

Статья 29 определяла указы, повеления, рескрипты и постановления как документы, содержащие частные распоряжения по различным отраслям государственного управления. Вот, оказывается, в чем могло состоять «содействие» сейма императору в отправлении возлагаемых на него обязанностей. Правда, император, согласно ст. 135, получал аналогичное право отклонить любой закон, утвержденный сеймом. «Ежели государь,— говорится в ней,— утверждает его (т. е. проект.— С. М.), то он обращается в закон и обнародывается по утвержденному порядку. Если же государь не соизволит его утвердить, то проект уничтожается».

Таким образом, гораздо основательнее суждения тех исследователей, которые, не отвергая конституционного характера «Уставной грамоты», привлекают внимание к его ограниченности. «<...> Законодательная власть хотя и переставала быть компетенцией одного монарха,— справедливо заключает свои рассуждения Н. В. Минаева,— но и не становилась принадлежностью органа представительного правления. Она делилась между императором и сеймом или между императором и местными сеймами»¹¹³. Действительно, «Уставная грамота» — образец попытки соединить самодержавие с конституционной системой. В соответствии с ней сейм оказывается лишенным важнейшего атрибута законодательной власти — права предлагать новые законы. Право законодательной инициативы признавалось только за императором. Сейм призван был лишь изменять и совершенствовать предложенные ему законы, но отнюдь не составлять самостоятельно новые,

хотя, впрочем, сейм, как и император, имел право вовсе отклонить проект закона.

Рассмотрим теперь, каким образом, согласно «Уставной грамоте», должно было на практике осуществляться народное представительство и каковы были его права и полномочия. Этому посвящена специальная, четвертая глава конституции, озаглавленная «О народном представительстве». Сразу надо заметить, что она, в сущности, является простым повторением соответствующих разделов польской конституции 1815 г. Разница заключается только в том, что в России наряду с общегосударственным парламентом учреждались еще парламенты наместничеств (число их в «Уставной грамоте» не оговаривалось; в «Кратком изложении основ» речь шла, напомним, о 10 наместничествах, в сохранившемся проекте распределения губерний по наместничествам — о 12). По ст. 100 «Уставной грамоты», сеймы наместнических областей созывались каждые три года, общий сейм государства — каждые пять лет. Следовательно, они не являлись постоянно действующими учреждениями. Ст. 126 устанавливала продолжительность их работы: «Заседание сеймов продолжается тридцать дней».

Принципы организации местных сеймов и сейма общегосударственного в целом совпадали. Местные сеймы также должны были состоять из двух палат — верхней, Сената, и нижней, «земской посольской палаты». Верхняя палата образовывалась из одного из департаментов Сената, для чего этот департамент переводился в главный город соответствующего наместничества. Его члены по-прежнему назначались царем, а не избирались.

Принципиально иным образом предполагалось сформировать нижнюю палату наместнического сейма. В ст. 148 сказано: «Палата наместнического сейма составляется по назначению государя из двух третей послов и депутатов, избранных уездными дворянскими собраниями и гражданскими обществами. <...>» В члены «посольской палаты» мог быть избран любой человек, достигший 30 лет, пользующийся правами гражданина и платящий «поземельные и всякие другие подати не менее той суммы, которая во всякой наместнической области будет для сего определена, смотря по местным обстоятельствам и народонаселению» (ст. 155). Специально оговаривалось, что чиновники, прежде чем баллотироваться в «посольские палаты», обязаны получить разрешение «от своего начальства» (ст. 156). Это было явным отступлением от «Краткого изложения основ», в котором недвусмысленно заявлялось: «Не могут избираться те, занятие которых оплачивается правительством, что точно соответствовало формулировке польской конституции 1815 г. (ст. 122).

«Уставная грамота» предусматривала выборы депутатов по двум критериям — от дворянских собраний и гражданских обществ. «Дворяне каждого уезда, — сказано в ст. 159, — владеющие собственными недвижимыми имениями, составляют между собою дворянские собрания, на которых избирают трех земских послов <...>» Так же и «градские общества <...> имеют составить окруж-

ное градское общество <...> для выбора от окружного общества трех депутатов на сейм» (ст. 165). Право участвовать в выборах депутатов от дворянства, или, иными словами, избирательные права, получали дворяне, записанные в дворянскую книгу своего уезда, достигшие 25 лет, владеющие недвижимым имуществом и пользующиеся правами гражданина (ст. 161).

Статья 166 определяла круг лиц, имеющих права избирать депутатов от «градских обществ». Избирательные права получали: 1) все жители города, имеющие недвижимую собственность; 2) «все состояния, известные под именем именитых граждан, как-то: ученые, имеющие академические или университетские аттестаты, художники трех главных художеств, архитектуры, скульптуры и живописи, банкиры, капиталисты и кораблехозяева»; 3) «купцы первых двух гильдий» и 4) «цеховые мастера». Вне зависимости от имущественного ценза исключались из участия в выборах евреи (ст. 167). В специальной статье (ст. 171) уточнялось, что «в собрании градского общества имеет голос токмо тот, кто записан в градскую обывательскую книгу, пользуется гражданскими правами и имеет не менее 25-ти лет отроду». Все выборы были прямыми. Исключение составляли только крупные города с населением более 8 тыс. человек, где вначале выбирались гласные, которые затем уже выбирали депутатов в «посольскую палату».

Раз в три года, при каждом новом сейме, должна была замещаться только половина депутатов, другая же половина сохраняла свое депутатское звание в течение шести лет (ст. 149). Аналогичное право устанавливалось относительно общегосударственного сейма (ст. 153).

Формирование «посольской палаты» общероссийского сейма, согласно «Уставной грамоте», также происходило бы комбинированным способом. Вначале палата депутатов наместнического сейма должна была выбирать из своей среды «земских послов и депутатов, имеющих составить вторую палату общего государственного сейма». «Число избранных,— сказано далее в ст. 112,— должно соответствовать четвертой части состоящих налицо послов и депутатов». Однако выбранные таким образом лица становились лишь кандидатами в депутаты нижней палаты общероссийского парламента. Окончательный отбор ее членов оставался за царем. По ст. 114, «палата земских послов» «составляется по назначению государя из половинного числа послов и депутатов, в каждой наместнической области посольскую палату из среды своей избранных».

Право императора вмешиваться в формирование нижней палаты наместнических и общегосударственных сеймов, зафиксированное «Уставной грамотой», представляет собой очередной шаг назад по сравнению не только с «Кратким изложением основ», но и с польской конституцией, которая предусматривала прямые и ничем не ограничиваемые выборы депутатов. Обстоятельства возникновения этой поправки — чрезвычайно характерная иллюстра-

ция к отмеченному уже выше стремлению составителей конституции, и прежде всего самого Александра I, в максимальной степени сочетать самодержавные принципы с требованиями буржуазного устройства.

В своих воспоминаниях «Россия и русские» декабрист Н. И. Тургенев так обрисовал историю появления этого пункта: «В главе о выборах членов народного собрания было сказано, что депутаты назначаются избирателями. Что могло быть проще и естественнее этого? Тем не менее император остановился на этом параграфе и сделал замечание, что избиратели могут назначать таким образом кого им заблагорассудится: «Панина, например». А как раз Панин, бывший министр иностранных дел, впал в немилость у его величества. Статья была тотчас же изменена, и избирателям решили предоставить лишь право представлять трех кандидатов, из числа которых правительство избирало бы депутата». «Что может быть курьезнее,— восклицает Н. И. Тургенев,— такого способа фабриковать конституции!»¹¹⁴

Как только император сталкивался с чем-то, что ущемляло привычную бесконтрольность, что ограничивало его возможности действовать по-своему, его теоретические представления тут же отступали на второй план.

Эта поправка оживляет в памяти почти аналогичный случай, происшедший в начале XIX в., когда по указу 8 сентября 1802 г. Сенат получил право «представлять» императору о законах, мешающих нормальному течению государственной жизни (своеобразное преломление буржуазного принципа *droit de remontrance*). Первая же попытка Сената воспользоваться этим правом и высказать гласно протест против обязательного 12-летнего срока службы для дворян унтер-офицеров потерпела полный провал, и больше уже подобные «представления» никогда не возобновлялись. «Я им дам знать себя!» — гневно заметил тогда Александр, приведенный в бешенство действиями сенаторов¹¹⁵.

Для чего же создавалось народное представительство? Какие проблемы призваны были обсуждать и решать депутаты?

О роли сеймов в законодательстве сказано выше. Однако обсуждением и утверждением законов функции парламента вовсе не исчерпывались. В ст. 115 и 116 «Уставной грамоты» определялись формы участия членов парламента в решении иных вопросов государственной жизни. Прежде всего речь шла о финансовых проблемах. Одними из главных прав и обязанностей сейма становились обсуждение и утверждение государственного бюджета. «Он рассуждает,— сказано в ст. 115,— по предложениям, вносимым по высочайшему же повелению, о прибавлении и уменьшении налогов, податей, сборов и всякого рода общественных повинностей, о удобнейших и справедливейших раскладках, о уравнивании налогов и податей по всему государству по мере силы и возможности каждой наместнической области, о составлении главного расписания доходов и расходов (бюджет) на основании пред-

ставленных ему на рассмотрение частных расписаний доходов и расходов, составленных в каждой области наместничества». О возможности обсуждения в сейме других проблем в статье сказано весьма глухо. Указывается только, что о них он «рассуждает» также «по воле государя».

Статья 116 предусматривала (опять-таки в случае повеления императора) обсуждение в сейме отдельных вопросов, содержащихся в общем государственном отчете, который составлялся ежегодно Государственным советом. Существенное место в работе парламента должно было занять рассмотрение «наказов земским послам и депутатам, от их избирателей данных и заключающих в себе их замечания, представления и прошения касательно всего того, что относится до их пользы».

Предполагалось, что результаты обсуждения наказов будут сообщаться сеймом в Государственный совет, а оттуда — императору «на высочайшее разрешение и для принятия тех мер, к коим бы таковые представления могли подать повод». Таким образом, кроме участия в составлении бюджета страны, что, конечно же, существенно ограничило бы возможности верховной власти бесконтрольно распоряжаться финансами, вся остальная деятельность парламента сводилась исключительно к праву высказать свое мнение в ответ на запросы царя, что фактически придавало его деятельности в этих вопросах не законодательный, а уже законосовещательный характер. Существенной уступкой прежним, самодержавным порядкам являлся, кроме того, отказ парламенту в праве обсуждать и утверждать готовые отчеты Государственного совета.

Один из основных буржуазных принципов — принцип ответственности исполнительной власти перед народным представительством был стыдливо заменен в «Уставной грамоте» правом императора представлять на обсуждение парламента отдельные части общегосударственного отчета. Даже в польской конституции этот вопрос был решен более последовательно. Ст. 106 и 107 конституционной хартии 1815 г. предусматривали обязательное обсуждение «отчета о положении края» в сейме. Напомним, что ранее принцип ответственности исполнительной власти проводился Сперанским в его проекте «Введения к уложению государственных законов».

Функции, возлагавшиеся «Уставной грамотой» на местные сеймы (ст. 103 и 104), совершенно аналогичны только что рассмотренным функциям сейма общегосударственного.

Охарактеризовав устройство законодательной власти, предусмотренное проектом конституции 1820 г., остановимся теперь на том, как предполагалось организовать исполнительную и судебную части. Надо заметить, что буржуазный принцип разделения власти формально выдержан в «Уставной грамоте» достаточно последовательно. Это видно даже из ее структуры. Вторая глава «Уставной грамоты» посвящена исполнительной власти, четвертая — законодательной, пятая — судебной (первая глава содержит

«предварительные рассуждения», третья — «ручательства державной власти», шестая — «общие постановления»).

Главой исполнительной власти государства проект конституции провозглашал императора: «Государь есть верховный глава общего управления империи,— записано в ст. 15 «Уставной грамоты».— Он печется о внутренней и внешней безопасности государства. Он бдит о своих правах и владениях». В этой части «Уставная грамота» определяла права монарха в соответствии с общепринятыми тогда нормами буржуазного права, характерными для конституционных монархий: особа его священна и неприкосновенна, ему принадлежит право объявления войны и заключения мира, он — глава армии и флота, он назначает послов и посланников, а также чиновников «на все места гражданские, управительные и судебные», он — глава церкви, ему принадлежит право помилования. По ст. 24, «государь располагает доходами государства», но, как сказано, делает это «сообразно с утвержденными им частными расписаниями доходов и расходов (бюджетами) наместничеств и с общим расписанием доходов и расходов всего государства». Своей единоличной властью император вправе был установить только первый после оглашения «Уставной грамоты» бюджет страны (ст. 25).

Таким образом, А. В. Предтеченский ошибался, включая в перечень ничем не ограниченных прав императора и «распоряжение бюджетом»¹¹⁶. На самом деле без утверждения сейма бюджет страны не мог получить законную силу. Ошибался А. В. Предтеченский и тогда, когда писал, что императору, согласно «Уставной грамоте», принадлежало исключительное «право издания законов»¹¹⁷. Императору, как уже говорилось выше, авторы конституционного проекта предоставляли право самостоятельного издания только «уставов, учреждений, указов, рескриптов и постановлений», что, конечно, имело немаловажное значение, но он был лишен единоличного права издания коренных государственных законов.

Органами центральной исполнительной власти в «Уставной грамоте» названы Государственный совет и министерства. Государственный совет должен был состоять из двух частей — Правительного совета, или, иначе говоря, Комитета министров, и Общего собрания Совета.

Правительный совет предполагалось составить из министров и «других особ, призванных в него по воле государя». Функции этого органа в «Уставной грамоте» фактически не определены, и, видимо, подразумевалось, что они не будут резко отличаться от функций существующего уже Комитета министров. Единственное новшество в его статусе связано с введением наместничеств. Правительный совет получал право аннулировать распоряжения наместников, «когда они противны законам, учреждениям, указам, повелениям и рескриптам, на имя их писанным или им данным» (ст. 39), и «удалять по управительной части всякого рода чиновников» (ст. 40).

Общее собрание Государственного совета, напротив, представляло собой принципиально новый орган, в значительной своей части напоминавший тот Государственный совет, устройство которого предлагал Сперанский в своем «Введении к уложению государственных законов». Общее собрание Совета должно было рассматривать и разрабатывать проекты законов, представлять императору материалы о злоупотреблениях администрации, рассматривать отчеты министерств, решать вопросы о виновности или невиновности «чиновников управления, по назначению его императорского величества определенных». Иными словами, он как бы действительно становился центром исполнительной, законодательной и судебной власти.

Решение всех конкретных вопросов управления страной по-прежнему сосредоточивалось в министерствах. Именно на них, согласно ст. 45, возлагалось «исполнение законов». Ст. 46 говорила об ответственности министров и предусматривала предание их Верховному государственному суду «за всякое нарушение уставной грамоты, законов, равно как указов и повелений, от государя императора последовавших». Таким образом, речь шла только о судебной ответственности лиц, наделенных исполнительной властью, а вовсе не об их ответственности перед народным представительством.

Особенно много внимания уделено в «Уставной грамоте» преобразованию местной администрации, вернее, даже не столько ее в целом, сколько нового ее звена — наместничеств. По подсчетам А. В. Предтеченского, «из 191 статьи по крайней мере 70 отведены разработке положений о местном управлении»¹¹⁸. Свидетельством того, какое огромное значение придавалось переустройству страны на принципах буржуазного федерализма, является само начало «Уставной грамоты». Первая же глава проекта конституции вместо изложения общих принципов, положенных в ее основу, как это было принято во всех подобных документах, посвящена новой организации местного управления. Судя по этому, создание наместничеств должно было предвдывать все шаги, направленные на практическое осуществление предлагаемого конституционного проекта. Недаром эта глава «Уставной грамоты» получила название «Предварительные распоряжения». В ней изложены меры, которые должны были предшествовать перестройке страны на конституционный лад или, точнее, быть первым шагом на этом пути.

Статья 1 «Уставной грамоты» гласит: «Российское государство со всеми владениями, присоединенными к нему под каким бы наименованием то ни было, разделяется сообразно с расписанием, у сего приложенным, на большие области, называемые наместничества». Само расписание губерний по наместничествам при проекте конституции отсутствует, но вряд ли можно сомневаться, что именно оно — тот документ, что сохранился в делах Комитета 6 декабря 1826 г., куда мог попасть среди прочих бумаг, обнаруженных после смерти Александра I в его кабинетах в Камен-

ноостровском, Царскосельском и Зимнем дворцах, и о котором мы уже упоминали, излагая обстоятельства назначения А. Д. Балашева. В соответствии с ним Россия делилась на 12 округов, или наместничеств.

I округ: Курляндская, Лифляндская, Эстляндская и Псковская губернии. Местопребывание генерал-губернатора в Пскове.

II округ: Витебская, Смоленская, Могилевская и Калужская губернии. Главный город — Витебск.

III округ: Черниговская, Киевская, Полтавская, Харьковская и Курская губернии. Главный город — Киев.

IV округ: Бессарабская область, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. Главный город — Одесса.

V округ: Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии. Главный город — Архангельск.

VI округ: Новгородская, Тверская, Ярославская, Владимирская и Костромская губернии. Главный город — Тверь.

VII округ: Тульская, Орловская, Воронежская, Тамбовская и Рязанская губернии. Главный город — Тула.

VIII округ: Вятская, Пермская и Оренбургская губернии. Главный город — Оренбург.

IX округ: Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская и Пензенская губернии. Главный город — Казань.

X округ: Астраханская губерния, Кавказская область, Грузия, Имеретия и Мингрелия. Главный город — Тифлис.

XI округ: Тобольская, Томская губернии, Иркутская губерния с Камчаткою. Главный город — Томск.

XII округ: Виленская, Гродненская, Минская, Волынская и Подольская губернии, Белостокская область. Главный город — Вильно ¹¹⁹.

Последующие семь статей первой главы «Уставной грамоты» посвящены изложению структуры наместничества. Губернии, входящие в наместничества, сохраняли прежнее деление на уезды, а уезды делились, и это было новшеством, на округа (заметьте, что деление уезда на более мелкие административные единицы предлагалось еще в 1809 г. М. М. Сперанским). Все города страны делились на три степени: 1) губернские, 2) уездные и 3) все прочие, за исключением тех, которые «по выгодному положению своему и по торговым сношениям» будут отнесены к первым двум разрядам (из этой системы исключались лишь Москва и Петербург). Города третьей степени как раз и предполагалось сделать центрами округов, состоящих «из определенного числа волостей, сел и деревень по мере народонаселения и расстояния от места, для присутствия окружному начальству определенного» (ст. 5). Кроме того, указывалось, что «каждый город первой и второй степени имеет свой округ» (ст. 7). Этим «предварительные распоряжения» и ограничивались. В сущности, эта глава является еще одним доказательством того, что генерал-губернаторство Балашева тесно связано с «Уставной грамотой» и все, что происходило в нем не может быть понято вне ее истории.

Принципы, на которых предполагалось устроить деятельность наместничеств, не сосредоточены в каком-либо специальном разделе «Уставной грамоты». Они разбросаны по нескольким главам в соответствии с тем, о законодательной ли, исполнительной или судебной функции идет речь.

В целом организация власти в наместничествах совпадает с организацией ее в масштабах всей страны. Наместнические учреждения представляют собой те же общегосударственные органы, но в миниатюре. Здесь также создавались органы народного представительства — наместнические сеймы, о которых речь шла выше, а исполнительная власть передавалась наместнику и Совету наместничества. Рассмотрим здесь, таким образом, только функции наместника и Совета наместничества.

«Наместник купно с Советом на основании предписанного порядка,— говорится в ст. 48,— печется о благосостоянии вверенных ему губерний и блюдет за точным исполнением законов и повелений высшего начальства по всем частям управления». Совет наместничества, как и Государственный совет, разделялся на две части — Правительный совет и Общее собрание. Правительный совет, по мысли авторов проекта конституции, должен был стать как бы Комитетом министров наместничества. Члены его «в качестве начальников отделений по Совету наместничеств и в виде отряженных чиновников от каждого министерства или главного управления (напомним о государственных секретарях из «Краткого изложения основ») заведывают по губерниям, составляющим область наместничества, на основании особенных учреждений всеми делами, до вверенной им части касающимися» (ст. 51).

Общее собрание Совета, согласно ст. 59, «рассуждает вообще о всех предметах, до управления наместничества касающихся». Вопросы для обсуждения вносятся в Общее собрание или императором, или Комитетом министров, или наместником. Основной задачей Общего собрания провозглашалось наблюдение за состоянием финансов, а также развитие «земледелия, промышленности и торговли и тому подобное». Кроме того, в Общем собрании Совета должны были обсуждаться и разрабатываться проекты законов, решаться вопросы о привлечении чиновников к судебной ответственности, рассматриваться и обсуждаться годовые отчеты по всем отраслям и составляться общие отчеты наместничества (ст. 60). Важная особенность Общего собрания состояла в том, что часть его членов не назначались императором, а выбирались в губерниях, входящих в состав наместничества (ст. 58). Правда, порядок этих выборов и количественное соотношение коронных членов и членов, избранных голосованием, в «Уставной грамоте» не были определены.

Как видно из всего текста «Уставной грамоты», в федеративном устройстве ее авторы видели средство внести относительный порядок в управление огромной страной. Создание правительственных кабинетов наместничеств, обсуждение всех конкретных

нужд края в сейме должны было гарантировать верное и быстрое осуществление на местах правительственной политики, упорядочение ведения дел, завершили бы перестройку всего управления страной по лучевому принципу.

Специальный завершающий раздел «Уставной грамоты» посвящен изложению принципов организации судебной власти. По сравнению с другими частями конституционного проекта он невелик по объему и значительно менее подробно разработан. В этом нельзя не усмотреть известную поспешность при завершении работы над проектом. (Впрочем, возможно, это и результат внезапной смерти Дешана в 1819 г.: судя по письмам П. А. Вяземского, полноценной замены ему в канцелярии Новосильцова не было.) Как бы то ни было, но судебное устройство описано в «Уставной грамоте» несравненно более суммарно, чем устройство исполнительной или законодательной власти.

Однако основной принцип буржуазного судопроизводства — независимость суда от остальных частей управления — провозглашен здесь со всей определенностью. «Суды и лица, носящие звание судей, — сказано в ст. 175, — в отправлении обязанности, на них возложенной, действуют по законам и независимо ни от какой власти». «Уставная грамота» вводила три категории судебных органов: 1) верховный государственный суд и верховные суды наместничеств; 2) апелляционные суды; 3) суды первой инстанции. Если некоторые подробности организации и компетенции верховного суда были все же развиты в проекте конституции (ст. 182 определяла, что в компетенцию верховного суда входит «исследование и наказание за все преступления в оскорбление величества, за преступления противу государства и все противозаконные поступки высших чиновников», по ст. 184 приговоры верховного государственного суда признавались окончательными и т. п.), то о судах последних двух категорий говорилось только, что они «будут устроены особенными постановлениями» (ст. 188). Совершенно непроясненной осталась в проекте ст. 177 «Уставной грамоты», которая устанавливала два рода судей — назначаемых императором и выборных.

Обращает на себя особое внимание ст. 143 «Уставной грамоты», согласно которой Сенат привлекался к отправлению судебных функций. «Независимо от законодательных действий, — сказано в ней, — Сенат имеет еще и другие обязанности, особенно определенные». Под этими «другими обязанностями» имелось в виду участие сенаторов в деятельности верховных судов (ст. 147: «Сенаторы, избранные государем, исправляют, сверх сего, по очереди должности судей в верховных судах»). Таким образом, объявив независимость суда, «Уставная грамота» на деле допускала серьезные нарушения этого принципа, фактически соединяя законодательную и судебную власти в одном лице сенатора. Правда, справедливости ради следует отметить, что на местах это соединение категорически отвергалось. «Закон постановляет за неизменное и непоколебимое правило, чтобы управительная и судебная части

были разделены, — сказано в ст. 63, открывающей раздел «О губернском начальстве» второй главы «Уставной грамоты», — и действия оных, яко несовместимые, ни в каком случае не сливались». Далее в статье говорилось, что отменяется прежняя система губернского судопроизводства и что специальные уставы должны будут определить его новый порядок.

Специальная (третья) глава «Уставной грамоты» посвящена провозглашению гражданских свобод, даруемых гражданам Российской империи. Объявлялись свобода слова, свобода вероисповеданий (правда, оговаривалось, что православная религия остается господствующей, а политическое и гражданское равноправие предусмотрено только для христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности («никто не может быть взят под стражу, обвинен и лишен свободы, как только в случаях, законом определенных, и с соблюдением законом предписанных на сей конец правил»), свобода печати.

Особое значение имеет в этом ряду содержащееся в ст. 97 обоснование права частной собственности. «Всякая собственность, — сказано в ней, — на поверхности ли земли находящаяся или в недрах оной сокровенная, какого бы рода не была, в чем бы не состояла и кому бы не принадлежала, признается священной и неприкосновенною. Никакая власть и ни под каким предлогом посягнуть на нее не может. Посягающий на чуждую собственность осуждается и наказывается как нарушитель общественного спокойствия». Юридическое закрепление норм буржуазного права, несомненно, имело чрезвычайно важное значение в ломке феодального строя, которая неизбежно началась бы в случае реализации «Уставной грамоты».

Признавая несомненно буржуазный характер «Уставной грамоты» не следует преувеличивать его последовательность и радикальность. И здесь следует прежде всего подчеркнуть явно патримониальный характер этого документа. В проекте русской конституции основополагающий принцип всех европейских конституций того времени — суверенитет народа, т. е. признание его источником государственной власти, заменен суверенитетом императорской власти. В ст. 12 сказано прямо и недвусмысленно: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных». В этом «Уставная грамота» 1820 г. принципиально отличается даже от польской конституции 1815 г., где нет ни слова о суверенитете монарха. Не народ, а император признан в «Уставной грамоте» источником законодательной, судебной и исполнительной власти. И это вовсе не отвлеченный теоретический вопрос, как может показаться на первый взгляд, а принципиально важное положение, которое определило, по существу, главный феодальный пережиток «Уставной грамоты» — проникновение императорской самодержавной власти во все сферы государственной жизни, сохранение ее определяющего влияния на все жизненно важные процессы.

Еще при анализе польской конституционной хартии 1815 г. мы обращали внимание на то, сколь велики были прерогативы, предоставленные русскому императору. В проекте же русской конституции они неизмеримо шире. В сущности, ни один вопрос в стране не мог быть решен, минуя монарха. Да, парламент мог отвергнуть предложенный императором закон, но в то же время он был не в силах принять его помимо воли монарха. За императором, кроме всей полноты исполнительной власти (все правительственные органы имели право совещательного голоса, но лишь мнение императора было решающим, например в ст. 38 сказано: «Члены Правительного совета имеют голоса совещательные. Один государь решает» и т. п.), сохранялось право решать практически все дела в государстве. Право монарха на помилование или на вмешательство в выборы депутатов в парламент на практике означало нарушение торжественно провозглашенного в проекте конституции принципа разделения властей. Ограничивая самодержавный произвол, вводя его в определенные законные рамки, проект конституции 1820 г. все же сохранял доминирующее положение самодержца во всех областях государственной жизни.

Эти положения «Уставной грамоты» вызывали справедливую критику уже в дореволюционной историографии. Так, В. И. Семевский считал, что наделение самодержца столь широкими полномочиями привели к тому, что «Уставная грамота» была одним из самых консервативных конституционных проектов своего времени. «Если бы проект Новосильцова был осуществлен,— писал он,— то такая конституция еще менее оградила бы Россию от правительственного произвола, чем была ограждена Польша конституционной хартией 1815 г.»¹²⁰

Существенной уступкой прежним порядкам являлось сохранение всех дворянских привилегий: ни одна из них не уничтожилась проектом 1820 г. Показательно и то, что в «Уставной грамоте» не было ни словом упомянуто о крепостном праве. Авторы ее как будто не замечали не менее важной, чем политические институты, наболевшей проблемы русской действительности.

Однако при всех столь очевидных недостатках «Уставная грамота», будь она введена в действие, означала бы новый этап в истории России.

А в 1820 г. были, казалось, все основания предполагать, что это может произойти в самое ближайшее время. Доказательством этому служит сохранившийся в бумагах Новосильцова документ на французском языке, озаглавленный «*Essai d'introduction pour la Charte*» («Опыт введения в Грамоту»). Он должен был, в сущности, явиться манифестом, возвещающим о «даровании» императором «любезным и верным подданным» конституции¹²¹. «Введение» написано на той же бумаге, что и русский текст «Уставной грамоты», и, несомненно, составлялось одновременно с ним (этому не противоречит тот факт, что документы эти находятся в разных фондах; как мы уже писали, бумаги Новосильцова сильно

пострадали и были разрознены во время восстания 1830—1831 гг.).

Текст «Введения» показывает, что, опасаясь возможных волнений при объявлении столь важных преобразований, самодержавие решилось прибегнуть к приему, рекомендованному Александру I еще в 1810 г. М. М. Сперанским: оно начиналось торжественным заверением, что оглашенный документ, т. е. «Уставная грамота», «не вносит никакого новшества и никакого изменения в государственное устройство. Она основана на наших государственных учреждениях, она их объединяет, развивает положенные в их основу принципы, приводит их в действие и тем самым открывает возможность ввести порядок и гармонию в различные отрасли управления»¹²².

Таким образом, текст должен был создать впечатление, будто речь идет не о коренных преобразованиях, а о развитии и усовершенствовании уже существующих институтов. В нем не только не заострено внимание на введении народного представительства, но сказано об этом как бы вскользь. В центр поставлена внешняя административная сторона дела, подробно говорится о преобразовании Сената, Государственного совета, создании наместничеств и т. п. Правда, там, где речь все же пошла о функциях парламента, пришлось прямо сказать, что народное «представительство имеет целью приобщить наших любезных и верных подданных к пользованию политическими правами, привлечь их к законодательной деятельности и побудить их разделить с нами бремя управления государством»¹²³. Однако весь этот важнейший вопрос был умело скрыт среди разных более частных сюжетов. В заключение указывалось на развитие в дальнейшем «Уставной грамоты» «путем издания Органических регламентов и специальных уставов»¹²⁴.

Одновременно с манифестом, который должен был объявить о введении в России народного представительства, Новосильцов, несомненно по прямому распоряжению царя, подготовил еще манифест об уничтожении польской конституции 1815 г. и о превращении Польши в одно из наместничеств Российской империи. Делалось это, как сказано, «принимая во внимание, что уставная грамота нашей империи основана на принципах, санкционированных нами в конституции, данной нами нашему Царству Польскому 15/27 ноября 1815 года, что те же гарантии и преимущества широко дарованы там всем нашим подданным <...> что существование двух конституций в одной империи бесполезно и даже вредно для единства действий, необходимого всякому доброму правлению». Согласно манифесту, в Польше сохранялись только прежнее законодательство и самостоятельная армия¹²⁵.

Сама готовность этих двух документов убедительно доказывает, что в 1820 г. Александр I был действительно близок к реальному введению в России пусть крайне ограниченной, но все же конституции.

Однако ничего подобного не произошло. Ни манифесты, ни сама «Уставная грамота» так никогда и не были обнародованы

императором. Это, правда, не означает, что работа над проектом русской конституции была совсем прекращена в 1820 г. Еще некоторое время она продолжалась, хотя далеко не столь интенсивно, как в рассмотренное нами время. Совершенно очевидно, что часть относящихся к этому источников до нас не дошла, исчезнув во время восстания 1830—1831 гг. Но есть все же один документ, который свидетельствует о том, как протекала дальнейшая работа,— это «Общий свод (tableau sommaire) предметов, входящих во вторую и третью книги проекта Органического регламента» на французском языке, подписанный в деле сразу же за упоминавшимися русским и французским текстами «Уставной грамоты»¹²⁶.

Напомним, что идея создания некоего Органического регламента, в котором после издания «Уставной грамоты» были бы развиты и уточнены ее основные положения, определены конкретные пути ее осуществления, высказывалась уже в 1819 г. в «Кратком изложении основ конституционной хартии». Об «органических законах», призванных дополнить конституцию и с изданием которых не надо торопиться, говорил в январе 1820 г. С. И. Тургеневу П. А. Вяземский. Намерение развивать в дальнейшем конституцию «путем издания Органических регламентов и специальных уставов» было высказано в «Опыте введения в Грамоту». Развитие конституции целым комплексом подзаконных актов, названным «Органическим регламентом», соответствовало уже имевшемуся опыту введения в жизнь польской конституции.

Однако «Общий свод», возникший, несомненно, на более позднем этапе, чем «Уставная грамота», доказывает, что впоследствии от мысли о немедленном отдельном издании русской конституции и лишь последующем дополнении ее «Органическим регламентом» полностью отказались. «Общий свод» представляет собой подробный проспект второй и третьей книг «Органического регламента». Проспекта первой книги в нем нет. Совершенно очевидно, что ее должна была составить «Уставная грамота», уже готовая и хорошо известная тому, для кого предназначался «Общий свод». Судя по его тексту, подзаконные акты «Об управлении» и «О судебном порядке» составляли теперь вторую и третью книги «Органического регламента». В «Общем своде» нашел место лишь заключительный абзац русской конституции, перенесенный теперь в конец всего «Органического регламента» и отредактированный в соответствии с новым видом готовящегося документа. Из него исчез термин «Уставная грамота», а слова «основные установления» и «настоящая грамота» были заменены словами «настоящий Органический регламент», еще раз показывающими, что конституция являлась уже просто первой книгой более обширного документа. Еще одна важная деталь: если текст «Уставной грамоты» кончался прежде словами «Дано в...», то в «Общем своде» место было обозначено вполне определенно: «Дано в нашем Зимнем дворце в Санкт-Петербурге и подписано собственноручно...» Не указывает ли это, что работа из Варшавы переместилась уже

в Петербург? Пока конституция готовилась в Варшаве, император мог ее подписать там же, теперь речь шла только о столице.

Когда же был составлен «Общий свод» и когда, таким образом, была оставлена мысль о самостоятельном введении конституции? Сам документ не датирован ¹²⁷. Однако трудно предполагать, что он мог возникнуть ранее 1821 г. Идея сделать конституцию частью еще далеко не готового «Органического регламента» была явным свидетельством намерения отложить ее введение на достаточно длительный срок. Как мы убедились при рассмотрении истории проектов освобождения крестьян, постепенный отход Александра I от своих реформаторских планов и поворот к реакции датируются как раз 1821—1822 гг. Но есть и более конкретные факты, связывающие идею «Органического регламента» с 1821 г.

К 1821 г. относится активная работа над «Проектом учреждения наместничеств». Вернувшийся из Сибири М. М. Сперанский был сразу привлечен к его обсуждению и доработке. Он пишет «Примечания» на проект, а также самостоятельное «Введение к наместническому (областному) учреждению» ¹²⁸. Нельзя не заметить связь этих проектов с предполагавшимся содержанием второй книги «Органического регламента» («Об управлении»), где первая же глава в «Общем своде» именовалась «Об обязанностях и компетенции наместников».

Главное же состояло в том, что в последующие годы ни один из этих проектов не был закончен, а следовательно, не продвинулась вперед и работа над «Органическим регламентом».

Анализ ситуации, в которой оказался А. Д. Балашев в специально созданном генерал-губернаторстве, служит фактической иллюстрацией того, как в течение двух следующих лет верховная власть переходила от отсрочек к полному отказу издать и саму конституцию, и «Органический регламент».

Прибыв в 1820 г. в вверенный ему край, Балашев прежде всего приступил к изучению положения дел. Положение это, открывшееся ему в результате нескольких поездок по губерниям, было чудовищным. Об этом Балашев со всей откровенностью писал Александру I 2 мая 1820 г. из Воронежа. Приведем его письмо почти полностью, так как оно дает убедительнейшую картину реальной жизни страны того времени.

«Отеческое сердце ваше, государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний <...>, — писал Балашев. — Не только воровство в городах, не только частые и никогда почти не отыскивающиеся грабежи по дорогам, но целые шайки разбойников приезжали в усадьбы, связывали помещиков и слуг, разграбляли дома и пожитки и потом скрывались: смертоубийства производились заговорами и убийцы не находились. В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повиновение последних к первым поколеблено и ослушаний тьма. Недоимок миллионы. Полиция уничтожена. Дел в присутственных местах кучи без счету, решают их по выбору и произволу. Судилища и судьи в

неуважении, подозреваются в мздоимстве. Волокиты отчаянно утомительные, но и ябедников великое множество. Лучшие дворяне от выборов уклоняются. Чины и ордена не в той высокой цене, как должно. Жалованье чиновников и канцелярских служащих почти ничтожно, кроме виновных продавцов и таможи. Хозяйственной части нет и признаку. Главные доходы короны основаны на винной продаже! Всемиловитейший государь! <...> Слава воина и дипломата гремит по Европе, но внутреннее управление в государстве вашем расслабло! <...> Все части идут раздельно, одна другой ход затрудняя, и едва ли которая подается вперед: единственное на сей раз средство есть усилить местные управления; вы сие и предлагали. Докончите, государь, намерение ваше!»¹²⁹

Балашев заканчивал свое письмо просьбой об отставке. Оставаясь в рамках прежних полномочий, он не видел возможности искоренить недостатки, а расширения своих прав, как и обещанной ему новой инструкции для генерал-губернаторов, он не получал. Александр I, что вполне естественно, не принял отставки Балашева: работа над конституцией была в полном разгаре и скоро предполагалось разделение России на наместничества с новыми правами и органами. Балашев должен был запастись терпением. 4 ноября 1821 г., во вторую годовщину своего назначения, Балашев вновь обратился к царю, жалуясь на отсутствие инструкций и на крайне тяжелое положение подвластных ему губерний: «Сегодня два года, что угодно было вашему величеству назначить меня в генерал-губернаторы! Пользуясь позволением излагать истину <...> с содроганием сердца сказать должен: в ужасном положении видел я все вокруг себя в течение сего времени. Злоупотребления должностей ощутительны и вместе с тем часто неприступны. Священные законы ваши употребляются нередко щитом самому злу сему, организованному в тайне. Определение лиц до меня не касается. Жалованье их ничтожно — повод к лихоимству. Наказания и награды, идя ходом медлительным, никого не поражают. Я инструкции не имею, и единственный мой руководитель «Учреждение о губерниях» издано еще до существования министерства и к оному не приспособлено. Обряд и ход дел гражданских затруднен и с обстоятельствами не соображен, мои же руки связаны ими!»¹³⁰

И на этот раз призыв Балашева остался без ответа, но совсем по другим причинам. Не были, конечно, даны ему инструкции и в следующем, 1822 г. В течение трех лет, получив в управление принципиально новую административную единицу, он вынужден был практически бездействовать, так как все прежнее законодательство никак не определяло функций генерал-губернатора. Наконец только в марте 1823 г. на имя Балашева последовал высочайший рескрипт. Однако он вовсе не содержал никаких инструкций, а лишь предписывал ему приступить к «преобразованию» губернского управления.

Балашев ждал расширения своих полномочий, четкого определения своих прав и обязанностей, ждал, что получит аппарат, который позволил бы ему эффективно управлять огромным краем. Ничего этого в рескрипте не было. Он лишь позволял заняться переустройством управления одной губернии — Рязанской, да и то в очень ограниченных масштабах¹³¹. Ясно, что рескрипт от 2 марта 1823 г. соответствовал сложившемуся уже решительному и недвусмысленному отказу самодержавия от издания конституции. Вместо принципиальной реформы местной администрации Балашев получил вялое указание экспериментировать в рамках губернии. В конце 1822 — начале 1823 г. выбор был сделан уже окончательно. Самодержавие, отказавшись от коренных преобразований в политической сфере, вернулось к прежней бесперспективной практике частных изменений и подновлений существующей системы.

¹ ЦГИА СССР. Ф. 1409 (собственная е. и. в. канцелярия). Оп. 1. Д. 1750. Л. 1.

² Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года: Ист.-юрид. очерк. Прага, 1925. С. 53.

³ Аскенази Ш. Царство Польское, 1815—1830. М., 1915. С. 18.

⁴ Там же. С. 19—20.

⁵ Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. 5. С. 16. Ср.: Аскенази Ш. Указ. соч. С. 19. Аскенази ошибочно утверждает, что приводит неизвестную записку Штейна; первым в научный оборот ее ввел Богданович.

⁶ Pertz G. H. Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein. Berlin, 1851. Bd. 4. S. 175.

⁷ Аскенази Ш. Указ. соч. С. 22.

⁸ ПСЗ-I. Т. 33. № 25824. С. 64—70.

⁹ Там же. № 25863. С. 144—178.

¹⁰ Богданович М. И. Указ. соч. Т. 5. С. 108—109.

¹¹ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. СПб., 1907. С. 19.

¹² ПСЗ-I. Т. 33. № 25842. С. 117—119.

¹³ D'Angeberg, comte. Le congrès de Vinne et les traités de 1815. Paris, 1864. Т. 3. Р. 1224—1226; Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1972. С. 347.

¹⁴ Аскенази Ш. Указ. соч. С. 27.

¹⁵ Смит Ф. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. СПб., 1863. Т. 1. С. 17.

¹⁶ Аскенази Ш. Указ. соч. С. 28.

¹⁷ Текст конституции параллельно на польском и на французском языках Ustawa Konstytucyjna Królestwa Polskiego; Charte constitutionnelle du Royaume de Pologne) был впервые опубликован в Варшаве, в специальном издании Dziennik Praw» (Дневник законов. 1816. Т. 1. № 1), выпуск которого был предусмотрен ст. 165 самой конституции (в литературе указывается неверная выходная дата: 1815). В настоящей работе мы пользовались переводом конституции на русский язык, увидевшим свет в книге «Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского, 1814—1881» (СПб., 1907).

¹⁸ Аскенази Ш. Указ. соч. С. 34.

¹⁹ Oginski M. Mémoires sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Paris, 1827. Т. 4. Р. 229—242.

²⁰ Аскенази Ш. Указ. соч. С. 55—56.

- ²¹ Богданович М. И. Указ. соч. СПб., 1871. Т. 6. С. 369–371. Н. К. Шильдер опубликовал этот отрывок полностью в приложении к четвертому тому своего исследования об Александре I. См.: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 495–496.
- ²² Ш. Аскенази прямо пишет о сопротивлении Константина, но, на каких источниках основано это утверждение, неизвестно. См.: Аскенази Ш. Указ. соч. С. 57.
- ²³ Московские ведомости. 1818. № 29. С. 575–577; Северная почта. 1818. № 26.
- ²⁴ Заметим, что в своей работе Ш. Аскенази так же произвольно соединил несколько мест из речи Александра I в один самостоятельный отрывок. Кроме того, сказанное царем он привел не в аутентичном тогдашнем переводе, а в переводе, сделанном им самим. В этом легко убедиться, сравнив текст Аскенази с цитированными выше высказываниями Александра I. Аскенази писал: «Александр прочел с трона, стоя, на французском языке прекрасную и столь многообещающую декларацию: Исполняются ваши надежды и мои желания...— говорил он.— Вы открыли мне возможность предоставить моему отечеству то, что я давно для него готовлю и что оно получит, коль скоро начала столь важного дела достигнут необходимого развития. Сумейте же стать на высоте вашей задачи. Плоды ваших трудов укажут мне, смогу ли я, верный моим намерениям, и далее расширять то, что я уже для вас сделал» (Аскенази Ш. Указ. соч. С. 56).
- ²⁵ Цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 4. С. 92.
- ²⁶ РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 280–281.
- ²⁷ РИО. СПб., 1891. Т. 78. С. 192.
- ²⁸ Там же. С. 2.
- ²⁹ Толки и настроения умов в России по донесениям высшей полиции в С.-Петербурге с августа 1818 по 1 мая 1819 г. // Русская старина. 1881. № 11. С. 669.
- ³⁰ Русский архив. 1869. Стб. 1697–1703.
- ³¹ Архив князя Воронцова. М., 1876. Т. 8. С. 363.
- ³² Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. М., 1975. С. 84.
- ³³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 236–237.
- ³⁴ Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902. С. 395–396.
- ³⁵ Ланда С. С. Указ. соч. Гл. 1: От «древней свободы» к представительному правлению; Гл. 2: Государство в государстве.
- ³⁶ Тезис о демагогическом характере выступления Александра I получил определенное распространение как в дореволюционной, так и в советской историографии. Однако он был убедительно опровергнут А. В. Предтеченским, который писал о неправомерности квалификации варшавской речи Александра как попытки ввести в заблуждение европейскую и русскую общественность. Предтеченский справедливо указывал, что «Александр прекрасно понимал, каких духов „вольномыслия“ он вызовет своей речью, так же как знал о неминуемом протесте, который в ответ на нее подымется в крепостнических кругах». Но в том, что произошло в Варшаве, Предтеченский видел только «очередной поворот» в жизни царя и определял его как «минутное» отклонение (Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 377–378). С последним утверждением согласиться нельзя. Позиция Александра I в крестьянском вопросе, которая рассмотрена выше, настойчивость, с которой он, как мы покажем далее, пытался в 1819–1820 гг. осуществить свои конституционные планы, позволяют говорить не о каких-либо «минутных» настроениях, а о вполне сложившемся и довольно твердо проводившемся в жизнь политическом курсе, который, однако, потерпел крах и сменился продолжительным периодом полной реакции. В последнее время оценка варшавской речи Александра I как политической демагогии вновь появилась в исто-

- рических исследованиях. Так, Н. В. Минаева в своей монографии «Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в.» (Саратов, 1982) вернулась к концепции «лицемерия» Александра I. «Открывшийся в марте 1818 года первый сейм (...)», — пишет она, — проходил в такой обстановке, когда Александр вынужден был вновь прибегнуть к политической демагогии» (*Минаева Н. В.* Указ. соч. С. 181). Подобные мотивы прозвучали и ранее в работе А. И. Парусова о государственной уставной грамоте 1820 г. (*Парусов А. И.* Государственная уставная грамота 1820 года // Учен. зап. Горьк. гос. ун-та. Сер. ист.-фил. 1964. Вып. 72. Т. 1).
- ³⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1812–1819. С. 105. Посылая Н. И. Тургеневу варшавское издание речи Александра I на французском языке, П. А. Вяземский на полях ее против слов о намерении, «когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости», распространить конституцию на Россию сделал приписку: «Soyez sels et buvez de l'eau» (ИРЛИ. Ф. 309. Д. 3828. С. 4). Предлагавшиеся в литературе переводы этой фразы: «Верьте этому и попивайте водичку» (*Лотман Ю. М.* П. А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1960. Вып. 98. Труды по русской и славянской филологии. Вып. III. С. 54) и «Верьте в это и запивайте водой» (*Ланда С. С.* Указ. соч. С. 314) — не учитывают, что выражение *buvez de l'eau* как идиоматический оборот можно перевести словами типа «будьте трезвы».
- ³⁸ *Минаева Н. В.* Указ. соч. С. 185.
- ³⁹ *Вяземский П. А.* Автобиографическое введение // Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. XXXV. Ср. примечания, сделанные Вяземским к его «Исповеди» в «Старой записной книжке» (Там же. СПб., 1884. Т. 9. С. 106).
- ⁴⁰ Остафьевский архив... Т. 1. С. 101.
- ⁴¹ *Богданович М. И.* Указ. соч. Т. 5. С. 376.
- ⁴² *Аскенаси Ш.* Указ. соч. С. 58.
- ⁴³ *Гросул Я. С.* Автономия Бессарабии в составе России 1812–1828 гг. // Гросул Я. С. Труды по истории Молдавии. Кишинев, 1982. С. 169–171; см. также: *Гросул В. Я.* О конституционалистской политике России на Балканах // Вопросы истории. 1969. № 8. С. 46–59.
- ⁴⁴ *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 382–385; *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 55; *Минаева Н. В.* Указ. соч. С. 192; *Вернадский Г. В.* Указ. соч. С. 65; *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 150.
- ⁴⁵ Остафьевский архив... Т. 1. С. 109.
- ⁴⁶ Там же. С. 488.
- ⁴⁷ *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 385.
- ⁴⁸ *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 55, 56 и др.
- ⁴⁹ *Schiemann Th.* Eine Konstitution für Rußland vom Jahre 1819 // *Historische Zeitschrift*. 1894. Bd. 72. S. 65.
- ⁵⁰ См. выше, с. 162. Правда, среди опубликованных писем Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву подобного отзыва нет. См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 235, 236 и др.
- ⁵¹ Интересно, что Карамзин резко возражал против того, чтобы переводить *libéral* как законно-свободный. «*Libéral*, — писал он, — в нынешнем смысле *свободный*; а *законно-свободный* есть прибавок. В старину говорили, что закон с свободой живут как кошка с собакою. Всякий закон (гражданский) есть неволя. Но это *глубоко* и заведет нас *далеко*» (Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому // *Старина и новизна*. СПб., 1897. Кн. 1. С. 49). Однако историк был неправ, упрекая Вяземского за подобный перевод. По свидетельству самого Вяземского, перевод *libéral* как *законносвободный* принадлежал Александру I. См.: *Вяземский П. А.* Автобиографическое введение... Т. 1. С. XXXVI.
- ⁵² Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. С. 54.
- ⁵³ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2. С. 86.
- ⁵⁴ Остафьевский архив... Т. 1. С. 105.
- ⁵⁵ *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 104.
- ⁵⁶ Остафьевский архив... Т. 1. С. 116.

- ⁵⁷ Вяземский П. А. Стихотворения: Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1958. С. 114.
- ⁵⁸ Там же. Строки от слов «С чела оратая» до слов «темницею обширной», в которых речь идет о крепостном праве, были сообщены Вяземским А. И. Тургеневу в августе 1819 г. Они должны были, по словам автора, заменить собою два прежних «сухих стиха» (Остафьевский архив... Т. 1. С. 277. Письмо от 1 авг.).
- ⁵⁹ Остафьевский архив... Т. 1. С. 278 и др.
- ⁶⁰ Ю. М. Лотман высказывает справедливое предположение, что за словами «ум» и «сердце» (чуть далее — «душа») скрываются политические понятия. «Сердце» — это стремление Александра дать конституцию по любви к свободе и законности, а «ум» — по политическому расчету (Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 55–56).
- ⁶¹ Остафьевский архив... Т. 1. С. 142.
- ⁶² Там же. С. 164.
- ⁶³ Там же. С. 153.
- ⁶⁴ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. С. 69.
- ⁶⁵ Остафьевский архив... Т. 1. С. 178.
- ⁶⁶ Там же. С. 182–183.
- ⁶⁷ Там же. С. 198.
- ⁶⁸ Цит. по: Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 57.
- ⁶⁹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 86–87.
- ⁷⁰ Там же. Т. 1. С. XXXV–XXXVI.
- ⁷¹ Чарторижский А. Мемуары. М., 1912. Т. 1. С. 284.
- ⁷² Schieman Th. Op. cit. S. 65.
- ⁷³ Остафьевский архив... Т. 1. С. 650.
- ⁷⁴ Там же. С. 340.
- ⁷⁷ Там же. С. 246.
- ⁷⁵ Там же. С. 204.
- ⁷⁸ Там же. С. 264–265.
- ⁷⁶ Там же. С. 243.
- ⁷⁹ Там же. С. 323.
- ⁸⁰ Schieman Th. Op. cit. S. 65.
- ⁸¹ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 65.
- ⁸² Le Constitutionnel. N 326.
- ⁸³ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 67.
- ⁸⁴ Stern A. Die Ergänzung zu der Mitteilung «Eine Konstitution für Russland vom Jahre 1819» // Historische Zeitschrift. 1894. Bd. 73. S. 285.
- ⁸⁵ Ibid. S. 286–287; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 68.
- ⁸⁶ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 68.
- ⁸⁷ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 4. С. 471. Примеч. 243; см. также: Письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 6 ноября 1819 г. // Остафьевский архив... Т. 1. С. 344–346.
- ⁸⁸ Все, кто специально исследовал то время, начиная от Н. К. Шильдера и кончая А. В. Предтеченским (за исключением Г. В. Вернадского), рассматривали эти явления изолированно друг от друга (см., например: Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 380–406).
- ⁸⁹ ГПБ. Ф. 488. (А. И. Михайловский-Данилевский). № 25. Л. 204–204 об.
- ⁹⁰ Stern A. Op. cit. S. 286.
- ⁹¹ Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. СПб., 1870. Ч. 1: Материалы исторические и законодательные. С. 2–45. Ср.: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 87–88.
- ⁹² РИО. Т. 73. С. 306.
- ⁹³ РИО. СПб., 1894. Т. 90. С. 212–213; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 36.
- ⁹⁴ ПСЗ-1. Т. 37. № 28106. С. 24.
- ⁹⁵ Архив ЛОИИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 18 (Кн. 7). Л. 5.
- ⁹⁶ Балашев А. Д. Записки касательно моей жизни // Архив ЛОИИ. Ф. 16 (А. Д. Балашева). Оп. 1. Д. 15. Л. 98 об. — 99.
- ⁹⁷ Там же. Д. 9. Л. 4–4 об. Ср.: ЦГИА СССР. Ф. 1409 (I отделение с. е. и. в. канцелярии). Оп. 1. Д. 3284. Л. 21.
- ⁹⁸ Остафьевский архив... Т. 1. С. 329–330.
- ⁹⁹ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. С. 89–90.

- ¹⁰⁰ Там же. С. 101.
- ¹⁰¹ ИРЛИ. Ф. 309 (Тургеневых). № 25. Л. 60 об. Подлинник на фр. яз.
- ¹⁰² Там же. Л. 67, 67 об.
- ¹⁰³ Датировка свидания Вяземского с Александром I 1820-м, а не 1819 г. вытекает из описанного им далее своего участия в этот же приезд в организации общества с целью освобождения крепостных крестьян в России (см. об этом подробно в главе второй настоящей работы). Ошибка Вяземского еще в 1908 г. была отмечена Н. К. Кульманом. См.: *Кульман Н. К.* Указ. соч. С. 99.
- ¹⁰⁴ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 87–88.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. 1. С. XXXV–XXXVI.
- ¹⁰⁶ Как установил В. И. Саитов, известие о приезде Вяземского появилось в 42-м номере «С.-Петербургских ведомостей». См.: Остафьевский архив... Т. 2: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1820–1823: (Примечания). СПб., 1901. С. 400.
- ¹⁰⁷ Первое письмо Вяземского А. И. Тургеневу, написанное после возвращения в Варшаву, датировано 24 июля. См.: Остафьевский архив... СПб., 1899. Т. 2: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым, 1820–1823. С. 42.
- ¹⁰⁸ Заметим, что в феврале 1820 г. в Петербурге было еще только «Краткое изложение основ», так как именно его, а не полный проект сумел раздобыть и отправить в Берлин прусский посланник Шеллер.
- ¹⁰⁹ Подробнее об истории этой публикации см.: *Минаева Н. В.* Указ. соч. С. 189–191.
- ¹¹⁰ ЦГАДА. Ф. 3. (Разряд III). Д. 25.
- ¹¹¹ Там же. Л. 31 об. Все цитаты из «Уставной грамоты» приводятся в дальнейшем по этому экземпляру, так как в публикации 1831 г. имеются неточности.
- ¹¹² *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 387.
- ¹¹³ *Минаева Н. В.* Указ. соч. С. 196.
- ¹¹⁴ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 1915. Т. 1. С. 69.
- ¹¹⁵ *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 132–133.
- ¹¹⁶ Там же. С. 387.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же.
- ¹¹⁹ РИО. Т. 90. С. 212–213.
- ¹²⁰ *Семевский В. И.* Общественные и политические идеи декабристов. СПб., 1909. С. 58–59.
- ¹²¹ ЦГАДА. Ф. 12 (Разряд XII). Оп. 1. Д. 269. Л. 73–75. См.: *Аскенази Ш.* Указ. соч. С. 60–64.
- ¹²² ЦГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 269. Л. 73.
- ¹²³ Там же. Л. 74 об.
- ¹²⁴ Там же. Л. 75.
- ¹²⁵ Там же. Л. 76, 76 об.; См. также: *Аскенази Ш.* Указ. соч. С. 67–68.
- ¹²⁶ ЦГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 99–109 об. Текст «Общего свода» был опубликован М.-Т. Шиманом. См.: Государственная уставная грамота Российской империи. Берлин, 1903. С. 116–128.
- ¹²⁷ А. В. Предтеченский без всяких оснований считает «Общий свод» третьей редакцией «Уставной грамоты» и датирует ее 1824 г., что явно противоречит фактам. См.: *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 384.
- ¹²⁸ Там же. С. 396.
- ¹²⁹ ЦГИА СССР. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3329. Л. 1 об.–2 об.
- ¹³⁰ Архив ЛОИИ. Ф. 16 (А. Д. Балашева). Оп. 1. Д. 9. Л. 5–5 об.
- ¹³¹ ПСЗ-I. Т. 38. № 29344. С. 811–812.

Глава 4. Крушение реформаторских замыслов.

Правительственная реакция

К концу царствования Александра общественное мнение обнаруживало много других либеральных стремлений, чем вначале; но тогда император уже не сочувствовал им: народ пошел вперед, государь же наоборот, подвинулся назад.

Н. И. ТУРГЕНЕВ
Россия и русские. 1847

Подготовка проектов освобождения крестьян и одновременные попытки возбудить в этом деле дворянскую инициативу, крестьянская реформа в Лифляндии, Эстонии, Курляндии и польская конституция, проект конституции для России и размышления о наилучших способах ее введения — все это, как и публичные заявления Александра I о возможном конституционном переустройстве политической системы страны и отмене крепостного права, было реальностью русской жизни в десятилетие, прошедшее от завершения наполеоновских войн до восстания декабристов.

Но ближе и очевиднее была другая реальность, в которой даже самый ревностный почитатель Александра I вряд ли смог бы отыскать хоть малейший намек на воплощение в жизнь проектов крупнейших преобразований.

Интенсивные поиски новых путей развития, характерные для самодержавия в 1815—1820 гг., почти никак не отразились в его практических действиях. Время летело, один год сменял другой, а реформаторские замыслы и внутренняя политика правительства оставались как бы двумя параллельными линиями, которым так и не суждено было соединиться в самой отдаленной точке. В этом смысле все александровское царствование (за редкими исключениями, какими были, например, указ о вольных хлебопашцах 1803 г. или личное освобождение крестьян в Прибалтике в 1816—1818 гг.) предстает удивительно цельным. Ведь даже такие значительные административные реформы первого десятилетия XIX в., как создание министерств или учреждение Государственного совета, ни в коей мере не затрагивали основ существующего строя, став на деле лишь косметическим ремонтом «безобразного здания» самодержавия. Недаром глубинные замыслы М. М. Сперанского, уже тогда вполне осознававшего неизбежность эволю-

ции России по буржуазному пути, так и остались нереализованными.

Пропасть отделяла русское общество второй четверти XIX в. от конца XVIII в.— так изменились идеи, культура, быт, структура государственных институтов. Но внутренняя политика Александра I принципиально ничем не отличалась от того, что делалось до него, в павловское время, и потом, в царствование его брата Николая I. Буржуазные по своей сути проекты реформ готовились, а в это же время феодальная практика самодержавия оставалась неизменной. Конкретное исследование крестьянского законодательства в 1813—1825 гг. недвусмысленно говорит об этом. Проведший его А. В. Предтеченский пришел к однозначному выводу, что «меры александровского правительства, шедшие навстречу стучавшемуся в дверь аграрно-крестьянскому вопросу, были ничтожны по своему значению»¹.

Конечно, до определенного момента внутренняя политика Александра I имела более либеральный характер, чем при его отце или брате, и то, что за ним прочно утвердилось репутация либерального правителя, имело достаточные основания. Однако даже в периоды своего расцвета либерализм Александра I не реализовывался пусть в постепенном, осторожном, но все же явном движении вперед, к тем коренным изменениям, которые открыли бы путь к буржуазному развитию. В действительной жизни он проявлялся лишь в отдельных «ослаблениях» и имел форму личных благодеяний императора. Прекрасную иллюстрацию этому находим в мемуарах декабриста Н. И. Тургенева. Описывая деятельность Государственного совета, он упоминал и те случаи, когда на его рассмотрение предлагались дела, в которых речь шла о спорах между крепостными крестьянами, требовавшими освобождения, и их хозяевами. Как правило, крепостническое большинство Совета отклоняло требования крестьян. «Но когда резолюция Совета <...> восходила к императору,— вспоминал Н. И. Тургенев,— то последний неизменно решал дело в пользу несчастных крепостных <...>»². Единичный акт был, с одной стороны, проявлением либеральных стремлений императора, создавал ему определенную репутацию, а с другой — никоим образом не затрагивал основ крепостного строя.

Положение в масштабе всей огромной Российской империи продолжало оставаться прежним и точно воспроизводило ситуацию в самом последнем помещичьем имении: в нем все зависело от личных качеств помещика, а в стране — от личных склонностей самодержца. Закон ничего не гарантировал. Как отдельное имение могло в любой момент перейти в руки крепостника, так и вся империя могла оказаться под властью человека, обладавшего более консервативным и даже реакционным мировоззрением. Что и случилось, когда на престоле оказался Николай I. Впрочем, как показали события 1821—1825 гг., либерализм мог уступить место реакции и в пределах царствования одного самодержца.

Нужно ли говорить, что если определяющей реальностью русской жизни был в то время ни в чем, в сущности, не изменившийся самодержавно-крепостнический строй, то ей неизбежно были присущи те, свойственные этой отжившей системе реакционные черты и тенденции развития, которых не могла устранить никакая либеральная в частности политика. Понимал ли это Александр I? В знаменитой беседе с Жерменой де Сталь, состоявшейся в 1810 г., услышав ее комплимент, что он сам — лучшая конституция, император ответил: «Я лишь счастливая случайность». В этом ответе значимо каждое слово: слово «случайность» говорит о том, что необходимы — и Александр I это понимает — коренные изменения, делающие позитивные сдвиги независимыми от появления другой «случайности». Но «случайность» все-таки «счастливая», и, значит, Александр был во власти иллюзии, что сам-то он на деле олицетворяет конституцию для России. Какая путаница понятий! Александр так и не смог до конца осознать, что, как бы прогрессивны ни были его стремления, неизменная система будет неуклонно их перемалывать, воспроизводя сама себя.

С этой точки зрения понятны его иллюзии, будто, действуя в рамках существующего строя, можно продвинуться вперед. Не было у него и ясного представления о том, что является действительно новым, прогрессивным, а что зиждется на отжившей, тянущей в прошлое основе. В этих условиях меры, задуманные с самыми благими и либеральными намерениями, на деле не раз оборачивались торжеством реакции.

Так, реакционный характер Священного союза, который 26 сентября 1815 г. заключили Россия, Австрия и Пруссия и к которому вскоре присоединались все европейские монархии, выявился отнюдь не сразу. Хотя в основе деятельности Союза лежал выработанный на Венском конгрессе феодально-абсолютистский в своей основе принцип легитимизма, т. е. «законности» существующих феодальных монархий и незыблемости государственных границ, существовавших до Великой французской революции, но на первых порах охранительные тенденции Союза проявлялись не столь отчетливо³.

В начальный период существования Священного союза отдельные его участники, в том числе и Александр I, поддерживали определившиеся в Европе после падения Наполеона либеральные настроения. Александр I добивался и добился конституции для Польши и конституционной монархии для Франции. Конституционное устройство из рук Священного союза получили некоторые германские княжества, была подтверждена шведская конституция.

Однако с течением времени реакционный характер этого международного объединения обнаруживался яснее. Русское самодержавие и весь Союз все решительнее становились на путь прямого подавления буржуазных революций, на путь открытой интервенции против стран, сбрасывавших феодально-абсолютистские оковы.

В 1818 г. состоялся Ахенский конгресс Священного союза. Он показал, что заявления о «народном праве», о защите интересов государств, а не отдельных государей и т. п. всего лишь пустые фразы. Это с очевидностью доказал Секретный протокол, подписанный уполномоченными России, Австрии, Англии и Пруссии 3(15) ноября 1818 г. В нем подписавшие его государства подтверждали свои обязательства принимать меры, способствующие «предупреждению гибельных следствий нового революционного потрясения, которое будет угрожать Франции»⁴. Антиреволюционный характер Священного союза начал принимать к этому времени зримые очертания.

События 1819 г. (и прежде всего убийство К. Зандом известного реакционера А. Ф. Коцебу) стали поводом к открытому провозглашению и одобрению политики интервенционизма. Собранные осенью этого года в Карлсбаде уполномоченные союзных немецких государств фактически санкционировали возможность вмешательства извне в дела государств Союза.

Либеральной и прогрессивной традиционно считается политика Александра I в области культуры и просвещения в первые два десятилетия XIX в.; открывались новые университеты, гнет цензуры стал несравненно слабее, создавались и завоевывали довольно широкую аудиторию многие общественно-политические журналы. Однако и здесь феодально-крепостнические тенденции ощутимо давали себя знать.

Главными проводниками феодальной реакции стали в это время А. Н. Голицын и М. Л. Магницкий. Особенное значение и распространение приобрел мистицизм. Происходило резкое усиление влияния религии на все стороны культурного процесса. Свое отчетливое выражение это нашло прежде всего в создании в 1817 г. нового министерства — духовных дел и народного просвещения, во главе которого был поставлен кн. А. Н. Голицын.

Официальное соединение под одной эгидой церковных дел и просвещения вызвало глубокое осуждение всех, кому были небезразличны судьбы русской культуры. Характерно, что даже Н. М. Карамзин известным своими консервативными взглядами, отнесся к этому шагу верховной власти отрицательно, язвительно назвав новое министерство «министерством затмения»⁵. В числе первых предложений нового министра, обсуждавшихся в 1817 г. в правительственных кругах, был вопрос о ликвидации почти всех существовавших в то время университетов. «Более нежели вероятно, — писал находившийся в это время в Петербурге попечитель Казанского учебного округа Салтыков, — что за исключением Московского все остальные наши университеты будут упразднены: вопрос о закрытии университетов Казанского и Харьковского уже поставлен на очередь»⁶.

Закрыты университеты все же не решились, но несколько времени спустя на них было начато широкое наступление. Выразилось это прежде всего в разгроме М. Л. Магницким Казанского университета. Возвращенный в 1817 г. из ссылки, куда он попал

в 1812 г. вместе со Сперанским, Магницкий в начале 1819 г. был назначен членом Главного правления училищ при министерстве Голицына, а уже 8 июня по ходатайству последнего получил назначение на пост попечителя Казанского учебного округа. Прибыв в Казань, Магницкий первым делом изгнал из университета по подозрению в «неблагонадежности» 11 лучших профессоров. В университетской библиотеке были уничтожены все книги, признанные им вредными по содержанию. В университете был установлен казарменный режим. Магницкий, по свидетельству современников, отдавал даже без суда в солдаты студентов, признанных им виновными в нарушении установленных порядков.

Зато верховная власть могла быть довольна: все преподавание в университете было пронизано религиозными идеями. Ректор университета Г. Б. Никольский, например, посвятил свою деятельность доказательству совершенного согласия законов математики с истинной христианской религией. Причиной «вольнодумства», по его мнению, был «дух времени». В математике же, писал он, «видим превосходные подобию священных истин христианства. Например, как числа без единицы быть не может, так и вселенная без Единого владыки не могла бы существовать»⁷. Вряд ли есть необходимость комментировать подобные «научные» труды.

17 января 1820 г. Александр I утвердил инструкцию для управления университетом, выработанную Магницким. В основу воспитания и обучения студентов она закладывала два принципа — покорность и религию. В ней подчеркивалось, что всего «важнее для правительства <...> чтобы вредный дух времени, всеразрушающий дух вольнодумства не проникнул в те священные убежища, где воспитанием настоящего юношества обеспечиваться должно счастье будущих поколений». Одной из центральных задач университетов ставилось убеждение студентов в незыблемости и божественном происхождении монархического правления⁸.

Однако в этой череде внешне- и внутривластных акций правительства Александра I вряд ли что может сравниться с введением военных поселений, ставших символом самой мрачной реакции.

К реорганизации армии самодержавие толкали объективные причины. Буржуазное развитие европейских государств изменило и сами армии, и характер ведения войн. Старая рекрутская система комплектования войск отжила свой век. С конца XVIII в. в западноевропейских армиях стал утверждаться новый, буржуазный принцип комплектования — всеобщая воинская повинность. В России этому препятствовало крепостное право. Поэтому для уничтожения рекрутской системы был избран иной, поистине «оригинальный» путь — военные поселения.

Первый опыт поселения войск относится еще к 1810 г. 9 ноября был издан указ Александра I на имя генерала Лаврова, в котором предписывалось приступить к поселению запасного ба-

тальона Елецкого мушкетерского полка в Климовичском уезде Могилевской губернии на землях государственных крестьян⁹. Для этого в 1810—1811 гг. несколько тысяч крестьян были насильно выселены с исконно занимаемых ими земель и отправлены в Новороссийский край¹⁰. Начавшаяся вскоре Отечественная война прервала устройство военных поселений. Но в 1815 г. их организация развернулась с новой силой. В обстановке острого финансового кризиса, разразившегося после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, самодержавие было особенно заинтересовано в превращении армии в самокупаемую и надеялось в создании целой системы поселенных войск найти выход из финансовых трудностей.

5 августа 1816 г. был дан указ на имя новгородского гражданского губернатора Муравьева с повелением расположить в Высоцкой волости Новгородского уезда 2-й батальон гренадерского графа Аракчеева полка. Высоцкая волость изымалась из подчинения земской полиции и передавалась в ведение батальонного командира¹¹. Но теперь поселение войск происходило уже на иных началах. Изгнание государственных крестьян из родных мест было признано слишком хлопотным и опасным, поэтому солдаты решили поселять вместе с ними, обращая крестьян в военных поселенцев. Крестьяне, обращаемые в военных поселенцев, получали паименование коренных жителей и подчинялись военному начальству. Все мальчики зачислялись в кантонисты и должны были со временем пополнить поселенные войска.

В 1816 г. в Новгородской губернии было осуществлено поселение 1-й гренадерской дивизии, в 1817 г. в Херсонской и Слободско-Украинской губерниях — Бугской и 3-й Украинской дивизий. В 1825 г. в Петербургской, Новгородской, Могилевской, Слободско-Украинской и Херсонской губерниях было поселено более 150 тыс. солдат, а на положение военных поселенцев переведено 374 480 государственных крестьян¹². В целом военные поселения включали в себя уже треть русской армии. По всей вероятности, только смерть помешала Александру I полностью осуществить свои замыслы и поселить всю армию. О подобных намерениях явно свидетельствует одно из сохранившихся его писем А. А. Аракчееву. 14 января 1822 г. Александр писал: «Пришли мне общую карту предполагаемого поселения всей армии»¹³.

Поселенные войска составляли Отдельный корпус военных поселений, который воспринимался современниками как особое «военное государство» под управлением гр. Аракчеева. Знаменательно, что такое серьезное государственное преобразование было совершено исключительно практическими актами самодержавной власти. Не было составлено никаких положений или регламента о поселении войск, этот вопрос не обсуждался ни одним государственным органом. «Поселение войск,— замечал Н. К. Шильдер,— совершилось, так сказать, келейно волею императора Александра и трудами графа Аракчеева»¹⁴.

Создание военных поселений было крупнейшим и реакционнейшим по существу государственным преобразованием, означавшим на деле двойное закрепощение крестьянства. Формально освобожденные от крепостной зависимости, военные поселяне оказались прикрепленными к земле даже прочнее, чем раньше. Поселянин был лишен возможности уходить на заработки, заниматься торговлей или промыслами. Более того, в местности, приписанные к военным поселениям, возвращали даже тех, кто давно уже утратил связь с родным домом. В приказе по Слободско-Украинским военным поселениям говорилось: «Всех торгующих, способных к службе, не имевших никогда пашни и своих волов, хотя бы кто из них и свой дом имел <на стороне>, записать в действующие <эскадроны>. <...> Из числа тех, кто и прежде поступления в состав военного поселения занимался какими-либо мастерствами и кто не имел своего хозяйства и волов, всех способных записать в действующие».

Все это, по справедливой оценке В. А. Федорова, глубоко исследовавшего положение военных поселян, «отбрасывало вспять крестьянское хозяйство, уже втянутое в товарно-денежные отношения, и находилось в резком противоречии с общим процессом экономического развития страны»¹⁵. Военные поселяне, писал декабрист Н. И. Тургенев, были прикреплены к земле, причем их прикрепили «более ненавистным способом, чем даже помещичьи крепостных»¹⁶.

Кроме хозяйственной кабалы, военный поселянин пожизненно и наследственно попадал в кабалу армейскую, превращаясь в солдата. Наряду с обычной крестьянской работой он должен был выполнять все требования строевой жизни. В условиях палочной дисциплины, жестоких наказаний, постоянных и бессмысленных учений, где главным являлось механическое выполнение воинских артикулов, трудно было сказать, какая из двух неволь — солдатская или крестьянская — была тяжелее.

В военных поселениях царил произвол. О кошмарной обстановке в «государстве Аракчеева» открыто говорили даже в самой царской семье. Принц Евгений Вюртембергский, племянник вдовствующей императрицы Марии Федоровны, вспоминал: «Между тем надо знать всю обстановку военных поселений, чтобы прийти в ужас от тамошних жестокостей; целые сотни мужиков прогоняются сквозь строй и засекаются насмерть, так что человеколюбивому некогда Александру нечего удивляться, коль скоро подданные произносят его имя с наболевшей горечью»¹⁷.

Уже самые первые шаги на пути введения военных поселений встретили упорное сопротивление. Крестьяне и казаки, видя в военных поселениях новый вид закрепощения, боролись за сохранение своего прежнего положения. Поначалу они ограничивались подачей жалоб и просьб Александру I и членам царской семьи. Осенью 1817 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна была остановлена на пути в Москву крестьянами, которые просили ее «о защите и милости». Спустя некоторое время вел.

кн. Николай Павлович, ехавший вместе с прусским принцем Вильгельмом, был также остановлен толпой в несколько сот крестьян, вышедших из леса и преградивших дальнейший путь. «Можете судить, сколь поразила подобная встреча,— писал очевидец.— Они все бросаются на колена, плачут, криком своим просят, дабы их пощадили. Женщины и девки пели *grimo* в сей мелодии; но великий князь отделался словами и продолжал дорогу. Прекрасный, разительный пример пруссакам о нашем домашнем благоденствии, улучшении, счастье и пресчастьи»¹⁸.

Не добившись успеха, крестьяне взялись за оружие. Восстание в Холынской волости Новгородской губернии пришлось подавлять уже военной силой. В центре восстания — д. Естьяны, где собирались вооруженные кольями, топорами, косами и вилами крестьяне,— была организована сильная оборона, сломить которую удалось лишь благодаря осаде, проведенной по всем правилам военного искусства¹⁹. Известие о жестокой расправе над крестьянами разнеслось по России. «В Новгородской губернии казенные крестьяне тех волостей, которые были назначены под первые военные поселения,— вспоминал декабрист И. Д. Якушкин,— чуя чутьем русского человека для себя беду, возмутились. Гр. Аракчеев привел против них кавалерию и артиллерию; по ним стреляли, их рубили, многих прогнали сквозь строй, и бедные люди должны были покориться. <...> Им тотчас же обрили борода, надели военные шинели и расписали по ротам и капральствам. Известия о новгородских происшествиях привели всех в ужас»²⁰.

Летом 1817 г. в связи с введением военных поселений вспыхнуло восстание Бугского казачьего полка в Херсонской губернии. В начале 1818 г. аналогичными восстаниями было охвачено до 16 тыс. крестьян и казаков Слободско-Украинской губернии. Сломить упорное сопротивление крестьян удалось только применением военной силы. Однако, заставив огнем и мечом принять военные поселения, самодержавие только загнало противоречия вглубь. Военные поселения постоянно служили для верховной власти источником крайнего беспокойства.

Ответом на безудержную эксплуатацию и жестокие «аракчевские» порядки, царившие в военных поселениях, стало восстание чугуевских военных поселян в 1819 г. По мнению специально изучавшего его В. А. Федорова, оно было не просто выступлением крестьян, добивавшихся освобождения от феодальных повинностей и наделения землей, но актом прямой борьбы со всей системой феодально-абсолютистской власти²¹. Двойное закрепощение, происшедшее в результате перевода крестьян в военные поселяне, обусловило характер требований восставших. Восстание чугуевских военных поселян в 1819 г. происходило под лозунгами возвращения им отнятых земель, освобождения от всех новых повинностей и превращения обратно в государственных крестьян и казаков, т. е. возвращения в «подушный оклад».

Восстание началось в середине июля и продолжалось почти два месяца. Аракчеев был вынужден приступить к решительным действиям. Только под натиском превосходящих правительственных войск восстание пошло на убыль, начался массовый арест военных поселян. К концу августа было взято под стражу уже более 2 тыс. восставших. Из них 363 человека были преданы военному суду, признавшему их виновными в возмущении против законной власти. 273 военных поселян суд приговорил к смертной казни, замененной затем 12 тыс. шпицрутен. Аракчеев доносил императору 19 августа 1819 г.: «Определенное наказание произведено в Чугуеве 18 августа. <...> Ожесточение преступников было до такой степени, что из сорока человек трое, раскаявшись в своем преступлении, просили помилования; они на месте прощены; прочие 37 наказаны; но сие наказание не подействовало на прочих арестантов, при оном бывших, хотя оно было строго и примерно, ибо пехотные солдаты по неудовольствию своему на чугуевцев за их возмущение сильно их наказывали». Как видим, даже под палками восставшие отказывались признавать свою вину и продолжали протестовать против военных поселений. 29 восставших были забиты насмерть²².

Кровавая расправа с военными поселянами вызвала возмущение и гнев передовой России. Зверства, проявленные во время подавления восстания, по словам декабриста С. П. Трубецкого, «возбудили всеобщее негодование», причем «и имя самого императора не осталось без нареkania»²³. Многие декабристы описывают в своих воспоминаниях взрыв антиправительственных настроений, вызванный известиями о жестоком усмирении чугуевцев, о смертной казни, о наказании шпицрутенами и розгами. «В 1819-м году и в 1820-м много говорили, и не одни мы, о жестоком усмирении чугуевцев», — показывал на следствии декабрист А. В. Поджио²⁴.

Понятно, как велико было значение военных поселений в формировании революционной идеологии декабристов, в складывании их убеждения, что строй, способный из своих недр породить подобного монстра и, не останавливаясь ни перед чем, упорно его внедрять, вряд ли может быть реформирован сверху.

Сам же Александр I чем дальше, тем больше был уверен в необходимости и верности избранного им пути. Вряд ли можно что-нибудь добавить к его словам о военных поселениях, сказанным однажды в порыве откровенности: «Они будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова»²⁵.

Возникает закономерный вопрос: как же мог Александр I в одно и то же время готовить проекты освобождения крестьян, конституционного переустройства страны и вводить военные поселения? Дело в том, что самому императору вряд ли было очевидно резкое противоречие между его либеральными планами и его действиями. Он мог вполне искренно полагать, что, вводя военные поселения, не просто решает выдвинутые самой жизнью

задачи реорганизации армии, но и делает решительные шаги к будущему решению крестьянского вопроса. Ведь одним ударом уничтожалась устарелая в военном отношении и ненавистная крестьянам рекрутчина, а помещичьи крестьяне, став военными поселенцами, навсегда освобождались от крепостной зависимости.

Итак, крепостническая действительность того времени находилась в явном противоречии с курсом на коренные реформы. Но пока сама верховная власть разрабатывала проекты буржуазных преобразований, пока мысль о принципиальных изменениях не была окончательно отброшена, существовала еще надежда на то, что ростки нового наконец пробьются наружу и именно они, а не военные поселения станут определяющими в облике страны.

В начале 1820-х годов надежды эти уже полностью рассеялись. Чем дальше, тем очевиднее становилось, что возникающий в стране политический кризис, борьба старого и нового разрешатся только усилением феодальной реакции. Верховная власть, сам Александр I стремительно двигались вправо, и 1821—1822 годы оказались тем рубежом, когда для правительства и для общества стало ясно, что реформ не будет. «После 1820 года — года южно-европейских восстаний и возмущения Семеновского полка, — писал Н. М. Дружинин, — Александр I отказался от плана социально-политической реформы и избрал путь открытой последовательной реакции: к этому моменту экономическое оживление ликвидировало последствия войны, крестьянское движение было потушено, а в Европе решительно утвердилась гегемония Священного союза»²⁶.

Как же происходил этот поворот в сознании самого Александра I? Как и когда пришло к нему понимание невозможности осуществления намеченных преобразований? Вопросы важные. Историк, как правило, не располагает источниками для их решения. Сложно проникнуть в замыслы, которые осуществлялись втайне и от общества, и от большинства правящей элиты, но предпринятое нами исследование показало, что это возможно, ибо любая *деятельность* оставляет документальные следы. Когда же реформы отставлены, дела попросту нет, нет поэтому и фиксирующих его документов.

Ясно одно: процесс был сравнительно долгим и мучительным. Мы в состоянии осветить лишь отдельные эпизоды нелегкого пути, закончившегося тяжелым душевным кризисом Александра I, погружением его в мистицизм и, наконец, смертью осенью 1825 г. вдали от столицы, в маленьком провинциальном городке Таганроге.

Понимание, что с планами реформ, в сущности, покончено, приходит к Александру I летом 1821 г. Утверждать это столь уверенно позволяет краткое, но очень выразительное свидетельство в дневнике М. М. Сперанского. Весной этого года опальный сановник после девятилетнего вынужденного отсутствия вернулся в Петербург и вновь стал одним из доверенных лиц императора. Возобновились почти ежедневные встречи Сперанского и Алек-

сандра I, их совместная работа. И вот 24 августа 1821 г. Сперанский занес в свой дневник следующую запись слов императора: «Разговор о недостатке способных и деловых людей не только у нас, но и везде. Отсюда *заключение*: не торопиться преобразованиями; но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются»²⁷. Трудно было признаться самому себе, что реформы вовсе не будет. Еще труднее было сказать об этом человеку, с которым в былые годы откровенно и открыто обсуждались эти замыслы.

В этой беседе отразилась вся сложность и безнадежность позиции Александра I. Во-первых, это горькое признание в своем бессилии преобразить страну, лишь слегка прикрытое ссылкой на отсутствие «способных и деловых людей». Во-вторых, попытка убедить (себя? собеседника?), что это не окончательное отступление, а лишь нежелание «торопиться». И в-третьих, откровенно выраженное намерение скрыть от передовой части общества свое поражение, «делая вид», что верховная власть по-прежнему готовит реформы. Кстати, именно этим Александр I занимался вплоть до 1823 г. в отношении генерал-губернаторства А. Д. Балашева. Выбор в пользу реакции был сделан, и остановиться было уже невозможно.

Именно в это время Священный союз окончательно приобрел те черты, которые позволили Ф. Энгельсу назвать его заговором «всех европейских монархов против их народов под главенством русского царя»²⁸. На конгрессах в Троппау и Лайбахе были похоронены владевшие когда-то Александром I мечты быть главой прогрессивного движения в Европе.

В ноябре 1820 г. в Троппау был подписан предварительный протокол, где предусматривалась возможность применения «принудительной силы» для подавления революций²⁹, а спустя некоторое время, весной 1821 г., в Лайбахе была выработана и принята особая декларация о праве вооруженного вмешательства в дела любой страны, которой угрожает революция,— ответ защитников феодальных устоев на революционные события в Италии, Испании и Португалии³⁰. Феодальная реакция, во главе которой встал Александр I, стала несомненной реальностью.

После подписания протокола в Троппау русская армия начала готовиться к интервенции в революционную Италию. Александр I отдал секретное распоряжение о переброске части гвардии к западным границам России. 3 марта 1821 г. царь подписал специальные указы командующему Литовским корпусом вел. кн. Константину Павловичу и главнокомандующим 1-й и 2-й армиями Сакену и Витгенштейну, где определялось, что более 100 тыс. войск должны будут выступить в направлении австро-сардинской границы. Поспешность своих действий Александр объяснял реальной угрозой «общего восстания всей Италии»³¹. Лишь подавление революции в Неаполе и Пьемонте помешало вооруженному вмешательству России. В следующем, 1822 г. Веронский конгресс

санкционировал вторжение королевских французских войск в Испанию. В 1823 г. революция там была подавлена.

Одновременно наступил окончательный поворот к реакции во внутренней жизни России. Начало ему положило печально знаменитое «дело» профессоров Петербургского университета. 29 августа 1821 г. новый попечитель Петербургского учебного округа Д. П. Рунич, о котором желчный Ф. Ф. Вигель писал, что он был «чистосердечнее» М. Л. Магницкого, «зато уже бессмысленнее его ничто не могло быть»³², предписал ректору университета доставить сведения «касательно постановления всех сторон его (т. е. университета.— С. М.) жизни и деятельности». Однако, видимо не уверенный в быстром получении необходимых сведений, Рунич прибег вскоре к другому источнику — студенческим записям лекций. Внимание его привлекли лекции профессоров Галича, Германа, Раупаха и адъюнкта Арсеньева.

Как доносил Рунич А. Н. Голицыну, после просмотра конспектов оказалось, что профессор Раупах при преподавании всеобщей истории не признает библейских книг «достаточным источником», профессор Герман «в статистике России находит священное писание несообразным с геогнозиєю», а профессор Галич «открыто проповедует систему, по которой в наше только время достигшему высшего просвещения разуму приписывается способность познавать вещи, как они действительно сами по себе суть»³³. Через несколько дней конспекты были рассмотрены в Главном правлении училищ, и профессора были обвинены уже не только в пропаганде ошибочных теорий, но и в сознательном подрыве господствующего порядка. «Весь состав сих наук,— говорится в заключении, составленном в Главном управлении училищ,— оказался обдуманною системою неверия и правил зловерных и разрушительных в отношении к нравственности, образу мыслей и духу учащихся и благосостоянию всеобщему»³⁴. Было принято решение об отстранении Германа, Галича, Раупаха и Арсеньева от преподавания в университете.

Но этого Руничу показалось недостаточным. Он попытался добиться публичного обвинения профессоров на университетской конференции, рассчитывая услышать и покаяния обвиняемых. Однако разыгранный им фарс позорно провалился. По признанию самого Рунича, после долгого обсуждения «составить общее мнение» оказалось невозможным. Тогда, писал Рунич, «я нашелся в необходимости превратить совещание в вопросы». В результате «произошли: 1) разные голоса противудействующей партии; 2) упорное отвержение основательности выписок, указывающих на вредность учения, и 3) настоятельное подкрепление требований Германа и Раупаха о выдаче им собственных записок и студенческих тетрадей». Все это было, по словам Рунича, попыткой уйти от прямого признания того, что «дело идет не об учености, но о нападении на религию и правительство»³⁵. В конечном счете к четырем оставленным профессорами прибавилось еще четверо (Шармуа, Деманж, Балугьянский и Плисов, уволенных

или покинувших университет в знак солидарности с коллегами.

В докладе А. Н. Голицына Александру I, подводящем итог «очищению» столичного университета, так оценивалось прежнее преподавание: «<...> Вопреки всякой истине и здравому смыслу составленные науки ограждаются пышными наименованиями учености, просвещения, образованности, *собственных сил разума* и тому подобными, свергают с человек все узы повиновения, разрывают связи общественные, искореняют алтари, ниспровергают престолы и превращают весь порядок благоустроенного общества в бурный хаос <...>»³⁶.

Эти события знаменовали собой важное явление в идеологической области. Усилиями государственной машины фидеизм возводился в ранг науки. Разгром Казанского, а затем и Петербургского университетов, распространение упомянутой выше инструкции Магницкого в качестве руководства для всех университетов завершили этот процесс. Возник явный кризис идеологии «просвещенного абсолютизма», т. е. той идеологической доктрины, которой самодержавие придерживалось в течение длительного времени³⁷. В оставшиеся несколько лет александровского царствования новая доктрина не была сформулирована. Реакция получила свое идеологическое обоснование и выражение только в следующее царствование, когда была создана и стала усиленно внедряться теория «официальной народности». Но практика готовила для нее почву, нагнетая реакционные меры в области культуры и просвещения.

Не заставил себя долго ждать и поворот к реакции в двух важнейших областях политической жизни — в крестьянском вопросе и в управлении страной. Понятно, в каждой из них он произошел по-своему.

Когда отказ от каких бы то ни было реформ крепостной деревни стал свершившимся фактом, верховная власть обратилась к усилению крепостнического гнета. Если не решаться на реформы — значит, надо укреплять и поддерживать старый порядок. Иного в создавшейся ситуации дано не было. От поисков путей уничтожения крепостного права Александр I вынужден был перейти к поискам путей его укрепления. Искать долго не пришлось. Сама жизнь, крепостническая среда, чутко уловившая наметившуюся перемену, давали в руки императору возможность четко и недвусмысленно определить новую позицию в столь важном вопросе.

3 марта 1822 г. Александр I утвердил мнение Государственного совета «Об отсылке крепостных людей за дурные поступки в Сибирь на поселение». Впервые за всю историю своего царствования Александр I издал закон, не только не ослаблявший или ограничивавший крепостное право, а, напротив, резко расширявший границы прав помещика. Либеральный Александр I одним решительным росчерком пера сделал помещичий произвол поистине беспредельным.

Поводом к изданию указа послужили следующие обстоятельства. Новгородские помещики П. и А. Протасовы отдали под суд своих дворовых Ф. Максимова и С. Родионова, обвиняя их в попытке покушения на свою жизнь. По выявившейся в ходе разбирательства в Белозерском уездном суде и Новгородской уголовной палате «неясности доказательств» дело рассматривалось в Новгородском совестном суде и было решено в пользу крестьян. Учитывая, что вина так и осталась недоказанной, а обвиняемые ни в чем не признались и даже были «повальным обыском одобрены» (т. е. крестьянская община высказалась в их пользу), суд постановил, «вменя им в наказание тюремное содержание, возвратить их на прежнее жительство». Но Протасовы отказались принять их на жительство и стали добиваться сдачи их в рекруты. Максимова им удалось сдать, Родионов же «по немолодым его уже летам» в военную службу принят не был. Тогда Протасовы обратились в Сенат с прошением о принятии Родионова на любых условиях в казенное ведомство.

Дело рассматривалось в I департаменте и из-за разногласий, возникших между членами, было перенесено в общее присутствие петербургских департаментов. Именно здесь частный случай был использован как предлог для издания нового законодательного акта. Сенат, рассмотрев дело, постановил не просто удовлетворить просьбу Протасовых, а разрешить им сослать Родионова на поселение в Сибирь. Более того, Сенат признал необходимым распространить на всех крестьян, «коих помещики за пьянство и другие предерзостные поступки, причиняющие им беспокойства, иметь при себе не пожелают и кои к воинской службе окажутся неспособны», право помещиков ссылать их в Сибирь без судебного приговора и вопреки «одобрению на повальном обыске».

Государственный совет одобрил решение Сената и положил «оное утвердить с тем, чтобы людей, удаляемых помещиками, посылать в Сибирь на поселение без зачета за рекрут». На журнале общего собрания Государственного совета Александр I начертал: «Быть по сему»³⁸. Теперь ничто не могло помешать помещику по первому его желанию сослать крестьянина в Сибирь за любой поступок, «причиняющий им беспокойство», как с поразительным цинизмом и откровенностью выражено в сенатском заключении.

Показательно и даже символично, что окончательный разрыв с реформаторскими замыслами и наступление реакции в крестьянском вопросе выразились именно в издании подобного указа. Ведь не кто иной, как Александр I в пору расцвета своего либерализма указами от 10 марта 1809 г. и 5 июля 1811 г. *запретил* ссылать крепостных в Сибирь в каторжную работу и на поселение *по воле* помещиков³⁹. Теперь все это уже не имело никакого значения.

В историографии указ от 3 марта 1822 г. как-то не оценен по достоинству. До сих пор апогеем крепостничества считается крестьянское законодательство Екатерины II. Изданный в 1822 г.

указ дает все основания поставить под сомнение приоритет державной бабки и по справедливости передать пальму первенства ее венценосному внуку. Достойно изумления, что поворот верховной власти к реакции был ознаменован шагом, по своему крепостническому содержанию превзошедшим меры, бывшие реакционными даже в далеком уже XVIII столетии.

В сфере управления страной, той области, где еще совсем недавно речь шла о конституционном ограничении абсолютизма, поворот к реакции приобрел совершенно неожиданную форму. Политической реальностью последних лет александровского царствования стал, казалось бы, навсегда отошедший в прошлое фаворитизм. Реальная государственная власть от самодержца перешла полностью в руки всесильного временщика — Алексея Андреевича Аракчеева. Влияние А. А. Аракчеева на Александра I всегда было очень велико. С годами оно росло и укреплялось. Однако никогда ранее «интимному другу» не принадлежала роль единовластного политического руководителя, определяющего все стороны жизни Российской империи. Беспрекословный исполнитель предначертаний высокого патрона — вот устоявшаяся за десятилетия схема отношений Аракчеева и Александра. «Без лести предан» — недаром именно этот девиз он избрал для своего герба, когда получил графский титул из рук благодарного монарха.

Пока шла речь о реформах, Александр опирался на людей, имевших широкий политический кругозор, способных к усвоению передовых политических учений (их, конечно, катастрофически не хватало, но такова уж судьба политических систем, находящихся на излете отпущенного им историей времени). Сперанский, Чарторыйский, Новосильцов — назовем хоть эти имена. И тогда в их круге Аракчеев занимал достаточно заметное место. Но было время замыслов реформ — и он шел в ногу со временем, истово исполняя поручения императора, обдумывая реформаторские проекты. Наступило иное время — и оно оказалось *его* временем.

Теперь, далеко отеснив прежних советников царя, Аракчеев выдвинулся на первое место. При всей несомненной неординарности это был человек, начисто лишенный качеств политического мыслителя. Хитрый, ловкий, умелый, жестокий — все что угодно, но только не политик, если понимать этот термин как синоним не царедворца, а государственного деятеля.

Отступление от реформ означало для Александра I, в сущности, крах всего того, что он исповедовал с юности, в чем видел свое высокое предназначение. Рушились иллюзии, а мир вокруг становился все более колеблющимся и тревожным. Революции в Европе и тайные дворянские организации внутри страны, о существовании которых Александр I с достоверностью узнал в 1821 г. из доноса члена Коренного совета Союза благоденствия М. К. Грибовского, возмущение надежнейшего из надежнейших Семеновского полка, который пришлось расформировать, и невоз-

мжность далее скрывать от себя собственное бессилие — все толкало Александра I к человеку, обладавшему тем, чего ему все более недоставало, — решительностью и уверенностью в своих действиях.

Вел. кн. Николай Михайлович, тонкий и наблюдательный историк, которого трудно заподозрить в стремлении разоблачить Александра I, писал об этом процессе: «С 1822 г. по всем делам государь начал слушать только одного Аракчеева, принимать исключительно его доклады по всем отраслям управления; а всесильный граф окружил монарха исключительно своими ставленниками и клевретами, не смевшими ему противоречить и что-либо предлагать, не посоветовавшись предварительно с ним. Последние четыре года царствования Александра Павловича стали в действительности годами управления Россией одного Алексея Андреевича Аракчеева. Он издавал законы, рассылал повеления, наказывал, миловал, объявлял выговоры или высказывал неудовольствие, выдвигал разные бездарности, в общем угнетал своим бессердечным игом Россию и русских поданных <...>»⁴⁰

И все это видно не только с дистанции прошедших лет, на определенном историческом расстоянии, но вполне осознавалось и современниками. «...Став царем, судией посреди царей, Александр предался апатии,— писал А. М. Тургенев, человек, далекий от революционной среды и передового общественного движения,— и вверил правление обширнейшего своего государства Аракчееву, человеку-невежде, дышащему злобою и ненавистью, которого, кроме гнуснейших льстецов, никто терпеть не мог, не произносил без презрения его имени. Народ, да и во всех сословиях общества Аракчеева называли змеем-горынычем! В извинение сего ни слов, ни доказательств не сыщется»⁴¹. Подобные свидетельства можно множить до бесконечности. Мы не останавливаемся на них — они общеизвестны и прочно вошли в сознание. Но то, что понимала, казалось, вся Россия, игнорировалось верховной властью, самим Александром I. Да и могло ли быть иначе, когда в Аракчеве и установленном им режиме Александр видел теперь единственное спасение?

Фаворитизм — явление, с которым феодальная монархия сравнительно легко справлялась в период своего достаточно стабильного существования,— в новые времена привел ее на грань катастрофы. Всесилие Бирона или Потемкина не ставило под сомнение существование русского абсолютизма, «аракчеевщина» много сделала для того, чтобы этот вопрос был поставлен на повестку дня. Неверно было бы сводить ее только к конкретным проявлениям реакции, как это иногда делается. Понятие это много шире. «Аракчевский режим,— пронизательно писала М. В. Нечкина,— был системой резкого усиления крепостнического гнета, попыткой в условиях кризиса феодализма путем грубейшего насилия укрепить крепостнический строй»⁴².

Что же общество? Чем ответила его передовая часть на отступление самодержавия, на установление режима, отбросившего страну далеко назад? Нельзя не видеть прямую связь между окончательным поворотом верховной власти к реакции и переходом тайных декабристских обществ к программе военной революции.

Собравшийся весной 1821 г. в Москве съезд Союза благоденствия стал одной из самых существенных страниц истории движения декабристов. Решения, принятые на съезде, предопределили программу, тактику и организационные формы последующей борьбы первых русских революционеров. Во-первых, на съезде была утверждена новая организационная структура тайного дворянского революционного общества, зафиксированная в уставе и сохранившаяся вплоть до 1825 г. На смену расплывчатому, аморфному Союзу благоденствия пришла хорошо законспирированная и четко сформированная тайная организация. Во-вторых, впервые в истории тайного общества была принята политическая программа. Целью общества объявлялось «приготовить Россию к представительному правлению». В-третьих, на съезде была выработана и принята тактика, направленная на достижение поставленных целей в новых условиях, — тактика военной революции.

Ошибочно было бы думать, что московский съезд и принятая на нем декларация о роспуске Союза благоденствия преследовали только конспиративные (избавиться от колеблющихся членов) или тактические (отстранить от участия в обществе наиболее радикальное крыло во главе с Пестелем) цели. «Роспуск Союза благоденствия и создание нового тайного общества, — совершенно справедливо отмечает С. С. Ланда, — были вызваны не одними конспиративными соображениями, угрозой вполне реальных полицейских преследований. Отбрасывались не только изжившие себя формы политической деятельности — пересматривалась идеологическая концепция Союза благоденствия, определявшая просветительский тип организации общества, демократический масштаб его деятельности <...>»⁴³ Утверждались представления о революционном перевороте как высшем выражении суверенных прав всего народа. На отказ верховной власти от реформ тайное общество ответило переходом от тактики просветительной конспирации к тактике прямого революционного действия.

Следующим шагом на пути развития декабристского движения стало возникновение Северного и Южного обществ и создание двух основных программных документов — «Русской Правды» П. И. Пестеля и конституции Н. М. Муравьева.

К работе над конституцией Н. М. Муравьев приступил осенью 1821 г., когда надежды на мирное, «сверху» политическое преобразование практически исчезли. Муравьев, несомненно, был хорошо осведомлен о работе над конституцией в Варшаве. Недаром первый вариант его конституции носил название «Уставная грамота Славяно-русской империи», предусматривал федеративное

разделение России на 14 держав (без Польши и Финляндии) и перенесение столицы в Нижний Новгород. Путь, по которому Н. М. Муравьев мог получить информацию о проекте конституции, разработанной под руководством Н. Н. Новосильцова, достаточно ясен: через Вяземского с проектом познакомился С. И. Тургенев, информировавший об этом своего брата Николая — одного из самых активных в то время деятелей декабризма, стоявшего у истоков Северного общества и тесно связанного с Н. М. Муравьевым. Н. И. Тургенев и сам находился в переписке с П. А. Вяземским и, кроме того, встречался с ним в 1819 и 1820 гг. во время приездов последнего в Петербург (см. третью главу). Факт знакомства Н. М. Муравьева с основными положениями «Уставной грамоты Российской империи» 1820 г. привел Г. В. Вернадского к выводу, что она оказала решающее влияние на формирование конституционных воззрений декабриста⁴⁴. Это мнение было решительно опровергнуто Н. М. Дружининым, показавшим принципиальное отличие конституции Муравьева от варшавского проекта⁴⁵.

Положения конституции Н. М. Муравьева и «Русской Правды» П. И. Пестеля детально изучены и по достоинству оценены в советской историографии⁴⁶. Необходимо, однако, напомнить здесь основные положения этих двух вершинных программных произведений дворянского этапа русского освободительного движения. Без этого нельзя понять, насколько глубже и яснее, чем верховная власть, понимали революционеры-декабристы неотложность коренных преобразований и насколько радикальнее и жизненнее были их проекты⁴⁷.

Глубочайшим отличием декабристских проектов от программы правительства является органическое соединение двух коренных вопросов — социальное и политическое освобождение понималось дворянскими революционерами как неразрывное целое. «Крепостное право и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным», — гласил § 16 конституции Н. М. Муравьева. Правда, помещичье землевладение сохранялось. Владельцы имений были обязаны только предоставить освобождаемым крестьянам приусадебную землю «под огороды» и по 2 дес. пахотной земли на двор⁴⁸.

Решительный удар наносила конституция и абсолютистскому строю. «Опыт всех народов, — писал Муравьев, — доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ <...>. Нельзя допустить основанием правительства произвол одного человека, невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой». По конституции Н. М. Муравьева, Россия превращалась в конституционную монархию, где исполнительная власть принадлежала императору, а законодательная передавалась двухпалатному парламенту — Народному вечу. Источником всей государственной жизни конституция торжественно провозглашала народ: «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит

исключительное право делать основные постановления для самого себя». Император, согласно конституции, был всего лишь «верховным чиновником Российского государства». Правда, он получал огромное жалованье (8 млн руб. в год) и мог на него содержать придворный штат. Характерно, что придворные лишались избирательных прав и, таким образом, решительно отстранялись от влияния на политические дела. Единственным значительным преимуществом императора было право отсрочить введение в действие нового закона, возвратив законопроект в Народное вече для вторичного рассмотрения.

Законодательная власть полностью принадлежала выборному Народному вечу. Оно должно было состоять из двух палат — верхней (Верховной думы) и нижней (Палаты народных представителей). Поскольку Россия, по мысли Муравьева, должна была стать федерацией самостоятельных «держав», то в каждой «державе» также устанавливалась двухпалатная система. Верхняя палата законодательного собрания называлась в «державе» Державной думой, нижняя — Палатой выборных. «Державы» делились на уезды. Вся администрация уезда была выборной. Для участия в выборах конституция устанавливала высокий имущественный ценз. Хотя гражданином признавался любой житель страны, но избирательные права получали только лица, обладающие движимым имуществом на сумму не менее 500 руб. серебром. Еще более высоким был имущественный ценз для выборных должностей. Так, областным судьей мог быть избран только гражданин, имеющий имущество не менее чем на 15 тыс. серебром, а членом Верховной думы — даже на 60 тыс. руб. серебром.

Конституция провозглашала ряд основных буржуазных свобод: слова, передвижения, занятий, вероисповедания. Она уничтожала наиболее ненавистные феодально-абсолютистские учреждения. Ее § 30 гласил, например: «Военные поселения немедленно уничтожаются». Конституция отменяла табель о рангах, ликвидировала удельные земли, которые конфисковались и передавались крестьянам.

Осуществление этих программных положений конституции Муравьев представлял себе как результат революционного изменения существующего строя.

Таким образом, конституция Н. М. Муравьева несла в себе революционную ликвидацию самодержавия и крепостного права. Она отменяла все феодальные сословия, означала крутую и решительную ломку всего феодально-крепостнического аппарата управления. Реализация основных положений конституции открывала широкую дорогу буржуазному развитию страны.

Еще более радикальный и последовательно буржуазный характер носила «Русская правда» П. И. Пестеля. Крепостное право немедленно уничтожалось — освобождение крепостных крестьян объявлялось «священнейшей и непеременимой» обязанностью временного правительства, и все граждане уравнивались в

правах. Пестель заявлял, что крепостное право есть «дело постыдное, противное человечеству», «рабство должно быть решительно уничтожено и дворянство должно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»⁴⁹. Дворяне, противящиеся освобождению крестьян, названы в «Русской Правде» «извергами», и положено «таковых злодеев безызытно немедленно брать под стражу и подвергать строжайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского».

Освобождение крестьян без земли Пестель считал совершенно неприемлемым и, как известно, предполагал решить земельный вопрос путем сочетания принципов общественной и личной собственности. Вся земля в каждой волости делилась на две части, первая находилась в общественной собственности, вторая — в частном владении. Общественная половина, землю из которой нельзя было ни продавать, ни дарить, ни закладывать, по мысли Пестеля, должна была удовлетворять основную потребность населения в питании, а остальная земля — быть источником «изобилия». Каждый гражданин имел право получить надел из общественной половины. «Где бы он ни странствовал, где бы счастья ни искал, но все же иметь в виду будет, что ежели успехи и старания изменят, то в волости своей, в сем политическом своем семействе, всегда пристанище и хлеб насущный найти может». Все земли из частновладельческой половины становились предметом купли-продажи. Здесь находились как казенные земли, так и частные имения. Таким образом, по «Русской Правде» предусматривалось сохранение помещичьего землевладения, хотя крупнейшие латифундии предполагалось конфисковать.

Самым решительным образом, согласно «Русской Правде», уничтожалось самодержавное государственное устройство, которое Пестель называл «разъяренным зловластием». В «Русской Правде» запрещалось даже вспоминать о крепостническом и самодержавном прошлом России. Хотя шестая глава «Русской Правды», где должна была идти речь о верховной власти, в окончательном варианте, по свидетельству самого Пестеля, написана не была, но предшествующие документы, в частности «Государственный завет», и показания самого Пестеля на следствии позволяют достаточно полно восстановить ее содержание. Прежде всего надо отметить республиканский характер «Русской Правды». Знамениты слова Пестеля: «Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства». Эти слова не оставляют сомнения в том, что Пестель был сторонником идеи верховной власти народа.

Россия, по его словам, должна была стать республикой с однопалатным парламентом, который в «Русской Правде» назван Народным вечем. Исполнительная власть вверялась пяти лицам, избираемым Народным вечем сроком на пять лет. Этот испол-

нительный орган получил в «Русской Правде» название Державной думы. Каждые пять лет один член Державной думы переизбирался. Во главе России должен был стоять президент, которым автоматически становился тот член Державной думы, который находился в ее составе последний, пятый год. Пестель отвергал принцип федеративного устройства, и по его мысли Россия становилась единой и неделимой. Политическими правами наделялись все граждане страны «без всякого изъятия». Не предполагались ни имущественный ценз, ни оседлость, ни образование. Избирать и быть избранным мог быть каждый, достигший 18 лет. Несомненно, что проект Пестеля, утвержденный в качестве программного документа Южного общества, был «самым решительным, радикальным из конституционных проектов, созданных революционерами-дворянами»⁵⁰.

Восстание 14 декабря на Сенатской площади, его поражение стали последними аккордами безуспешных попыток повернуть ход российской истории.

-
- ¹ *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 359.
- ² *Тургенев Н.* Россия и русские. М., 1915. Т. 1. С. 116.
- ³ *Манфред А. З.* Общественно-политические идеи в 1815 г. // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 57.
- ⁴ *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1885. Т. 7. С. 318.
- ⁵ *Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 11–12.
- ⁶ История Ленинградского университета: Очерки. Л., 1969. С. 16.
- ⁷ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 296.
- ⁸ *Загоскин Н. П.* История императорского Казанского университета. Казань, 1904. Т. 3. С. 347, 349.
- ⁹ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 26.
- ¹⁰ *Брадке Е.* Автобиографические записки // Русский архив. 1875. № 1. С. 51–52.
- ¹¹ ПСЗ-I. Т. 33. № 26389, 26390. С. 974–975.
- ¹² Отчет по военным поселениям за 1825 год. СПб., 1826. С. 4.
- ¹³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт ист. исслед. СПб., 1912. Т. 2. С. 624.
- ¹⁴ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 28.
- ¹⁵ *Федоров В. А.* Солдатское движение в годы декабристов. М., 1963. С. 33.
- ¹⁶ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. Ч. 3. // Библиотека декабристов. Б. м., 1908. Кн. 1. С. 240.
- ¹⁷ *Вюртембергский Е.* Записки // Русский архив. 1878. № 3. С. 332.
- ¹⁸ *Маркос А. И.* Записки // Русский архив. 1893. № 8. С. 535.
- ¹⁹ *Федоров В. А.* Указ. соч. С. 28.
- ²⁰ *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 15.
- ²¹ *Федоров В. А.* Указ. соч. С. 64.
- ²² Там же. С. 61.
- ²³ *Трубецкой С. П.* Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1: Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. С. 221.
- ²⁴ Восстание декабристов. М., 1954. Т. 11. С. 38.
- ²⁵ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 26.
- ²⁶ *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 156.

- ²⁷ ГПБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского). Оп. 1. Д. 42. Л. 3 об.
- ²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 32.
- ²⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1979. Сер. 2. 1815–1830. Т. 3(14). Май 1819 – февраль 1821 г. С. 589–593.
- ³⁰ Мартенс Ф. Указ. соч. СПб., 1878. Т. 4, ч. 1. С. 289–292.
- ³¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 4. С. 470.
- ³² Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 259.
- ³³ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. Пг., 1919. С. 142, 146.
- ³⁴ Там же, С. 148.
- ³⁵ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 303.
- ³⁶ ЦГИА СССР. Ф. 732. Оп. 1. 1821 г. Д. 382. Л. 479 об. – 480.
- ³⁷ Зеерев В. М. Философия в России до и после «суда» над профессорами Петербургского университета (к проблеме общей закономерности духовной жизни русского общества первой трети XIX века) // Вестн. ЛГУ. 1969. № 5. Экономика. Философия. Право. Вып. 1.
- ³⁸ ПСЗ-I. Т. 38. № 28954. С. 99–101.
- ³⁹ Там же. Т. 30. № 23530. С. 871; № 24707. С. 803–806.
- ⁴⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 269.
- ⁴¹ Тургенев А. М. Из одного дневника // Русский архив. 1903. № 12. С. 623–624.
- ⁴² Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 79.
- ⁴³ Ланда С. С. Дух революционных преобразований...: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. М., 1975. С. 153.
- ⁴⁴ Вернадский Г. В. Скрытый источник конституции Н. М. Муравьева // Изв. Таврич. ун-та (Симферополь). 1919. Кн. 1. С. 140–141.
- ⁴⁵ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 241–243.
- ⁴⁶ См. прежде всего фундаментальные исследования М. В. Нечкиной «Восстание декабристов» и Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев».
- ⁴⁷ Работа Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля над конституцией и «Русской Правдой» не прекращалось вплоть до 1825 г. Поэтому здесь, не касаясь творческой истории этих работ, мы приводим положения их последних редакций.
- ⁴⁸ Конституция Н. М. Муравьева цитируется по публикации Н. М. Дружинина (Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. С. 321–346).
- ⁴⁹ «Русская Правда» П. И. Пестеля цитируется по ее изданию в серии «Восстание декабристов» (Восстание декабристов. М., 1959. Т. 7).
- ⁵⁰ Нечкина М. В. Указ. соч. М., 1955. Т. 2. С. 86.

Заключение

В начале XIX в. Россия вступила в новый этап своей истории. Перед верховной властью и перед всем обществом реально встал вопрос о правомерности существования неограниченного самодержавия и крепостного права. И, что примечательно, встал не как отвлеченная проблема (об этом много рассуждали и раньше), а как насущная потребность русской жизни 1810—1820-х годов. Возникло сознание необходимости и неизбежности коренных преобразований.

Вначале грандиозные реформаторские замыслы М. М. Сперанского, а затем конкретные проекты русской конституции («Уставная грамота Российской империи», созданная под руководством Н. Н. Новосильцова) и освобождения крепостных крестьян (планы решения крестьянского вопроса, принадлежащие А. А. Аракчееву и Д. А. Гурьеву) доказали, насколько серьезно было озабочено этими проблемами правительство. Возникновение декабризма, создание конституции Н. М. Муравьева и «Русской Правды» П. И. Пестеля и само восстание 14 декабря 1825 г. явились неопровержимым свидетельством того, что те же проблемы еще в большей степени захватили общество. Что это, как не объективное проявление кризиса (пусть его начала, зарождения) той системы, которая складывалась веками и существование которой еще недавно казалось незыблемым?

Естественно, что самодержавие и передовая часть общества пытались идти к переменам разными путями. Правительство — единственно допускаемым им путем реформ, общество — сперва давлением на правительство, поддержкой, подталкиванием его реформаторских устремлений, потом революционной борьбой. Ни та, ни другая попытка, как мы хорошо знаем, не увенчалась успехом. Победа осталась пока за отживающим строем.

Отказавшись от реформ, Александр I стал искать выход в укреплении основ существующей системы, и с 1822—1823 гг. правительство перешло к откровенной реакции. Но, конечно, кризис не разрешился и не мог быть разрешен этим, он только был загнан внутрь, чтобы через несколько десятилетий проявиться с новой силой.

Что же стало на пути столь необходимых стране преобразований, что помешало осуществиться той альтернативе, реальность которой подтверждает, надеемся, проведенное исследование? Почему в России уже в начале XIX в. не было отменено крепостное право и законодательно ограничен или вовсе уничтожен самодержавный произвол? Попробуем в этом разобраться.

Бросается в глаза, что в борьбу за преобразования был включен очень узкий общественный слой. Движение имело явно верхушечный характер. По справедливому замечанию В. И. Ленина, протестовало «ничтожное меньшинство дворян»¹. Состав тайных обществ декабристов при самом расширительном толковании понятия «декабрист» за все 10 лет их существования исчисляется лишь несколькими сотнями участников². Конечно, и за пределами тайных обществ были люди, сочувствовавшие реформам, но их было немного. Среди же правящей элиты к коренным реформам стремилась совсем ничтожная по численности группа высших бюрократов, правда, возглавляемая царем.

В стране создалось парадоксальное, трудно постигаемое положение: сторонники перемен таились друг от друга. Правительство, намекая на их возможность, держало в тайне все свои практические шаги в этом направлении. Передовое дворянство, видя в реальной жизни лишь продолжение прежней политики, вынуждено было создавать тайные общества, временами стремясь к поддержке реформаторских устремлений правительства (что нашло выражение в первой части «Зеленой книги» — уставе Союза благоденствия), но на наступление реакции ответило восстанием. Кстати сказать, в свете этой парадоксальной ситуации становятся вполне понятными слова Александра I, сказанные им И. В. Васильчикову, когда тот сообщил ему достоверные известия о существовании тайных обществ: «Не мне быть жестоким» — слова, часто трактуемые лишь как свидетельство сознания царем ответственности за заговор 1801 г.³

Как же совместить объективную слабость сил, выступавших за буржуазные преобразования, с распространенным в нашей историографии представлением, что начавшееся в последней трети XVIII в. разложение феодально-крепостнической системы к 30—40-м годам XIX в. переросло в ее кризис? Если традиционные представления верны, то как объяснить, что даже накануне реформы 1861 г. большинство дворян совершенно не сочувствовало ее идее? Может быть, наши представления о существе этого кризиса, его составных частях нуждаются в пересмотре?

Н. М. Дружинин писал, характеризуя помещичьи настроения 1830—1840-х годов: «Передовые помещики, понимавшие необходимость отмены крепостного права, составляли сравнительно небольшую группу; подавляющее большинство дворян состояло из убежденных крепостников, которые привыкли к использованию дарового труда, тратили больше, чем получали, и старались поправить пошатнувшееся состояние денежными ссудами под залог своих крепостных душ»⁴. С совершенной очевидностью

подобная позиция проявилась при создании и в ходе деятельности губернских комитетов — выборных дворянских органов, которые должны были обсудить условия крестьянской реформы.

П. А. Зайончковский так характеризовал тогдашние настроения: «В течение 1858 г. во всех губерниях по „ходатайствам“ местного дворянства были открыты губернские комитеты. Однако эти „ходатайства“ отнюдь не означали положительного отношения большинства дворянства не только к отмене, но даже и к смягчению крепостного права». А в подтверждение своих мыслей он приводил мнение шефа жандармов В. А. Долгорукова, писавшего в своем отчете за 1858 г.: «Первые высочайшие рескрипты <...> произвели грустное и тревожное впечатление. Хотя, по предварительным слухам, все этого распоряжения ожидали, но, выраженное официально, оно озаботило тех, которые прежде одобряли означенную меру. Большая часть помещиков смотрит на это дело как на несправедливое, по их мнению, отнятие у них собственности и как на будущее разорение. При таком взгляде не общее желание, как выражалось в адресах, но только настояние местного начальства и содействие немногих избранных помещиков побудили дворян литовских, а за ними с.-петербургских и нижегородских просить об учреждении губернских комитетов»⁵.

Тут обнаруживается противоречие между реальным положением и его трактовкой в исторических исследованиях. С одной стороны, кризис феодально-крепостнической системы, с другой — открытое нежелание помещиков освобождать крепостных, слабость развития капитализма в промышленности и особенно в деревне. Такое положение можно объяснить только тем, что в нашей исторической науке при изучении этого кризиса социально-экономические процессы часто отрываются от политической истории. Здесь широкий простор для новых исследований, которые смогут прояснить ситуацию и ответить на многие вопросы.

Теперь же коснемся только одной стороны проблемы. Чем больше вдумываешься в историю падения крепостного права в России, чем больше анализируешь события предреформенных десятилетий, тем яснее представляются принципиальные отличия пути капиталистического развития, пройденного большинством европейских стран, от того, что происходило в России в до-реформенный период.

Классическая схема победы и утверждения капитализма на Западе известна: сперва зарождение в недрах феодального строя капиталистических отношений, их постепенное и медленное развитие. Затем с течением времени доля вольнонаемного труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве все увеличивалась, мощно заявляло о себе третье сословие, требуя признания своих политических прав, формировались новые классы общества. Капиталистическому укладу было уже тесно в старых, феодальных рамках, они явно сковывали развитие производства, мешали двигаться вперед. Уже не отдельные хозяева, а значи-

тельные группы населения вели хозяйство по-новому. В сломе старых взаимоотношений стали заинтересованы широкие слои населения. Росло и укреплялось убеждение, что существующая политическая система не дает простора для движения вперед. Назревал, а затем и совершался социальный переворот, который был призван утвердить победу капитализма и расчистить путь для его дальнейшего развития.

Ничего подобного в России не было вплоть до реформы 1861 г. В сельском хозяйстве первой половины XIX в. мы не найдем хоть сколько-нибудь значительного количества помещиков, обрабатывающих землю вольнонаемным трудом. Чрезвычайно мало и крестьян, ведущих хозяйство по-капиталистически. Это можно объяснить и тем, что развитие капитализма сдерживалось самим существованием крепостного права. Конечно, это так. Но ведь правда и то, что помещики, получив по указу 1803 г. право освобождать крестьян с землей, вовсе не бросились переделывать свои хозяйства на капиталистический лад. Не это ли лучшее доказательство все еще сохранявшейся жизнеспособности крепостнического хозяйства, отсутствия сколько-нибудь определенно выраженных потребностей в использовании свободной рабочей силы? Ведь там, где условия в какой-то степени созрели, например в Прибалтике, помещики сами выступили инициаторами уничтожения личного крепостного права и крестьяне были освобождены (плохо, непоследовательно) самодержавием.

Означает ли это, что крепостничество не было тормозом развития страны? Отнюдь нет. Крепостное право уродовало ее, мешало интенсивному развитию производительных сил, превращало в бессловесных рабов ее жителей. Но все-таки возьмем на себя смелость утверждать, что если бы не особая политическая ситуация 1850-х годов, то крепостное право могло бы просуществовать еще несколько десятилетий⁶.

Одним словом, главной причиной, не позволившей освободить крестьян и попытаться изменить политический строй уже в начале XIX в., оказалось сопротивление подавляющей части дворянства. Александр I, попробовавший встать на путь реформ, вынужден был под напором мощной косной силы повернуть вспять. Да и в поражении декабристов отсутствие поддержки собственного класса сыграло решающую роль. На Сенатской площади, говорил А. И. Герцен, декабристам не хватало народа⁷. Это верно, но опереться на народ, превратить восстание в демократическую революцию они не были способны в силу самой сути своей революционности («страшно далеки они от народа»⁸). А вот более широкой поддержки дворянства им как раз и не хватило. Впрочем, если бы такая поддержка была, вероятно, и не нужно было бы выходить на площадь.

Чем же объяснить тогда, что самодержавию в 1861 г. удалось сделать то, что оказалось невозможным для него в 1820-х годах? Ведь и в середине XIX в. основная масса дворян была против реформ. Прежде всего несколько десятилетий развития —

это немалый срок. За это время набрали силу многие невидимые невооруженному глазу подспудные процессы. Но главное, на рубеже 1850—1860-х годов самодержавие силой обстоятельств вынуждено было пойти на насилие над своей собственной опорой.

В начале века Александр I не мог даже представить себе ничего подобного. Самодержавный монарх, располагавший неограниченной властью, решительно исключал самую мысль о возможности давления на дворянство, настаивал, чтобы в основание любого проекта отмены крепостного права был положен принцип добровольности. И, признав невозможность его соблюдения, верховная власть отказалась от реформ вообще. Но тогда политическая ситуация еще не побуждала ее к решительным действиям. Международный престиж России после победы над Наполеоном был велик, и успехи русских войск убеждали в достаточной еще устойчивости строя.

Совсем по-иному обстояло дело в конце 1850-х годов. Поражение в Крымской войне 1853—1855 гг. поставило Россию на грань катастрофы. Невозможность справиться со сравнительно небольшим экспедиционным корпусом, высаженным союзниками в Крыму, наглядно продемонстрировала, что крепостная Россия не может соперничать с передовым буржуазным строем. Международный авторитет страны был основательно подорван унижительным Парижским миром. Не последнюю роль в решении правительства покончить с крепостным правом сыграло нарастание крестьянского движения. Иного выхода из создавшегося положения просто не было. Освобождение крестьян стало неизбежным.

Конечно, за 30—40 лет изменилось и соотношение общественных сил. Число сторонников реформ в среде дворянства заметно выросло. Если при Александре I в правительстве было лишь несколько либералов, то при Александре II возник целый слой либеральной бюрократии. Резко возросли и другие общественные силы, что, кстати сказать, показала деятельность тех же губернских комитетов. В большинстве из них сформировалась либеральная оппозиция, а некоторые, например тверской комитет, и вовсе оказались в руках либералов. В условиях, когда верховная власть вынуждена была все-таки решиться на отмену крепостного права, лучшие представители дворянства, которые раньше стали бы декабристами, пошли на союз с ней. И самодержавие принуждено было сделать шаг навстречу. Шаг, означавший признание неизбежности ограничения его всевластия. Общество оказалось допущенным к обсуждению одной из самых насущных проблем русской действительности. И не только к обсуждению: самодержавие допустило дворянство и к выработке основных положений реформы. Существующая государственная система была для этого совершенно не приспособлена. Поэтому верховной власти пришлось создавать новые специальные органы — вначале губернские комитеты, а затем Редакционные комиссии⁹.

Но точно так же обстояло дело с государственной системой в первой четверти XIX в. Общий ее обзор, анализ ее функционирования, которым посвящена первая глава книги, показали полную органическую непригодность этой громоздкой феодально-бюрократической машины к каким-либо капитальным преобразованиям страны. В ней просто не было органа, способного их разработать и ввести в жизнь. Поэтому Александр I, так же как и Александр II, исключал для себя возможность использовать ее как орудие своих реформаторских планов. Замышляя их, он просто миновал имевшиеся в стране государственные органы. С другой стороны, он не допускал и мысли о возможности привлечения к подготовке реформ каких бы то ни было общественных сил. Поэтому его замыслы, как правило, оставались лишь тайнами плотно закрытых кабинетов немногих доверенных лиц. В этом тоже одна из причин их неудачи.

В тех редких случаях, когда самодержец позволял себе приоткрыть завесу над своими планами — будь то публичное заявление о конституционных перспективах или осуждение крепостного права, высказанное в узком кругу, — все это встречало резкий отпор. Отпор этот усиливался во сто крат при каждой попытке предложить высшему государственному органу для обсуждения даже самую частную меру, связанную с крестьянским вопросом. Высшая бюрократия моментально улавливала опасность малейших перемен и стеной становилась на их пути. И могло ли быть иначе? Предпринятый нами опыт создания социального портрета той части высшей бюрократии, в руках которой находилось решение любого важного вопроса политической и социально-экономической жизни России, — узкого слоя правящей элиты — показал, что она в значительной части состояла из средних и крупных помещиков. А они-то вовсе не были заинтересованы в освобождении крестьян.

И все-таки альтернатива в 1820-х годах существовала. Вправе ли мы снять историческую ответственность с самодержавия, сознававшего насущную необходимость реформ, их значение для будущего страны и пожертвовавшего этим будущим? Неужели нужна национальная катастрофа, чтобы деспотический режим мог от сознания перейти к действиям? Не в этом ли одно из наиболее наглядных проявлений исторической обреченности самодержавия?

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 398.

² По данным, содержащимся в издании «Декабристы. Биографический справочник» (М., 1988), число членов Союза спасения, Союза благоденствия, Северного и Южного обществ, Общества соединенных славян, Общества военных друзей, а также тех, кто только участвовал в восстании 14 декабря и восстании Черниговского полка, не превышает 350 человек. К следствию же по делу декабристов, включая тех, кто был арестован по ошибке, был оправдан и т. п., было привлечено 579 человек.

³ Бумаги кн. И. В. Васильчикова // Русский архив. 1875. № 3. С. 345–346.

Александр не расправился с декабристами, как это сделал впоследствии его брат, но и не пошел на союз с ними. Повернув к реакции, он просто постепенно удалил всех известных ему членов Союза благоденствия с занимаемых ими постов и отправил их в отставку. См.: *Чернов С. Н.* Из истории борьбы за армию в начале 20-х годов XIX в. // *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 179–260.

- ⁴ *Дружинин Н. М.* Кризис феодально-крепостнического строя // История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 4: Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. С. 243.
- ⁵ *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 87.
- ⁶ Подобную мысль высказывал еще П. Б. Струве. См.: Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. СПб., 1913. С. 138–158.
- ⁷ «В день восстания на Исаакиевской площади и внутри второй армии заговорщикам не хватало именно *народа*» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 144).
- ⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.
- ⁹ *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984. С. 235.

Указатель имен

- Александр I 3, 7, 9—12, 16—23, 25—29, 32—37, 40—42, 49, 59, 61, 63—93, 95—102, 104—110, 112—119, 122—124, 126—129, 131—139, 141, 143, 144, 147—150, 153—168, 170, 172—174, 178—184, 189, 192, 198, 200, 201, 203—213, 215—217, 219—222, 229, 230, 232—235
Александр II 4, 93—95, 107, 233, 234
Александра Федоровна имп. 20, 27, 117, 144
Аракчеев А. А. 7, 10, 25, 36, 39—42, 65, 99, 100—104, 113, 124, 141, 212—215, 221, 222, 229
Арсеньев К. П. 218
Аскенази Ш. 150, 158, 202, 203, 206
Багалай Д. И. 145
Баграт-ион К. А. 47
Балашев А. Д. 11, 12, 18, 26, 147, 178—180, 193, 200—202, 205, 217
Балугьянский М. А. 41, 107—112, 144, 218
Бартенев П. П. 10, 25
Беарде Делабей 75
Беклешов А. А. 70
Бенкендорф А. X. 8
Бернсторф X.-Г. 161, 170
Бестужев А. А. 45, 60, 62
Бирон Э.-И. 222
Блинов И. А. 50, 60
Богданович М. П. 21, 27, 81, 82, 142, 155, 202—204
Брадке Е. Ф. 227
Булгарин Ф. В. 45
Бушканец Е. Г. 143
Валк С. Н. 29
Васильчиков П. В. 17, 81—83, 123, 134—136, 230, 234
Вернадский Г. В. 174, 179, 202, 204, 205, 221, 228
Вешняков В. И. 70
Вигель Ф. Ф. 49, 60, 218, 228
Вильгельм, принц Прусский 214
Витгенштейн П. X. 38, 217
Витт И. О. 9
Волконский П. М. 98, 178
Волконский С. Г. 78, 128, 161, 203
Воронцов М. С. 17, 20, 107, 125—127, 132—135, 137
Воронцов С. Р. 126, 160
Воронцов-Дашков И. И. 134, 146
Вюртембергский герцог Александр 118
Вюртембергский принц Евгений 213, 227
Вяземский Н. Г. 21, 98, 99, 132, 133
Вяземский П. А. 16—18, 20, 26, 27, 61, 116, 123, 125, 132, 134—137, 146, 161—174, 181—184, 195, 199, 204—206, 224
Герцен А. И. 18, 127, 145, 232, 235
Глинка С. Н. 120
Голяков В. М. 38, 59
Голицын А. Н. 50, 76, 121, 210, 211, 218, 219
Гордин Я. А. 143
Греч Н. И. 120
Грибовский М. К. 221
Грибоедов А. С. 123
Гродецкий А. 9
Гросул В. Я. 204
Гросул Я. С. 204
Гурьев А. Д. 106—108
Гурьев Д. А. 38, 41, 106—110, 112—114, 117, 124, 229
Дангелърг гр. 202
Даневский П. Н. 35, 59
Деманж 218
Дибич И. И. 12, 18, 39, 41, 178
Дмитриев И. И. 44, 60, 161, 162, 165, 203, 204
Долгоруков В. А. 231
Дружинин Н. М. 6, 22, 23, 25, 27, 35, 59, 106, 107, 141, 216, 224, 227, 228, 230, 235
Дружинин Я. А. 107, 109, 110
Дубровин Н. Ф. 11, 22, 60, 80, 146
Екатерина II 72, 75, 180, 181, 220, 221
Ермолов А. П. 159, 179
Ерошкин Н. П. 23, 24, 26, 27, 40, 49, 60
Жданов, помещик 139
Завалишин Д. И. 131
Загоскин Н. П. 227
Зайончек Ю. 155
Зайончковский П. А. 6, 14, 24—26, 37, 47, 59, 60, 231, 235
Закревский А. А. 159, 179
Занд К. 210
Захарова Л. Г. 235
Зверев В. М. 228
Игнатович И. И. 141
Извольский, надворный советник 25
Искюль бар. 26
Кампенгаузен Б. В. 140
Канкрин Е. Ф. 36, 38, 47, 50, 114
Каподистрия И. 18, 155, 156, 158
Каразин В. Н. 17, 20, 99, 127—131, 136, 137, 145
Карамзин Н. М. 20, 21, 27, 45, 60, 129, 136, 161, 162, 165, 169, 181, 183, 203—205, 210, 227
Каслри Р.-С. 148, 149
Кизеветтер А. А. 22
Киселев И. Н. 26
Киселев П. Д. 27, 144, 159
Ключевский В. О. 22, 27
Козодавлев О. П. 124

- Колюпанов Н. П. 145
 Комаровский Е. Ф. 132
 Констан В. 177
 Константин Павлович, цесаревич 20, 106, 116, 117, 144, 156, 164, 203, 217
 Коркунов Н. М. 59
 Корнилов А. А. 22
 Корф М. А. 10, 59, 92
 Косачевская Е. М. 144
 Косинский А. 119
 Копебу А.-Ф. 210
 Кочубей В. П. 16, 50, 67, 128, 129, 131, 135, 138—140, 143—146
 Кочубей С. М. 12, 79, 80, 96—99, 101
 Кривцов Н. И. 51
 Кривцов С. И. 51
 Кристин Ф. 115, 144
 Крюков, автор проекта уничтожения крепостного права 25
 Кульман Н. К. 20, 22, 27, 125, 134, 142, 145, 146, 206
 Куницын А. П. 121, 145
 Куракин А. Б. 147
 Кутайсов П. И. 47

 Лавров, генерал 211
 Лагарп Ф. 61, 64—66, 68, 69, 102, 147
 Ламсдорф М. И. 39
 Ланда С. С. 161, 203, 204, 223, 228
 Ланской В. С. 50, 140
 Лебцельтерн Л. 177, 178
 Левашов В. В. 85, 89, 90, 135, 143
 Ленин В. И. 230, 234, 235
 Линковский А. 150
 Литта Ю. П. 140
 Лобанов-Ростовский Д. И. 50, 139, 140
 Лопухин И. В. 43
 Лопухин П. В. 37, 41, 85, 139
 Лопухин П. П. 85, 87—90, 95, 143
 Лотман Ю. М. 164, 204, 205
 Лубяновский Ф. П. 81—83
 Лунин М. С. 124

 Маврин С. Ф. 44
 Магницкий М. Л. 210, 211, 218, 219
 Майборода А. И. 109
 Максимов Ф. 220
 Малиновский А. Ф. 11
 Манфред А. З. 227
 Мария Федоровна имп. 11, 115, 213
 Маркс К. 228
 Мартенс Ф. 227, 228
 Мартос А. И. 227
 Меншиков А. Д. 126
 Меншиков А. С. 17, 20, 108, 126, 132, 134, 136, 137
 Меттерних К.-В. 177
 Милорадович М. А. 38, 41, 139
 Миннаева Н. В. 24, 25, 186, 204, 206
 Михаил Павлович вел. кн. 37
 Михайловский-Данилевский А. И. 11, 18, 26, 80, 81, 144, 158, 178
 Моллер А. В. 41, 50
 Мордвинов Н. С. 16, 39, 72, 140
 Муравьев, новгородский гражд. губернатор 212
 Муравьев А. Н. 85, 86, 91, 92, 98, 123, 133, 143
 Муравьев Н. М. 87—91, 95, 143, 223—225, 228, 229
 Муравьев Н. Н. 43
 Муравьев-Апостол М. И. 91, 92
 Муравьев-Апостол С. И. 88, 92

 Назимов В. И. 93
 Наполеон I Бонапарт 5, 21, 62, 63, 64, 76, 116, 119, 148, 171, 209, 233
 Нелидов Г. В. 51
 Нессельроде К. В. 39, 50
 Нечкина М. В. 22, 27, 123, 142, 145, 222, 228

 Николай I 9, 11, 17, 20, 50, 88, 89, 92, 94, 106, 109, 116, 117, 131, 143, 208, 214
 Николай Михайлович вел. кн. 21, 26, 67, 141, 222, 227, 228
 Никольский Г. В. 211
 Новосильцов Н. Н. 9, 16, 17, 67, 69, 71, 72, 80, 96, 97, 101, 106, 116, 117, 143, 150, 156, 162, 164—166, 168—173, 178, 181—183, 195, 197, 221, 224, 229

 Огинский М. 18, 27, 153, 154, 158, 202
 Остен-Сакен Ф. В. 38, 217
 Островский А.-Я. 150
 Охманский Ю. 144

 Павел I 28, 39, 66, 116, 138, 208
 Панин В. Н. 107
 Панин Н. П. 189
 Парусов А. И. 204
 Паскевич И. Ф. 9
 Пауллучи Ф. О. 115
 Пашков В. А. 135
 Пашкова Е. А. 135
 Переславский И. 119
 Перц Г. 202
 Пестель И. Б. 140
 Пестель П. И. 90, 91, 223—229
 Петр I 38, 42, 126, 139, 158
 Пешар-Дешан П. И. 170, 172, 174, 181, 195
 Пинтиер В. 55, 60
 Плисов М. Г. 218
 Пляттер Л. 150
 Поджио А. В. 215
 Полиевктов М. И. 59
 Полторацкий Д. М. 81
 Попов В. С. 74, 75
 Потемкин Г. А. 169, 222
 Потоцкий С. С. 131
 Прадт Д. де 171
 Предтеченский А. В. 6, 23—25, 27, 67, 70, 72, 82, 102, 106, 142, 144, 164, 185, 191, 192, 203—205, 208, 227
 Пржецлавский О. А. 46, 60
 Пресняков А. Е. 21, 27
 Протасов А. 220
 Протасов П. 220
 Пушкин А. С. 28, 61, 123, 145, 147
 Пущин И. И. 104, 105
 Пыпин А. Н. 22, 27

 Равдин Б. Н. 142
 Радищев А. Н. 127
 Растопчин Ф. В. 160, 161
 Раупах Э.-Б.-С. 218
 Рахматуллин М. А. 25
 Репнин-Волконский Н. Г. 12, 21, 78, 79, 80, 96—99, 121, 138, 144
 Римский-Корсаков А. М. 51
 Рогинский А. Б. 142
 Родионов С. 220
 Ростовцев Я. И. 93, 94, 143
 Румянцев Н. П. 72
 Румянцев П. А. 72
 Румянцев С. П. 72, 73, 142
 Рунич Д. П. 35, 36, 59, 218
 Рылеев К. Ф. 44, 45, 60
 Рыльева Н. М. 44
 Рындзюнский П. Г. 6, 25

 Сантов В. И. 163, 206
 Салтыков, попечитель Казанского учебн. округа 210
 Салтыков Н. И. 41
 Самбурский, чиновник 101
 Сафонов М. М. 59, 141
 Семеновский В. И. 22, 27, 70, 82, 103, 106, 114, 144, 197, 205, 206
 Середонин С. М. 22, 27, 34, 59, 60
 Слосарский А. Г. 145
 Смит А. 72
 Смит Ф. 202

- Соболевский И. 150
 Соколов И. А. 47
 Сперанский М. М. 4, 8, 27—30, 32—34, 37—40, 42, 58—60, 74, 109, 113, 114, 147, 160, 161, 163, 174, 175, 193, 198, 200, 207, 211, 216, 217, 221, 229
 Сталь Ж. де 209
 Столыпин А. А. 113, 114, 160
 Строганов П. А. 67, 68, 71, 171
 Строгановы, семья 171
 Стройновский В. 74
 Струве П. Б. 235
 Сумароков П. 51, 60
 Сухомлинов М. И. 141, 228
 Сухтелен П. П. 79, 142

 Татищев А. И. 50
 Тихой Н. 145
 Траверсе И. И. де 50
 Троицкий С. М. 14, 24, 26
 Трубецкой С. П. 19, 27, 76, 78, 85—91, 95, 98, 122, 123, 142, 143, 145, 215, 227
 Тургенев А. И. 20, 125, 127, 136, 137, 146, 161—163, 165—170, 172, 173, 181, 182, 204—206
 Тургенев А. М. 222, 228
 Тургенев Н. И. 20, 27, 29, 77, 100, 123—127, 132—142, 144—146, 166, 182, 204, 206—208, 213, 224, 227
 Тургенев С. И. 77, 125, 132—135, 137, 146, 182, 199, 224
 Туркестанова В. И. 115, 116, 144

 Уваров С. С. 121, 161
 Урусов С. Н. 107

 Федоров В. А. 213, 214, 227
 Фонвизин И. А. 138

 Фонвизин М. А. 63, 85, 86, 92, 104, 105, 141
 Фридрих Август I, саксонский король 155
 Чаадаев П. Я. 123
 Чарторьский А. 66, 67, 71, 141, 149, 150, 171, 205, 221
 Чернов С. Н. 235
 Чичагов П. В. 38

 Шармуа Ф.-Б. 218
 Шебунин А. Н. 145, 146
 Шеллер, прусский посланник в России 177, 178, 206
 Шильдер Н. К. 10, 18, 19, 21, 25—27, 59, 64, 91, 92, 100, 141, 145, 203—205, 212, 227, 228
 Шишков А. С. 18, 19, 27, 50, 63—65, 74, 78, 140, 141
 Шиман Т. 12, 204, 206
 Шмидт, прусский консул в Варшаве 12, 164, 170, 172, 173, 178
 Штейн Г.-Ф.-К. 148, 149, 202
 Штерн А. 12, 205
 Шутихин, помещик 41
 Энгельс Ф. 217, 228

 Яковкина Н. И. 144
 Якушкин Е. И. 19, 91, 92, 95, 124
 Якушкин И. Д. 19, 61, 85—88, 91, 92, 124, 138, 141—143, 145, 214, 227
 Яценко Г. М. 120, 121

 D'Angeberg 202
 Pertz G. H. 202
 Oginski M. 202
 Schiemann T. 204
 Stern A. 205

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Самодержавная власть: структура, организация, исполнители	28
Глава 2. Самодержавие и крестьянский вопрос	61
Глава 3. Самодержавие и конституция	147
Глава 4. Крушение реформаторских замыслов. Правительственная реакция	207
Заключение	229
Указатель имен	236

Table of contents

Preface	3
Chapter 1. Absolute power: structure, arrangement, functionaries	28
Chapter 2. Absolute power and the peasant question	61
Chapter 3. Absolute power and the constitution...	147
Chapter 4. Failure of reformation projects. Government reaction	207
Conclusion	229
Index	236

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

МИРОНЕНКО

Сергей Владимирович

САМОДЕРЖАВИЕ И РЕФОРМЫ

*Политическая борьба в России
в начале XIX в.*

Редактор издательства

Е. Д. Евдокимова

Художник

В. Н. Тихунов

Художественный редактор

В. В. Алексеев

Технические редакторы

И. Н. Жмуркина, Т. С. Жарикова

Корректоры *Л. И. Николаева, Л. В. Щеголева*

ИБ № 39221

Сдано в набор 25.05.89

Подписано к печати 26.09.89

А-03988. Формат 60×90^{1/16}

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр. отт. 18,5

Уч.-изд. л. 19,1

Тираж 10 000 экз. Тип. зак. 3255

Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

